
ЛУИЗА
ПЕННИ
Королевство
слепых

Annotation

Роман «Королевство слепых» продолжает серию расследований старшего инспектора Армана Гамаша. Этот обаятельный персонаж создан пером Луизы Пенни, единственного в мире пятикратного лауреата премии Агаты Кристи.

Полгода назад Армана Гамаша временно отстранили от работы, его дальнейшая карьера под угрозой, но совесть инспектора чиста, и он наслаждается этой передышкой в кругу друзей и близких в деревне Три Сосны. Однако каникулы продолжаются недолго: инспектор получает письмо от нотариуса с приглашением прибыть по указанному адресу. Гамаш приезжает в заброшенный дом и выясняет, что назначен душеприказчиком в завещании незнакомой женщины, которая работала уборщицей и при этом называла себя баронессой. Сумасшедшая? Почему при взрослых наследниках она выбрала исполнителями своей последней воли троих незнакомых людей? Вскоре после оглашения завещания заброшенный дом рушится, и под обломками находят тело одного из наследников. «Мотив вполне основательный. Убийства совершаются и за двадцать долларов. А тут речь идет о миллионах». Значит, титул и баснословные деньги – вовсе не выдумка? Тем временем в нотариальном архиве найдено другое завещание, датированное 1885 годом, и вопросов становится еще больше…

Впервые на русском!

Луиза Пенни
Королевство слепых

Louise Penny
KINGDOM OF THE BLIND

Издательство АЗБУКА®

* * *

Луиза Пенни – канадская писательница, автор серии детективов об Армане Гармаше, старшем инспекторе отдела убийств полиции Квебека. Уже первое ее произведение, «Убийственно тихая жизнь», завоевало несколько престижных премий в области детективной литературы, в том числе премию «John Creasy New Bloody Dagger».

Каждый последующий ее роман мгновенно становился бестселлером. Пении – первый автор, пять раз получивший премию «Agatha Award».

* * *

Читать эту книгу – изысканное наслаждение.

Кейт Мосс

Один из самых интересных романов в жанре криминального детектива.

The Times

Эта история является идеальным напоминанием о темной стороне человеческой природы…

Kirkus Reviews

Гамаш – удивительно сложный и привлекательный герой, которому суждено стать одним из классических литературных детективов.

Kirkus Reviews

Криминальным романам Луизы Пенни присущи интеллектуальность и стиль.

Arrive Magazine

Вы не найдете деревню Три Сосны на карте… хотя Луиза Пенни сделала и саму деревню, и ее жителей столь реальными, что вам захочется непременно отыскать ее.

The Chicago Tribune

* * *

Посвящается Хоуп Деллон, моему редактору и другу.

Вот это да!

Глава первая

Машина еле ползла вперед и наконец остановилась на занесенной снегом проселочной дороге.

«Вот оно», – подумал Арман Гамаш и, тронувшись с места, проехал между двух высоких сосен и вырулил на полянку.

Там он притормозил и, сидя в теплом салоне, принялся разглядывать пейзаж. Стоял холодный день. Снежные пушинки падали на стекло и таяли. Теперь они летели чаще, немного мешая ему видеть то, на что он смотрел. Гамаш перевел взгляд на письмо, которое получил днем ранее: оно лежало на пассажирском сиденье.

Надев очки, Арман потер лицо и снова перечитал письмо. Оно представляло собой нечто вроде приглашения в это заброшенное место.

Гамаш выключил двигатель, но остался сидеть в машине.

Особой тревоги он не испытывал. Недоумение перевешивало беспокойство.

И все же происходящего хватало, чтобы включить тоненький тревожный сигнал. Нет, пока еще не сирену. Но старший суперинтендант уже был начеку.

Арман Гамаш не родился трусом, но по характеру вовсе не был чужд осторожности. А иначе ему было бы не выжить в высших эшелонах Sûreté du Québec[1]. Хотя уверенности в том, что он выжил, Гамаш отнюдь не испытывал.

Он полагался на свой рациональный ум и инстинкты.

А что они говорили ему теперь?

Они совершенно точно сигнализировали: «Ты попал в странную ситуацию». Но потом он с усмешкой подумал, что те же слова могли ему сказать его внуки.

Арман достал сотовый, набрал номер, приложил телефон к уху: один гудок, второй, потом ответ.

– Salut, ma belle[2]. Я приехал, – сказал он.

Между Арманом и его женой Рейн-Мари существовала договоренность: зимой, в снежный день, добравшись до места назначения, они непременно звонили друг другу.

– Как доехал? В Трех Соснах снег вроде бы усиливается.

– Здесь тоже. Добрался легко.

– И где ты? Что за место такое, Арман?

– Описать его довольно затруднительно.

И все же он попытался.

То, что видел Гамаш, когда-то служило жилищем. Потом стало домом. А теперь являло собой просто сооружение. Но и в таком качестве оно вряд ли сохранилось бы надолго.

– Это старый фермерский дом, – сказал он. – Но вид у него нежилой.

– Ты уверен, что приехал туда? Помнишь, ты как-то забирал меня из дома брата, но приехал не к тому брату? И утверждал, что я у него.

– Так то случилось сто лет назад, – усмехнулся он. – К тому же дома в Сент-Анжелик все одинаковы. Да и если уж по-честному, то и все твои сто пятьдесят семь братьев на одно лицо. К тому же он меня не любил, а я практически не сомневался: он хотел, чтобы я уехал и оставил тебя в покое.

– И ты можешь его винить? Ты приехал не в тот дом. Хорош детектив.

Арман рассмеялся. Их любовная история началась давным-давно. С тех пор члены ее семьи потеплели к нему: они увидели, как она любит его и (а для них это было важнее) как сильно он любит Рейн-Мари.

– Нет, я приехал туда, куда надо. Тут еще одна машина стоит.

Другой автомобиль был слегка присыпан снежком и простоял на своем месте, по прикидке Гамаша, около получаса. Не больше. Потом он перевел глаза на дом.

– В доме некоторое время уже никто не живет.

Чтобы прийти в такое состояние, нужно немалое время, отсутствие заботливого хозяина в течение многих лет.

Теперь дом представлял собой не более чем скопище материалов разного рода.

Ставни покосились, деревянные перила прогнили и покривились, встали под углом к наклонившейся лестнице. Одно из окон на втором этаже заколотили досками, и ему показалось, будто дом подмигивает ему, словно знает что-то такое, чего не знает Гамаш.

Он наклонил голову. Кажется, дом слегка скособочился? Или это его воображение преобразило дом в один из детских стишков его внука Оноре?

Жил на свете человек,
Скрюченные ножки,
И гулял он целый век
По скрюченной дорожке.
А за скрюченной рекой
В скрюченном домишке
Жили летом и зимой

Скрюченные мышки[3].

Перед ним был скрюченный дом. И Арман Гамаш подумал: уж не найдет ли он внутри скрюченного человека?

Попрощавшись с Рейн-Мари, он снова обвел взглядом другую машину во дворе, ее регистрационный номер с девизом Квебека на нем: *je me souviens*.

Я помню.

Когда он закрывал глаза (как сделал это и сейчас), на него наплывали незваные воспоминания. Живые и яркие, как и в то время, когда происходили события. И не только события того дня прошлым летом, когда косые лучи веселого солнечного света упали на его окровавленные ладони.

Он видел все дни. И все ночи. И всю кровь. Свою и других людей. Людей, чьи жизни он спас. И тех, чьи забрал.

Но чтобы не сойти с ума, сохранить человечность, самообладание, ему требовались и радостные воспоминания.

Встреча с Рейн-Мари. Рождение сына и дочери. А теперь и внуков.

Их переезд в Три Сосны, деревню, ставшую для них местом отдохновения.

Отец его доброго друга, пораженный старческой деменцией, умер недавно. Последний год жизни он не узнавал семью и друзей. Оставаясь добрым со всеми, при виде некоторых он сиял. Это были те, кого он любил. Больной знал их инстинктивно и держал в безопасном месте – не в своей ущербной голове, а в сердце.

Оно помнит гораздо надежнее, чем голова. Вопрос только в том, что же люди хранят в своем сердце.

Старший суперинтендант Гамаш знал немало людей, чьи сердца переполняла ненависть.

Он посмотрел на перекосившийся дом перед ним и подумал: какие воспоминания поглощают его?

Инстинктивно запомнив регистрационный номер машины, он оглядел двор.

Отметил большие сугробы, под которыми, как он догадался, ржавели машины. Разобранный грузовичок. Старый трактор, превратившийся в металлолом. И что-то похожее на танк, но, вероятно, являющееся емкостью для масла, а не боевой машиной.

Он надеялся.

Гамаш надел вязаную шапочку и уже собирался натянуть перчатки, но

задумался и снова взял письмо. Короткое. Несколько немногословных предложений.

Ничуть не угрожающие, они звучали чуть ли не комично, и над ними можно было посмеяться, если бы их не написал мертвец.

Эти строки, нанесенные на бумагу нотариусом, просили, чуть ли не требовали, чтобы Гамаш приехал на эту отдаленную ферму в десять часов утра. Ровно. Пожалуйста. Не опаздывайте. Merci.

Он отыскал этого нотариуса в Chambre des Notaires du Québec[4].

Мэтр Лоренс Мерсье.

Умер от рака шесть месяцев назад.

Гамаш держал перед глазами письмо от мертвого Мерсье.

Ни электронного, ни какого-либо другого адреса не прилагалось. Имелся, правда, телефонный номер, но на звонки Армана никто не ответил.

У него возникло искушение проверить мэтра по базе данных полиции, но он решил не делать этого. Нет, Гамаш вовсе не был нежелательным лицом в квебекском отделении. По крайней мере, не совсем уж нежелательным. Теперь, будучи временно отстраненным после событий прошлого лета, он чувствовал, что ему не следует просить услуг у коллег. Даже у Жана Ги Бовуара. Его заместителя. Его зятя.

Гамаш снова посмотрел на когда-то прочный дом и улыбнулся. Он чувствовал родство с этим сооружением.

Вещи иногда неожиданно разлетаются на части. И независимо от того, ценили их или нет.

Он сложил письмо, сунул его в нагрудный карман. Когда Арман начал выходить из машины, зазвонил его сотовый.

Гамаш посмотрел на номер. Всякие признаки веселья исчезли с его лица.

Отважится ли он ответить?

Отважится ли не ответить?

Вызов не прекращался. Гамаш посмотрел на лобовое стекло. Снег теперь стал еще гуще, видимость ухудшилась еще сильнее, и теперь он видел мир неотчетливо.

Детектив подумал: а не станет ли в будущем ему вспоминаться этот момент каждый раз, когда он увидит старый фермерский дом, или услышит тихое падение снежинок, или вдохнет запах влажной шерсти, а если будет, то с чувством облегчения или ужаса?

– Oui, allô?

Человек стоял у окна, напрягал зрение.

Изморозь на стекле мешала видеть, но он все же сумел разглядеть ехавшую машину, потом смотрел с нетерпением, как она остановилась, а водитель остался сидеть на своем месте.

Минуту спустя или около того приехавший вышел, но к дому не пошел. Он стоял у машины, прижав сотовый к уху.

Это был первый из les invités[5].

Человек, конечно, узнал этого первого гостя. Да и кто бы не узнал? Он достаточно часто видел его, но только в выпусках новостей. Никогда лично.

И он был более чем уверен: этот гость приедет.

Арман Гамаш. Бывший глава отдела по расследованию убийств. Нынешний старший суперинтендант Sûreté du Québec, временно отстраненный.

Он почувствовал легкое возбуждение. Гамаш был своего рода знаменитостью. Человеком в высшей степени уважаемым и в той же степени хулимым. Часть прессы считала его героем. Другая часть – негодяем. Человеком, воплощающим в себе все самое плохое, что есть в полиции. Или лучшее. Человеком, злоупотреблявшим властью. Или отважным руководителем, готовым пожертвовать репутацией, а может, и чем-то более серьезным ради большего блага.

Гамаш делал то, чего не осмеливался делать никто другой. Или был готов к этому.

За стеклом, покрытым изморозью, за снегом, наблюдатель видел человека лет шестидесяти. Высокого – ростом не менее шести футов. И плотного. В пуховой куртке тот казался тяжеловатым. Его лицо не было одутловатым, оно выглядело усталым. Наблюдатель увидел морщины у глаз, а потом, во время телефонного разговора, брови незнакомца сошлись у переносицы.

Он плохо разбирался в выражениях лиц. Видел морщины, но не мог их прочесть. Ему показалось, что Гамаш сердится, но, возможно, он просто размышлял. Или удивлялся. А еще человек подумал, что видит изъявление радости.

Но в этом он сомневался.

Теперь снег стал еще сильнее, но Гамаш не надевал перчатки. Когда он вышел из машины, они упали в снег. Так многие квебекцы теряли варежки, перчатки и даже шапки. В машине эти вещи лежали у них на коленях, забытые к тому времени, когда нужно было выходить. Весной земля открывалась, усеянная собачьими какашками, червями и мокрыми варежками, перчатками и вязаными шапочками.

Арман Гамаш стоял под падающим снегом, подняв руку без перчатки к

уху. Сжав телефон и слушая.

А когда наступила его очередь говорить, Гамаш наклонил голову, костяшки пальцев у него побелели, когда он крепче сжал телефон, а может быть – от мороза. Затем он сделал несколько шагов от машины, повернулся спиной к ветру и снегу, заговорил.

Человек в доме не слышал, что другой говорит в трубку, но потом одну фразу подхватил ветер, пронес ее по заснеженному двору, мимо когда-то ценных вещей и в дом. Когда-то тоже представлявший ценность.

– Вы пожалеете об этом.

Потом внимание человека привлекло какое-то движение во дворе. Туда въехала еще одна машина.

Второй из его les invités.

Глава вторая

– Арман?

Улыбка узнавания и появившееся было выражение облегчения застыли на ее лице, когда она увидела его взгляд.

Движение Гамаша, когда он повернулся к ней, было чуть ли не агрессивным. Его тело напряглось, он весь насторожился. Детектив словно готовился к возможному нападению.

Хотя она прекрасно умела читать лица и понимала язык тела, выражение на его лице оставалось ей непонятным. Если не считать наиболее очевидного.

Удивление.

Но за ним было и что-то еще. Гораздо большее.

А потом оно исчезло. Его тело расслабилось, и Арман на ее глазах произнес в трубку одно слово, потом дал отбой и сунул телефон в карман.

Последнее выражение, которое покинуло это знакомое лицо, прежде чем маска учтивости полностью скрыла его, удивило ее еще больше.

Выражение вины.

А потом появилась улыбка.

– Мирна, бога ради, что вы тут делаете?

Арман попытался придать естественность своей улыбке, хотя это оказалось делом нелегким. Лицо его онемело, чуть ли не обледенело.

Он не хотел казаться ухмыляющимся идиотом, не хотел переусердствовать в этом. Не стоило раскрываться перед этой очень проницательной женщиной. Которая к тому же была его соседкой.

Отставной психотерапевт Мирна Ландерс владела книжным магазином в Трех Соснах и давно стала добрым другом Рейн-Мари и Армана.

Он подозревал, что она видела и поняла его первоначальную реакцию. Хотя он к тому же подозревал, что она не сумела осознать всю ее глубину. Или, уж конечно, догадаться, с кем он говорил.

Гамаш настолько погрузился в разговор, в подбор слов, во внимательное восприятие ответа. И тона. В модуляции собственного голоса. Что позволил кому-то незаметно подкрасться к нему.

Слава богу, этот человек оказался другом. Но вполне мог оказаться и врагом.

Будучи кадетом академии, агентом полиции, инспектором, главой отдела по расследованию убийств, а потом и главой всего отделения, он постоянно вынужден был оставаться начеку. Он тренировал себя до такой степени, что это стало его второй натурой. Или, точнее, первой.

Нет, он не шел по жизни, каждую минуту ожидая чего-то плохого. Просто бдительность стала ему присуща, как цвет глаз.

Стала частью ДНК, частью того, как развивалась его жизнь.

Арман знал: проблема не в том, что он сейчас расслабился. Напротив. Он настолько был начеку, настолько напряжен, что в критические минуты ничего другого не воспринимал. Он не услышал приближения машины. И тихого поскрипывания сапожек по снегу.

Гамаш, человек вовсе не пугливый, испытал озабоченность несколько иного рода. В данном случае последствия оказались «доброкачественными». А в другой раз?

Угроза не обязательно должна быть угрозой жизни. Будь она таковой, он бы ее не пропустил. Она всегда оставалась довольно пустячной.

Пропущенный или неправильно понятый сигнал. Мертвая зона. Миг отвлечения. Такая полная сосредоточенность, что все вокруг подернуто туманом. Ложное допущение, принятое за факт.

А потом…

– С вами все в порядке? – спросила Мирна, когда Арман подошел и поцеловал ее в обе щеки.

– Со мной все отлично.

Она чувствовала холод его кожи, влагу от снега, упавшего на лицо и растаявшего. И еще – напряжение, кипевшее под внешним спокойствием.

От улыбки в уголках его карих глаз появились морщинки. Но сами глаза не улыбались. Они оставались проницательными, настороженными. Внимательными. Хотя тепло из них никуда не ушло.

– Отлично, – сказал он, и она, несмотря на снедающее ее беспокойство, улыбнулась.

Они оба понимали этот код. Отсылку к их соседке по деревне Три Сосны. Рут Зардо. Талантливой поэтессе. Одной из самых именитых в Канаде. Но ее талант обволокло облако безумия. Имя Рут Зардо произносилось в равной мере с восхищением и со страхом. Словно в опасении вызвать некое волшебное существо, креативное и деструктивное одновременно.

Последняя книга Рут называлась «У меня все ОТЛИЧНО». И все было бы ничего, пока вы не понимали (нередко когда уже было поздно), что ОТЛИЧНО – аббревиатура, которая расшифровывается как Отвратительно,

Тошнотворно, Лейкозно, Истерично, Чахоточно, Нудно, Омерзительно.

Да, Рут Зардо была многосторонней. К счастью для них, одна из ее ипостасей сегодня здесь отсутствовала.

Арман наклонился и поднял варежки, которые упали в снег с мощных коленей Мирны. Прежде чем вернуть владелице, он отряхнул их о свою куртку. А потом, поняв, что и его перчатки отсутствуют, вернулся к машине и нашел их почти занесенными снегом.

Человек наблюдал за всем этим из-за своей сомнительной защиты в виде дома.

Он никогда не видел только что приехавшей женщины, но уже испытывал неприязнь к ней. Она была крупной, черной, и женское так и перло из нее. Ни одну из этих особенностей не находил он привлекательной. Но что еще хуже, Мирна Ландерс приехала с пятиминутным опозданием и, вместо того чтобы поспешить в дом, принести извинения, стояла там во дворе и болтала. Словно он их и не ждал. Словно он неясно выразился касательно времени приезда.

А он выразился точнее точного.

Впрочем, его раздражение слегка смягчалось мыслью о том, что все же она приехала.

Он внимательно наблюдал за ними двоими. Такая уж у него была игра – наблюдать. Пытаться определить, что люди могут сделать дальше.

Этот человек почти всегда ошибался.

Арман и Мирна достали письма из карманов.

Сравнили их. Дословно одинаковые.

– Все это, – она огляделась, – выглядит немного странным, вам не кажется?

Он кивнул и проследил направление ее взгляда. Старый, разваливающийся дом.

– Вы их знаете? – спросил он.

– Кого?

– Тех, кто здесь живет. Жил.

– Нет. А вы?

– Non. Понятия не имею, кто они или почему мы здесь.

– Я звонила по этому телефону, – сказала Мирна. – Но мне никто не ответил. Связаться с этим Лоренсом Мерсье невозможно. Он нотариус. Вы его знаете?

– Non. Но кое-что я знаю.

– И что?

Мирна предчувствовала: сейчас она услышит что-то неприятное.

– Он умер шесть месяцев назад. От рака.

– Тогда что…

Она понятия не имела, как продолжать, а потому замолчала. Посмотрела на дом, потом на Армана. Мирна была почти одного роста с ним, и, хотя в куртке она выглядела грузной, в ее случае это не было иллюзией.

– Вы знали, что отправитель письма умер полгода назад, и все же приехали, – сказала она.

– Любопытство. А вы?

– Ну, я-то не знала, что он умер.

– Но вы знали, что история какая-то мутная. Так почему приехали?

– По той же причине. Из любопытства. А что такого уж плохого могло случиться?

Мирна понимала, что ее сентенция звучит довольно глупо.

– Если услышим органную музыку[6], то бросимся наутек, верно, Арман?

Он рассмеялся. Ему, конечно, было известно, что может случиться. Сколько раз опускался на колени подле распростертых на земле жертв в таких случаях. Его соседка, запрокинув назад голову, принялась разглядывать крышу, просевшую под слоем снега, образовавшегося за несколько месяцев. Увидела потрескавшиеся стекла, окна, зияющие пустотой. Она моргала, чувствуя снежинки – большие, мягкие и неотступные: они падали на ее лицо, попадали в глаза.

– Но ведь это не опасно, правда?

– Не уверен.

– Не уверены? – Ее глаза распахнулись чуть шире. – Значит, все же опасность есть?

– Я думаю, единственная опасность исходит от самого здания, – он кивнул в сторону прогнувшейся крыши, наклонившихся стен, – а не от того, кто в нем находится.

Они подошли к дому, он поставил ногу на первую ступеньку крыльца, и та сломалась. Гамаш посмотрел на Мирну, вскинув брови, и она улыбнулась.

– Я думаю, это в большей степени объем съеденных круассанов, чем объем сгнившего дерева, – сказала она, и он рассмеялся.

– Согласен.

Арман помедлил секунду, глядя на ступеньки, потом на дом.

– Вы не уверены, опасно там или нет, верно? – спросила она. – Опасен ли сам дом или тот, кто внутри.

– Да, – признал он. – Я не уверен. Вы не хотите подождать здесь?

«Да», – подумала она.

– Нет, – сказала Мирна и пошла следом за ним.

– Мэтр Мерсье, – представился человек, выходя к ним навстречу и протягивая руку.

– Bonjour, – сказал Гамаш, вошедший первым. – Арман Гамаш.

Он оценил обстановку, начав с человека.

Невысокий, стройный, белый. Лет сорока пяти.

Живой.

Дом был отключен от электричества, а потому и от отопления: воздух в доме был холодный и застоявшийся. Как в большой морозильной камере.

Нотариус не снял куртки, и Арман видел: она заляпана грязью. Хотя и куртка Гамаша выглядела не лучше. Выйти из машины или влезть в нее зимой в Квебеке было практически невозможно, не заляпав одежду грязью и солью.

Но куртка мэтра Мерсье казалась не просто грязной, а сплошь покрытой пятнами. И поношенной.

Он и сам имел вид несколько небрежный. Человек, как и его одежда, казался потрепанным. Но в нем чувствовалось и достоинство на грани высокомерия.

– Мирна Ландерс, – сказала Мирна, делая шаг вперед и протягивая руку.

Мэтр Мерсье взял ее, но быстро отпустил. Скорее прикосновение, чем рукопожатие.

Гамаш отметил, что поведение его соседки слегка изменилось. Страх ушел, она глядела на хозяина чуть ли не с жалостью.

Есть в мире существа, вызывающие такую реакцию. У них нет ни брони, ни ядовитых зубов, ни способности летать или даже бегать, но есть что-то такое, что делает их не менее могущественными.

Они выглядели такими беспомощными, такими нелепыми, что не могли представлять собой угрозу. Некоторые даже брали их под свое крыло. Защищали. Воспитывали. Признавали.

И почти всегда жалели потом о своих поступках.

Пока еще было слишком рано говорить, что мэтр Мерсье представляет собой что-то подобное, но первое впечатление он производил именно такое, даже на столь опытного и прозорливого человека, как Мирна

Ландерс.

Гамаш почувствовал это даже на себе. Его защитные механизмы в присутствии этого печального маленького человека расслабились.

Хотя и не отключились полностью.

Арман снял шапочку, разгладил свои седеющие волосы, огляделся.

Наружная дверь открывалась прямо в кухню; такое нередко встречалось в фермерских домах. Казалось, тут ничего не менялось с шестидесятых. А может, и с пятидесятых. Шкафы были изготовлены из фанеры, выкрашенной в веселенький синий цвет, в цвет васильков, столы из расцарапанного желтого ламината и полы, покрытые затертым линолеумом.

Все, что имело какую-то ценность, было унесено. Весь инвентарь отсутствовал, стены остались голыми, если не считать давно остановившихся мятно-зеленых часов над раковиной.

Он на мгновение представил себе кухню такой, какой она, вероятно, была прежде. Сверкающая, не новая, но чистая, ухоженная. Двигаются люди, они готовятся ко Дню благодарения или к рождественскому обеду. Дети, гоняющиеся друг за другом, как дикие жеребцы, а родители пытаются их приручить. А потом сдаются.

Гамаш отметил прорези на дверном косяке. Отметки роста. А потом время остановилось.

«Да, – подумал он, – эта комната, этот дом когда-то были наполнены счастьем. Весельем».

Он снова посмотрел на мэтра. Нотариус, который существовал, хотя и умер. Может быть, этот дом был его домом? Был ли он когда-то счастливым, веселым? Если так, то никаких признаков этого Гамаш не видел. Все с него было содрано.

Мэтр Мерсье сделал пригласительный жест в сторону кухонного стола. Они сели.

– Прежде чем мы начнем, я бы хотел, чтобы вы подписали это.

Мерсье пододвинул по столу лист бумаги Гамашу.

Арман откинулся на спинку стула, подальше от документа.

– Прежде чем мы начнем, – сказал он, – я бы хотел знать, кто вы и почему мы здесь.

– И я тоже, – произнесла Мирна.

– В должное время, – ответил Мерсье.

Странно было услышать такие слова – и потому, что такой оборот вышел из употребления, и потому, что он полностью отвергал их требование. Причем весьма обоснованное и исходящее от людей, которые

вовсе не были обязаны приезжать сюда.

Мерсье выглядел и говорил как диккенсовский персонаж. Причем отнюдь не героический. «Интересно, – подумал Гамаш, – чувствует ли Мирна то же самое».

Нотариус положил авторучку на лист бумаги и кивнул Гамашу, который и не собирался прикасаться к ней.

– Послушайте… – сказала Мирна, положив большую руку на руку Мерсье: она почувствовала, как дернулась его рука под ее ладонью. – Дорогой… – Ее голос звучал спокойно, тепло, ясно. – Либо вы отвечаете на вопрос, либо я ухожу. А я предполагаю, вы этого не хотите.

Гамаш оттолкнул лист назад к нотариусу.

Мирна похлопала Мерсье по руке, и тот уставился на нее.

– А теперь скажите, как вы воскресли из мертвых?

Мерсье посмотрел на нее так, словно сумасшедшей была она, потом отвел глаза, и Гамаш и Мирна, проследив направление его взгляда, увидели, что он смотрит в окно.

Подъехала еще одна машина. Маленький грузовичок. Из двери выпрыгнул молодой человек, уронил рукавицы в снег. Но быстро наклонился и поднял их.

Арман перехватил взгляд Мирны.

На новоприбывшем была высокая шапка в красно-белую полоску. Ее конус заканчивался хвостообразным помпоном, который доходил до самой земли и потащился за ним по снегу, когда он двинулся от машины.

Заметив это, молодой человек поднял «хвост», один раз обернул им шею, словно шарфом, а потом набросил на плечо таким щеголеватым движением, что Мирна не смогла сдержать улыбки.

Кто бы он ни был, он излучал энергию в той же мере, в какой от мертвого Мерсье исходило бессилие.

Доктор Сьюз[7] встречается с Чарльзом Диккенсом.

Кот в шляпе собирается войти в Холодный дом[8].

Раздался стук в дверь, потом он вошел. Огляделся. Его взгляд задержался на Гамаше, который встал со стула.

– Allô, bonjour, – сказал веселый молодой человек. – Месье Мерсье?

Он протянул руку, и детектив пожал ее.

– Non. Арман Гамаш.

Рука у пришедшего была мозолистая, сильная. Рукопожатие твердое, дружеское. Уверенное, без принуждения.

– Бенедикт Пулио. Salut. Надеюсь, я не опоздал. Трафик на мосту

просто ужас.

– Это мэтр Мерсье, – сказал Арман, отходя в сторону, чтобы новоприбывший увидел нотариуса.

– Здравствуйте, сэр, – сказал молодой человек, пожимая руку Мерсье.

– А я – Мирна Ландерс, – представилась Мирна, пожимая руку молодому человеку и улыбаясь слишком уж, на взгляд Армана, широко.

Хотя, глядя на миловидного молодого человека, всякий улыбнулся бы. Не потому, что он вызывал смех. Просто он казался любезным и вел себя без всякого кривлянья. Пулио смотрел на них задумчивыми яркими глазами.

Бенедикт снял шапку, прошелся пятерней по светлым волосам, подстриженным на манер, какой Мирна никогда прежде не видела и надеялась, что больше не увидит. Спереди волосы у него были выстрижены чуть не под машинку, а к ушам становились длинными. Очень длинными.

– Итак, – сказал он, потирая руки в предвкушении и, возможно, из-за холода. – С чего мы начнем?

Они все посмотрели на Мерсье, который не отрывал взгляда от Бенедикта.

– Что – прическа? – спросил молодой человек. – Это сделала моя подружка. Она учится на стилиста, и выпускной экзамен у нее – создание уникальной стрижки. Что вы скажете?

Он провел рукой по волосам, остальные тем временем помалкивали.

– Вид великолепный, – сказала Мирна наконец, лишний раз подтверждая для Армана истину, согласно которой любовь или обольщения воистину слепы.

– Она вам и шапку сделала? – спросил Арман, показывая на удивительный головной убор, лежавший в конце стола.

– Да. Выпускные отметки в ее дизайнерском классе. Вам нравится?

Арман издал нечто, как он хотел думать, похожее на уклончивое мычание.

– Вы прислали письмо, верно, сэр? – спросил у Мерсье Бенедикт. – Что теперь? Вы хотите устроить мне экскурсию или мы посмотрим планы? Это ваш дом? – спросил он у Армана и Мирны. – Если откровенно, то я не уверен, что его можно спасти. Он в крайне бедственном состоянии.

Гамаш и Мирна переглянулись, поняв, что говорит Бенедикт.

– Мы не вместе, – со смехом сказала Мирна. – Мэтр Мерсье пригласил нас так же, как и вас.

Она, как и Арман, вытащила письмо и положила его на стол.

Бенедикт наклонился над письмами, потом выпрямился:

– Я в недоумении. Я думал, меня пригласили с намерением предложить работу.

Он положил на стол и свое письмо. Оно было идентично двум другим, исключая адрес и получателя.

– Чем вы занимаетесь? – спросила Мирна, и Бенедикт протянул ей свою визитку.

Она была кроваво-красного цвета, имела форму алмаза и какое-то невообразимое тиснение.

– Это ваша подружка? – спросила Мирна.

– Да. Ее визитка.

– Выпускные отметки?

– Oui.

Мирна протянула карточку Гамашу, который надел очки для чтения, понес визитку к окну, чтобы лучше видеть, покрутил в руках.

– Тут нет ни телефона, ни адреса электронной почты.

– Да. Они опущены. Так меня пригласили ради работы?

– Нет, – сказал Мерсье. – Садитесь.

Бенедикт сел.

«Скорее щенок, а не кот», – подумал Гамаш, садясь рядом с Бенедиктом.

– Тогда зачем я здесь? – спросил Бенедикт.

– Мы хотим знать то же самое, – сказала Мирна, оторвав глаза от Бенедикта и уставившись на нотариуса.

Глава третья

– Назовите ваше имя, пожалуйста.

– Вы знаете мое имя, Мари, – сказал Жан Ги. – Мы много лет работали вместе.

– Прошу вас, сэр, – произнесла она любезным, но твердым голосом.

Жан Ги уставился на нее, потом на двух других офицеров, собравшихся в зале заседаний:

– Жан Ги Бовуар.

– Должность?

Он теперь смерил ее откровенно непристойным взглядом, но она выдержала и это.

– Временно исполняющий обязанности главы отдела по расследованию убийств Sûreté du Québec.

– Merci.

Инспектор посмотрела на экран ноутбука перед ней, потом снова на него:

– Вы будете рады узнать, что речь идет не о вас. – Она улыбнулась, он – нет. – Ваше отстранение было прекращено несколько месяцев назад. Но у нас по-прежнему остаются серьезные вопросы к месье Гамашу.

– Старшему суперинтенданту Гамашу, – сказал Бовуар. – И с какой стати у вас остаются к нему вопросы? Вы уже задавали все вопросы, какие можно, и он на все ответил. Вы к этому времени должны были снять с него все подозрения. Уже почти полгода прошло. Бросьте. Хватит, сколько можно!

Он опять посмотрел на тех, кого считал своими коллегами. Потом снова на нее. Его взгляд стал менее враждебным и более недоуменным.

– Что происходит?

Жан Ги прошел немало подобных допросов и был уверен, что сможет контролировать ситуацию, зная, что все они на одной стороне. Но теперь, видя их взгляды с противоположной стороны стола, он понял свою ошибку.

Входя сюда, Бовуар предполагал, что его ожидает формальность. Последний допрос, перед тем как шефа оправдают и допустят к работе, как это сделали и по отношению к нему.

Атмосфера и в самом деле была приятельская, чуть ли не жизнерадостная. Поначалу.

Бовуар не сомневался: сейчас ему скажут, что составляется

выдержанная в строгих тонах декларация, объясняющая, что проводилось тщательное расследование. В ней будет выражено сожаление в связи с тем, что операция под прикрытием, проводившаяся полицией летом, закончилась таким кровопролитием.

Но в конечном счете будет выражена поддержка тем необычным и отважным решениям, которые принял старший суперинтендант Гамаш. И неколебимая поддержка команде полицейских, чьи действия привели к таким успешным результатам. Одобрение будет выражено Изабель Лакост, главе отдела по расследованию убийств, чьи действия спасли столько жизней и которая заплатила такую высокую цену.

И на этом все закончится.

Старший суперинтендант Гамаш вернется к работе, все войдет в нормальную колею.

Хотя сам факт того, что расследование, начавшееся летом, до сих пор продолжалось, в самый разгар квебекской зимы, сам по себе настораживал.

– Вы были заместителем у своего тестя, когда принимались решения, которые привели к тому, что мы расследуем? – спросила инспектор.

– Да, я был со старшим суперинтендантом Гамашем. Вы это знаете.

– Да, с вашим тестем.

– С моим начальником.

– Да. С человеком, который несет ответственность за то, что случилось. Мы все знаем это, старший инспектор, но спасибо, что прояснили нам.

Остальные закивали. Сочувственно. Они с пониманием отнеслись к той деликатной ситуации, в которой оказался Бовуар.

Они, как отметил для себя с некоторым удивлением Бовуар, приглашали его дистанцироваться от Гамаша.

Для него было бы легче дистанцироваться от собственных рук и ног. Его ситуация вовсе не была деликатной. На самом деле он занимал весьма твердую позицию. Вместе с Гамашем.

Но у него в глубине души появилось какое-то болезненное ощущение.

– Никто из нас не виноват, mon vieux[9], – сказал ему Гамаш несколько месяцев назад, когда началось неизбежное расследование. – Ты это знаешь. Такие вопросы после случившегося должны быть заданы. Беспокоиться тут не о чем.

«Не виновен», – поправил его тесть. Но он не сказал, что они безгрешны. А они, конечно, были далеко не безгрешны.

С Жана Ги сняли все обвинения и назначили временно исполняющим обязанности главы отдела по расследованию убийств.

Но старший суперинтендант Гамаш по-прежнему был отстранен от работы, хотя Бовуар и пребывал в уверенности, что это вскоре закончится.

– Одно последнее заседание, – сказал он этим утром жене, когда они кормили сына, – и с твоего отца будут сняты все обвинения.

– Ну-ну, – ответила Анни.

– Что?

Он хорошо знал жену. Хотя она и получила образование адвоката, вряд ли кто-то смог бы найти более циничного человека. И все же он понимал, что сомнения остаются.

– Эта история уже столько длится, что, я думаю, она стала политической. Им нужен козел отпущения. Отец упустил тонну опиоидов. А он мог задержать и эту партию наркотиков. Им нужно найти виноватого.

– Но бо́льшую их часть он вернул. И потом, выбора у него не было. Правда. – Он встал и поцеловал жену. – К тому же тонны там не набиралось.

Оноре швырнул комок овсянки, тот попал в щеку Жана Ги, а с нее упал на макушку Анни.

Жан Ги вытащил ошметок из ее волос, рассмотрел и сунул себе в рот.

– Ты стал настоящей гориллой, – хмыкнула Анни.

Супруг принялся ощупывать ее голову, подражая обезьяне, ищущей блох у своей «половины»; Анни рассмеялась, а Оноре опять кинул шарик из каши.

Жан Ги предполагал, что Анни никогда не будет самой красивой женщиной в собрании. Посторонний человек и не посмотрит на нее во второй раз.

Но если бы кто пригляделся, то, вероятно, обнаружил бы то, что Жан Ги смог увидеть лишь спустя много лет и ценой развалившегося брака. Увидеть, как прекрасно счастье. А Анни Гамаш излучала счастье.

Ему было известно наверняка, что она всегда будет не только самым умным человеком в любом собрании, но и самым красивым. А если кто-то этого не видел, то это уж были его проблемы.

Он отстегнул от стула сына, взял его на руки и пошел с ним к двери.

– Желаю хорошего дня, – произнес он, целуя обоих.

– Секундочку, – сказала Анни. Она сняла с Жана Ги нагрудник, вытерла его лицо и предупредила: – Будь осторожен. Боюсь, как бы это не оказалось сортиром на два очка.

– Глубокая выгребная яма? – Жан Ги отрицательно покачал головой. – Non. Это последнее заседание. Думаю, им придется признавать, что проведенное расследование было тщательным. А куда деться? И поверь

мне, когда они разберутся в фактах, им придется поблагодарить твоего отца за то, что он сделал. Они поймут, что выбор у него был говенный и он сделал то, что должен был сделать.

– Пожалуйста, не произноси таких слов в присутствии ребенка. Ты хочешь, чтобы слово на букву «г» стало первым словом, которое он произнесет? – сказала Анни. – Я согласна. У папы не было выбора. Но они могут посмотреть на дело по-другому.

– Тогда они слепцы.

– Тогда они люди, – вздохнула она, беря Оноре. – А людям нужно местечко, где они могли бы спрятаться. Я думаю, они прячутся за его спиной. И готовятся вытолкнуть папу в клетку с хищниками.

Бовуар быстро прошел до метро и поехал на последний, как он не сомневался, допрос, перед тем как все вернется к норме.

Он шел, опустив голову, сосредоточившись на тротуаре, припорошенном снежком, под которым скрывался лед.

Один неверный шаг – и жди неприятностей. Вывернутой лодыжки. Сломанной кисти при попытке предотвратить падение, а может, и расколотого черепа.

Сильнее всего тебя ударяло то, чего ты не видел.

И теперь, сидя в зале заседаний, Жан Ги Бовуар спрашивал себя: а не была ли права Анни и не упустил ли он что-то?

Глава четвертая

– Кто вы? – спросил Гамаш, подаваясь вперед и вглядываясь в человека, сидящего во главе стола.

– Вы уже знаете, сэр, – сказал Бенедикт.

Пулио говорил медленно. Терпеливо. Мирне пришлось опустить голову, чтобы скрыть удивление и удовольствие.

– Он – но-та-ри-ус.

Молодой человек чуть ли не похлопал Гамаша по руке.

– Oui, merci, – поблагодарил Арман. – Я это понял. Но Лоренс Мерсье умер шесть месяцев назад. Так кто же вы?

– Здесь все написано, – сказал Мерсье. Он показал на неразборчивую подпись. – Люсьен Мерсье. Лоренс – имя моего отца.

– И вы тоже нотариус?

– Да. Я принял практику моего отца.

Гамаш знал, что в Квебеке нотариусы скорее выполняют функции юристов, чем клерков. Они занимаются всем – от сделок с недвижимостью до брачных контрактов.

– Почему вы используете его бланки? – спросила Мирна. – Это вводит в заблуждение.

– Это экономично и экологично. Я ненавижу бесполезные траты. Я использую бланки отца, когда руковожу тем, что было его бизнесом. Клиентов это избавляет от ненужной путаницы.

– Не могу сказать, что так оно и есть.

Люсьен извлек четыре папки из своего портфеля и раздал три присутствующим.

– Вы здесь, потому что вы названы в завещании Берты Баумгартнер.

Последовало молчание: они осознавали услышанное. Наконец Бенедикт сказал:

– Правда?

Одновременно с ним Арман и Мирна проговорили:

– Кто такая?

– Берта Баумгартнер, – повторил нотариус, потом произнес это имя в третий раз, потому что Гамаш и Мирна продолжали смотреть на него недоуменно.

– Но я в первый раз про нее слышу, – сказала Мирна. – А вы?

Арман задумался. Он встречался со множеством людей и не

сомневался: это имя запомнил бы. Но его память молчала. Это имя ни о чем не говорило ему.

Гамаш и Мирна посмотрели на Бенедикта, на красивом лице которого застыло выражение любопытства, но не более того.

– А вы? – спросила Мирна, но тот отрицательно покачал головой.

– Она оставила нам деньги?

«Этот вопрос был задан не стяжательски», – подумал Гамаш. Скорее с удивлением. И да, возможно, с некоторой надеждой.

– Нет, – радостно ответил Мерсье, а потом уже без всяких эмоций отметил, что на лице молодого человека не появилось выражения разочарования.

– Так почему мы здесь? – спросила Мирна.

– Вы исполнители ее завещания.

– Что? – сказала Мирна. – Вы шутите.

– Исполнители завещания? Это что еще такое? – спросил Бенедикт.

– Чаще это называется душеприказчики, – пояснил Мерсье.

Выражение недоумения не сошло с лица Бенедикта, и тогда Арман добавил:

– Это означает, что Берта Баумгартнер хочет, чтобы мы проследили за исполнением ее последней воли. Обеспечили исполнение ее желаний.

– Так она мертва? – спросил Бенедикт.

Арман уже хотел было сказать «да», поскольку это было очевидно. Но слово «мертвый» уже продемонстрировало сегодня свою несостоятельность, а потому он не исключал, что мадам Баумгартнер…

Он посмотрел на нотариуса в ожидании подтверждения.

– Oui. Она умерла чуть больше месяца назад.

– И перед смертью она жила здесь? – спросила Мирна, посмотрев на прогнувшийся потолок и прикидывая, сколько ей понадобится времени, чтобы добежать до двери, если прогиб перейдет в обрушение. Или ей лучше будет выброситься в окно.

Посадка, скорее всего, будет мягкой ввиду слоя снега на земле и ее упаковки на манер плюшевого мишки.

– Нет, она умерла в доме для престарелых, – сказал Мерсье.

– Так это что – наподобие обязанности становиться присяжным заседателем?

– Что-что? – переспросил нотариус.

– Ну, вы же знаете, если ваше имя выпало. Что-то вроде гражданского долга. Быть… как вы это назвали?

– Исполнителем завещания, – сказал Мерсье. – Нет, это не похоже на

гражданский долг. Она выбрала конкретно вас.

– Но почему нас? – спросил Арман. – Мы ее даже не знали.

– Понятия не имею, и, как это ни печально, спросить у нее мы уже не можем, – сказал Мерсье без всякой печали.

– Ваш отец ничего не говорил на этот счет? – спросила Мирна.

– Он никогда не говорил о своих клиентах.

Гамаш посмотрел на плотную пачку бумаги перед ним и увидел красный штамп в верхнем левом углу. Он не в первый раз видел завещания. Невозможно дожить почти до шестидесяти лет и не прочесть несколько таких бумаг. Что Гамаш и сделал, включая и свое собственное.

Перед ним и в самом деле лежало законное, зарегистрированное завещание.

Быстро пробежав первую страницу, он отметил, что оно было составлено двумя годами ранее.

– Перейдите, пожалуйста, на вторую страницу, – произнес нотариус. – В четвертом разделе вы увидите ваши имена.

– Но постойте… – сказала Мирна. – Кто такая Берта Баумгартнер? Хоть что-то вы должны знать.

– Я знаю только, что она умерла, а мой отец присматривал за ее собственностью. Потом дело перешло ко мне. А потом к вам. Пожалуйста, вторая страница.

И да – они увидели там свои имена. Мирна Ландерс из Трех Сосен, Квебек. Арман Гамаш из Трех Сосен, Квебек. Бенедикт Пулио, дом 267 по рю Тайон, Монреаль, Квебек.

– Это вы?

Мерсье переводил взгляд с одного на другого, и они по очереди кивали. Он откашлялся и приготовился читать.

– Постойте, – сказала Мирна. – Это глупость какая-то. Незнакомый нам человек наугад называет нас исполнителями ее завещания? Она может так делать?

– О да, – подтвердил нотариус. – Вы можете хоть папу римского назвать, если хотите.

– Правда? Вот здорово! – сказал Бенедикт, проворачивая в голове варианты.

Гамаш не полностью соглашался с Мирной. Разглядывая имена в завещании Берты Баумгартнер, он сомневался, что выбор делался случайно. Их имена. Очень четко. Арман подозревал, что существовала какая-то причина, по которой они там появились. Хотя что это была за причина – оставалось неясным.

Коп, владелица книжного магазина, строитель. Двое мужчин, одна женщина. Разные возрасты. Двое живут за городом, один в городе.

Никаких совпадений. Ничего общего у них не было, если не считать того, что их имена оказались в одном документе. И факта, что никто из них не знал Берту Баумгартнер.

– И тот, кто назван в завещании, обязан делать то, о чем там сказано? – спросила Мирна. – Мы обязаны это делать?

– Нет, конечно, – сказал Мерсье. – Вы можете себе представить святого отца, продающего эту собственность в качестве исполнителя завещания?

Они попытались. Но, судя по улыбке на лице Бенедикта, только ему это и удалось.

– Значит, мы можем отказаться? – спросила Мирна.

– Oui. Вы хотите отказаться?

– Я не знаю. У меня не было времени обдумать это. Я понятия не имела, зачем вы меня сюда приглашаете.

– А что вы подумали? – спросил Мерсье.

Мирна откинулась на спинку стула в попытке вспомнить.

Утром перед получением письма она находилась в своем книжном магазине.

Налила себе кружку крепкого чая и села в удобное кресло с точным отпечатком ее тела.

Плитка была включена, а за окном стоял яркий, солнечный зимний день. Небо отливало идеальной синевой, и покрытые свежим снегом сверкали белизной поляны, дорога, хоккейная площадка, снеговик на деревенской площади. Вся деревня сияла.

В такие дни человека тянуло на улицу. Хотя и было понятно, что лучше этого не делать. Как только ты выходил на улицу, холод хватал тебя, обжигал легкие, запаивал ноздри, перехватывал дыхание. В глазах у тебя появлялись слезы. Ресницы смерзались, так что тебе приходилось раздирать веки.

И все же, хотя и хватая ртом воздух, ты оставался стоять. Еще чуть-чуть. Побыть частью этого дня. Прежде чем вернуться к печке и горячему шоколаду или чаю. Или к крепкому, ароматному кофе с молоком.

И электронной почте.

Она читала и перечитывала письмо, потом позвонила по указанному в письме телефону, чтобы спросить, по какой причине нотариус хочет ее видеть.

Не дозвонившись, Мирна взяла письмо и отправилась поговорить в бистро за ланчем с друзьями и соседями, Кларой Морроу и Габри Дюбо.

Те вели дискуссию о снежных скульптурах, турнире по хоккею с мячом, конкурсе на лучшую шапочку, закусках на приближающийся зимний карнавал, и Мирна почувствовала, что ее внимание рассеивается.

– Привет, – сказал Габри. – Кто-нибудь есть дома?[10]

– Что?

– Нам нужна твоя помощь, – обратилась к нему Клара. – Гонки на снегоступах вокруг деревенской площади. Один круг или два?

– Один для возраста до восьми лет, – сказала Мирна. – Один с половиной для возраста до двенадцати, и два для всех остальных.

– Да, это убедительно, – согласился Габри. – Теперь команды снежных боев…

Мысли Мирны снова поплыли. Она как в тумане отметила, что Габри встал и подкинул несколько полешек в каждый камин бистро. Он остановился, чтобы поговорить с кем-то из клиентов, в это время вошли другие с холода, потопали, стряхивая снег с обуви, потерли захолодевшие руки.

Их встретило тепло, запах кленового дымка, пироги со свининой прямо с пылу с жару и неизменный аромат кофе, которым пропитались даже балки и доски пола.

– У меня есть кое-что – хочу тебе показать, – прошептала Мирна Кларе, пока Габри занимался клиентами.

– Ты почему шепчешь? – Клара тоже понизила голос. – Это что-нибудь грязное?

– Нет, конечно.

– Конечно? – переспросила Клара, вскинув брови. – Я тебя слишком хорошо знаю для такого «конечно».

Мирна рассмеялась. Клара ее и в самом деле знала. Но и она знала Клару.

Каштановые волосы ее подруги торчали во все стороны, словно ее слегка ударило током. Она немного напоминала спутник… спутник средних лет. Что объясняло и характер ее искусства.

Картины Клары Морроу были не от мира сего. И в то же время оставались глубоко, мучительно человечными.

Она писала то, что представлялось портретами, но было таковыми только на поверхности. Прекрасно выписанная плоть растягивалась и иногда истончалась; на ранах, на празднествах. На пропастях потерь и вспышках радости. Клара писала мир и отчаяние. И все это в одном портрете.

Кистью, полотном и краской Клара и пленяла, и освобождала своих

героев.

А еще ей удавалось с ног до головы измазаться краской. Краска была на щеках, в волосах, под ногтями. Она сама представляла собой незаконченный портрет.

– Я тебе покажу попозже, – сказала Мирна: к столику вернулся Габри.

– А грязь уж лучше потом, – добавила Клара.

– Грязь? – повторил за ней Габри. – Выкладывай.

– Мирна считает, что взрослые должны участвовать в соревновании голыми.

– Голыми? – Габри посмотрел на Мирну. – Не то чтобы я ханжа, но дети…

– Да бога ради, – сказала Мирна. – Я ничего такого не говорила. Клара все выдумала.

– Конечно, если проводить соревнования ночью, когда дети спят… – сказал Габри. – Развесить факелы вокруг деревенской площади… Да, это было бы неплохо. Мы бы наверняка поставили несколько рекордов скорости.

Мирна сердито посмотрела на Клару. Габри, президент зимнего карнавала, воспринимал дурацкую шутку серьезно.

– Или пусть не голые, потому что… – Габри оглядел собравшихся в бистро, представляя их без одежды. – Может, лучше в купальных костюмах.

Клара нахмурилась, но не с порицанием, а удивленно. Вообще-то, идея была не так уж и плоха. В особенности еще и потому, что большинство разговоров в бистро во время долгой-долгой, темной-темной квебекской зимы велось о том, что хорошо бы сбежать в тепло. Полежать на бережку, пожариться на солнышке.

– Можно назвать это бегством на Карибы, – сказала она.

Мирна тяжело вздохнула.

Пожилая женщина в другом конце бистро увидела это и сочла, что пренебрежительный взгляд предназначался ей.

Рут Зардо ответила тем же.

Мирна перехватила ее взгляд и подумала о несправедливости природы: старость избороздила лицо поэтессы морщинами-извилинами, но отнюдь не добавила ей мудрости.

Хотя мудрость в ней была, если рассеивался туман виски.

Рут вернулась к своему ланчу из выпивки и картофельных чипсов. В блокноте, лежащем на столе перед ней, не было ни рифм, ни смысла, но

между затрепанными страницами проглядывало ее внутреннее состояние – комок в горле.

Она посмотрела в окно и написала:

Острые, как льдинки,
ребячьи крики пронзают небо…

Утка Роза на диване рядом с Рут забормотала «фак-фак-фак». Впрочем, может, она говорила «дак-дак-дак». Хотя глупым казалось, чтобы утка говорила «дак»[11]. И те, кто знал Розу, чувствовали, что «фак» – гораздо более вероятно.

Роза вытянула длинную шею и аккуратно взяла чипс из тарелки, пока Рут смотрела, как дети катаются с горки – от церкви к самой деревенской площади. Потом она написала:

Или в засыпанной снегом деревенской церкви
встать наконец на колени и помолиться
о том, чего нам не будет дано.

Подали ланч. Клара и Мирна заказали палтуса с семенами горчицы, листьями карри и помидорами на гриле. Что касается Габри, то его партнер Оливье приготовил ему рябчика с жареным инжиром и пюре из цветной капусты.

– Я собираюсь пригласить премьера, – сказал Габри. – Он мог бы открыть карнавал.

Дюбо каждый год приглашал Жюстена Трюдо. Но ответа ни разу не получил.

– Может, он поучаствует в гонках? – спросила Клара.

Глаза Габри широко распахнулись.

Жюстен Трюдо. Гоняется вокруг деревенской площади. В плавках.

С этого момента разговор пошел вкривь и вкось.

Сердце Мирны в этом не участвовало, как не участвовал и ее разум; хотя на мгновение она и задержалась на образе Трюдо, но мысли тут же вернулись к письму в кармане.

Что случится, если она никуда не поедет?

Солнце окрашивало снег за окном в розовые и голубые тона. До них доносился детский визг, в котором слышалась смесь удовольствия и страха от скоростного спуска на санках с горки.

Картинка казалась такой идиллической.

Но…

Но если по какой-то прихоти судьбы на небо накатывали тучи, когда ты находился вдали от дома, а редкий снежок переходил в круговерть метели, тогда тебе оставалось только надеяться на удачу.

Квебекская зима, такая веселая и спокойная, могла ополчиться на тебя. Могла убить. И делала это каждый год. Осенью мужчины, женщины, дети, живые и здоровые, не замечали надвигающейся метели – и уже больше никогда не встречали весну.

За городом зима была прекрасным, великолепным, блестящим убийцей.

Квебекцы с сединой в волосах и морщинами на лицах дожили до преклонных лет благодаря мудрости, благоразумию и предусмотрительности, которые вовремя приводили их домой. Они наблюдали за метелью, сидя у веселого огонька с чашкой горячего шоколада или бокалом вина и хорошей книгой.

Если для канадцев мало что было страшнее, чем оказаться в метель под открытым небом, то и мало что было приятнее, чем сидеть в тепле у камина, когда за окном бушует непогода.

И жизнь вмещала в себя столько всякого разного, что, как это хорошо знала Мирна, всего один шаг отделял радость от горя.

Пока Габри и Клара обсуждали достоинства «все включено» против других курортов, против круизов, Мирна, поразмышляв о письме, решила предоставить все судьбе.

Если будет снег, она останется дома. Будет ясно – поедет.

И теперь, сидя в несуразной кухне за несуразным столом со странным нотариусом и чудаковатым молодым строителем, Мирна смотрела в окно на усиливающийся снегопад и думала…

Долбаная судьба. Опять обманула.

– Мирна права, – сказал Арман, положив на завещание большую руку. – Мы должны решить, хотим ли мы заниматься этим. – Он посмотрел на собеседников. – Что скажете?

– Мы можем сначала прочесть завещание, а потом решить? – спросил Бенедикт, похлопав по пачке бумаг.

– Нет, – ответил нотариус.

Мирна встала:

– Я думаю, нам следует поговорить. Приватно.

Арман обошел стол, нагнулся к сидевшему там Бенедикту и прошептал:

– Если хотите, можете к нам присоединиться.
– О да, здорово. Хорошая мысль.

Глава пятая

Гамаш, выходя из кухни в столовую, остановился у дверного косяка, чтобы рассмотреть отметки.

Наклонившись, он смог разглядеть рядом с линиями процарапанные имена.

Энтони, три года, четыре, пять и так далее до самого косяка.

Кэролайн, три года, четыре, пять…

Потом Гуго. Но здесь линии были плотнее. Словно кольца старого дуба, который не торопится расти. Или уже очень вырос.

Гуго отставал от брата и сестры, когда они были в таком же возрасте. Но неожиданно рядом с его именем у каждой слабой линии был стикер. Лошадка. Собачка. Мишка. И если маленький Гуго не отличался ростом, то вот такое отличие у него все же имелось.

Арман заглянул в кухню, в которой почти ничего не осталось, потом в пустую столовую с обоями в потеках воды.

«Что здесь случилось?» – спрашивал он себя.

Что такого случилось в жизни мадам Баумгартнер? Почему она была вынуждена выбирать незнакомых людей на роль душеприказчиков? Куда делись Энтони, Кэролайн и Гуго?

– Крыша протекает, – сказал Бенедикт, проведя большой рукой по пятну на обоях в столовой. – Влага просачивается по стенам. Все гниет. Жаль. Посмотрите на эти полы.

Они посмотрели. Старая сосна. Покоробленная.

Бенедикт пошел дальше, осматривая комнату, вглядываясь в потолок.

Он расстегнул молнию своей зимней куртки, под которой оказался свитер, отчасти ворсистый, отчасти плотно вязанный, а примерно треть выглядела так, будто ее изготовили из стальной стружки.

Мирна не могла поверить, что человек может чувствовать себя удобно в таком свитере, но было вполне вероятно, что изготовила эту вещь его подружка.

Вероятно, он любит ее. Сильно любит. А она любит его. Все, что она создала, предназначалось ему. То, что ее творения выглядели ужасно, ничуть не умаляло ее заботы. Правда, не исключалось, что она делала их такими специально. Не только для того, чтобы он выглядел идиотом, но и чтобы причинить ему физическую боль: свитер из стальной стружки наверняка царапал и натирал молодую плоть под ним.

Она либо сильно любила Бенедикта, либо презирала его. Сильно.

А он либо не видел этого, либо ему нравилась боль, оскорбления – есть люди, которым приятны такие вещи.

– Ну, так вы хотите быть исполнителем завещания? – спросила Мирна.

– А что я должен буду делать? – спросил Бенедикт. – Что мы все должны будем делать?

– Если завещание простое, то немногое, – сказал Арман. – Смотреть, чтобы платились налоги и оплачивались счета, чтобы завещанное доставалось тому, кто назван в завещании. Потом продажа собственности. С этим помогает нотариус. Душеприказчиками обычно становятся члены семьи и друзья. Люди, которым доверял завещатель.

Трое переглянулись. Никто из них не находился в родстве с Бертой Баумгартнер, никто не был ее другом. И все же они оказались здесь.

Арман осмотрел влажные стены – не осталось ли на них старых фотографий, потом пол – не упали ли они туда. Что-нибудь такое, что сказало бы им, кто такая Берта Баумгартнер. Но он так ничего и не увидел. Только неясные отметки на дверном косяке. И лошадка, собачка, мишка.

– Звучит не так уж страшно, – сказал Бенедикт.

– Это в случае, если завещание простое, – сказал Арман. – Если нет, то на это может уйти много времени. Очень.

– Ну несколько дней, да? – спросил Бенедикт. Не получив ответа, он добавил: – Недели? Месяцы?

– Годы, – сказал Арман. – На исполнение некоторых завещаний уходят годы, в особенности если между наследниками возникают споры.

– А такие споры – дело нередкое, – сказала Мирна. Она развернулась на триста шестьдесят градусов. – Причина тому в жадности. Но похоже, они уже вывезли отсюда все, что можно. И я не могу себе представить, чтобы для дележа осталось что-то ценное.

Арман рядом с ней проворчал что-то про себя.

Она посмотрела на него и кивнула:

– Я знаю. Нам это может казаться чем-то нестоящим, но людям, у которых ничего нет, немного сверху может показаться целым состоянием.

Он продолжал хранить молчание.

Гамаш думал не совсем так. Завещание, собственность – за этим может крыться нечто большее, чем деньги, собственность, вещи. Если кто-то получил больше других, это может толковаться как предпочтение, оказанное ему покойным. Есть разные виды жадности. Нужды́.

И завещания иногда использовались для нанесения последнего оскорбления, последней пощечины от призрака.

– Наши труды оплатят? – спросил Бенедикт.

– Может быть, немного. Обычно это делается как услуга, – сказал Арман.

Бенедикт кивнул.

– И как мы можем узнать, простое это завещание или нет?

– Мы это можем узнать, только прочтя завещание, – сказала Мирна.

– Но мы его не можем прочесть, пока не дадим согласия, – заметил Бенедикт.

– Уловка двадцать два, – произнес Гамаш, однако лицо молодого человека не осенила искорка понимания. – Я думаю, мы должны исходить из худшего и решать, хотим ли мы возложить на себя такие обязанности.

– А если не захотим? – спросила Мирна. – Что тогда?

– Суд назначит других исполнителей.

– Но она хотела нас, – сказал Бенедикт. – Не могу понять почему. Наверное, у нее имелись какие-то основания. – Он замолчал, задумался на секунду. Они чуть ли не слышали, как вращаются шестеренки в его голове. Наконец он отрицательно покачал головой. – Нет. Ничего такого в голову не приходит. Вы ведь знаете друг друга, верно?

– Мы соседи, – сказала Мирна. – Живем в одной деревне минутах в двадцати езды отсюда.

– Я живу с подружкой в Монреале. Никогда не выезжал в эту сторону. Может быть, она имела в виду какого-то другого Бенедикта Пулио.

– Вы живете на рю Тайон в Монреале? – спросил Арман, а когда молодой человек кивнул, Гамаш продолжил: – Она имела в виду именно вас.

Бенедикт внимательно посмотрел на Армана, словно только сейчас увидел. Он поднес руку к виску, выставив указательный палец.

– Ух какой у вас шрамище! Что произошло? Несчастный случай?

Арман поднял руку и провел пальцами по затянувшемуся шраму:

– Non. Повреждение.

«И не одно», – подумала Мирна, хотя ничего не сказала.

– Это случилось некоторое время назад, – успокоил Арман молодого человека. – Сейчас я в порядке.

– Наверно, было здорово больно.

– Да. Но я думаю, другим было больнее.

«Он явно понятия не имеет, кто такой Арман», – подумала Мирна. И увидела, что Арман не собирается об этом говорить молодому человеку.

– Так или иначе, мы должны решить, – сказала она, подходя к окну. – Снегопад усилился.

– Вы правы, – сказал Арман. – Мы должны поспешить. Так мы участвуем или нет?

– Вы? – спросила у него Мирна.

Он уже принял решение. Это случилось в тот момент, когда нотариус объяснил, почему они здесь.

– Я понятия не имею, почему мадам Баумгартнер выбрала нас. Но она нас выбрала. Я не вижу причин отказываться. Я участвую. Кроме того, – он улыбнулся Мирне, – я любопытен.

– Это точно, – сказала она, потом посмотрела на Бенедикта. – Вы?

– Вы говорите, годы? – спросил Бенедикт.

– В худшем случае – да, – сказал Гамаш.

– У нас могут уйти годы, и все забесплатно, – повторил Бенедикт. – Да и черт с ним. Я участвую. Насколько плохим может это быть?

Мирна посмотрела на красивого молодого человека с отвратительной прической и в свитере из стальной стружки. «Если он смог смириться с этим, – подумала она, – то смирится и с вызывающими досаду незнакомцами, грызущимися из-за цента».

– Вы? – спросил Арман у Мирны.

– Ну, я-то всегда участвую, – с улыбкой сказала она.

И тут окна сотряслись и загремели: порыв ветра обрушился на дом. Он заскрипел, потом издал резкий треск.

Мирна почувствовала, что ее охватывает паника. Ощутила резкий вброс адреналина. В доме для них было небезопасно. Но и снаружи тоже.

А им еще предстояло возвращаться домой в Три Сосны.

– Нам нужно уезжать.

Быстро пройдя в кухню, она выглянула в окно. Свою машину ей почти не было видно: та теперь была покрыта летящим, падающим и крутящимся снегом.

– Мы участвуем, – сказала она Люсьену. – И уезжаем.

– Что? – спросил Люсьен, встав.

– Мы уезжаем, – сказал Арман. – И вам тоже нужно ехать. Где ваш офис?

– В Шербруке.

До Шербрука было не менее часа езды.

Они не снимали ни курток, ни ботинок, а теперь схватили варежки и шапки и бросились к задней двери.

– Постойте, – сказал Люсьен, снова садясь. – Мы должны прочесть завещание. Мадам Баумгартнер написала, что мы должны сделать это здесь.

– Мадам Баумгартнер мертва, – сказала Мирна. – А я планирую пережить этот день.

Она натянула шапочку на голову и следом за Бенедиктом вышла из дома.

– Месье, – сказал Арман, – мы уходим. Все, включая и вас.

Бенедикт и Мирна пробирались к ее машине по снегу, который местами уже доходил до колен. Молодой человек вытащил лопату из сугроба и уже начал откапывать ее машину.

Люсьен откинулся на спинку стула и сложил руки на груди.

– Вставайте, – сказал Арман, а когда нотариус не шелохнулся, он ухватил его под руку и поднял на ноги.

– Одевайтесь! – приказал он, и, потрясенный такой бесцеремонностью, Люсьен после короткой паузы повиновался.

Арман посмотрел на свой айфон. Сигнала не было. Метель не пропускала волны.

Он взглянул на снежную круговерть, потом на потрескивающий, скрипучий, скрюченный дом.

Они должны уходить.

Гамаш сунул бумаги в портфель, протянул его нотариусу:

– Идем.

Открыл дверь, и ветер ударил ему в лицо. У Армана перехватило дыхание. Он закрыл глаза и сморщился: снежные шарики, хлеставшие в лицо, начисто ослепили его.

Звук стихии был оглушающим.

Воющее, лупящее, яростное движение. Оно обрушилось на них, подавило собой. Мир разбушевался. И они оказались в самом эпицентре этого буйства.

Снег налипал на лицо Гамаша, и ему пришлось отвернуться. Он увидел Бенедикта, яростно борющегося со снегом лопатой: он освобождал машину Мирны из образовавшегося вокруг нее сугроба. Не успевал молодой человек очистить какой-то участок, как снег уже снова залеплял его.

Единственным небелым предметом, видимым глазу, была шапочка Бенедикта; ее длинный, в красно-белую полоску помпон казался пятном крови на снегу.

Мирна очищала лобовое стекло.

Грузовичок Бенедикта был уже весь засыпан, а машина нотариуса исчезла полностью.

Когда Арман добрался до остальных, его ботинки и рукава были

полны снега, который набился и под шапочку, и за воротник.

Мирна пыталась открыть дверь машины, но ветер дул с такой силой, что она не могла этого сделать.

– Снег слишком глубок! – крикнул Арман в ухо Мирны. – Оставьте это! – Потом он подошел к Бенедикту, орудовавшему лопатой сзади, ухватил его за руку. – Даже если мы сумеем откопать всех, дороги слишком плохи. Мы должны держаться вместе. Ваш грузовичок, пожалуй, лучшее, что у нас есть.

Бенедикт посмотрел на свою машину, потом снова на Армана.

– В чем дело? – прокричал тот, чувствуя, что тут что-то неладно.

– У меня нет зимних покрышек.

– Нет зим… – Но Гамаш оборвал себя на полуслове. Когда горит дом, искать виноватых – неподходящее время. – Ладно. – Он повернулся к Мирне и Люсьену. – Моя машина немного защищена машиной Мирны, которая действует как щит. Мою нам, вероятно, удастся откопать.

– Но я должен вернуться в Шербрук, – сказал Люсьен, показывая на свою машину, которая теперь представляла собой еще один сугроб во дворе.

– И вернетесь! – прокричала Мирна. – Только не сегодня.

– Но…

– Выкапывайте, – сказала Мирна, показывая на «вольво» Армана.

– Чем?

Арман показал на портфель Люсьена.

– Нет, – сказал нотариус, прижимая портфель к себе, как плюшевого мишку.

– Отлично, – сказала Мирна.

Она выхватила портфель из его рук и принялась спихивать им снег с дверей; Бенедикт тем временем работал лопатой, а Арман оторвал деревянные планки с крыльца дома, подсунул их под задние колеса, ботинками надежно забил их подальше.

Люсьен продолжал стоять.

Наконец им удалось открыть двери. Мирна силой затолкала нотариуса на заднее сиденье, села рядом с ним.

– Вы за рулем! – прокричал Бенедикт Арману, показывая на водительское сиденье. – Я буду толкать.

– Non. Когда мы начнем двигаться, мы не должны останавливаться. Мы опять застрянем. Тот, кто толкает, останется здесь.

Бенедикт задумался.

«Бог ты мой, – подумал Арман. – Он и в самом деле думает, не

остаться ли ему».

– Садитесь! – приказал он.

Молодой все еще в нерешительности уставился на пожилого.

– Все получится, – сказал Гамаш. На сей раз он говорил мягче, а снег продолжал падать, и драгоценные мгновения уходили. – Садитесь.

Бенедикт протянул было руку к водительской двери, но Арман остановил его.

– Садитесь, – с улыбкой сказал он и показал на пассажирскую дверь.

Мирна во второй раз проверила, пристегнулась ли она, потом закрыла глаза и вздохнула. Глубоко. И помолилась.

Машина начала сдавать назад: Гамаш очень медленно и осторожно нажимал педаль глаза.

Автомобиль словно задумался, преодолевая уступ досок.

Колеса поднялись приблизительно на дюйм снежной массы со льдом и оказались на деревянной поверхности.

Обретя сцепление, машина двинулась. Дюйм. Шесть дюймов. Фут.

Бенедикт выдохнул. Мирна выдохнула. Нотариус пытался дышать глубоко.

Арман включил переднюю передачу и немного повернул рулевое колесо, и теперь они двигались назад к проезду, высаженному соснами.

– O merde, – сказал Бенедикт.

Мирна просунулась вперед между сиденьями и увидела то, что видел он.

Выезд блокировала снежная стена. Такая высокая, что дорогу за ней они не увидели.

– Все в порядке, – сказал Гамаш. – Это означает, что тут недавно прошел снегоуборщик. Это хорошо.

– Хорошо? – переспросил Бенедикт.

– И посмотрите, что он сделал, – сказал нотариус, обретя свой голос. Или чей-то еще. Голос звучал неестественно высоко и прерывисто. – Нам через нее не проехать.

Снегоуборщик перекрыл выезд с дорожки, создал препятствие. Невозможно было сказать, насколько оно широкое, плотное. И что там, по другую его сторону.

Но выбора у них не оставалось. Проверить можно было только одним способом.

– Держитесь, – сказал Арман и нажал педаль газа.

– Вы уверены? – сказал Бенедикт, видя, как машина приближается к барьеру.

– О черт, – сказала Мирна, вжимаясь в кресло.

А потом они врезались в стену.

Снег взорвался, налип на лобовое стекло, ослепив их, а машина резко дернулась сначала в одну, потом в другую сторону.

Потом, к ужасу Бенедикта, Арман откинулся на спинку сиденья.

– Тормозите! – вскрикнул Бенедикт.

Он потянулся было рукой к рулю, но Гамаш вцепился в его запястье такой железной хваткой, что молодой человек поморщился.

Снежный пласт отвалился с лобового стекла, и теперь они увидели лес, надвигающийся на них.

Бенедикт охнул, уперся руками в приборную панель; Арман же смотрел перед собой, ждал. А потом, когда казалось, что уже поздно, осторожно нажал тормозную педаль.

Машина замедлилась. Потом остановилась. Ее капот почти прикасался к наносу по другую сторону.

В машине стояла мертвая тишина, потом послышались долгие выдохи.

Они стояли поперек дороги, перегораживая ее. Арман быстро посмотрел в одну сторону, в другую, убедился, что других машин на дороге нет.

Только дураки выезжают в такую метель.

Раздался тихий, легкомысленный смешок.

– О черт, – вздохнула Мирна.

Арман сдал назад – поставил теперь машину носом к дому. Включив аварийку, он вышел оценить понесенный ущерб.

– Что это была за фигня? – потребовал ответа Бенедикт, который тоже вылез из машины и обошел ее с другой стороны, чтобы высказать претензии Арману. – Вы сдались. Вы нас чуть не убили.

Арман обеими руками показал на машину.

– Да! – прокричал Бенедикт. – Чистое везение.

– Не без этого.

Если бы на дороге оказалась другая машина или если бы возвращался снегоуборщик…

– Вы не знали, что делать! – прокричал Бенедикт Арману, который начал счищать снег с решетки радиатора машины. – Я же все видел.

– Похоже, то, что я сделал, и то, что видели вы, – две разные вещи. Иногда лучшее, что мы можем сделать, – это не делать ничего.

– Что это еще за дзеновская фигня?

Бенедикт сердито смотрел на Гамаша, снег крутился вокруг него, кулаки молодого человека сжимались.

– Вас никто не учил ездить по снегу? – прокричал Гамаш в метель.

– Я умею это делать лучше, чем вы.

– Тогда вы сможете преподать мне урок. Но вероятно, не сегодня.

Они вернулись в машину, Гамаш включил передний ход.

– И чтобы вы знали… – сказал он, сосредоточившись на дороге. – Я никогда не сдаюсь.

– Куда мы едем? – спросил Люсьен с заднего сиденья.

– Домой, – ответила Мирна.

Глава шестая

– Мы приехали? – спросил нотариус. В очередной раз.

– Oui.

– Правда?

Ответ был таким неожиданным, что Люсьен замолчал. Он рукавом стер конденсат с окна машины и посмотрел наружу. И увидел… что там ничего нет.

А потом ветер на мгновение сдул снег, и на долю секунды сквозь разрыв в метели нотариус увидел дом. Жилье.

Дом, сложенный из плитняка, через окна со множеством переплетов испускал мягкий свет.

А потом он исчез, проглоченный метелью. Видение было настолько кратким, что Люсьен в отчаянии решил: это его воображение выстроило сказочный коттедж.

– Вы уверены? – спросил он.

– Абсолютно.

Не прошло и часа, как Арман и его гости приняли душ и облачились в сухую чистую одежду. Только Люсьен отказался от всех предложений.

Они сидели за длинным сосновым столом, а печка в дальнем конце комнаты выдавала тепло на-гора. Снег за окнами доходил до рам по обе стороны очага, отчего выглянуть на улицу было затруднительно.

Бенедикт надел хозяйскую футболку, свитер и слаксы; он уже успокоился после дороги. Горячий душ и обещание еды подняли ему настроение.

Молодой человек огляделся.

Коттедж не сотрясали порывы ветра, окна не дребезжали, несмотря на ярость разбушевавшейся стихии. «Дом построили на века, – подумал Люсьен, – и он простоял уже не меньше века. А то и двух».

Даже если бы он и постарался, очень постарался, ему вряд ли удалось бы построить такой надежный дом.

Мерсье посмотрел на мадам Гамаш, которая подавала бульон, на Армана, нарезавшего хлеб. Время от времени они обменивались словами. Их тела соприкасались на манер столь же случайный, сколь и сокровенный.

Бенедикт спрашивал себя: если бы он постарался, очень-очень постарался, смог бы он построить отношения такие же прочные?

Он поскреб грудь и поморщился.

Несколькими минутами ранее, стоя под горячей струей душа, Арман спросил у Рейн-Мари:

– Тебе имя Берта Баумгартнер о чем-нибудь говорит?

– Это не какой-то мультяшный персонаж? – спросила Рейн-Мари. – Нет, та из комиксов про Дагвуда. А она не негодяйка из комиксов про «Дунсбери»?

Он выключил душ, вышел из кабинки, взял из ее рук полотенце.

– Merci. – Вытирая волосы, он весело посмотрел на нее, но увидел, что она серьезна. – Нет, она была вроде как соседкой.

Гамаш надел вельветовые брюки, свитер, объяснил, почему его пригласили на эту одиноко стоящую ферму.

– Душеприказчик? Вероятно, ты ее знал, Арман. Иначе почему бы она тебя выбрала?

– Понятия не имею.

– И Мирна ее не знает?

– И парнишка этот тоже не знает. Бенедикт.

– И как ты это объясняешь? – спросила она.

– Никак.

– Угу, – сказала Рейн-Мари.

Поставив для них на стол кружки с бульоном, сэндвичи и пиво, Рейн-Мари оставила их и со своим ланчем ушла в гостиную.

Сидя у очага рядом с Грейси, их маленьким найденышем, Рейн-Мари смотрела в огонь и повторяла:

– Берта Баумгартнер. Берта Баумгартнер…

Нет, это имя ни о чем ей не говорило.

– Итак, – сказал Люсьен, поправляя очки на носу, – вы все согласились стать исполнителями воли покойной Берты Баумгартнер. Верно я говорю?

Бенедикт произнес нечто похожее на «верно», но, поскольку рот его был набит сэндвичем с ростбифом, получилось нечто несуразное.

Анри, лежавший у ног Армана, насторожился, навострил уши, его хвост прошелся разок туда-сюда.

– Верно вы говорите, – сказала Мирна, подражая тону нотариуса, хотя он этого, казалось, и не заметил.

Стул под ней заскрипел, когда она с кружкой горохового супа в руках откинулась на спинку. Ей хотелось взять пива, но кружка доставляла ей такое удовольствие, что она не желала выпускать ее из рук.

Арман час назад высадил ее у дверей бистро, поскольку дверь ее

магазина оказалась засыпанной снегом, и она через внутреннюю дверь прошла к себе, где, прежде чем отправиться к Гамашам, приняла горячий душ и переоделась.

– Господи боже, – сказала ее подруга Клара, прижав Мирну к себе. – Мы так беспокоились.

– Я – нет, – сказал Габри, хотя тоже крепко обнял ее. – Ты в порядке? – спросил он. – Видик у тебя говенный.

– Могло быть и хуже.

– Где ты побывала? – спросил Оливье.

Мирна не видела причин скрывать от них.

– Берта Баумгартнер? – сказал Габри. – Берта Баумгартнер? Правда? Здесь жила женщина по имени Берта Баумгартнер и я ее не знал? Кто она была?

– Ты не знаешь? – спросила Мирна.

Габри и Оливье знали всех.

– И ты не знаешь? – спросила Клара, провожая ее до двери, соединяющей бистро и книжный магазин.

– Понятия не имею. Ни малейшего.

Мирна остановилась, посмотрела в их удивленные лица.

– Ты говоришь, что и Арман стал душеприказчиком? – спросил Оливье. – Он должен ее знать.

– Нет. Никто из нас не знает. Даже нотариус.

– И она жила тут неподалеку по дороге? – спросила Клара.

– Минутах в двадцати езды отсюда. Вы уверены, что вам это имя незнакомо?

– Берта Баумгартнер, – повторил Габри, явно наслаждаясь звучанием имени.

– Не смей, – сказал Оливье, а потом, обращаясь к Кларе и Мирне, добавил: – Он ищет новое подходящее имя, чтобы подписать приглашение премьеру Трюдо на карнавал. Мы подозреваем, что имя Габри Дюбо уже попало в черный список.

– Да, я ему послал несколько писем, – признался Габри. – И пару фотографий.

– И?.. – спросил Оливье.

– И прядь волос. В мою защиту скажу: не свою, а Оливье.

– Что? Вот сукин сын!

Оливье потрогал свои редеющие волосы. Каждая светлая прядь была на счету.

Спустившись через двадцать минут в теплой, сухой одежде со своего

чердака в бистро, она обнаружила, что Габри и Оливье на улице – расчищают дорожки.

– Они не Рут откапывают? – спросила Мирна у Клары.

Откопать Рут было все равно что выпустить на свободу химеру. Такое с легким сердцем не делаешь. К тому же и загнать ее назад нелегко.

– Боюсь, что да. Они ее еще и кормят. Они налили бульон в бутылку из-под виски, надеясь, что она не заметит разницы.

– Рут, может, и не заметит, а вот Роза сразу почувствует.

Утка у Рут была разборчивая.

– Ты куда собралась? – спросила Клара, следуя за ней к двери.

– К Арману. Читать завещание.

– А мне можно?

– А ты хочешь?

– Конечно, я же предпочитаю гулять в метель, чем сидеть у огня с книгой и виски.

– Я так и думала, – сказала Мирна, распахивая дверь.

Сгибаясь от встречного ветра, она потопала по глубокому снегу.

Мирна не знала Берту, но ее неприязнь к этой женщине все увеличивалась. В геометрической прогрессии.

Арман стоял в кабинете, прижав к уху телефонную трубку.

Сквозь разрывы в метели он видел фигуру Мирны, пробирающейся к его дому по деревенской площади.

Рейн-Мари сказала ему, что телефон не работает, но он решил проверить, не восстановили ли линию.

Не восстановили.

Арман посмотрел на часы. Они показывали половину второго; если бы Гамаш этого не знал, то решил бы, что уже полночь.

Три с половиной часа прошло с того момента, когда ему позвонили в машину перед домом Берты Баумгартнер. Три с половиной часа после того сердитого обмена словами.

Когда он думал об этом, к нему возвращался запах влажной шерсти, шепот снежинок, падающих на крышу его машины.

Он сказал, что перезвонит им. Заставил их пообещать ничего не делать, пока он с ними не свяжется. А тут это.

Рейн-Мари приветствовала Мирну, а Арман, положив мертвую трубку, вернулся в кухню – к бульону, сэндвичам, пиву и чтению завещания.

– По радио говорят, что метель накрыла весь Южный Квебек, – сказала Мирна, проводя рукой по волосам. – Но закончится к ночи.

– На такой большой территории? – спросил Арман.

Рейн-Мари всмотрелась в его лицо. Вместо озабоченности он, казалось, чувствовал облегчение.

Свет в окнах квартиры Анни и Жана Ги в монреальском квартале Плато замигал.

Они оторвались от своих занятий и уставились на лампы в потолке.

Свет мигал. Мигал.

Но устоял.

Анни и Жан Ги переглянулись и вскинули брови, потом вернулись к разговору. Жан Ги рассказывал ей о своей встрече сегодня утром с расследователями.

– Они тебя просили что-нибудь подписать? – спросила Анни.

– Откуда ты об этом знаешь?

– Значит, просили?

Он кивнул.

– И ты подписал?

– Нет.

– Хорошо.

Перед его мысленным взором возникли листы бумаги на столе перед ним, их выжидающие лица.

– Ты была права. У них своя повестка. Я боюсь, твоему отцу грозит не только временное отстранение или даже увольнение.

– А что?

– Толком не знаю. Они не предъявляли никаких обвинений, но все время возвращались к наркотикам. К тем, которые он пропустил.

– Они сразу об этом знали, – сказала Анни. – Он им сразу сказал. Предупредил копов по всей стране и в Штатах. Американское управление по борьбе с наркотиками перехватило наркоту, которая пересекла границу. Верно?

– Да, с помощью твоего отца.

– И твоего.

– Oui. Но немалая часть ушла. Килограммы. Здесь. В Монреале. Где-то. Мы несколько месяцев искали. Использовали всех наших информаторов. И ничего. Когда эта дрянь попадет на улицы…

Он не закончил предложение, не зная, что сказать.

– Это просто ужасная дрянь, Анни.

– Я знаю.

Жан Ги отрицательно покачал головой:

– Ты только думаешь, что знаешь, но ты не знаешь. Представь себе худшее. Хуже не бывает.

Она представила.

– И вот это будет лучшим из того, что может случиться, – сказал он.

Анни улыбнулась, думая, что он шутит. Наверняка преувеличивает. Но потом улыбка сошла с ее лица.

Так плохо.

– Я думаю, они догадываются, какая говнобуря поднимется, когда эта дрянь попадет на улицы. Им нужен козел отпущения.

– Им?

– Им. – Он поднял руки. – Я не знаю. Я плохо разбираюсь в этой политической мерзости. Этим занимался твой отец.

– Но дело политическое?

– Я так думаю. Никого особо не беспокоит судьба тех несчастных сукиных сынов, которые будут покупать дрянь на улицах. Они прикрывают собственные задницы.

– А отец знает?

– Я думаю, догадывается. Но он все еще пытается отыскать эту чуму. Он не смотрит в том направлении. Я, честно говоря, думал, когда входил туда сегодня утром, что они мне скажут: расследование закрыто и твой отец восстановлен в правах.

– И что теперь? – спросила Анни.

– Не знаю, – сказал он, тяжело откидываясь назад. – Устал я от всего этого, Анни. Наелся.

– Я знаю. Это мерзость. Спасибо, что поддерживаешь отца.

Жан Ги кивнул, но ничего не сказал.

Он снова услышал увещевающий голос Мари: «Все это уйдет, старший инспектор. Когда вы подпишете. Тогда вы сможете продолжать жить своей жизнью».

Глава седьмая

Бенедикт, Мирна и Арман сидели, уставившись на страницу перед ними.

Потом они подняли головы и переглянулись.

Потом, словно по команде, посмотрели на Люсьена.

– Это какая-то шутка, верно? – спросила Мирна, а Арман рядом с ней снял очки для чтения и посмотрел на нотариуса.

– Не понимаю, – сказал Бенедикт.

– Все предельно ясно, – сказал Люсьен.

– Но это же чепуха, – сказала Мирна. – Лишенная всякого смысла.

Арман перевел взгляд на документ. Они наконец добрались до восьмого раздела завещания, при этом нотариус читал каждый предшествующий раздел, каждый пункт, каждое слово своим гнусавым голосом. Из-за усталости и утренних стрессов, после еды, в тепле, исходящем от печки, и под заунывный голос Люсьена им приходилось напрягаться изо всех сил, чтобы не уснуть.

Гамаш несколько раз замечал, как веки Бенедикта смыкались и голова падала, а потом молодой человек с трудом прорывался назад к действительности. Широко раскрыв глаза, он держался, пока его тяжелые веки не смыкались снова.

Но теперь сна у него не осталось ни в одном глазу. У всех них.

– Здесь сказано, – Мирна посмотрела на страницу, ткнула пальцем в нужную строку, – «Я завещаю трем моим детям по пять миллионов долларов каждому».

Она снова жестким взглядом посмотрела на Люсьена.

– Пять. Миллионов. Долларов, – повторила она. – По вашему мнению, есть в этом какой-то смысл?

– Каждому, – заметил Бенедикт. – Всего… пятнадцать миллионов.

– Пять, пятнадцать, сто миллионов, – сказала Мирна. – Какая разница. Чепуха.

– Может быть, она имела в виду деньги «Канадской покрышки»[12], – сказал Бенедикт, пытаясь быть полезным.

Нет, не имела.

– И что мы должны делать с этим? – спросила Мирна.

Она показала на завещание, потом воззвала к Арману, который смотрел на нотариуса, подняв брови.

– У нее есть такие деньги? – спросил он.

– У Берты Баумгартнер? – добавила Мирна. – Мы все в одном доме были сегодня утром? Эта женщина с явно богатым воображением вряд ли была миллионершей.

– Может быть, она была… как это говорят… – сказал Бенедикт.

– Скрягой? – спросил Арман.

– Сумасшедшей, – сказал Бенедикт.

– Мы еще не закончили, – сказал Люсьен.

Он загундосил дальше, но теперь они слушали внимательно, следили за каждым словом, а дары следовали один за другим.

Продаже подлежал ее дом в Швейцарии, а также здание в Вене. Вырученные деньги подлежат разделению между детьми и внуками. При этом миллион долларов получал местный приют для животных.

– Это мило, – сказал Бенедикт.

«Секция 8», – подумал Арман, просматривая цифры на странице. В армии США так называлось подразделение для умственно непригодных. Может быть, Бенедикт нашел точное слово.

– Титул, конечно, переходит, – читал нотариус, – моему старшему сыну Энтони.

– У-у? – протянула Мирна.

Слова к этому времени уже не давались ей, и она перешла к звукам.

– Титул? – спросил Бенедикт. – Это что такое?

– Может, имеется в виду право собственности на дом? – сказал Арман.

Лампы в кухне замигали.

Все присутствующие умолкли, уставившись на светильник, стоящий на сосновом столе, мысленно давая ему команду гореть.

Но подача мысленных команд, как они это обнаруживали на примере мадам Баумгартнер, и их исполнение – нередко две разные вещи.

Свет снова замигал, потом зажегся в полную силу.

Они переглянулись и облегченно вздохнули.

И в этот момент электричество во всем доме вырубилось.

На сей раз без всяких подмигиваний. Прекратились и все звуки. Перестал верещать холодильник, затихла печка, смолкли часы. Они сидели в тишине за кухонным столом.

Дневной свет продолжал проникать внутрь через окна кухни, но он был слаб. Словно растерял силу на долгом пути сюда.

Но вскоре умер и он.

Арман чиркнул спичкой и зажег керосиновые лампы по обе стороны стола, а Мирна зажгла свечи на кухонном островке. Все это на всякий

случай стояло наготове.

– У тебя порядок? – спросил Арман, подойдя к двери между кухней и гостиной.

Там он увидел огонь в камине и уже зажженный фонарь.

– Нет проблем, – ответила Рейн-Мари. – И никаких сюрпризов.

– Мы почти закончили. Через несколько минут приду к тебе.

Он взял два небольших полешка из аккуратной стопки, сунул их в печку, которая теперь стала их основным источником тепла. Пока никакой чрезвычайщины не наблюдалось. Но если электричества не будет долго, если пройдут дни, а температура упадет еще ниже, а огонь погаснет…

– Очень мило, – сказал Бенедикт, оглядывая световые лужи.

– Ну, давайте на этом закончим, – сказал Арман, а когда Люсьен стал возражать, Мирна поднялась со стула и просто вышла. Захватив свое пиво, она присоединилась к Рейн-Мари в гостиной.

Бенедикт последовал за ней.

Арман махнул рукой, приглашая Люсьена присоединиться к ним. Поколебавшись недолго, Люсьен неохотно встал.

Усевшись, Мирна спросила:

– Как мы будем исполнять завещание, которое не имеет смысла? Мы не можем раздать родственникам деньги, которых нет.

– Мадам Баумгартнер переоценила свою собственность? – спросила Рейн-Мари.

– Миллионов так на двадцать, – сказала Мирна.

Рейн-Мари поморщилась:

– Это называется перелет.

– Мы все исходим из того, что у нее нет денег, – сказал Люсьен. – Может быть, они у нее все же были.

– Вы так думаете? – спросил Арман.

– Конрад Кантцен.

– Прошу прощения?

– Конрад Кантцен, – повторил нотариус. – О нем мне рассказывал отец. Месье Кантцен был третьестепенным актером на Бродвее в двадцатые годы. Он побирался, питался из мусорных бачков, а когда умер, у него обнаружилось четверть миллиона долларов. Это и сегодня деньги немалые, а по тем временам целое состояние.

Они молча осмысляли это.

– Никогда нельзя знать, – сказал Люсьен.

Глава восьмая

– Арман, ты спишь?

– Мм…

Гамаш перевернулся на бок, чтобы видеть Рейн-Мари. Воздух в спальне стоял прохладный, но под пуховым одеялом было тепло. Он потянулся в поисках ее руки.

Они перенесли свой матрас в кухню и устроились у печки, чтобы ночью можно было встать и подбросить дровишек.

– Сегодня днем, узнав, что метель накрыла бо́льшую часть Квебека, ты, казалось, порадовался.

– Испытал облегчение.

– Почему?

«Объяснить это будет потруднее», – подумал он.

Анри и Грейси лежали, свернувшись на полу, рядом с ними; вдруг они зашевелились, но Арман и Рейн-Мари погладили их, и они успокоились, уснули.

– Вчера днем мне нужно было быть в Академии Sûreté на одной встрече, – прошептал Арман. – Я просил их ничего не предпринимать, пока не приеду я. Но тут налетела буря, и телефоны отключились. Вот я и забеспокоился, что они начнут без меня. Но поскольку метель накрыла такую большую территорию, я понял, что ничего не случится. Их тоже занесло снегом.

И он мог расслабиться. Зная, что в следующие несколько часов, пока воет метель, мир не будет двигаться. Замрет на месте.

В бурном, часто лихорадочном темпе жизни, в том, что тебе представлялась возможность ничего не делать, было что-то глубоко мирное. Ни Интернета, ни телефона, ни телевизора. Ни света.

Жизнь стала простой, примитивной. Тепло. Вода. Еда. Компания.

Арман вылез из-под одеяла и сразу же почувствовал холод.

Перешагнув через другие матрасы на кухонном полу, он подбросил еще поленьев в печку.

Прежде чем вернуться в теплую постель, Арман посмотрел через окно с переплетом в темноту. Потом нагнулся и подоткнул одеяло под Рейн-Мари.

И когда он сделал это, голос, резкий и неожиданный, воззвал к нему из темноты.

Предыдущим вечером те, кто не был занесен снегом, откапывали тех, кого занесло, прочищали дорожки от дома до дороги.

Габри и Оливье были приглашены к Гамашам, когда закончат, но отказались.

– Не хотим закрывать бистро, – объяснил Оливье.

– И у нас неожиданные постояльцы в гостинице! – прокричал Габри сквозь шквалистый ветер. – Не могут вывести свои машины, чтобы доехать до дому.

– Не могут найти свои машины.

Оливье лопатой показал на могильные холмы вокруг деревенской площади.

– Как ты думаешь, нам удастся привлечь к этому ребятишек? Убедить их в том, что это такая игра? – прокричал Габри в шапочку Оливье. – Тот, кто первым откопает машину, получит приз?

– А призом придется сделать мозг, – сказал Оливье.

Расчистили дорожку к дому Рут; Рейн-Мари постучала к ней, но старуха отказалась открывать дверь.

– Приходите к нам на обед! – прокричала Рейн-Мари в закрытую дверь. – Приносите Розу. У нас много еды.

– А выпивка?

– Есть.

– Нет, я не хочу выходить.

– Рут, пожалуйста… Вам не следует оставаться одной. Приходите. У нас есть виски.

– Не знаю. Последняя бутылка, которую я пробовала… у нее какой-то странный вкус.

Рейн-Мари слышала страх в ее голосе. Старуха боялась покинуть свой дом и выйти в метель. Все инстинкты выживания противились этому. И хотя Рут Зардо не очень-то подчинялась инстинктам выживания, ей все же удалось переползти через восьмидесятилетний рубеж.

В том числе и потому, что она не выходила из дому в метель.

Они один за другим в начале вечера подходили к дверям Рут, расчищая снег на тропинке. И она отфутболивала их одного за другим.

– Ну все, хватит, – сказал Арман, вставая.

Прежде чем направиться к двери, он прихватил одеяло «Гудзонов залив»[13].

– Что ты собираешься делать? – спросила Рейн-Мари.

– Приведу сюда Рут. Пусть для этого мне и придется сломать ее дверь.

– Вы собираетесь ее похитить? – спросила Мирна.

– Это не противозаконно? – спросила Рейн-Мари.

– Противозаконно, – сказал Люсьен, который был не в ладах с юмором. – Кто такая Рут? Почему она такая важная персона?

– Она личность, – сказал Арман, уже успевший надеть куртку и ботинки.

– Неужели? – одними губами спросила Мирна у Рейн-Мари.

– Ты ведь знаешь: если ты ее похитишь, выкупа тебе никто не заплатит, – сказала Рейн-Мари. – А мы будем обречены выносить ее общество.

– Рут не так уж и плоха, – сказала Мирна. – Меня беспокоит утка.

– Утка? – спросил Люсьен.

– Я пойду с вами, сэр, – сказал Бенедикт.

– Вы сомневаетесь, что я смогу привести ее сам? – шутливо спросил Арман.

– Ее сможете, – сказал Бенедикт. – Но утку?

Арман несколько мгновений смотрел на него, потом рассмеялся. В отличие от Люсьена, Бенедикт легко входил в любой разговор. Запросто отделял шутку от серьезных слов.

Бенедикт надел ботинки, куртку, шапочку и рукавицы, и Гамаш открыл дверь, но только для того, чтобы удивленно отступить.

На пороге стояла Рут, покрытая снегом. Ее тяжелое зимнее пальто топорщилось и шевелилось.

– Я слышала, у вас тут виски, – сказала поэтесса, проходя мимо них так, словно они были гости, а она – хозяйка дома.

Рут пошла в дом, на ходу роняя на пол шапочку, рукавицы, пальто и куртку.

– Это кто? – спросила Рут, показав Розой на Люсьена и Бенедикта.

Рейн-Мари представила их.

– Они не пьют виски, – сказала она, правильно предположив, что Рут ничего другого и не хочет про них знать.

В дальнем конце гостиной на обеденном столе, на котором стояли несколько керосиновых ламп и свечки, лежали на выбор хлеб, сыр, холодная курица, ростбиф и выпечка.

– Вам о чем-нибудь говорит имя Берта Баумгартнер? – спросил Арман у Рут.

Он сел на диван рядом с ней и протянул приготовленную для нее тарелку.

– Ничего, – сказала Рут.

Мирна отошла от стола на некоторое расстояние и прошептала Арману на ухо:

– Никакие другие имена, кроме «Джонни Уокера» или «Гленфиддиха»[14], ее не интересуют. Смотрите и учитесь.

Мирна вернулась к столу, положила себе на тарелку куриную ножку, немного камамбера, кусочек багета и сказала:

– Берта Баумгартнер? Оливье недавно получил целый ящик. Двадцатипятилетний. Медленного старения в дубовой бочке. Очень мягкий.

– Так что, «Берта Баумгартнер» – это выпивка? – спросила Рут, встревая в разговор.

– Нет, не выпивка, старая пьяница, – сказала Мирна. – Но нам нужно твое внимание, хотя оно и неустойчивое.

– Ты жестокая женщина, – обиделась Рут.

– Мы – исполнители ее завещания, – произнес Арман. – Но мы с ней не были знакомы. Она жила поблизости.

– Старая ферма на пути в Мансонвиль, – сказала Мирна.

– Берта Баумгартнер? Мне это имя ни о чем не говорит, – бросила Рут. – Ты – нотариус?

– Я? – прошамкал Бенедикт с набитым ртом.

– Нет, не ты. – Рут оглядела его. И его волосы. – Я вижу, у Габри появился конкурент в борьбе за кресло деревенского дурня. Я говорю про него.

– Про меня? – спросил Люсьен.

– Да, про тебя. Я знала некоего Лоренса Мерсье. Он приезжал, чтобы обсудить со мной мое завещание. Твой отец?

– Да.

– Вижу сходство, – сказала она. На комплимент ее слова не походили.

– Так вы составили завещание? – спросила Рейн-Мари, возвращаясь с тарелкой на свое место у огня.

– Нет, – сказала Рут. – Решила ничего не делать. Нечего оставлять. Но у меня есть письменные инструкции на мои похороны. Цветы. Музыка. Парад. Речи всевозможных важных персон. Дизайн почтовой марки. Все как обычно.

– Дата? – спросила Мирна.

– Ну, я, может, еще и не умру, – ответила Рут.

– Если мы не найдем осиновый кол или серебряную пулю.

– Это только слухи. – Рут обратилась к Арману. – Так эта Берта сделала тебя исполнителем ее завещания, а ты ее даже не знал? Похоже,

она чокнутая. Жаль, что я ее не знала.

– Впрочем, она не первая оставляет странное завещание, – сказала Рейн-Мари. – Разве завещание Шекспира не лишено странностей?

– Oui, – сказал Люсьен, почувствовав себя наконец на знакомой почве. – Оно было вполне стандартным до конца, в котором он написал: «Оставляю моей жене мою вторую лучшую кровать».

Это вызвало смех, потом наступила тишина: они, как ученые, несколько веков пытавшиеся понять, что это означает, пытались осмыслить услышанное.

– А как насчет Говарда Хьюза?[15] – спросила Мирна. – Ведь он умер, не оставив завещания.

– Да что говорить, он и в самом деле был чокнутый, – усмехнулась Рут.

– Моя любимая цитата из Хьюза: «Я не слабоумный миллионер, впавший в паранойю. Я миллиардер, черт побери», – сказала Рейн-Мари.

– Это мне знакомо, – кивнула Рут.

– Его завещание в конце концов было урегулировано, – добавил Люсьен.

– Да, – сказала Рут. – Спустя почти тридцать лет.

– Черт побери, – произнес Бенедикт, обращаясь к Арману, – надеюсь, нам потребуется меньше времени.

– Ну, я надеюсь, что мне потребуется меньше времени, – ответил Арман, произведя в уме подсчеты.

В комнате похолодало, и они стали жаться поближе к огню, слушая Люсьена Мерсье. Тот рассказывал о человеке, завещавшем по пенсу каждому ребенку, который придет на его похороны, и о мужьях, которые наказывали жен и детей из могилы.

– «От матери с отцом затрах, / Как и от их любви избытка», – процитировала Рут.

– Я знаю это стихотворение, – сказал Бенедикт, и все глаза обратились к нему. – Но оно о другом[16].

– Неужели? – сказала Рут. – Ты разбираешься в поэзии?

– Не то чтобы разбираюсь. Но эти стихи я знаю, – сказал Бенедикт.

Он или не почувствовал сарказма, или, по крайней мере, оказался непроницаемым для него. «Полезная черта», – подумал Арман.

– И как же, по-твоему, дальше? – спросила Рейн-Мари.

– «Родительских забот предмет, – без запинки, легко проговорил молодой человек, – ты рос и зрел под их крылом».

У всех сидевших вокруг печки глаза полезли на лоб.

– «Всю дрянь, что держат в голове, – сказала Рут, как дуэлянт надвигаясь на Бенедикта, – тебе в мозги вливают – пытка».

– «От них не знал ты слова „нет“, – ответил он. – От них узнал ты слово „дом“».

Рут сердито уставилась на него. Остальные смотрели, не скрывая удивления.

– Продолжайте, – сказала Рейн-Мари.

И Рут продолжила:

Зла непрестанна череда,
Кругами всем пришлось ходить.
Беги отсюда навсегда,
Чтобы детей не наплодить.

Теперь глаза всех обратились к Бенедикту.

Добра бессменна череда,
Ты место в ней себе найди,
Люби родителей всегда
И сам потомство наплоди.

– Он это взаправду? – спросила Рут, возвращаясь к своему виски.

Огонь лепетал в печке, а снаружи завывал ветер; метель захватила власть, заперла всех в домах.

И Арман подумал, что вопрос Рут задан очень к месту.

Взаправду ли это Бенедикт?

Они решили, что Люсьен, Мирна и Бенедикт останутся на ночь. Как и Рут. Ее с Розой поместили на матрасе ближе всех к печке в кухне.

В ранний утренний час, подложив поленьев в печку, Арман наклонился и подоткнул одеяло Рейн-Мари.

Зла непрестанна череда,
Кругами всем пришлось ходить.

Как это ни странно, Бенедиктова версия знаменитого стихотворения

отодвинула оригинал в голове Армана на задний план.

Потом он услышал движение на соседнем матрасе. И из темноты до него донесся голос:

– Кажется, я знаю, кто такая Берта Баумгартнер.

Глава девятая

Рейн-Мари немного приоткрыла глаза в полусне, вытянула руку по простыне к Арману, но нащупала швы надувного матраса.

Вторая сторона была холодна. Не охлаждалась, а уже остыла.

Она открыла глаза и увидела в окне мягкий свет раннего утра.

В печке бушевало пламя. Значит, поленья были недавно подложены.

Рейн-Мари поднялась на локте. В кухне – никого. Даже Рут и Розы нет. Даже Анри и Грейси.

Она надела халат и тапочки, щелкнула выключателем. Света еще не было. Потом она увидела записку на сосновом кухонном столе.

> *Ma Chère,*
>
> *Рут, Роза, Анри, Грейси и я пошли в бистро поговорить с Оливье и Габри. Присоединяйся к нам, если можешь.*
>
> *Целую,*
>
> *Арман*
>
> *(6:50)*

Рейн-Мари посмотрела на часы, они показывали 7:12.

Она подошла к окну. Снег доходил до его середины, блокируя бо́льшую часть света и почти целиком – видимость. Но Рейн-Мари видела, что метель исчерпала себя и, уйдя, оставила позади, как и большинство серьезных снежных бурь, солнечный день.

Хотя, как знал любой добрый квебекец, это была иллюзия. Солнце сияло вполсилы.

– Господи боже! – вырвалось у Рейн-Мари, когда она оказалась в тепле бистро. – И почему только мы здесь живем?

Щеки у нее раскраснелись, а глаза слезились, потому они не сразу приспособились к тусклому свету. Короткая прогулка до бистро сквозь сверкающую белизну чуть не ослепила ее. Злая зима намеревалась не только убить их, но сначала лишить зрения.

– Минус тридцать пять[17], – гордо сказал Оливье, словно сам нес за это ответственность.

– Но влажность низкая, – сказал Габри. – И ветра нет.

Эти слова часто произносились в виде самоутешения, когда день стоял внешне такой привлекательный и такой жестокий.

– Я чувствую какой-то запах, – сказала Рейн-Мари, сняв пальто, шапочку и рукавицы.

– Это не я, – сказала Рут.

Но у Розы вид был сконфуженный. Хотя у уток нередко бывает такой вид.

– Я не могла понять, почему вы вышли на такой холод и пришли сюда, – сказала Рейн-Мари, идя туда, куда ее вел нос, – на запах, к столу и пустым тарелкам с размазанным по ним кленовым сиропом.

Арман пожал плечами на театральный галльский манер:

– Некоторые вещи стоят того, чтобы рискнуть жизнью и конечностями.

Оливье вышел из кухни с тарелкой теплых блинчиков с черникой, сосисками, кленовым сиропом и кофе с молоком.

– Мы оставили вам немного, – сказал Габри.

– Арман нас заставил, – пояснила Рут.

– Боже, боже… – Рейн-Мари села и обхватила кружку ладонями. – Merci. – И тут ей в голову пришла одна мысль. – У вас есть электричество?

– Non. Генератор.

– И кофейный автомат подключен?

– И плита, и холодильник, – сказал Габри.

– Но не свет?

– Приоритеты, – сказал Оливье. – Вы жалуетесь?

– Mon Dieu[18], нет, конечно, – ответила она.

Ее глаза остановились на Армане. Несмотря на все шутки, она знала, что ее муж не вывел бы старую женщину на такой холод, если бы для этого не имелось веских оснований.

– Ты пришел сюда с Рут не только для блинчиков.

– Oui, – кивнул он. – Рут знает, кто такая Берта Баумгартнер.

– Почему вы не сказали вчера вечером?

– Потому что только сегодня утром вспомнила. Но я не была уверена.

Рейн-Мари вскинула брови. Это было не похоже на Рут – не быть абсолютно уверенной в себе.

– Мне нужно было поговорить с Габри и Оливье, узнать, что они думают.

– И?..

– Вы когда-нибудь слышали про баронессу? – спросил Габри, садясь рядом с Рейн-Мари.

Это и в самом деле прозвучало туманно знакомым. Словно воспоминание о воспоминании, но таком отдаленном, что Рейн-Мари знала: сама она никогда не вспомнит.

И отрицательно покачала головой.

– Нас представили ей, когда мы здесь только появились, – сказал Оливье. – Много лет назад. Представила нас Тиммер Хадли.

– Та женщина, которой когда-то принадлежал старый дом Хадли, – сказала Рейн-Мари.

Она показала в сторону великолепного здания на холме, смотрящего на маленькую деревню. Дом, которым владела и в котором когда-то, более века назад, жила «богатая» семья, возвышался над бескрайней снежной пустыней.

– Я встречалась с баронессой в доме Тиммер, – сказала Рут.

– Она еще и к нам приезжала, – добавил Габри. – Когда мы открыли гостиницу.

– Регулярно? Как друг? – спросила Рейн-Мари.

– Как уборщица.

– Скорее, – сказала Мирна, таща Бенедикта за руку.

Люсьен шел впереди на несколько шагов, но Бенедикт остановился, и Мирне пришлось вернуться за ним.

Это напоминало бег назад в пылающее здание.

Кожа на ее лице так замерзла, что горела. Холод пробился даже сквозь варежки и кусал пальцы. Она прищурилась на обжигающие солнечные лучи.

Но Бенедикт, вместо того чтобы поспешить в бистро, как это сделал бы любой квебекец, остановился. Он стоял спиной к магазинам, его огромная красно-белая шапочка своим помпоном тащилась по земле, а он смотрел на три громадные сосны, нагруженные снегом, на коттеджи вокруг деревенской площади.

– Как красиво!

Его слова появились на свет в облачке тумана, как в диалоговом облачке комикса.

– Да-да, красиво, красиво, – сказала Мирна, таща его за руку. – А теперь поспешите, или я ударю вас туда, где будет больно.

Приехали они во время метели, а потому Бенедикт впервые видел Три Сосны. Кольцо домов. Дымок из труб. Горы и леса.

Он стоял и смотрел – вид, который не менялся веками.

А тут его тащили прочь.

Через несколько минут к открытому огню принесли еще один столик, и теперь они наслаждались завтраком с кофе в бистро.

Клара увидела, что все бегут в бистро, и присоединилась к ним.

– Если на карнавал будет такая же холодища, то я с себя одежду не буду снимать, – сказала она, потирая руки.

– Что-что? – спросил Арман.

– Ничего, – ответил Габри. – Не берите в голову.

– О чем вы разговаривали, когда я вошла? – спросила Клара, принимая кружку кофе. – У вас всех был такой потрясенный вид.

– Рут вспомнила, кто такая Берта Баумгартнер, – сказала Арман.

– Кто?

– Ты помнишь баронессу? – спросил Габри.

– О да. Разве можно ее забыть?

Клара опустила вилку и вперилась в Рут.

Потом ее взгляд метнулся на окна. Но она не увидела солнца, бьющего по схваченным морозом стеклам. Не видела деревню под глубоким снегом и невероятно ясным голубым небом.

Она увидела пухлую пожилую женщину с маленькими глазками, широкой улыбкой и шваброй, которую держала, как держит флагшток исследователь Северного полюса, собирающийся водрузить флаг на макушке земли.

– Ее звали Берта Баумгартнер? – спросила Клара.

– Ну ты же не думаешь, что она была баронессой? – спросила Рут.

Клара нахмурилась. Она об этом даже не думала.

– Знаете, почему ее называли баронессой? – спросил Арман.

Они посмотрели на Рут.

– Откуда мне знать, черт побери? На меня она никогда не работала. – Она посмотрела на Мирну. – Ты – единственная уборщица, которая у меня была.

– Я не… – начала было Мирна, но потом сказала: – А чего волноваться-то?

– Тогда почему вы думаете, что эта Берта и баронесса – одно и то же лицо? – спросил Арман.

– Ты говорил, что ее дом – по дороге в Мансонвиль? – спросила Рут; он кивнул. – Старый фермерский дом у лощины?

– Oui.

– Я как-то раз подвозила баронессу – у нее тогда машина сломалась, давно это было, – сказала Рут. – Похоже, это то же самое место.

– И как он выглядел – дом? Вы не помните?

Рут, конечно, помнила все.

Каждую еду, каждую выпивку, каждый вид, каждое оскорбление, реальное, вымышленное или спровоцированное. Каждый комплимент. Каждое слово, сказанное или несказанное.

Она хранила все это и превращала те воспоминания в чувства, а чувства – в поэзию.

Я молилась, чтобы быть доброй и сильной,
За искупление грехов моих с детства
Груз первородный, за хлеб мой насущный
И моей неизбывной вины наследство[19].

Арману не требовалось особо напрягаться, чтобы вспомнить, почему именно это стихотворение Рут, довольно темное по смыслу, пришло ему на память.

– Дом у нее был небольшой, развалюха. Но привлекательный, – сказала Рут. – В ящиках на окнах – анютины глазки, бочки с цветами по обе стороны ступенек крыльца. Там были всякие пикапы и фермерское оборудование во дворе, но такое железо есть на каждой старой ферме.

Когда Арман разгреб снег и подвыпрямил стены, он почти увидел это. Дом, такой, каким он был когда-то. В теплый летний день. С более молодой Рут и баронессой.

– В последнее время вы ее не видели? – спросил он.

– Много лет, – сказал Габри. – Она перестала работать, и мы потеряли с ней связь. Я не знал, что она умерла. А вы?

Клара отрицательно покачала головой и опустила глаза.

– Моя мать была уборщицей, – сказала Рейн-Мари, правильно истолковав то, что чувствует Клара. – Семьи, где она работала, становились для нее как родные. А когда она кончала работать, то теряла с ними связь. Наверняка многие из них умирали, а она понятия не имела.

Клара кивнула, благодарная за слова о том, что дело это двустороннее.

– Как вы думаете, не могла бы баронесса Баумгартнер написать Жюстену… – начал было Габри.

– Non.

– А какой она была? – спросил Арман.

– Сильная личность, – сказал Оливье. – Ей нравился собственный голос. Много говорила о своих детях.

– Два мальчика и девочка, – сказал Габри. – Лучшие дети на земле.

Красивые, привлекательные. Умные и добрые. «Как их мать». Она часто это повторяла, а потом смеялась.

– А от нас она всегда ждала слов «Не смейтесь, это же правда», – сказал Оливье.

– И вы их говорили? – спросила Рейн-Мари.

– Если мы хотели, чтобы она убрала у нас в доме, то говорили, – ответил Габри.

Они описывали личность баронессы, и та возникала перед мысленным взором Клары. Почти всегда с улыбкой на лице. Иногда теплой и доброй. Часто с хитрецой. Но никогда со злобой.

Трудно было представить себе женщину, меньше похожую на баронессу.

И все же Клара помнила, как баронесса бралась за швабру или щетку. Работала до седьмого пота.

В этом было какое-то благородство.

Клара спрашивала себя, почему ей никогда не приходило в голову написать баронессу. Ее маленькие яркие глаза, одновременно добрые и требовательные. С хитрецой, но еще и вдумчивые. Ее траченные годами руки и лицо.

Оно у нее было примечательное, полное щедрости и желчи. Доброты и осуждения.

– Почему вы спрашиваете? – спросил Габри. – Это имеет значение?

– Не очень, – сказал Арман. – Просто дело в том, что ее завещание странновато.

– О-о-о, странновато, – сказал Габри. – Мне это нравится.

– Ты любишь гомосеков, – сказала Рут. – А странноватых ненавидишь.

– Это верно, – признал он. – Так что такого странноватого в завещании?

– Деньги, – сказал Бенедикт.

– Деньги? – переспросил Оливье, подавшись вперед.

Люсьен рассказал им о наследстве.

Выразительное лицо Оливье становилось из ошеломленного удивленным, а потом снова ошеломленным.

– Пятнадцать миллионов? Долларов? – Он посмотрел на Габри, который тоже слушал разинув рот. – Нужно было с ней дружить.

– Oui, – сказал Люсьен, довольный такой реакцией. – И дом в Швейцарии.

– А другой в Вене, – сказала Мирна.

– Она всегда казалась немного чокнутой, – сказал Габри. – Должно

быть, съехала с катушек.

– Нет. Мой отец никогда бы не позволил ей подписать завещание, если бы считал, что она не в своем уме.

– Да ладно уж, – сказала Рут. – Даже я вижу тут безумие. И дело не только в деньгах, но и в выборе трех человек, которых она даже не знала, исполнителями ее последней воли. Почему не одного из нас?

Арман посмотрел на Габри, Оливье, Рут и Клару.

Они знали эту женщину. И не знали ее.

Они знали баронессу. Не Берту Баумгартнер.

Уж не поэтому ли?

У него с Мирной нет никаких предвзятостей. Они видели ее как женщину, а не как уборщицу. И уж конечно, не как баронессу.

Но почему это имеет какое-то значение?

Может быть, все дело в профессиональном подходе. Он – полицейский, следователь. Мирна – психолог. Она умеет заглядывать в голову людям. Они оба умеют это делать. Но опять же почему это имеет какое-то значение для выполнения завещания мадам Баумгартнер?

И как она вообще узнала про них, если они о ней не знали?

А как насчет?.. Арман посмотрел на Бенедикта. Его-то с какой стати назначила она душеприказчиком?

– Кто были свидетели? – спросил он, снова подаваясь вперед.

– Соседи, – сказал Люсьен. – Хотя с содержанием завещания их не знакомили.

Арман посмотрел на часы. Стрелка приближалась к половине девятого утра. Электричества пока так и не дали. Но «Гидроквебек» нередко вспоминал о Трех Соснах в последнюю очередь.

– Ты должен ехать? – спросила Рейн-Мари, вспомнив их разговор накануне вечером.

– Боюсь, что да.

– А что с нами? – спросил Люсьен.

– Я отвезу вас на ферму. Мы вместе откопаем ваши машины.

– Необходимо оповестить наследников, – сказал Люсьен. – Я постараюсь организовать что-нибудь сегодня на вечер. Смысла ждать не имеет.

– Меня устраивает, – сказал Бенедикт.

Арман кивнул:

– Дайте мне знать где и когда.

«Моей неизбывной вины наследство», – подумал он, направляясь к машине; его ботинки поскрипывали на утоптанном снегу.

Не это ли хранит в себе старый дом? Вину и грехи, присутствующие там с самого рождения?

Глава десятая

– Входите, входите, – сказала соседка. – Не стойте на холоде.

Она была молода – лет тридцати пяти, по прикидке Гамаша. Лишь чуточку старше, чем его собственная дочь Анни. И ей, вероятно, не следовало впускать в дом абсолютно незнакомых людей.

Но по тому, как она смотрела на него, открыв дверь, Гамаш подозревал, что не был таким уж абсолютным незнакомцем. И это подтвердилось минуту спустя, когда он снял перчатки, протянул ей руку и они вошли в тесную прихожую.

– Désolé[20], – сказал он. – Извините, что побеспокоили вас, особенно в такой день. Меня зовут Арман Гамаш. Я живу в Трех Соснах – это недалеко тут по дороге.

– Я знаю, кто вы. Меня зовут Патрисия Уль.

Она пожала его руку, потом посмотрела на Мирну:

– И вас я тоже знаю. У вас книжный магазин.

– Верно. Вы у меня были несколько раз. Научно-популярная литература. Книги по садоводству. Но еще и биографии.

– Да, это я.

Люсьен представился, потом взглянул на Бенедикта.

– Бенедикт Пулио, – сказал тот. – Строитель.

– Входите, погрейтесь.

Они последовали за ней в сердце дома – кухню, где испускала тепло большая печка.

В мадам Уль, как и в ее доме, не было ничего показного. Она, судя по всему, не испытывала ни малейшей потребности произвести впечатление, а потому и производила впечатление. Как и ее прочный, простой дом.

– У меня чайник готов. Хотите по чашечке?

– Я – нет, спасибо, – сказала Мирна.

Другие тоже отказались.

– Мы не отнимем у вас много времени, – сказал Арман. – У нас всего два-три вопроса.

– Слушаю, – сказала Патрисия.

– Вы знали женщину, которая жила с вами по соседству? – спросила Мирна.

– Баронессу? Да, конечно, хотя и шапочно. А что?

Она отметила, что ее неожиданные гости переглянулись, но не могла

знать важности того, что только что сказала. Патрисия Уль только что подтвердила правоту Рут. Берта Баумгартнер была баронессой.

– Нет, ничего, – сказала Мирна. – Продолжайте.

– Это потому, что я назвала ее баронессой? – спросила Патрисия, переводя взгляд с одного гостя на другого. – Это у нас было такое прозвище для нее. Поверьте мне, сами бы мы никогда такое не выбрали. Она сама так себя называла.

– А давно вы ее знаете? – спросил Люсьен.

– Несколько лет. Что-то случилось? – Она посмотрела на Армана. – Вы здесь не в официальном качестве?

– Не в том смысле официальном, в каком вы подумали, – сказал он. – Мы ее душеприказчики.

– Она умерла?

– Да. Перед Рождеством, – сказал Люсьен.

– А я и не знала, – сказала Патрисия. – Мне известно, что она несколько лет как переехала в дом престарелых, но и не подозревала, что она ушла. Жаль. Я бы пришла на похороны.

– И вы были свидетелем подписания завещания? – спросил Арман. Когда она кивнула, он продолжил: – Она вам показалась человеком в своем уме и здравой памяти?

– О да, – сказала Патрисия. – Абсолютно в своем уме. Притом что она была немного странной. Она настаивала, чтобы ее называли баронессой, но у нас всех есть свои странности.

– Могу поспорить, что догадываюсь о вашей, – сказала Мирна.

– Наверняка, – ответила Патрисия.

– Вам нравятся ядовитые растения. Вероятно, у вас есть для них особая клумба.

– Верно, – рассмеялась Патрисия.

– Как вы узнали? – спросил Бенедикт.

– По книгам, которые покупала Патрисия, – ответила Мирна. – Одну я запомнила: «Ядовитый сад». Другая была… – Мирна напрягла память.

– «Смертельно опасные садовые растения», – сказала Патрисия. Она посмотрела на Армана и наклонила голову. – Неплохая улика, правда?

Тот улыбнулся.

– Так я познакомилась с баронессой и так узнала о ядовитых садах. У нее самой был такой. Она провела меня по нему и рассказала, что наперстянка – это дигиталис. Смертельно опасная. Еще у нее рос аконит, и ландыш, и гортензия. Все они токсичны. Как и другие многолетники, конечно. Но, как это ни странно, ядовитые из всех самые красивые.

Мирна кивнула. Она была страстным садоводом, хотя ей никогда не приходило в голову отдать целую клумбу под растения, способные убивать. Но многие люди интересовались этим, а потому издательства печатали книги про ядовитые растения. И Патрисия Уль была права. Опасные цветы были и самыми красивыми. И, как это ни странно, самыми долговечными.

– И есть такие цветы, которые и в самом деле могут убить? – спросил Бенедикт.

– Предположительно, – сказала Патрисия, – хотя я не знаю, как получать из них яд. Наверно, нужно иметь степень по химии.

– И желание, – сказал Гамаш.

Голос его звучал приятно, но глаза внимательно разглядывали Патрисию Уль, и он скорректировал свое прежнее впечатление. Она излучала ауру не только уверенности, но и компетентности.

Он обратил внимание на ее машину на улице, полностью откопанную. Снег вокруг нее был расчищен лопатой, оставившей четкие, прямые линии.

Любую работу она делала хорошо и тщательно.

Гамаш подозревал: если бы ей потребовалось, она бы сообразила, как экстрагировать яд из нарцисса.

Поблагодарив мадам Уль за помощь и гостеприимство, они оставили ее дом и направились к соседнему.

Дом Берты Баумгартнер, казалось, наклонился еще больше под грузом выпавшего снега. Было бы ошибкой подходить к нему близко, и Гамаш сделал себе заметку на память: позвонить в местный муниципалитет, чтобы обнесли дом предупредительной лентой. И как можно скорее пригнали сюда бульдозер.

Они откопали машины Мирны и Люсьена, но когда очистили пикап молодого человека, Арман не пустил его за руль.

– Вы не можете ехать на летних покрышках.

– Но мне нужно. Ничего не случится.

Гамаш знал, что такие слова были последними в жизни немалого числа молодых людей.

– Да, ничего не случится, – сказал он. – Потому что вы никуда не поедете.

– А если я все же поеду? – сказал Бенедикт. – Что вы сделаете? Вызовете полицию?

– Месье Гамашу не нужно вызывать полицию, – сказал Люсьен, но, увидев, что Бенедикт никак на это не отреагировал, добавил: – Вы и в самом деле не знаете, кто он?

Бенедикт отрицательно покачал головой.

– Я глава Sûreté du Québec, – сказал Арман.

– Старший суперинтендант Гамаш, – сказал Люсьен.

Бенедикт произнес или «О черт», или «Черт-те что». Как бы то ни было, черт в его словах присутствовал.

– Правда?

Гамаш кивнул:

– C'est la vérité[21].

Бенедикт повернулся к своей машине и пробормотал что-то вроде «Вот удача долбаная».

Гамаш ухмыльнулся. Ему один раз тоже улыбнулась такая удача, когда он был в возрасте Бенедикта. Много времени прошло, прежде чем он понял, что это и в самом деле было везение.

– Полагаю, у меня нет выбора, – сказал Бенедикт.

– Bon. Когда телефон заработает, вызовите «Помощь на дорогах», пусть они доставят вас в салон, а там купите приличные покрышки. Не какую-нибудь дешевку. D'accord?[22]

– Ясно, – пробормотал Бенедикт, обращаясь к снегу на своих ботинках.

– Все в порядке, – тихо сказал Гамаш. – Мы заплатим за покрышки.

– Я все верну.

– Преподайте мне урок езды по снегу, о котором вы говорили. И будем квиты.

– Merci.

– Прекрасно. – Гамаш обратился к Люсьену: – Дайте мне знать о времени встречи с детьми мадам Баумгартнер.

– Непременно, – сказал Люсьен.

И Мирна, которая повезла Бенедикта назад в Три Сосны, окинула взглядом двор с плотным слоем снега. И подумала о ядовитых растениях внизу. Замерзших, но не мертвых. Просто ждущих.

Впрочем, Мирна понимала: угроза исходила не от ядовитых цветов. Не от тех, которые ты видишь. О которых знаешь. К тому же эти цветы по крайней мере были красивы.

Нет. Настоящая опасность в саду исходила от вьюнка. Он сначала рос под поверхностью земли, потом вылезал наружу и подавлял всех остальных. Душил одно здоровое растение за другим. Убивал их все, убивал медленно. И делал это без всяких видимых оснований, если не считать его природу.

А потом снова исчезал под землей.

Да, истинная опасность исходила от того, что оставалось невидимым.

Глава одиннадцатая

– Так в чем проблема?

– С чего ты решила, что есть проблема? – спросил Арман.

– Вы не едите ваш… эклер.

Все слова она произносила тщательно, хотя звучали они все еще приглушенно, словно обернутые в избыток осторожности и ватную подкладку.

И ее движения, когда она поднесла ко рту печенье, тоже были взвешенные. Нарочитые. Точные. Медленные.

Гамаш приезжал к Лакост в ее дом в Монреале не реже раза в неделю. Когда стояла хорошая погода, они отправлялись на короткую прогулку, но по большей части, как сегодня, они сидели на ее кухне и разговаривали. У него вошло в привычку обсуждать с ней текущие события. Вводить ее в курс дел. Спрашивать ее мнения и советов.

Она была одним из его старших офицеров.

Он смотрел на нее теперь, как смотрел и всегда, в поисках каких-либо признаков улучшения. Реальные подвижки были лучше всего, но он был готов принять и вымышленные. Ему показалось, что дрожь в ее руках стала меньше. Речь яснее. Словарь богаче.

Да. Без сомнения. Может быть.

– Это внутреннее расследование? – спросила она, откусив кусочек наполеона, принесенного Арманом из пекарни Сары; он знал: наполеон – ее любимое пирожное.

– Нет. Оно почти закончено.

– И все же они совсем не спешат. В чем проблема?

– Мы оба знаем проблему, – сказал он.

– Да. Наркотики. Больше ничего не обнаружилось?

Она разглядывала его в поисках признаков улучшения. Оснований для надежды, что этот морок скоро кончится.

Вид у шефа был расслабленный. Уверенный. Но с другой стороны, он всегда так выглядел.

Изабель нахмурилась.

– Я тебя утомляю, – сказал он и начал вставать. – Извини.

– Нет-нет, пожалуйста. – Она помахала рукой, давая ему знак сесть. – Мне нужно… стимулирование. Дети в школу не пошли из-за метели, и вот они решили, что я должна научиться считать… до ста. Мы занимались этим

все утро, а потом я их выгнала. Я пыталась объяснить, что считать я умею. Давно уже могу… несколько месяцев, но они продолжали настаивать. – Она заглянула в глаза Армана. – Помогите мне.

Сказано это было с комически нелепым ударением, намеренно преувеличенным. И все же ее слова разбили его сердце.

– Я шучу, patron, – сказала она, скорее почувствовав, чем увидев его печаль. – Еще кофе?

– Будь добра.

Он пошел за ней к столу. Она двигалась медленно. С остановками. Нарочито. И гораздо лучше, чем кто-либо, включая и ее докторов, осмеливался надеяться.

Сын и дочь Изабель были на улице – строили снежные крепости с соседскими ребятами. Арман и Изабель слышали за окнами визги, когда одна армия атаковала тех, кто засел в крепости.

Они играли в ту же игру, в какую в детстве играл Арман. В какую двадцать лет спустя играла сама Изабель. Игра в доминирование и войну.

– Будем надеяться, они никогда не узнают… что это такое на самом деле, – сказала Изабель, стоя у окна рядом со своим боссом и наставником.

Он кивнул.

Взрывы. Хаос. Едкий запах пороха. Ослепляющая пыль камня, цемента и кирпича. Удушающий воздух.

Крики. Удушающий воздух.

Боль.

Гамаш крепче вцепился в стол, когда воспоминания нахлынули на него. Понесли. Подбросили, закрутили. Швырнули на дно.

– У вас рука все еще дрожит? – тихо спросила она.

Он взял себя в руки, кивнул:

– Иногда. Когда устаю или в особо напряженных ситуациях. Но уже не так, как прежде.

– А хромота?

– И опять главным образом когда я устаю. Я этого почти не замечаю.

Это же случилось годы назад. В отличие от ран Изабель, которые насчитывали всего несколько месяцев. Он недоумевал. Ему казалось, это произошло сто лет назад и вчера.

– Вы думаете об этом? – спросила она.

– О том, что случилось, когда тебя ранили?

Арман посмотрел на нее. Ее лицо, такое знакомое, – сколько раз он видел его, стоя на коленях перед трупом между ними. Столько раз в кабинете, за столом для совещаний. В стольких наспех созданных

оперативных штабах в подвалах и сараях, в хижинах по всему Квебеку. Когда они расследовали убийства. Изабель. Жан Ги. Сам он.

Изабель Лакост пришла к нему молодым агентом, ей тогда не исполнилось и двадцати пяти. Собственный отдел отверг ее за то, что она не проявляла достаточной жестокости, достаточного цинизма, достаточной уступчивости, чтобы знать, где правда, но поступать против нее.

Он тогда служил главой самого престижного в Sûreté du Québec отдела по расследованию убийств и предложил ей работу. К удивлению ее прежних коллег.

И Изабель Лакост выросла из рядовых агентов, в конечном счете приняла отдел от Гамаша, когда он стал главой академии, а потом и всей Квебекской полиции. Как сейчас.

Вроде бы.

Она, конечно, постарела. Быстрее, чем должна бы, могла бы, если бы он не взял ее к себе. Если бы он не сделал ее старшим инспектором. Если бы не случилось последней схватки с наркокартелями. Всего несколько месяцев назад.

– Да, думаю, – сказал он.

Изабель упала, сраженная выстрелом в голову. То, что казалось ее последним рывком, дало им шанс. Фактически спасло всех их. И все же кошмар случился страшный.

Он помнил это, самые последние действия. Но еще он помнил, не менее живо, все рейды, атаки, аресты. Расследования за многие годы. Жертв.

Все эти невидящие, уставившиеся в никуда глаза. Мужчин, женщин, детей, чье убийство они расследовали. За долгие годы. Чьих убийц он загонял в угол.

Помнил всех агентов, которых он отправлял, а часто и вел в пороховой дым.

И он помнил свою поднятую руку, готовую постучать в дверь. Стук старухи с косой. Стучал, а потом сам совершал убийство. Не физическое, но Арман Гамаш был в достаточной степени реалистом и понимал: то, что он делал, было убийством. Они навсегда оставались с ним – лица отцов, матерей, жен и мужей. Вопрошающие. Любопытствующие. Они вежливо открывали дверь, смотрели на незнакомца.

А после того как он произносил роковые слова, их лица менялись. И он видел, как на его глазах рушился их мир. Погребал их под грудой обломков. Согнутые горем, многие из них после этого никогда не разгибались. А те, кому это удавалось, смотрели на мир навсегда

изменившимся взглядом.

Личности, которыми они были до прихода Гамаша, исчезали навсегда. Умирали.

Да. Арман помнил.

– Но я стараюсь не задерживаться на этом надолго, – сказал он Изабель.

Или, хуже того, он задерживался. Переживал заново трагедии, боль. Страдания. Обосновывался в аду. Но уйти было нелегко. Оставить его агентов, мужчин и женщин, которые погибли потому, что исполняли его приказ. Следовали за ним. Он давно чувствовал, что в долгу перед ними, а потому не должен покидать это место печали. Его долг – оставаться с ними.

Друзья и врачи Гамаша помогали ему понять, что он оказывает им плохую услугу. Их жизни не могли определяться их смертями. Они принадлежали не вечной боли, но красоте своих коротких жизней.

Его неспособность двигаться дальше навсегда замораживала их в последних страшных мгновениях смерти.

Арман наблюдал, как Изабель осторожно ставит кружку на кухонный стол. Когда до поверхности оставался дюйм, ее пальцы ослабли, и кофе пролился. Немного. Но он все же видел ее ярость. Разочарование. Смущение.

Он предложил ей свой платок, чтобы она промокнула влагу.

– Merci. – Она схватила его платок, вытерла стол; он протянул руку, чтобы забрать его, но она оставила себе.

– Я его в-в-в-выстираю и верну вам, – отрезала она.

– Изабель… – сказал он спокойным, но твердым голосом. – Посмотри на меня.

Она оторвала глаза от платка, испачканного кофе, посмотрела ему в глаза.

– Я тоже все это ненавидел.

– Что?

– Мое тело. Ненавидел за то, что оно подводит меня. Что допустило то, что случилось. – Он провел пальцем по шраму на виске. – За то, что не двигалось достаточно быстро. Не предвидело такого развития событий. За то, что упало и не могло встать, чтобы защитить моих агентов. Я ненавидел его за долгое выздоровление. Ненавидел, когда спотыкался. Когда Рейн-Мари держала меня за руку, чтобы я не упал. Я видел, как люди сочувственно пялятся на меня, когда я хромал или не мог подыскать нужного слова.

Изабель кивнула.

– Я хотел вернуть мое старое тело, – сказал Арман. – Сильное и здоровое.

– Прежнее, – сказала она.

– Прежнее, – кивнул он.

Они сидели в тишине, если не считать далекий смех детей.

– То же самое чувствую и я, – сказала она. – Я ненавижу… мое тело. Ненавижу, что не могу взять моих детей и поиграть с ними, а если я сажусь с ними на пол, то им приходится помогать мне подняться. Ненавижу это. Ненавижу, что не могу… читать им перед сном и так быстро устаю, теряю ход мысли. Ненавижу, что иногда я не могу складывать. Иногда не могу… вычитать. А случаются дни…

Изабель помолчала, собралась. Она заглянула в его глаза.

– Я забываю их имена, patron, – прошептала Изабель. – Моих собственных детей.

Бесполезно говорить ей, что он понимает. Что это в порядке вещей. Она заслужила право на трудные ответы.

– А что ты любишь, Изабель?

– Pardon?

Гамаш закрыл глаза и поднял лицо к потолку:

– «Вот что я любил: фарфоровую гладь тарелки, / Слой тонкий пыли на столе, каемки синий блеск по кромке, / И влагу крыш под фонарем, и хлеба лакомую корку».

Он открыл глаза, посмотрел на Изабель и улыбнулся; у глаз и губ на его усталом лице образовались глубокие морщины.

– Там есть и дальше, но я не буду продолжать. Это стихотворение Руперта Брука. Он был солдатом Первой мировой. Стихи помогали ему в аду окопов вспоминать вещи, которые он любил. Они и мне помогают. Я составил список в уме: в нем вещи, которые я люблю, люди, которых я люблю. Это возвращает меня к здравомыслию. До сих пор.

Арман видел, что она задумалась.

То, что он предлагал, не было магическим средством, помогающим при пулевом ранении головы. Ей предстоял огромный объем работы, боли, физической и эмоциональной. Но этим вполне можно было заниматься и при солнечном свете.

– Я сильнее, здоровее, чем тот человек, которым я был прежде, до всего этого, – сказал Гамаш. – Физически. Эмоционально. Потому что это было моим долгом. И тебя ждет то же самое.

– Вещи прочнее всего, когда сломаны, – сказала Лакост. – Слова агента Морена.

Вещи прочнее всего, когда сломаны.

Арман снова услышал голос Поля Морена. Он словно стоял вместе с ними на залитой солнцем кухне Изабель.

И агент Морен был прав. Но как сильна боль излечения.

– Мне в некотором роде повезло, – сказала Изабель несколько секунд спустя. – Я не помню ничего про тот день. Ничего. Я думаю, это помогает.

– Я тоже так думаю.

– Мои дети все время хотят почитать мне… Пиноккио. Якобы это как-то связано с тем, что случилось, но черт побери, если я хоть что-то понимаю. Пиноккио, patron?

– Иногда выстрел в голову – как благословение.

Она рассмеялась:

– Как вы это делаете?

– Памятью?

– Забудьте.

Он глубоко вздохнул, посмотрел на свои ботинки, потом поднял голову, заглянул ей в глаза.

– Когда-то у меня был наставник… – сказал он.

– Господи Исусе, не тот, который обучал вас поэзии? – сказала она в шутливой панике.

На его лице застыло такое «поэтическое» выражение.

– Нет, но если ты хочешь… – Он откашлялся. – «Крушение „Гесперуса“»[23], – объявил он и открыл рот, словно собираясь читать это длиннющее стихотворение. Но вместо этого он улыбнулся, увидев, что Изабель светится от удовольствия. – Я хотел сказать, что у моего наставника была теория, согласно которой наши жизни напоминают общие дома аборигенов. Одна огромная комната. – Он распростер руку, иллюстрируя размер. – Он сказал, что если мы считаем, что можем поделить мир на отсеки, то мы заблуждаемся. Все, с кем мы встречаемся, каждое слово, которое мы говорим, каждое действие, которое предпринимаем или не предпринимаем, – все это обитает в общем доме. С нами. Всегда. И никогда его не изгнать и не запереть.

– Довольно пугающая мысль, – сказала Изабель.

– Absolument. Мой наставник, мой первый старший инспектор, говорил мне: «Арман, если ты не хочешь, чтобы в твоем общем доме пахло говном, ты должен делать две вещи…»

– Не впускать в него Рут Зардо? – спросила Изабель.

Арман рассмеялся:

– Слишком поздно. Для нас обоих.

В одно мгновение он вернулся туда. Бегом к «скорой помощи». Изабель на каталке, без сознания. Костлявая рука старой поэтессы держит Изабель за руку. Голос ее звучит твердо, когда она шепчет Изабель то единственное, что имеет значение.

Что ее любят.

Изабель не будет об этом знать, а Гамаш никогда этого не забудет.

– Non, – сказал он. – Когда впускаешь кого-то в свою жизнь, будь очень, очень осторожна. И научись примиряться с тем, что случается. Ты не можешь стереть прошлое. Оно навсегда с тобой в твоей голове. Но примириться с ним ты можешь. Если ты этого не сделаешь, – сказал он, – то будешь вести бесконечную войну с самой собой. – Арман улыбнулся своему воспоминанию. – Думаю, он понимал, с каким идиотом имеет дело. Он видел, я собирался поведать ему мою собственную теорию жизни. В двадцать три года. Он показал мне на дверь. Но когда я уходил, добавил: «И враг, с которым ты будешь сражаться, – это ты сам».

Гамаш не вспоминал о том разговоре много лет. Но думал о своей жизни начиная с того момента как об общем доме.

И вот в нем он, оглядываясь теперь назад, видел всех молодых агентов, всех мужчин и женщин, мальчиков и девочек, на чьи жизни он повлиял.

Видел он, стоя там, и тех людей, которые приносили ему страдания. Серьезные страдания. Которые чуть не убивали его.

Все они жили там.

И он никогда не сможет подружиться со многими своими воспоминаниями, этими призраками, с которыми он изо всех сил старался примириться. С тем, что он сделал с ними, и с тем, что они сделали ему.

– А опиоиды, шеф, они там? В вашем общем доме?

Ее вопрос резко перебросил его в ее комфортный дом.

– Вы их нашли?

– Нет, не все. Последняя партия здесь, в Монреале, исчезла, – признал он.

– Сколько?

– Достаточно, чтобы изготовить сотни тысяч доз.

Она молчала. Не говорила того, что он знал лучше кого бы то ни было.

Каждая из этих доз могла убить.

– Merde, – прошептала она, но тут же извинилась перед ним. – Désolé.

Изабель редко произносила бранные слова и почти никогда – в присутствии шефа. Но на сей раз они вырвались у нее на волне сильных чувств.

– И это еще не все, – сказала она, разглядывая человека, которого знала

так хорошо. Лучше, чем собственного отца. – Вас беспокоит что-то еще.

«Давит на него» было точнее сказать, но ей не хотелось произносить это слово.

– Oui. Академия.

– Академия Sûreté.

– Да. Там возникла одна проблема. Они хотят отчислить одного из кадетов.

– Такое случается, – сказала Изабель. – Прошу прощения, шеф, но почему вас это заботит?

– Ту, по поводу которой мне звонил коммандер и кого он собирается отчислить, зовут Амелия Шоке.

Изабель Лакост откинулась на спинку стула, внимательно посмотрела на Армана:

– И что? Почему он звонит вам по такому делу? Вы больше не глава академии.

– Верно.

И она увидела, что это не только давит на Гамаша, но и грозит его сокрушить.

– Что такое, шеф?

– У нее нашли опиоиды.

– Черт! – На сей раз она не стала извиняться. – Сколько?

– Кажется, больше, чем требуется для личного потребления.

– Она занимается сбытом наркотиков? В академии?

– Выходит, так.

И теперь Изабель погрузилась в молчание. Она впитывала услышанное. Размышляла.

Арман не торопил ее.

– Из вашей поставки? – спросила Изабель.

Она не хотела приписывать ему право собственности – так у нее вырвалось. И они оба знали, что он владел правом собственности. Если не на наркотики, то на ситуацию.

– Анализа еще не делали, но это вполне вероятно. – Он посмотрел на свои стиснутые руки. – Я должен принять решение.

– По поводу кадета Шоке?

– Oui. И, откровенно говоря, я не знаю, что делать.

Она всем сердцем хотела бы помочь ему.

– Мне жаль, шеф, но это дело определенно в компетенции коммандера. Не вас.

Лакост смотрела на старшего суперинтенданта Гамаша и не могла

понять, что у него на уме. Он, казалось, просит о помощи, но в то же время что-то утаивает от нее.

– Вы мне не все говорите.

– Позволь мне спросить у тебя вот что, Изабель, – сказал он, игнорируя ее слова. – Что бы сделала ты на моем месте?

– И у кадета обнаружились бы наркотики? Я бы оставила решать коммандеру академии. Это не ваше дело, шеф.

– Нет, Изабель, мое. Если у нее оказались *мои* опиоиды, как ты сказала.

– Откуда у нее эти наркотики? – спросила Изабель. – Она вам сказала?

– Коммандер еще с ней не разговаривал. Насколько ему известно, кадет Шоке даже не понимает, что у нее найдены наркотики. Я сейчас еду туда. Если он ее отчислит, она погибнет. В этом я уверен.

Лакост кивнула. Она тоже это знала. Большинство не знало только, ради чего Гамаш вообще принял Амелию Шоке в академию. Почему этой неуравновешенной молодой женщине, имевшей за плечами наркотики и проституцию, предоставили вожделенное местечко в школе Sûreté.

Но Изабель знала. Или думала, что знает.

По той же причине он вмешался и в ее карьеру и предоставил ей работу.

Он вмешался и вытащил наверх Жана Ги за минуту до того, как его самого уволили.

По той же самой причине старший суперинтендант Гамаш собирался убедить нынешнего коммандера оставить кадета Шоке в академии.

Коммандер был человеком, который искренне верил во второй шанс.

Вот только для Амелии Шоке это был не второй шанс. Уже третий.

А третий, на взгляд Лакост, был на один больше допустимого.

Вторые шансы предоставлялись из милосердия, а третьи от глупости. И возможно, еще от чего-то похуже.

Это было – или могло быть – чревато прямой опасностью: верить, что человек способен на искупление, тогда как он доказал: нет, не способен. Амелию Шоке поймали не на мошенничестве во время экзамена, не на похищении какой-нибудь безделушки у однокашника. Ее поймали с наркотиком, таким мощным, таким опасным, что он фактически убивал каждого, кто его принимал. Амелия Шоке знала это. Знала, что торгует смертью.

Старший инспектор Лакост смотрела на уверенного человека перед ней, который верил, что спасти можно любого. Что он может их спасти.

Эта его черта была одновременно и необходимым свойством, и

ахиллесовой пятой. И мало кто знал лучше, чем Изабель, что это значит. Некоторые случаи наделали немало шума. Другие проходили незаметно. Но из ахиллесовой пяты никогда ничего хорошего не выходило.

Изабель заметила, что правая рука Гамаша не дрожит. Но сжата в кулак.

Глава двенадцатая

– Садитесь.

Коммандер Академии Sûreté не стоял, когда кадет Шоке вошла в его кабинет, как не стоял и старший суперинтендант Гамаш.

Амелия подождала у дверей, как всегда дерзкая, потом прошла по комнате и уселась на указанный ей стул, плотно сложила руки на груди. Уставилась прямо перед собой.

Выглядела она точно такой, какой ее помнил Гамаш.

Черные как смоль и торчащие в разные стороны волосы. Хотя, возможно, не столь воинственные по стрижке. Он подозревал, что она, скорее, не смягчается, а просто взрослеет. А может, Арман просто привыкал к ее виду.

Кадет Шоке училась сейчас на последнем курсе. До выпуска оставались считаные месяцы.

Она при своем невысоком росте была сильной. Не по сложению, а по силе духа. И излучала агрессию.

«Пошли вы все в жопу».

Эти слова, хотя и не произнесенные, создавали вокруг нее некую щетинистую ауру.

Были времена – Гамаш тогда только-только с ней познакомился, – когда она произносила эти слова. Прямо ему в лицо. Как и всем другим. А теперь она просто думала их. Но внутренние силы этой маленькой женщины были настолько велики, что казалось, она их выкрикивает.

«И все же, – подумал Гамаш, – какой-то прогресс есть».

Она один раз коротко кивнула ему.

«Пошел в жопу».

Он не ответил. Только смотрел на нее.

Пирсинг оставался на своем месте. В брови, носу и щеке. Вдоль ушных хрящей.

И?.. Да, вот оно.

Щелк-щелк-щелк – это она постукивала кончиком языка со штырьком пирсинга по зубам.

В покере это сочли бы подсказкой.

Щелк-щелк-щелк. Подсознательная азбука Морзе Амелии.

Когда-нибудь он, может, скажет ей о ее симптоме. Но не сегодня. Сегодня он служил на пользу дела. И это было в его пользу.

Щелк-щелк-щелк.

SOS.

«Чистые простыни, – подумал Гамаш. – Запах дымка. Голова Анри на моих тапочках». Он перебирал свой собственный код. Что-то вроде четок.

Слоеные круассаны.

– Вы знаете, почему вы здесь? – спросил кадета коммандер.

Перед тем как покинуть академию (Гамаша переводили старшим суперинтендантом в Sûreté), Арман долго разговаривал со своим преемником о кадетах. Он тогда высказал пожелание позволить кадетам быть личностями. А Амелия Шоке явно была личностью. И даже больше.

– Нет, я не знаю, почему вы хотели меня увидеть. – Пауза. – Сэр.

Коммандер взял конверт со своего стола, вытащил из него пакетик:

– Узнаете?

– Нет.

Ответ прозвучал почти мгновенно – ей некогда было удивиться. Она точно знала, почему ее вызвали. И точно знала, каково содержимое пластикового пакетика.

Гамаш достаточно хорошо знал Амелию: она подготовилась к этой встрече. Пожалуй, слишком хорошо подготовилась. Не демонстрировала природное свое любопытство (даже удивление) невинной овечки.

Вместо этого Амелия давала отрепетированные ответы, говорящие о ее вине.

Арман посмотрел на коммандера – подметил ли он те же симптомы, и увидел: да, подметил.

Гамаш почувствовал, как быстрее забилось его сердце. Увидел, что приближается точка невозврата. Он принял решение: знал теперь, что должен делать, хотя в сердце его оставались сомнения. Но было понятно: он должен довести задуманное до конца.

Дыхание Амелии Шоке изменилось. Стало более коротким, более частым.

Женщина тоже видела точку невозврата. Вот она. На горизонте. Приближается. Быстро.

Щелчки прекратились. Она была настороже. Животное, которое, пожив с более мелкими существами, вдруг обнаружило мир гигантов. Выяснило вдруг, что оно мельче, чем думало. Более уязвимо, чем полагало. Больше подвергается опасностям, чем оно считало возможным. Существо, ищущее выхода, а находящее только обрыв.

– Это лежало в вашей комнате, под вашим матрасом, – сказал коммандер.

– Вы обыскивали мою комнату?

Она говорила с негодованием, и Гамаш чуть ли не восхищался ее реакцией.

Почти.

– Это не какая-то безобидная вещь, правильно, кадет Шоке? – Коммандер опустил пакетик на стол. – Это наркотик. Количество, достаточное для продажи.

– Это не мое. Я понятия не имею, откуда оно взялось. Да и как мне могла в голову прийти такая глупость – приносить эту чуму в академию. Я бы нашла место получше. Может, в чьей-нибудь комнате.

– Вы хотите сказать, что кто-то подложил вам наркотик? – спросил Гамаш.

Она пожала плечами.

– Намеренно? – настаивал он. – Кто-то пытался подставить вас? Или просто тоже не хотел держать у себя в комнате?

– Это уж вы сами решайте. Я знаю одно: это не мое.

– С пакетика сняли отпечатки пальцев…

– Умно.

Коммандер уставился на нее. Гамаш знал, что у Амелии есть способность забираться в кишки других, хотя зачем ей туда хотелось – один бог знает.

– …и скоро у нас будут результаты. Где вы это взяли?

– Это. Не. Мое.

Пощелкивание возобновилось. Теперь оно звучало как «так-так-так» и имело целью вызвать раздражение.

Гамаш видел, что коммандер борется с желанием броситься через стол и вцепиться в ее горло.

И кадет Шоке не делала ничего, чтобы спасти себя. Напротив. Она дразнила их. Самоуверенная, нахальная, почти наверняка лицемерная, она просто настаивала на своей виновности. И хуже.

Невиновный кадет в случае обнаружения у него опаснейшего наркотика заявлял бы о своей невиновности и пытался сотрудничать, чтобы найти виноватого.

Виновный кадет почти наверняка по крайней мере делал бы вид, что занимается тем же.

Ничего этого она не делала.

Из уязвимого существа, загнанного и испуганного, она превратилась в агрессора, отбрехивающегося нелепой и очевидной ложью.

Амелия Шоке была старшим кадетом. Она выросла в естественного

лидера, а не в громилу, как опасался Гамаш.

Она соображала быстро, была настороже. Стала человеком, которому другие пытались инстинктивно подражать.

А оттого кадет Шоке, как продавец наркотиков, становилась еще опаснее. Что с ее бэкграундом не было таким уж невероятным.

Подавшись к ней поближе, он увидел татуировки на ее запястьях и предплечьях: рукава своей формы она закатала до локтей. Потом его проницательный взгляд переместился на ее лицо, и он увидел что-то еще. Что-то такое, что могло объяснить ее необдуманные действия, саморазрушительное, переменчивое поведение во время этого разговора.

Реагировала она бурно. Непредсказуемо. Как наркоманка.

Уж не?..

Его глаза чуть расширились.

– Вы глупая, глупая женщина. – Он не говорил, а практически рычал. Потом обратился к коммандеру: – Нужно сделать ей анализ крови. Она под кайфом.

– Идите в жопу.

Он смерил ее уничижительным взглядом:

– Когда вы принимали эту дрянь в последний раз?

– Я ничего не принимала.

– Посмотрите на нее, – сказал Гамаш коммандеру, после чего обратился к Амелии: – У вас зрачки расширены. Вы думаете, мне непонятно, что это означает? Обыщите ее комнату еще раз, – сказал он.

Коммандер нажал кнопку.

– Я хочу покончить с этим прямо сейчас, – сказал Гамаш, снова обращаясь к Амелии.

– Не смейте! Я прошла слишком большой путь. Мы уже близко к концу. Я могу.

– Не можете. Вы все изгадили. Вы себя изгадили. Вы зашли слишком далеко.

– Нет-нет! Это глазные капли. Всего лишь капли. – Она чуть ли не умоляла. – Это только впечатление такое, будто я накачалась. Но я не накачалась.

– Скажите агентам, которые будут обыскивать ее комнату, – пусть поищут глазные капли, – сказал Гамаш, которому хотелось, чуть ли не отчаянно хотелось поверить ей. Поверить, что сама она не принимала наркотиков.

– Они ничего не найдут, – сказала Амелия. – Я их выбросила.

Наступило молчание, Гамаш вглядывался в ее расширившиеся зрачки.

Видя выражение на лице Армана, она отвернулась от него и заговорила с коммандером:

– Если вы считаете, что я стала бы торговать этой чумой, то вы гораздо хуже понимаете людей, чем я думала.

– Наркотики меняют людей, – сказал коммандер. – Наркомания меняет людей. И я думаю, вам это известно.

– Я много лет ничего не принимала, – сказала она. – Я не под кайфом. Ради бога, зачем бы я стала поступать в полицию, если бы оставалась наркоманкой?

Гамаш начал смеяться:

– Вы шутите, да? У вас есть пистолет и доступ к любому количеству наркотиков. Большинству грязных агентов, по крайней мере, хватает здравого смысла сначала окончить академию, прежде чем стать оборотнями. Правда, большинство не приходит сюда наркоманами.

– Я никогда не была наркоманкой, и вы это знаете! – Она почти визжала. – Да, я пользовалась наркотиками. Но никогда не была наркоманкой. Я бросила. Вовремя.

Ее собственные слова, казалось, оглушили ее, потому что она вспомнила, как и почему она бросила. Вовремя.

Благодаря этому человеку. Который дал ей здесь дом. Смысл и цель. Шанс.

– Я не торгую наркотиками, – сказала она. Голос ее звучал спокойнее. – Я не пользуюсь.

Гамаш посмотрел на нее проницательным взглядом. От этого зависело многое.

Принимая ее в академию, он знал: если она победит себя, то у нее будут все основания стать выдающимся офицером Sûreté. Уличная девчонка, наркоманка, ставшая копом.

Это давало ей огромное преимущество. Она знала вещи, которые никогда не откроются другим агентам. Знала не своим разумом, но изнутри. У нее имелись контакты, доверие, она знала язык улицы, который впитался ей под кожу. Она могла добраться до таких мест и людей, которые были недоступны для других.

И она знала отчаяние улиц. Холодные одинокие смерти наркоманов.

Гамаш надеялся, Амелия Шоке разделяла его глубокое желание остановить эту чуму. Но теперь он не знал, насколько велико было его заблуждение. И насколько серьезную ошибку он может совершить сейчас.

Живя среди отбросов общества, Амелия Шоке читала поэтов, философов. Она была самоучкой, сама освоила латинский и греческий.

Литературу. Поэзию.

Да, если она победит себя, она пойдет далеко. В полиции. В жизни.

Но еще он знал: если она не победит, то случится нечто не менее впечатляющее.

И Амелия Шоке, казалось, не дотянула до финишной ленточки совсем немного. Впечатляюще.

Она знала, конечно, когда вошла в кабинет, что они нашли наркотики.

Принести наркотик в академию – это было актом самоуничтожения.

Гамаш закрыл глаза. Ему предстояло принять решение. «Нет, – понял он, – неверно». Нужно было провести в жизнь то решение, которое он принял. Каким бы неприятным оно ни было.

Сидя в кабинете коммандера, он чувствовал запах влажной шерсти и слышал звук падающего снега.

Он открыл глаза и сказал коммандеру:

– Нам нужно сделать анализ крови, чтобы иметь основания для возбуждения дела против кадета Шоке.

– Дайте мне еще один шанс, – сказала она. – Я совершила ошибку.

– Ошибку? – сказал Гамаш. – Вы это так называете? Штраф за парковку – вот это ошибка. То, что совершили вы… – Он не мог найти подходящего слова. – Разрушительно. Вы разрушили собственную жизнь, и больше у вас не будет никаких шансов. Вас арестуют, и вам будет предъявлено обвинение. Как и любому другому человеку на вашем месте.

– Я прошу вас, – сказала она.

Гамаш посмотрел на коммандера, который сделал незаметное движение: принимать решение предстояло Гамашу.

– Где вы взяли наркотик?

– Этого я не могу вам сказать.

– Нет-нет, я думаю, можете. И скажете. Скажите нам, и мы подумаем, как облегчить вашу судьбу.

Последовала пауза.

Все, казалось, неустойчиво повисло в воздухе.

Потом Амелия Шоке нащупала опору:

– У вас.

Гамаш уставился на нее, зрачки его расширились. Предупреждали ее.

Дальше ни шагу.

Запах свежих круассанов. Держать Рейн-Мари в объятиях в кровати дождливым утром. Ехать по мосту Шамплена и видеть небесную линию Монреаля.

– Что вы… – начал было коммандер.

– Вы даже не знаете, да? – сказала она Гамашу, обрывая коммандера. – Вы даже не знаете, та ли это чума, которую впустили вы. Вы потеряли ее след, верно? – Теперь она подалась к Гамашу, ее зрачки расширились. – Какая фигня была у вас в голове, когда вы приняли такое решение? Вы поэтому так злитесь? Потому хотите меня наказать? За вашу собственную ошибку?

– Это не наказание, кадет, это последствия. Хочу ли я найти наркотики? Безусловно. Но я никогда не думал, что ниточка у вас.

– Бросьте. Вы знали, кем я была, когда вы меня приняли.

– Полагаю, мы должны считать, что нам повезло: вы не сожгли дотла академию.

– Откуда вы знаете, что не сожгла?

Ее слова заставили его замолчать на мгновение.

– Где вы взяли наркотик? Кто вам его продал? – спросил он теперь с угрозой в голосе.

– Какой долбаный балаган вы устроили из своего старшего суперинтендантства?

– Кадет! – предостерегающе сказал коммандер.

– И почему вы вообще консультируетесь с ним? – спросила она коммандера, снова признавая его присутствие и показывая пальцем на Гамаша. – Он отстранен. Вы теперь никто, шеф.

Последнее слово она выплюнула. И в тишине снова начались пощелкивания. На сей раз метроном работал медленно. Считал уходящие мгновения. Арман сидел совершенно неподвижно.

– Если я упаду, то следом за вами, – сказала Амелия, еще больше подаваясь вперед. – Вы развалина, старик.

«Она, вероятно, сошла с ума», – подумал коммандер. Накачалась наркотиком. Ведет себя самоубийственно. Безумно.

– Стало получше? – спросил Гамаш ровным голосом. – Выпустили желчь? Хотите еще кого-нибудь облевать?

– По крайней мере, я выбрала кого-то моих размеров, – сказала Амелия.

– Хорошо. И теперь мы можем говорить как разумные люди.

Голос Гамаша звучал спокойно, и коммандер чувствовал силу его личности. Гораздо более мощной, чем молодой кадет. Коммандер знал, что Гамаш, если захочет, может ее раздавить. Но то, что, по его представлениям, исходило от старшего суперинтенданта, не отвечало его ожиданиям. Он предполагал услышать злость, ярость.

Озабоченность. Гораздо более сильная, чем того требовал гнев

Гамаша.

«Господи боже, – подумал коммандер. – Он хочет попытаться вразумить наркоманку».

Но коммандер ошибался.

– Мы сделаем вам анализ крови, – сказал Гамаш.

– Я не даю своего разрешения, – сказала Амелия. – И если вы меня не свяжете, никакой крови вы от меня не получите. А я вас засужу в жопу.

Гамаш кивнул:

– Понятно. – Он обратился к коммандеру: – Я предлагаю кадету Шоке выйти и подождать под наблюдением в коридоре, пока мы будем говорить.

Зазвонил телефон, и Мирна положила сэндвич с хамоном на круассан.

Из глубины кресла в ее книжном магазине она оглядела его. Потом, кряхтя, подняла себя на ноги и подошла к столу:

– Oui, allô.

– Я говорил со старшим сыном – Энтони Баумгартнером. Он созвонился со своими братом и сестрой – они приедут к нему сегодня в три часа.

– Кто говорит? – любезно спросила Мирна, хотя и прекрасно знала кто.

– Люсьен Мерсье. Нотариус.

Из эркерного окна своего магазина Мирна Ландерс видела, как поднимаются кубики мягкого снега и сваливаются в общие массивные сугробы, которые окружали теперь деревенскую площадь. Они были так высоки, что Мирна теперь даже не видела, кто очищает деревню. Только ярко-красная лопата, а потом облако снега.

Ощущение такое, будто ей позвонил недавно образовавшийся горный хребет.

– Три часа, – повторила Мирна, записывая. Посмотрела на часы: половина второго. – Дайте мне адрес. – Она записала и адрес. – Я сообщу Арману, чтобы подъехал туда.

Мирна положила трубку и снова посмотрела в окно на небольшие снежные взрывы вокруг всей площади.

Потом позвонила Арману, назвала время и место встречи с семейством Баумгартнер. Доев последний сэндвич, Мирна направилась на улицу.

– Моя очередь, – сказала она Бенедикту, который теперь потел и мерз одновременно.

– Боже мой, – сказала Клара, налегая на лопату и обозревая еще не очищенную площадь. – Почему мы здесь живем?

День сверкал, на их носах висели капли, нижняя одежда прилипала к

потным телам, а наружный слой одежды превратился в ледяную корку. Они выкапывали деревню из-под снега.

Мирна слышала рядом бормотания Клары. Каждое слово сопровождалось коротким пыхтением и целой лопатой снега.

– Барбадос.

– Сент-Люсия, – сказала Мирна.

– Ямайка, – последовал ответ.

– Антигуа, – одновременно произнесли обе, орудуя своими инструментами.

Исчерпав Карибские острова, они перешли к еде.

Наполеон.

Омар. Поссет с лимоном.

Они любили такие вещи.

Арман отключился как раз в тот момент, когда коммандер вернулся в кабинет.

– Она сидит на скамье в приемной. Мой помощник наблюдает за ней.

– У него есть «тазер»?

Коммандер хохотнул и подтащил стул так, чтобы сесть лицом к Гамашу.

– И что мы будем с ней делать?

– Что вы предлагаете? – спросил Гамаш. – Это ваша академия. Она – один из ваших кадетов.

Тот задумался на секунду, глядя на старшего суперинтенданта.

– Так ли, Арман? Кажется мне, она ваша.

Гамаш улыбнулся:

– Вы думаете, я совершил ошибку, приняв ее?

– Бывшая проститутка и наркоманка под кайфом, продающая опиоиды в академии? Вы шутите, наверно. Она наше отдохновение.

Арман фыркнул от смеха, но без удовольствия.

– И все же не все смотрят на нее вот так, – сказал он, и его лицо посерьезнело.

– Знаете, на самом деле до этого случая кадет Шоке выделялась своим превосходством над другими. Необычная. Душу может вымотать из любого. Но блестящая. И не склонная к обману. Так я думал.

Коммандер посмотрел на дверь и представил многообещающую когда-то молодую женщину, сидящую по другую сторону двери.

Как уже много раз бывало на свете, судьба бесшабашной девицы решалась немолодыми мужчинами за закрытыми дверями. И хотя ни один

из них не был стар, она, как подумал коммандер, никогда не доживет до их нынешних лет.

Кадет Шоке отличалась не только безалаберностью. Старший суперинтендант Гамаш правильно сказал: ее действия были разрушительными. Но последствия можно устранить, хотя на это и потребуются значительные усилия. Или руины могут свалиться на землю полностью, погребя под собой всех, кто пытается помочь.

– О чем вы думаете? – спросил коммандер.

Потому что Гамаш и в самом деле думал о чем-то. Взвешивал.

– Что произойдет, если мы отпустим ее на свободу? – спросил Гамаш.

– Отчислим, вы хотите сказать?

Они определенно могли прибегнуть к такой мере.

Он прикидывал варианты. Они могут объявить кадету Шоке предупреждение и забыть о случившемся. Засунуть его под и без того уже бугрящийся ковер академии.

Молодые совершают ошибки, но это не значит, что на их остальной жизни нужно поставить крест. Хотя в данном случае они имели дело с чем-то гораздо большим, чем ошибка.

Или они могут вышвырнуть ее из академии.

Или арестовать и отдать под суд, обвинив в хранении и распространении наркотиков.

Старший суперинтендант Гамаш рассматривал некое среднее решение, которое для любого другого кадета стало бы обоснованным, даже благоприятным.

Чтобы оно было заслуженным наказанием, но не поставило бы крест на его дальнейшей жизни.

Вот только сейчас речь шла об Амелии Шоке. Молодой женщине, в биографии которой была и проституция, и употребление наркотиков. И которая вернулась к старым привычкам.

– Я начал просматривать, какие есть реабилитационные центры. Реабилитация ей потребуется, какой бы вариант мы ни выбрали.

Не услышав ответа, он посмотрел на старшего суперинтенданта, который в свою очередь разглядывал его.

Глаза коммандера расширились.

– Non? Но если мы не…

Его мысли вернулись к развилке дорог. И он попробовал другой маршрут.

Лицо коммандера помрачнело, всякое выражение исчезло с него, когда он заглядывал в будущее кадета Шоке, каким оно станет, если они пойдут

этим путем.

– Вы этого хотите? – тихо спросил он. – Даже не попытаетесь помочь ей?

– Однажды я ей помог – и посмотрите, к чему это привело. Если ей требуется помощь, то она сама должна прийти к этому. Так эффективнее. Мы оба знаем.

– Нет, не знаем. Мы знаем только, что она наркоманка, которая опять поскользнулась. Мы несем за нее ответственность, Арман. Мы обязаны ей помочь.

– Она не готова. Вы это видите. Это будет потерей драгоценного реабилитационного места. Которое мог бы занять другой человек. Который готов.

– Вы шутите? – Это все, что смог выдавить из себя коммандер для начала. – Вы пытаетесь убедить меня или себя, что оказываете ей большую услугу?

– Выгнать ее – никакая не услуга.

– Мне представляется, что, когда вы были ранены, вас унесли в безопасное место. Никто не ждал, чтобы вы приползли в операционную.

Гамаш чувствовал, что все его тело словно в иголках. От справедливости услышанных слов. Но он должен был оставаться твердым. Решительным.

– Она ранена, Арман. Рана глубокая. Считайте, что ее подстрелили. Она нуждается в нашей помощи.

– Ей необходимо знать, что она может сделать это сама. Если сможет – больше уже не поскользнется. Вот такую помощь мы ей сейчас и окажем.

– Бога ради, Арман, отпустить ее сейчас на свободу – все равно что убить. Вы это знаете.

– Нет. Если я дам ей свободу, то позволю распоряжаться собственной жизнью. Она сможет. Я знаю: сможет.

– Вы пришли к такому выводу, попивая виски у камина, верно?

Они разглядывали друг друга. Слова коммандера были не так уж далеки от истины. Арман сидел в своей гостиной, голова Анри лежала на его ногах, Рейн-Мари напротив читала архивные папки. За окном неторопливо падал снежок. А старший суперинтендант Гамаш решал судьбу бесшабашной девчонки.

Амелии. И тысячи других. Может быть, сотни тысяч других.

Он взвешивал варианты перед камином.

Живой и здоровый. В тепле и уюте. Он взвешивал варианты и ту жестокость, которую собирался совершить.

Двадцать минут спустя они стояли в длинном коридоре у выхода из академии.

Амелия Шоке, теперь не в форме, подошла к ним, по обе стороны от нее шли сотрудники академии. На ее плече висел большой рюкзак, набитый не одеждой, как решил Гамаш, судя по острым кромкам, выпиравшим из-под материи, а единственным, что, по мнению Амелии, следовало хранить.

Книгами.

Он смотрел, как она идет. Кадет прошла мимо. Никто из них не сказал ни слова. Она, конечно, вернется на улицу. В грязь. К наркотикам и проституции, необходимой для оплаты следующей дозы. И следующей.

Пройдя мимо него, Амелия, сделав несколько шагов, остановилась. Она засунула руку в сумку, потом одним кошачьим движением вытащила что-то и бросила в него. Предмет с такой скоростью пролетел по воздуху, что коммандер рядом с ним едва успел отвернуться.

Но инстинкты Гамаша действовали иначе.

Он не стал уворачиваться. Его правая рука взметнулась вверх и ухватила вещицу, прежде чем та ударила ему в лицо.

Арман в последний раз бросил взгляд на Амелию Шоке и увидел ухмылку на ее лице, когда она снова повернулась к нему, чтобы выставить вверх средний палец, перед тем как уйти в свою новую жизнь. Старую жизнь.

Гамаш стоял, созерцая пустой прямоугольник света; наконец дверь закрылась, и коридор погрузился в полутьму. Только тогда посмотрел он на маленькую книгу в руке. Та самая, которую он предложил ей в ее первый день в академии. Целую жизнь назад.

Его собственный экземпляр. Марк Аврелий. «Размышления».

Она отвергла подарок с ухмылкой. Но теперь он посмотрел на тоненькую книжицу. Амелия купила собственный экземпляр. Чтобы швырнуть ему в лицо.

– Excusez-moi, – сказал он коммандеру, который смотрел на него чуть ли не с ненавистью. – Могу я воспользоваться вашим кабинетом? Приватно?

– Конечно.

Гамаш позвонил, хотя дверь и не была закрыта полностью и коммандер мог слышать. Потому что он слушал.

– Она ушла. Следите за ней.

И тут коммандер понял, что сделал Гамаш. Что он делает. И что явно отвечало составленному им еще раньше плану.

Старший суперинтендант выпускал молодую женщину в дикий мир. И куда она пойдет? Наверняка назад, в грязь улицы. И там, среди подонков, она начнет искать новую дозу.

Шоке выведет их на торговца. И возможно, на всю партию опиоидов, которую глава Sûreté du Québec впустил в страну.

Старший суперинтендант Гамаш найдет наркотики и спасет множество жизней. Но для этого ему придется перешагнуть через тело Амелии Шоке.

Коммандер, провожая взглядом Гамаша, не знал, восхищается ли он теперь главой Sûreté еще больше. Или меньше.

Кроме того, он играл с одной недостойной мыслью. И сколько бы ни пытался отделаться от нее, она отказывалась уходить.

Коммандер спрашивал себя, не подложили ли ей наркотик по команде старшего суперинтенданта, который знал, чем это кончится. Знал, что случится дальше.

Арман в машине, прежде чем отправиться на встречу с Мирной и другими, снял перчатки, надел очки для чтения, взял книгу в свои большие руки.

Потом открыл, вернулся на знакомые страницы. Старый друг.

Просматривая потрепанные страницы, он нашел подчеркнутые ею строки.

«Человек должен страшиться не смерти, а того, что он никогда не начнет жить».

И он подумал о щелк-щелк-щелканье, которое слышал, когда Амелия проходила мимо. Ее подсказке.

Спасите наши души.

Глава тринадцатая

– Арман, вы должны это услышать.

Гамаш не успел войти в дом старшего сына Берты Баумгартнер, как Мирна потащила его в гостиную, где уже собрались все.

Он снял куртку, шапочку, перчатки, ботинки и теперь стоял в носках, оглядывая комнату. Вдоль дальней стены он видел стеллаж с книгами, фотографиями в рамочках и всякими сувенирами, скапливающимися в каждом доме. На другой стене висели картины. Никакого авангарда – вполне пристойные акварели, несколько картин, писанных маслом, несколько нумерованных графических копий. Окна выходили на задний двор, где на площадке, усыпанной глубоким, ярким снегом, стояли взрослые деревья. В камине потрескивали поленья.

Комната была выдержана в приглушенных, пожалуй, брутальных оттенках бежевого и голубого. Эта комната, этот дом нашептывали о комфорте и успехе.

– Арман Гамаш, – сказал он, по очереди пожимая руки трем наследникам Баумгартнер. – Примите мои соболезнования в связи с вашей утратой.

Они смотрели на него, и в их взгляде возникала некоторая неуверенность. Тот теперь уже привычный удивленный вид оттого, что человек, которого они видели по телевизору, неожиданно появился в их гостиной собственной персоной. В трех измерениях.

Он ходит и говорит.

Пожимает им руки.

Энтони, Кэролайн и Гуго.

Высокие. С аристократическими чертами. Здоровой комплекцией людей, которые любят поесть, но следят за собой.

Кроме Гуго.

Он, казалось, пошел в мать. Коротышка с животиком и румяной физиономией. Утенок среди лебедей. Хотя он скорее походил на жабу.

Энтони Баумгартнер в пятьдесят два был старшим, за ним следовала Кэролайн, а за нею – Гуго, последний. Хотя Гуго выглядел гораздо старше других, его лицо словно состарилось под воздействием стихий. Статуя из песчаника, слишком долго простоявшая под открытым небом. Волосы у него были серо-стального цвета. Не благородная седина на висках, как у Энтони, не мягкие светлые волосы, как у крашеной блондинки Кэролайн.

Энтони держался легко и даже с известным изяществом. Но первой вперед вышла Кэролайн, протянула руку.

– Добро пожаловать, старший суперинтендант, – сказала она, обращаясь к нему по званию, хотя он и не представился официально. Говорила теплым, чуть ли не музыкальным голосом. – Мы и не догадывались, что мать знает вас. Она никогда нам про вас не говорила.

– И это на нее не похоже, – сказал Гуго.

Голос его неожиданно звучал низко и мягко. Если бы земная расщелина могла говорить, то делала бы это голосом Гуго.

– На самом деле мы никогда не встречались, – сказал Арман. – Никто из нас не знал вашей матери.

– Правда? – сказал Энтони, переводя взгляд с одного гостя на другого. – Тогда почему вы стали душеприказчиками?

– Мы надеялись, что вы нам это объясните, – сказала Мирна.

Дети Берты взволнованно посовещались.

– Откровенно говоря, – сказал Энтони, – мы думали, что обойдемся без душеприказчиков, и удивились, когда позвонил мэтр Мерсье.

– Мадам Ландерс и я живем в деревне, которая называется Три Сосны, – сказал Гамаш. – Насколько я знаю, ваша мать подрабатывала там.

– Верно, – сказал Гуго. – Она говорила, что это забавная деревенька в небольшой ямке в земле.

Он сложил руки чашечкой, иллюстрируя.

Если слово «ямка» не добавляло привлекательности деревне, сделала это его иллюстрация. Сильная рука Гуго наводила на мысль не о пустоте, а об удержании чего-то драгоценного. Вода в засуху. Вино на празднестве. Или какое-то животное из Красной книги, нуждающееся в защите.

Арман поразился тому, каким выразительным был этот грубоватый с виду человек. Лаконичным знакомым жестом он сумел передать целый мир смысла.

Мирна, как и Арман, внимательно разглядывала Баумгартнеров. Не с подозрением, а скорее с профессиональным интересом к поведению. Группы. Семьи. И к тому, что происходит, когда в их обществе появляются посторонние.

Этим троим, казалось, вполне комфортно друг с другом, хотя среди них и существовала иерархия – явно с Энтони наверху.

– Хотите что-нибудь выпить? – спросила Кэролайн у гостей. – Кофе, чай? Может, что-нибудь покрепче.

– Я думаю, нам следует начать, – сказал Люсьен.

– Я бы не отказался от пива, – сказал Гуго и отправился в кухню.

– Чай меня устроит, – сказала Мирна, а Арман с ней согласился.

– Я бы тоже не отказался от пива, если вы предлагаете, – сказал Бенедикт.

Кэролайн и Энтони отправились следом за Гуго в кухню, а Арман присоединился к Мирне у стеллажа.

– Вы сказали, что я должен выслушать кое-что. Что же?

– О баронессе. Почему она так зовется.

– Да?

Мирна посмотрела на него таким измученным взглядом, что он подумал, уж не случился ли с ней какой-то острый приступ. Как выяснилось, именно приступ с ней и случился, только приступ не в физическом смысле.

– Не могу вам сказать.

– Почему? Вы сами говорите, что я должен выслушать.

– Должны. Но не от меня, а от них. – Она кивнула в сторону кухни. – Это нечто поразительное. Не знаю, правда ли это.

– Да ладно, – сказал Арман. – Вы сейчас просто дразнитесь.

– Извините, но, вообще-то, я не выслушала всю историю – вы пришли. – Она снова посмотрела в сторону кухни. – Что вы о них думаете?

– О Баумгартнерах? – Он тоже посмотрел в ту сторону. – Я еще не сформировал мнения. Кажется, они вполне себе милые. А вы?

– Я всегда ищу психозы, – признала Мирна. – Прожитые годы оставляют следы в человеческом мозгу. Если закопаться поглубже и не пожалеть времени, обязательно найдешь что-нибудь. Даже у самых уравновешенных людей.

Она глубокомысленно посмотрела на него и усмехнулась.

– Рад, что теперь не моя очередь. И что? Вы накопали уже какие-нибудь психозы у этих милых людей?

– Никаких. Что вызывает у меня беспокойство.

Он рассмеялся:

– Не переживайте. Если что-то и может говорить о безумии, так это завещание.

– Этого добра у нас уже хватает, – согласилась она. – Вы думаете, они огорчились, узнав о том, что мы – душеприказчики?

– Не уверен. То, что они удивились, – это да. Не знаю, почему мать не сказала им, что не предоставила им полную свободу.

– Я сама думаю, почему она это сделала, – сказала Мирна, глядя через открытую дверь в кухню. – Вы думаете, кто-то из них немного не того? – Она подняла руку к виску и сделала вращательное движение. – Но она

чувствовала, что не может просто бросить его, а потому лишила свободы действий всех?

– Его? Вы кого-то конкретного имеете в виду? Может, Гуго?

– Потому что у него вид подходящий? Бедняга… представляете, каково это – расти с двумя красавцами? Это может искалечить психику. Но я делаю ставку на Энтони.

Арман смотрел, как два брата и сестра готовили угощение. Кэролайн и Энтони на пару заваривали чай и выкладывали печенье. Гуго в одиночестве за столом налил два пива.

На первый взгляд атмосфера дружелюбная. Но в то же время они едва ли и словом обменялись.

– Почему Энтони? – спросил он.

– Потому что он с виду самый неподходящий кандидат. Мне всегда подозрительны люди, которые кажутся слишком уравновешенными.

– Иногда сигара…[24] – сказал Арман под смех Мирны.

Он заметил что-то за ней на полке и протянул руку.

Маленькая фотография. Серебряная рамка потускнела, черно-белый снимок подвыцвел, но он знал, кто на ней и где сделан снимок.

Трое детей Баумгартнер напротив фермерского дома, двое худых и один пухленький, руки небрежно лежат на плечах брата или сестры. Снимок сделан летом, на ребятах сползающие купальные костюмы, на лицах – широченные зубастые улыбки.

За ними в саду он увидел высокие стебли наперстянки и легкоузнаваемого аконита.

– Это что? – Он показал на еще один пучок.

– Ха! – сказала Мирна. – Баронесса, вероятно, была настоящим садовником. Не думала, что эта штука растет здесь, но ее, вероятно, защищает дождь. Или же она посадила ее как однолетник. Это красавка. Еще известна как белладонна.

Арман вернул фотографию с тремя детьми, которые росли сорняками среди ядовитых растений.

– А вот и мы, – сказала Кэролайн, и вошел Энтони с чаем и печеньем, а за ним Гуго с пивом.

Гамаш начал понимать, что это и казалось его естественным местом. В нескольких шагах за братом и сестрой. Отдельно от них. Чуть-чуть. Рядом, чтобы ощущалась их близость, но и достаточно далеко, чтобы не быть включенным.

– Мы можем продолжить? – спросил Люсьен, который отказался от всех угощений.

– Я думаю, мы должны немного вернуться назад, теперь, когда Арман здесь, – сказала Мирна. – Он не слышал, что сказала Кэролайн перед его приездом.

– Это не имеет отношения к делу, – сказал Люсьен. – Мы здесь для того, чтобы огласить завещание, – не больше.

– Вы говорили нам, почему ваша мать любила, чтобы ее называли баронессой, – подсказала Мирна Кэролайн.

– Любила? – Энтони подбросил полено в камин. – Она не «любила», она настаивала на том, чтобы ее называли баронессой.

Он вернулся на свой стул.

Кэролайн села, соединила колени, скрестила щиколотки, поправила на себе юбку и повернулась к гостям. Дама развлекается.

– Наша мать называла себя баронессой, потому что была баронессой.

Арман уставился на нее, потом обвел взглядом других. Челюсть у него не отвисла, но зрачки расширились.

Мирна посмотрела на него. Она сияла. Если бы она могла взорваться от удовольствия, то взорвалась бы. То, что началось как повинность, – согласие на работу душеприказчика по завещанию незнакомого человека – быстро превращалось не только в развлечение, но и во что-то замечательное.

«Баронесса» – говорили ее сверкающие глаза. Уборщица благородных кровей. Может, будет и еще интереснее?

По другую сторону стола дети Баумгартнер реагировали по-своему. Энтони, казалось, разделял шутку и вскинул брови в выражении: «Родители – чего вы хотите?»

Кэролайн казалась собранной, но цвет лица выдавал ее. На щеках появились розовые пятнышки.

А Гуго…

– Она вполне могла быть баронессой, – сказал он. – Мы не знаем.

– Думаю, знаем, – сказал Энтони. – Есть вещи, которые нужно научиться принимать, Гуг. Какими бы неприятными они ни были.

Он произнес имя брата как «Уг» и теперь смотрел на него.

– Никогда не видел настоящей баронессы, – сказал Бенедикт. – Вот это круто.

– Так и не видел по сей час, – заметила Мирна.

– Почему она считала себя баронессой? – спросил Арман.

– Ну, среди многого другого есть и семейное имя, – сказал Энтони.

– Баумгартнер? – спросил Бенедикт.

– Нет, – ответила Кэролайн. – Это фамилия отца. Ее девичья фамилия

Бауэр. Но ее дед, наш прадедушка, носил фамилию Киндерот.

Она внимательно посмотрела на них, явно в ожидании чего-то.

– Киндерот, – повторил Гуго.

– Мы слышали, – сказала Мирна. – Вы пытаетесь что-то донести до нас этим именем?

Бенедикт прищурился, его губы шевельнулись, он поднял пальцы. Явно пытаясь нащупать связь.

– Киндерот, – сказал он наконец. – Ребенок рот[25].

– Ребенок рот, – повторил Арман, потом задумался. – Рот чайлд? Ротшильд?

Гуго кивнул.

– Это смешно, – сказал Люсьен, фыркнув. Потом посмотрел на детей Баумгартнер. – Вы же не хотите сказать, что Берта Баумгартнер была Ротшильд?

Энтони откинулся на спинку стула, явно дистанцируясь от этих претензий.

Вид у Кэролайн был вежливо-вызывающий, она словно говорила им: ну-ка, попробуйте оспорить это. А Гуго, судя по его виду, торжествовал.

– Да.

– Те самые Ротшильды? – спросила Мирна. – Банкирская семья? Стоимостью в миллиарды.

– Вернее сказать, одна из ветвей семьи, – сказала Кэролайн. – Та, которая приехала в Канаду в тысяча девятьсот двадцатых годах и решила вложить все свои средства в фондовую биржу.

– Им повезло, – сказал Энтони. – Они хотя бы выкарабкались.

– И никакого «все» не было, – сказал Гуго. – Они приехали сюда, потому что все у них было украдено. У нас.

– Хватит, – сказал Энтони, поднимая руку. – Мы всю жизнь жуем это. Это преследовало наших родителей и наших дедов. Они с ума сходили от жажды мести. Давайте кончим об этом.

– Энтони прав, – сказала Кэролайн. – Даже если это правда, мы бессильны что-либо изменить.

– Маман говорила… – начал было Гуго.

– Маман была желчная старуха, которая сочиняла всякие глупости, чтобы чувствовать себя лучше, чистя туалеты у других людей. Она вырастила нас с любовью и желчью, заставила нас поклясться, что мы продолжим борьбу. Но, давая обещание, мы были детьми.

– Киндерами, – сказал Бенедикт.

Кэролайн не без раздражения посмотрела на него.

– Откуда вы знаете это слово? – спросила Мирна.

– Киндер? – спросил Бенедикт. – Моя подружка из немецкой семьи. И потом, я ходил в киндергартен[26]. А разве все мы не ходили?

«Детский сад», – подумал Гамаш и перевел взгляд на выцветшую фотографию в тусклой серебряной рамочке. Фотография детей в саду смерти.

– Мы не немцы, – сказал Гуго. – Мы австрийцы.

– А-а-а, – сказал Бенедикт, потом понизил голос: – Которые были осужденными каторжниками?

– Нет, конечно, – ответила Кэролайн.

Они смотрели на него секунду-другую, наконец Мирна сообразила:

– Не австралийцы. Австрийцы. Как семья фон Трапп[27]. – Это имя, судя по его лицу, ни о чем ему не сказало, и она добавила: – «Звуки музыки»? «Горы живут»? Арман, помогите мне.

– О, я думаю, вы вполне справляетесь.

Слева от него зазвучал тонкий голос, поющий «Эдельвейс, Эдельвейс…»[28], и смолк.

Они посмотрели на Гуго, а он опустил голову, явно изучая свои руки.

– Маман пела нам это, – объяснил Энтони. – Мы, наверное, сто раз смотрели этот фильм.

Арман тоже видел этот фильм с детьми. Он и сосчитать не мог – сколько раз. Теперь Гамаш уже смотрел его с внуками. И он пел им эту навязчивую песню перед сном.

«Эдельвейс». Их тяжелые веки смыкались. «Эдельвейс».

– Мы можем продолжить? – спросил Люсьен.

Он раздал копии завещания Берты Баумгартнер ее детям, а душеприказчики достали собственные экземпляры.

– Пожалуйста, перейдите к пятнадцатой странице, – сказал Люсьен. – Я подчеркну главное. Она оставляет каждому из своих детей по пять миллионов долларов, а также дома в Женеве и Вене. Ее титул переходит к старшему сыну, – сказал Люсьен серьезным голосом, словно титул существовал на самом деле. Он посмотрел на Энтони. – Вам.

– Merci, – сказал сын.

Это могло бы прозвучать саркастически, но прозвучало печально. И не только он испытывал это чувство. Арман посмотрел на остальных. Их печаль была ощутима.

Баронесса, вероятно, оторвалась от этого мира. Возможно, даже была ожесточена. Но она любила своих детей, а они любили ее.

Люсьен прочел все завещание, а закончив, обвел их взглядом:

– Есть вопросы?

Бенедикт поднял руку.

– От семьи, – сказал Люсьен.

– И как это действует? – спросила Кэролайн. – Если иметь в виду, что ничего из прочитанного не существует?

– А как насчет того, что существует? – спросил Энтони. – У нее были какие-то небольшие вложения, немного в банке. Дом? Мы не стали его продавать, пока она жила. Из уважения. Она до конца надеялась, что вернется.

– Я рад, что вы упомянули дом, – сказал Гамаш. – Мы были там вчера. Он в ужасном состоянии, вероятно, его следует снести.

– Нет, – сказал Гуго. – Уверен, его можно спасти.

Арман отрицательно покачал головой:

– Слишком опасно. Особенно под грузом снега. Боюсь, мне придется вызвать комиссию, чтобы его обследовали и, возможно, приговорили.

– Я не возражаю, – сказала Кэролайн. – Можно и землю продать. Маман два года там не жила. У меня нет никаких сантиментов насчет дома.

– Вы там выросли? – спросила Мирна.

Редко такое случалось, чтобы дети – не важно, на сколько лет они успели постареть, – не сохраняли никакой привязанности к дому, в котором выросли. Если только это место не связано для них с несчастливыми воспоминаниями.

– Ваш отец… – начала она.

– Что – отец? – спросил Энтони.

– В завещании сказано, что ваша мать овдовела.

– Да, он умер тридцать лет назад.

– Тридцать шесть, – поправил его Гуго.

– Несчастный случай на ферме, – сказала Кэролайн. – Во время сенокоса его переехал комбайн.

Мирна поморщилась. И хотя на лице Армана благодаря профессиональной выдержке ничего не отразилось, картинку эту он себе представил.

– Его Тони нашел, – сказал Гуго. – Отправился его искать, когда отец не пришел на ланч. Он умер мгновенно. Может, и не почувствовал ничего.

– Не думаю, – сказал Арман, надеясь, что тон голоса не выдал его истинных чувств.

– После этого баронесса и стала работать, – сказала Кэролайн. – Ей нужно было растить нас.

– А я пошел работать в упаковочный цех «ИГА»[29], – сказал Энтони. – А ты, Кэролайн, стала подрабатывать бебиситтингом.

– Помнишь, какая-то пара наняла тебя присматривать за их козами? – спросил, усмехнувшись, Гуго.

– Господи Исусе, помню, конечно, – сказал Энтони тоже со смехом; рассмеялась и Кэролайн. – Ты вывесила объявление в церкви, в котором написала, что любишь детей и хотела бы присматривать за ними.

– Слушай, козлиные дети вели себя в тысячу раз лучше, чем человеческие, – сказала Кэролайн.

Она сидела, свободно откинувшись на спинку и широко улыбаясь. Ее глаза сверкали.

– Вот только они лягались, – сказал Гуго. – Помнится, я ходил с тобой несколько раз – помогал.

Он потер свои голени.

– Ты им не нравился.

Арман слушал, как братья и сестра перевели разговор на хорошо знакомую им тему. Часть семейной литургии. Одни и те же истории, многократно повторяемые. На минуту они стали похожи на детей с фотографии.

А Арман не сводил глаз с Энтони Баумгартнера.

Ему, вероятно, в тот день, когда он нашел отца в поле, было едва ли шестнадцать.

Забыть такое было невозможно. Воспоминание, которое наверняка занимало немало места в общем доме Энтони, заталкивая в углы другие воспоминания о детстве – счастливые.

Родители Армана погибли в автокатастрофе, когда он был ребенком. И он до сего дня помнил каждую минуту того, что было после приезда в дом полиции.

Тот день, то мгновение повлияли на все мгновения его последующей жизни.

А Гамаш не находил родителей. Не видел их тел. Он запомнил запах печенья на арахисовом масле – он сам его пек в тот момент. И по сей день этот запах вызывает у него тошноту.

А этот человек запомнил искалеченное, окровавленное тело отца.

– Я думаю, мы должны попытаться сохранить этот дом, – повторил Гуго.

– Знаешь, тебе нужно остаться, когда все уйдут, – сказал Энтони. – Поговорим об этом.

– Что касается остального ее имущества, – сказал Люсьен, – то мы

сделаем опись, а вы можете отказаться.

– У вас есть фотографии матери? – спросил Арман.

Он последовал за Энтони к камину, на полке которого стояла фотография в рамочке.

– Вы позволите? – спросил он и, когда Энтони кивнул, взял фото.

– Это снято на последнее Рождество, – сказала подошедшая к ним Кэролайн.

Арман узнал камин, перед которым стоял сейчас. На фотографии он был украшен сосновыми ветками и ярко-красными лентами, поодаль стояла елка, увешанная шарами, ниточками с нанизанными на них попкорном и карамельками в виде тросточек. Под елкой виднелись подарки в яркой упаковке. В центре фотографии находилась пожилая женщина, сидевшая в большом кресле. Над ней и вокруг нее расположились детишки, а три ее собственных ребенка стояли сзади. Все улыбались. Кто-то смеялся.

На баронессе была бумажная корона из рождественской хлопушки, ее лицо расплылось в улыбке, и в ней просматривалось сходство с Маргарет Резерфорд[30].

Белые волосы. Отвислые щеки. Яркие голубые глаза, нависшие веки, как у бладхаунда. Огромная грудь и туловище, чтобы отирать о них руки в муке и прижимать к ним внуков.

Глядя на фото, Гамаш чуть ли не вживую ощущал запах ванильного экстракта.

Он поймал себя на том, что улыбается, и протянул фотографию Мирне.

– Великая герцогиня Глориана[31], – предложил он; она кивнула, и ее улыбка стала еще шире.

– «Мышь на Луне»[32]. – По мере того как Мирна разглядывала фотографию, занимавшую почетное место в доме сына баронессы, на ее лице появлялось все более задумчивое выражение. – Или Харви[33].

– Вы их возьмете, хорошо, – сказал Люсьен несколько минут спустя, когда они собирались уходить.

Это был не вопрос, а утверждение. Под «они» он имел в виду Мирну и Бенедикта. Словно те были мешками с картошкой. Только менее полезными.

– Мне нужно обговорить еще несколько вопросов с Энтони Баумгартнером, – сказал нотариус.

– Oui, – ответил Гамаш.

Кэролайн уходила вместе с ними, а Гуго оставался поговорить с

Энтони о будущем дома на ферме.

Немного спустя Мирна, Бенедикт и Арман сидели с Рейн-Мари у камина в бистро. К ним присоединились Клара, Рут и Габри, заказали выпивку.

Электричество подали, телефоны заработали.

– Они смогут приехать только завтра днем, – сообщил Бенедикт после разговора по телефону в баре бистро.

– Кто? – спросила Клара.

– Механики, – ответил Бенедикт. – Мой пикап все еще у дома мадам Баумгартнер. Его нужно отбуксировать и поставить на него колеса с зимними покрышками.

Он стрельнул глазами в Армана, который одобрительно кивнул.

– Я звонил в муниципалитет и настоятельно рекомендовал им проинспектировать этот дом, – сказал Арман. – Думаю, его нужно снести.

– Его еще, наверно, можно спасти, – сказал Бенедикт. – Если Баумгартнеры захотят, я мог бы попытаться.

– И думать об этом не смейте, – сказал Арман. – Кэролайн права. Они должны снести его, а землю продать.

Солнце садилось, небо, перед тем как почернеть, приобрело мягкий синеватый оттенок.

– Вы останетесь с нами на еще одну ночь, – сказала Рейн-Мари Бенедикту.

– Но у меня нет одежды.

– Мы дадим вам что-нибудь, – сказал Габри, оценивая размеры молодого человека. – Думаю, вы размером с Рут. Хотя она немного более мужеобразная.

За выпивкой они рассказали о встрече с семьей баронессы и о том, что она на самом деле считала себя баронессой. Отдаленной родственницей Ротшильдов.

– Отдаление существенное, – сказала Рут.

– Но даже если это правда, – сказала Рейн-Мари, – из этого еще не вытекает, что у нее есть титул и деньги.

– А может, и вытекает, – сказала Клара. – Как узнать?

– Люсьен проверяет, – сказала Мирна.

– Странно слышать, когда ее называют «мадам Баумгартнер», – сказала Клара. – Я знала баронессу, а эта Берта Баумгартнер – кто она?

– Мне понравились ваши слова, – сказала Мирна Арману. – Она и в самом деле похожа на Маргарет Резерфорд.

Рут выпустила виски изо рта назад в стакан и рассмеялась:

– Да, точно. Вот кого она мне напоминала.

– И все же, – ответил Арман Мирне, – думаю, вы близко подошли к самой сути. Не к ее внешнему виду, а к ее личности.

– Каким образом? – спросил Габри.

– «Харви», – сказала Мирна. – Вся встреча с семьей напомнила мне этот фильм.

Клара улыбнулась:

– Элвуд П. Дауд[34].

– Это глупо, – сказала Рут. – Баронесса ничуть не похожа на Джимми Стюарта.

Видя недоуменное выражение на лице Бенедикта, Рейн-Мари сказала:

– «Харви» – это старый кинофильм. Он о человеке…

– Об Элвуде П. Дауде, – сказала Мирна.

– …чей лучший друг – кролик ростом в шесть футов, – продолжила Рейн-Мари.

– Харви, – сказала Мирна.

– Они всюду вместе, – продолжила Рейн-Мари, – но никто его не видит.

– Оно и понятно, – сказала Рут. – Ведь он кролик ростом в шесть футов.

– Они пытаются убедить Элвуда, что никакого Харви не существует, – сказала Клара.

– Они думают, что он спятил, – сказала Рут, гладя Розу. – Пытаются привлечь его на свою сторону.

– Это напоминание о том, что, если кто-то счастлив, может быть, это единственная реальность, которая имеет значение, – сказала Рейн-Мари. – Какой вред от веры в гигантского белого кролика?

– Или в титул, – сказала Клара, поднимая стакан. – Баронесса.

– Баронесса, – сказали они.

– Но это ведь не просто титул, верно? – сказал Бенедикт. – Ведь есть еще и деньги. Миллионы. Я думаю, есть ли вред от веры в состояние, которого не существует?

– Тебе еще нужно многому научиться, молодой человек, – сказала Рут, цитируя фильм. – И я надеюсь, ты никогда этому не научишься.

Глава четырнадцатая

– И что ты собираешься делать? – спросила Анни; их машина медленно спускалась с холма в Три Сосны. – Ты ему собираешься сказать?

– О чем? – спросил Жан Ги. – О расследовании или…

Он почувствовал, что зад машины начинает заносить на снегу и льду, и перестал говорить, чтобы сосредоточиться. Его глаза впились в дорогу, он полностью сконцентрировался на управлении. Руки легко держали рулевое колесо.

Жан Ги мельком кинул взгляд в зеркало заднего вида, увидел пристегнутого к сиденью Оноре: мальчик смотрел в окно.

– Я думаю, в первую очередь мы должны подумать и решить, а ты как считаешь? – сказал он наконец, когда машина спустилась с холма и они поехали вокруг деревенской площади.

По обе стороны дороги громоздились снежные стены, и за ними ничего не было видно, кроме света из скрытых домов.

Жан Ги никогда в жизни ничего подобного не видел. Это было прекрасно и тревожно. Утешительно и зловеще. Словно природа пыталась решить, защищать ли ей маленькую деревню или сожрать ее.

Он подвел машину к проезду, вырубленному в стене, снежному туннелю, ведущему к дому Гамаша. Но Анни не вышла, продолжала сидеть; ее лицо светилось отраженным от снега сиянием фар.

– Все кончится хорошо, – сказала она и, подавшись к мужу, поцеловала его в щеку.

Это было действие такой простоты, что Жан Ги вполне мог не заметить красоты ее поступка.

Она поцеловала его. Без всяких на то оснований.

Для человека разумного в этом было что-то невероятное.

– Как прошла вчерашняя встреча? – спросил Гамаш, когда они с Жаном Ги устроились в кабинете.

Они только что поужинали. Пастуший пирог и шоколадный торт. Оноре спал в своей комнате.

Неожиданный гость Гамашей, молодой человек со странной стрижкой, Бенедикт, отправился в бистро выпить. После того как его представили Анни и Жану Ги, Бенедикт почти все время играл с Оноре. Когда мальчика положили в кровать на ночь, а они поужинали, Бенедикт спросил, не будут

ли они возражать, если он пойдет выпить пива.

– Милый парнишка, – сказал Жан Ги.

– Да, – подтвердил Арман.

– Что ты о нем знаешь?

Жан Ги говорил непринужденным голосом, но Арман знал зятя слишком хорошо, чтобы обмануться.

– Ты спрашиваешь, велика ли вероятность того, что он убьет нас во сне?

– Просто думаю, – сказал Жан Ги.

Бенедикт не голосовал, стоя у края дороги, не носил балаклаву, не имел при себе мачете. Но что Арман знал про него на самом деле?

– Я проверил на скорую руку, – сказал его тесть. – Он тот, за кого себя выдает. Строитель. Живет в Монреале, вероятно с подружкой.

– Вероятно?

– Да, тут странновато, – признал Арман, когда они сели.

Когда не было ни света, ни связи, Бенедикт, казалось, не испытывал никаких неудобств из-за того, что не может связаться с подружкой, сообщить ей, где находится, что с ним все в порядке. Или проверить, все ли в порядке с ней. Если бы во время такой метели потерялась Рейн-Мари, Гамаш бы горы сдвинул, чтобы с ней ничего не случилось.

Жан Ги кивнул. То же самое он мог сказать про себя и Анни. Это даже был не выбор, а инстинктивное действие.

– Может, они не влюблены, – сказал он. – Ты думаешь что-то другое?

– Я думаю, что его подруга может быть удобной выдумкой, – с улыбкой сказал Арман. – Я думаю, он симпатичный парень, которому нужно найти способ выбраться из неудобных ситуаций.

– Значит, он выдумал несуществующую подружку? – Он внимательно посмотрел на тестя. – Только не говори мне, что когда-то ты тоже выдумывал.

Арман рассмеялся:

– Когда я был молод, выдумывал и я. Вот обзавестись настоящей было проблемой.

– Я понимаю, почему у тебя были трудности, но зачем этому парню выдумывать себе подружку? Вряд ли у него возникали проблемы с девчонками.

– В этом-то и может быть собака зарыта. Так ему легче избавляться от нежелательных заигрываний.

– Вымышленная любовница. Умно.

Он пожалел, что не подумал об этом раньше. Вспомнил приглашения,

на которые он не хотел отвечать, которые отклонял. Можно сослаться на подружку.

Черт. Если так, то этот Бенедикт умнее, чем кажется. Впрочем, это не так уж трудно.

– Так если она не существует, то откуда эта прическа? – спросил Жан Ги. – Ведь она это сделала, правда?

– Это трудно объяснить. Ты не видел, какой на нем был свитер. Она сделала его из стальной стружки.

– Значит, она должна существовать. Молодому человеку нужно с кем-то заниматься сексом. Я помню… – Он вовремя сообразил, с кем говорит, – и осекся. – Хочешь, чтобы я его проверил, шеф?

– Нет, не стоит. Это не наше дело.

– Конечно, другой вопрос, почему он назначен душеприказчиком в завещании, – сказал Жан Ги. – Почему все вы названы душеприказчиками. Ты и вправду считаешь, что она была баронессой?

– Нет, – ответил Арман. – Не считаю. Думаю, ее дочь права. Она выдумала себе титул для собственного удобства. У нас всех есть свои фантазии, в особенности в детстве. Но большинство из них вырастает. Я думаю, мадам Баумгартнер так и осталась в детстве.

– И передала свою фантазию детям.

– Я в этом сомневаюсь. Я думаю, дочь с фантазией рассталась, Энтони относится к ней иронически. А вот младший сын, Гуго… тут я не знаю.

– Может, поэтому она выбрала вас и Мирну. В момент здравомыслия она поняла, что запудрила им мозги своими фантазиями. Ты можешь себе представить, какая началась бы драка, если бы дети сами разбирались с завещанием?

– Но это не объясняет, почему именно мы, – сказал Арман. – И уж точно не объясняет Бенедикта.

– Верно. – Жан Ги задумался на секунду. – Он понравился Оноре.

Этот вывод казался непоследовательным, но Арман знал: последовательность есть. Он тоже обратил внимание на то, как Оноре воспринял Бенедикта. Глупо было бы доверяться инстинктам ребенка. Но и полностью скидывать их со счетов тоже было бы неразумно.

Арман устроился поудобнее, потом спросил:

– Так как прошел вчера разговор?

– С расследователями?

Ответом ему было молчание, и Жан Ги сразу же понял свою ошибку. Задавая этот вопрос, он как бы сообщал, что был и другой.

Бовуар ждал, что его тесть спросит.

Был и еще разговор?

Но Гамаш не спрашивал. Он просто сидел, закинув ногу на ногу, и ждал.

– Нормально прошел.

– Слушай, не забывай, с кем ты говоришь.

Гамаш сказал это спокойно, будничным тоном. Но предупреждение было четким.

Не лги.

Через закрытую дверь они слышали голоса в соседней комнате. Анни и Рейн-Мари.

Мало в жизни было вещей столь же успокоительных, как доносящиеся из соседней комнаты голоса людей, которых ты любишь.

Вместо генератора белого шума или записи дождя либо океана, если бы его когда-нибудь одолевала бессонница, он бы хотел слушать голоса этих двух женщин. Он погрузился бы в забытье под непрерывное неразборчивое бормотание, которое напоминало бы ему, что он больше не один.

А правда состояла в том, что предыдущую ночь он плохо спал. Ему предстояло принять решение, и потому он волновался.

Бовуар мысленно вернулся к встрече с расследователями Sûreté днем ранее.

– Настроены они были дружески, – медленно, тщательно подбирая слова, сказал он. – Но они словно предлагали мне выход. Спасательную шлюпку.

– А ты не чувствовал, что корабль тонет?

Бовуар кивнул.

– Я думал, что проблема решена. Правда. Я полагал, что приду на эту встречу и мне скажут: всё, дело закрыто. Твое отстранение прекращено.

– Ты и вправду так думал?

– А ты – нет?

Гамаш задумался. Поначалу он, может, и надеялся.

Но потом, когда стали задавать все новые и новые вопросы, а он снова и снова объяснял, что случилось и почему, когда это повторялось и повторялось, он понял, что головы у них работают. И он слышал эту работу, понимал, в каком направлении они мыслят.

Вся эта история дала ему интересную возможность посмотреть на мир глазами подозреваемого. Попытаться объяснить что-то, казавшееся необъяснимым в ярком свете дня.

Впрочем, голова у него в это время оставалась ясная.

– Я думаю, на данном этапе возможно все, – сказал он Жану Ги.

Голоса за дверью не смолкали. До них доносился тихий смех, когда одна или другая отпускала какую-нибудь шутку.

Из маленькой комнаты не было слышно ни звука. Тишина, которая у Жана Ги так редко случалась в прошлом; впрочем, она немного напоминала ему о том времени, которое они провели в отдаленном монастыре Saint-Gilbert-Entre-les-Loups – Святой Гильберт среди волков. Там тоже было тихо, но настолько, что в нем рождалась тревога.

Он хотел нарушить нынешнюю тишину, но инстинктивно чувствовал: она ему не принадлежит и нарушать ее он не может.

И потому он ждал.

Гамаш сидел на своем привычном стуле, но сейчас все казалось непривычным. И он понял, что на самом деле лелеял надежду о своем оправдании.

Что Жан Ги позвонит после разговора с расследователями и скажет ему: все кончилось. А потом его вызовет премьер, сообщит, что он оправдан и его отстранение будет снято.

Жан Ги так и не позвонил. Правда, телефоны не работали, давая возможность этой призрачной надежде оставаться живой.

Гамаш улыбнулся про себя и немного лучше понял мадам Баумгартнер. У нас всех есть свои заблуждения.

Теперь он видел, как ошибался.

Кто-то должен быть виноват. Если наркотик попал на улицу, что неизбежно случится теперь уже в любой день, его покарают. И почему бы и нет? В конечном счете ответственность нес только он. И больше никто.

Это было утешением. Когда корабль все же утонет, Гамаш никого не возьмет с собой. Это будет следствием его собственного решения. И огня по своим.

Он видел свою мать: она встала перед ним на колени, поправила на нем рукавицы и шапочку. Завязала громадный шарф на шее, погладила, а он уже чуть не бежал в холодное монреальское утро, в школу. Она посмотрела на него и сказала: «Помни, Арман. Если когда-нибудь попадешь в беду, обратись к полицейскому».

Мать смотрела в его глаза таким серьезным взглядом, какого он никогда не видел, и не улыбнулась, пока он не дал торжественного согласия.

Вот те крест, чтоб мне не жить.

И теперь, пятьдесят лет спустя, он сидел в своем собственном доме, ощущая слабый запах печенья на арахисовом масле.

Потом он услышал за дверью тихий смех жены и дочери. Подумал о своем спящем внуке. Вспомнил сына Даниеля, невестку и двух внучек.

Он заглянул в глаза своего зятя. Заместителя. Друга.

В безопасности. И никаких сожалений.

Потом Арман посмотрел на свой стол и лежащую на нем книгу. Ту, которой в него в буквальном смысле швырнули сегодня.

«Человек должен страшиться не смерти, а того, что он никогда не начнет жить».

– Твоя прежняя комната, – сказала хозяйка.

Ее пухлявая рука с ногтями, желтыми от никотина, легла на дверь и толкнула ее; изнутри хлынул застоялый запах.

Несмотря на морозную ночь, здесь была духота, старые металлические батареи не регулировались. Они излучали тепло, которое только ускоряло тление. Запах был такой, будто здесь что-то разлагалось.

Вонь мочи никуда не делась. Как никуда не делись стоны, ворчание людей. Чувствующих, как ускользают их жизни. Уходят через их пальцы и в сточную канаву.

Хозяйка стала еще толще, еще рыхлее. Единственный зуб висел на ниточке резины и раскачивался, когда она фыркала от смеха, а от ее дыхания несло скотобойней.

Дверь закрылась, и Амелия услышала шаркающие шаги, удалявшиеся по коридору.

Она вдохнула через рот, пощелкала пирсингом по зубам, швырнула рюкзак с книгами на односпальную кровать. Она сожалела, что бросила книгу в Гамаша. Не о самом акте насилия. Он-то как раз доставил ей удовольствие. Шоке жалела о том, что у нее нет Марка Аврелия для компании.

Открыв дверь, чтобы уйти, Амелия чуть не перевернула швабру и ведро. Вероятно, их оставила хозяйка. Ее работа в обмен на комнату состояла в уборке. Здесь, казалось, ни разу не мыли после того, как она съехала.

«В жопу», – сказала она, перевернула ведро ногой, посмотрела, как жидкость растекается по коридору.

Это подождет. У нее были более насущные дела, чем ошиваться в этой вонючей дыре.

– Идем, – сказал Гамаш, и, к удивлению Жана Ги, к его разочарованию, он увидел, что Арман собирается не в кухню за добавкой шоколадного

торта.

Гамаш пошел к двери, снял куртку с крючка.

– Вы куда? – спросила Рейн-Мари, поворачиваясь в их сторону.

– Прогуляться.

– В бистро? – спросила Анни, вставая, чтобы присоединиться к ним.

– Нет, вокруг площади.

Она вернулась на диван:

– Тогда пока.

Анри и Грейси понеслись к двери, предполагая еще одну прогулку, но Арман объяснил, что для них слишком холодно.

– А для нас – нет? – спросил Жан Ги, все же следуя за Гамашем.

Выйдя из дому, они направились по снежному туннелю к дороге. Потребности в фонарике не было. Вечер стоял ясный и тихий. Только снег хрустел под ногами в тяжелых зимних ботинках.

Шеф часто говорил: все можно решить прогулкой. Что же касается Бовуара, то он считал, что все можно решить в кухне с кусочком торта.

– Ну, уже готов?

– А?

– Ты прекрасно знаешь, что мы будем ходить и ходить кругами, пока ты не скажешь, что у тебя на уме.

– Ты…

– Тсс, – предостерег его Арман.

– Тсс ничего, – сказал Бовуар. – Я не чувствую ног, мои пальцы онемели. Нос смерзся, глаза слезятся от боли в пазухах.

– Тогда ты, вероятно, готов говорить.

– Это пытка, – сказал Жан Ги.

– Я не очень хороший палач, – сказал Арман дружеским голосом. – Поскольку я и сам здесь.

Хрусть. Хрусть. Хрусть.

Гамаш шел размеренным шагом. Его руки в варежках были сцеплены за спиной, словно температура не упала до абсолютного нуля, словно холод не сковывал ему лицо так же, как Жану Ги.

– Есть и еще кое-что, верно? Состоялась и еще одна встреча.

– С нашим банком. Мы собираемся купить дом.

Хрусть. Хрусть. Хрусть.

– Это вдохновляет.

Хрусть.

– Я не хотел вам говорить, пока мы не собрали все финансы, – сказал Жан Ги.

Как ему хотелось заткнуть себе рот. Прекратить врать.

– Понятно.

Арман остановился и закинул голову:

– Посмотри-ка, Жан Ги.

И он посмотрел.

И увидел северное сияние. Нездешний зеленоватый свет, заливавший вечернее небо.

Потом Жан Ги опустил голову и увидел, что Арман глядит на него. Лицо было ясным в необыкновенном пляшущем свете.

Он увидел собственное отражение в этих мягких глазах.

И ему было известно, что видел его тесть, когда посмотрел на него: человека в спасательной шлюпке. Который уплывает все дальше и дальше.

Глава пятнадцатая

– Может кто-нибудь сходить и разбудить Бенедикта? – спросил Жан Ги, раскладывая вилкой на сковороде бекон.

В кухне пахло свининой, копченной на кленовых поленьях, и свежезаваренным кофе. Готовы были и яйца.

Часы показывали четверть девятого, и солнце уже встало. А Бенедикт еще нет.

– Я схожу, – сказал Арман.

Он только что вышел из кабинета, сделав звонок по своим делам. Начал подниматься по лестнице, и вид у него был немного рассеянный, отсутствующий.

Они услышали стук в двери спальни, голос Армана:

– Бенедикт… Завтрак готов.

Потом снова стук.

– Эй-эй, петушок давно пропел.

Рейн-Мари улыбнулась. Сколько раз она слышала от Армана эти слова: «Петушок давно пропел». У двери их сына Даниеля.

Хотя те последние несколько месяцев, проведенные Даниелем дома, не давали особого повода для веселья с учетом причины, по которой он в десять утра все еще спал. И она помнила ярость, в какую впадал их сын, когда отец входил в его спальню и начинал будить.

Ярость легко могла перейти в насилие.

И все же Рейн-Мари улыбалась. Начиналось это вполне нормально и естественно – какой молодой парень не любит понежиться в кровати. Так оно продолжалось довольно долго. Но потом изменилось.

– Можете сюда подняться? – проговорил Арман с верхней площадки.

Они переглянулись, Анни взяла Оноре на руки, и все пошли вверх по лестнице.

– Его здесь нет, – сказал Арман, отходя в сторону, чтобы они могли посмотреть в открытую дверь.

Его не только не было, но он и вообще сюда не заходил. Арман вошел в комнату, огляделся.

– А его вещи?

– Они здесь.

Да, комната выглядела точно так, как и перед уходом Бенедикта вчера вечером.

– Пойду-ка я позвоню, – сказала Рейн-Мари и пошла вниз в гостиную.

Она сняла трубку и стала набирать номер, а Арман и Жан Ги надели куртки, варежки и ботинки.

Гамаш уже выходил из дому утром – выгуливал Анри и Грейси вокруг площади. Но солнце тогда еще почти не встало, и он вполне мог пропустить что-нибудь. Кого-нибудь. В сугробе. Трескучий мороз спал, и теперь было просто холодно. Выйдя на улицу, Арман посмотрел на термометр на веранде. Минус шесть по Цельсию.

Не жарко.

Они пошли рысцой: Арман показал, что пойдет по часовой стрелке, а Жан Ги двинулся в противоположном направлении вокруг деревенской площади.

Он заставлял себя замедлять быстрый шаг. Не хотел ничего пропустить.

Его глаза смотрели внимательно, впитывали все. Мозг работал. Пытался развести действия и эмоции. Пытался не представлять тело Бенедикта, скрючившееся у дорожной обочины.

Если дело кончилось этим, то спешить было некуда, но они все же торопились.

Жан Ги вышел из-за поворота:

– Ничего, шеф.

Они сделали еще круг, теперь медленнее. Снежные стены были круты, но Жану Ги с помощью Армана удалось забраться наверх, и он пошел по неровной кромке, как канатоходец, глядя то в одну, то в другую сторону.

Из своего коттеджа вышла Клара, вскоре к ней присоединилась Мирна, покинувшая свой магазин. Даже Рут появилась.

– Рейн-Мари позвонила, – сказала старая поэтесса. – Есть что-нибудь?

– Ничего.

К ним присоединилась Рейн-Мари:

– Я только что говорила с Оливье. Бенедикт вечером заходил в бистро. Выпил пива, но пьяным вовсе не был.

Она, как и Арман, знала, что иногда люди в темноте и на холоде теряют ориентацию. Нередко выпивка и наркотик усугубляют растерянность.

– Ничего, – сказал Жан Ги, соскальзывая со снежной стены.

– Мы должны разделиться, – сказал Арман. – Проверить все въезды и выезды.

– Я посмотрю на Старой почтовой дороге, – сказала Клара.

Ответа она не стала ждать – сразу двинулась, куда сказала.

Они распределили между собой места поиска и разошлись, а Рут направилась поговорить с Оливье.

Несколько минут спустя все услышали резкий свисток. Рут призывала их в бистро.

Их кожу болезненно пощипывало, когда они вошли в тепло.

– Он вчера заходил сюда, – подтвердил Оливье. – Я не видел, как он уходил…

– А я видел, – сказал Габри, вытирая руки о передник. – Он ушел с Билли Уильямсом. Они о чем-то разговаривали и вышли вместе.

– И куда пошли?

– Понятия не имею. Но я видел, как уехал пикап Билли. Не знаю, был с ним этот ваш парень или нет.

Габри снял трубку телефона в баре и позвонил. Они увидели, как он кивнул, послушал, потом повесил трубку.

– Билли говорит, он подвез Бенедикта до фермы мадам Баумгартнер.

Мирна перестала потирать руки у огня и спросила у Гамаша:

– Зачем это ему понадобилось?

– Бенедикт его попросил, – сказал Габри. – Что-то с его пикапом. Это все равно по пути Билли к дому, вот он его и подвез.

– И оставил там? – спросила Клара.

– Судя по всему, – ответил Габри. Хотя на Билли Уильямса это было не похоже. Он занимался очисткой дорог и всякими другими работами в районе, уж он-то прекрасно знал, что холод убивает. – Больше Билли ничего не знает.

– Вероятно, Бенедикт уехал в Монреаль, – сказал Оливье.

– Возможно, – сказал Арман.

– Что вас беспокоит? – спросила Клара, когда Мирна ушла к себе, чтобы принести бумаги от нотариуса с номером телефона Бенедикта.

– Он обещал не садиться за руль своей машины, – сказал Арман. – Поэтому мы ее и оставили. На ней нет зимних покрышек.

– Только не говори мне, что кто-то тебе солгал. – Рут вытянула нижнюю губу и сделала печальное лицо. – И он сказал: вот те крест?..

И «чтоб мне не жить»?

Но она, к удивлению Армана, не произнесла второй части божбы. Может быть, у Рут все же имелся какой-то фильтр.

– Но наверно, он должен был все же нам сообщить, что вернулся в Монреаль, – сказала Рейн-Мари.

– Возможно, он все еще спит в своей квартире, – сказала Клара. – Проснется – позвонит.

– Я ждать не буду, – сказала Мирна, размахивая принесенными бумагами. – Я звоню на его сотовый.

Она набрала номер. Все смотрели на нее. И ждали. Ждали.

На том конце включилась голосовая почта; Мирна оставила сообщение с просьбой перезвонить и повесила трубку.

– Других телефонов у него нет? – спросил Жан Ги, заглядывая через плечо в бумаги Мирны. – Домашнего нет?

– У молодых теперь не бывает домашних, идиоты, – объяснила Жану Ги Рут. – Ты старик – тебе это неизвестно.

– Мы должны съездить на ферму, – сказал Арман, направляясь к двери. – И убедиться.

– Я с вами, – сказала Мирна. – Мы одна команда. Душеприказчики должны держаться вместе. – Она ответила на взгляд Армана. – Что? Это факт.

– Это чушь, – сказала Рут.

– Я знаю, – сказала Мирна, отвечая в большей мере на взгляд Армана, чем на слова Рут.

Он кивнул. Они оба понимали, что могут увидеть там. И из всех здесь он и Мирна больше других привязались к Бенедикту. Молодой человек притягивал к себе, чуть ли не сразу вызывал у людей симпатию. Они и в самом деле чувствовали себя необычной, маленькой, но командой.

– Я тоже поеду, – сказал Бовуар, направляясь вместе с ними к машине.

– И я, – сказала Рейн-Мари.

– Ты не могла бы остаться дома – вдруг он позвонит? – спросил у нее Арман.

– Дай мне знать, – сказала она, когда они сели в машину.

– Боже милостивый… – сказала Мирна, подаваясь вперед и вытягивая своим телом ремень безопасности, когда они свернули к фермерскому дому.

– Я звоню «девять-один-один», – сказал Жан Ги.

Арман достал лопату из багажника.

Пикап Бенедикта стоял там, где они его оставили. Арман быстро подошел и заглянул в салон.

Пусто. Ключ в замке зажигания и в положении «включено», но, вероятно, в баке кончился бензин. Он повернул ключ, сунул к себе в карман.

– Спасатели уже в пути, – сказал Бовуар, подойдя.

– Здесь никого! – крикнула Мирна. Она стояла во дворе рядом с другой машиной. Незнакомой Арману. – Ее здесь не было, когда мы уезжали вчера,

верно?

– Не было, – подтвердил Арман.

Бовуар вытащил из сугроба перед ступеньками крыльца лопату и теперь держал ее как оружие.

Мирна подошла к нему, и все трое уставились на дом.

Жилище мадам Баумгартнер обрушилось.

Крыша и второй этаж упали – часть до самого пола, часть повисла бог знает на чем.

– Позвони им еще раз. Пусть привезут собак, – сказал Гамаш, медленно подходя к дому.

Бовуар позвонил.

– Он внутри? – прошептала Мирна.

– Думаю, да. – Гамаш оглянулся, посмотрел на другую машину. – И не один.

Арман снял шапочку, наклонил голову в сторону дома:

– Вы слышали?

Жан Ги и Мирна сняли головные уборы, прислушались.

Ничего.

Гамаш подошел к своей машине, два раза нажал на кнопку гудка. Два коротких, резких звука, потом тишина. Он прислушался.

Но ответом ему было только зловещее молчание.

Ничего. Ничего.

Что-то.

Удар. Треск.

Они переглянулись.

– Может, это балка потрескивает, шеф.

– Или это может быть Бенедикт, – сказала Мирна. – Или кто-то другой пытается подать сигнал. Что будем делать? Мы не можем просто так стоять здесь.

Помощь уже в пути, но они могут приехать минут через двадцать-тридцать. А это на таком морозе может быть временем между жизнью и смертью. Если кто-то дожил до утра на таком холоде, то он, вероятно, теперь на последнем издыхании.

– Мы сначала, прежде чем что-то делать, должны убедиться, что там есть кто-то живой, – сказал Арман. Он приложил ко рту ладони рупором и прокричал: – Бенедикт!

– Эгей! – крикнул Бовуар.

Они замолчали, прислушиваясь.

Стук. На сей раз отчетливый. Еще один. Тук-тук. Теперь точно. Кто-то

живой. И испуганный.

Это на мгновение напомнило Гамашу о другом человеке. Об Амелии и ее пирсинге. Тук-тук-тук. Ее знак.

Спасите наши души.

– Он должен прекратить, – сказала Мирна. Ее глаза широко раскрылись, дыхание участилось. – Он обрушит весь дом. Прекрати! – прокричала она.

– Мы вас слышим! – крикнул Гамаш. – Мы идем. Перестаньте стучать!

Он повернулся к ним, увидел страх на их лицах.

– Мы должны идти внутрь? – сказал Бовуар.

Арман кивнул. Они, как и он, опасались, что дом, в который они собирались войти, может обрушиться полностью. Но если он и Мирна боялись, то Жан Ги был в ужасе.

Он страдал клаустрофобией. Она была его кошмаром.

Бовуар коротко кивнул, еще крепче ухватил черенок лопаты и шагнул к обрушенному дому.

– Я думаю, тебе лучше… – начал было Гамаш, но замолчал, когда услышал звук.

Они повернулись к дороге. Приехал грузовичок-пикап. Жан Ги опустил лопату и чуть не разрыдался. Помощь, спасатели. Они знают, что нужно делать. Они и пойдут в дом.

Машина остановилась, из нее вышел один-единственный человек. И Бовуар чуть опять не разрыдался.

Не спасатели. Билли Уильямс.

– Услышал, что парнишка пропал. Приехал посмотреть – могу чем помочь? – Он стоял рядом со своей машиной и смотрел на дом. Потом сказал что-то, Гамашу показалось «нихренасе».

– Что он сказал? – спросил Гамаш у Мирны.

По причинам, вызывавшим категорическое недоумение у Гамаша, он был единственным человеком на земле, который не понимал ни слова из того, что говорил Билли Уильямс. Ни единого. Даже близко.

– Это не имеет отношения к делу, – ответила Мирна.

– Парнишка там живой?

– Мы думаем – да, – сказала Мирна. – Кто-то там живой. Либо Бенедикт, либо еще кто-то. Эта машина стояла здесь, когда вы высадили его прошлым вечером? – Она показала на стоящую чуть поодаль машину.

– Я ничего такого не заметил. – Он снова повернулся к дому. – Темно ведь было. Так. Я должен его вытащить. Он там по моей вине.

Гамаш, старавшийся следить за их разговором, посмотрел на Мирну:

– Спросите, у него есть соответствующая подготовка – спасение людей из зданий? Он понимает, что нужно делать?

Теперь Билли обратился к Гамашу:

– Вы думаете, я вас не понимаю? Прекрасно понимаю.

Лицо Билли так обветрилось, что не позволяло определить его возраст – то ли тридцать пять, то ли семьдесят пять. Он имел стройную, тонкую фигуру, и даже под тяжелой зимней одеждой угадывалось, что все мышцы его тела напряжены.

Но глаза смотрели на Армана мягко, с выражением нежности. Билли улыбнулся:

– Настанет день, старина, и вы меня поймете.

Однако Гамаш не понял.

Одно ему было ясно с первого момента, как он увидел Билли Уильямса: у этого человека есть более чем средняя доля божественного.

Лицо Билли помрачнело, когда он разглядывал груду развалин, потом он снова обратился к Арману.

– Когда это закончится, – сказал он, доставая из своего пикапа громадную монтировку, – с вас пирог с лимонным безе.

Мирна не дала себе труд перевести сказанное.

Билли шагнул вперед, и Гамаш протянул руку, чтобы остановить его, но Билли отмахнулся:

– Я вчера оставил здесь парнишку. Завел его тачку, чтобы работала. Потом уехал. Нельзя было его оставлять. Поэтому я вернулся. Чтобы помочь ему. Доставить домой.

Гамашу для перевода на сей раз Мирна не потребовалась. Не имело значения, что сказал Билли, – теперь важно было только действие.

– Вы один не можете. Вам нужна помощь. Я иду с вами. – Арман повернулся к Жану Ги и Мирне. – Ждите спасателей. Они скоро будут здесь. Объясните им, что случилось.

– Если идете вы, иду и я, – сказала Мирна.

– Нет.

– Там застряли два человека, – сказала она. – Нужно больше людей. – Видя неуверенность Армана, она добавила: – Это не ваше решение, его приняла я. К тому же я сильнее, чем кажусь.

Его брови взметнулись. Она казалась довольно сильной.

Гамаш кивнул. Мирна была права. Она им понадобится. И решение принял не он.

– Шеф? – сказал Жан Ги. На его лице была написана мука.

– Тебе принадлежат высоты, mon vieux, – тихо сказал Арман. – А мне –

ямы. Ты помнишь?

– Ну, вы идете? – спросил Билли, уже поднявшийся на ступеньки крыльца. – Поспешите.

Бовуар сделал шаг назад.

– Он говорит, будьте осторожны, – сказал Жан Ги, но Арман уже шагнул в полуобрушенную дверь за Билли и Мирной.

Здесь было темновато, хотя столбы света из проломов наверху доходили до пола. Снежок падал вниз неторопливыми струйками, соскальзывая с крыши и через дыры.

Там было тихо, слышалось только их дыхание и звук шагов – они шли по узким, заваленным мусором проходам.

Они двигались быстро и тихо, насколько это позволяли обстоятельства.

А потом резко остановились.

Ванная сверху упала на то, что прежде было кухней. Обломки, включая и лохань на львиных лапах, заблокировали дальнейшее продвижение.

Гамаш легонько постучал лопатой по ванне, подождал.

Наступила тишина, и, пока сердце Армана сжималось, раздался стук. Потом еще один.

Билли показал, откуда он доносился.

Ровно оттуда, куда им мешали пройти обломки.

Билли пробормотал что-то, и Гамаш полностью понял его слова. Некоторые ругательства не нуждаются в переводе.

Потом Арман с удивлением увидел, как Билли упал на колени. Перехватив взгляд Мирны, он понял: она собирается сделать то же самое.

Что, этот человек молится? Арман не возражал против молитвы, но сейчас время для этого казалось неподходящим. К тому же он подозревал, что Бог точно знает, чего они хотят и как, по их мнению, их хотение должно сбыться. Но еще он знал: молитва скорее для того, чтобы укрепить молящегося, а не информировать большинство.

Потом он увидел, что Билли подсунул монтировку под ванну и теперь пытается приподнять ее. Гамаш положил свою лопату и стал помогать Билли. Они вдвоем нажали на монтировку. Арман напрягся, наваливаясь со всей силы.

Чугунная ванна подалась, но только чуть-чуть.

– Постойте. Подержите ее, – сказал Арман. Он отошел назад и перевел дыхание. Потом кивнул Билли, и они вдвоем еще раз налегли на

монтировку.

Но ванна, на которой лежали тонны обломков, почти не шелохнулась.

– Вы можете помочь здесь? – спросила Мирна.

– Ми-ну-точку, – сказал Арман сквозь сжатые зубы. Он давил. Давил. Наконец отвалился. Признавая свое поражение. Уставился на непреодолимую преграду между ними и тем, кто оставался живым за ней.

Раздался скрип, треск. Стена мусора двигалась. Смещалась.

Гамаш сделал полшага назад, потянул за собой Билли.

Он повернулся, чтобы предупредить Мирну. Но замер. Его рот открылся от удивления. Мирна словно в одиночку поднимала мусор. Потом он присмотрелся внимательнее.

Если он взял лопату, а Билли монтировку, то Мирна потихоньку взяла домкрат из машины Армана и подсунула его под балку. А теперь накачивала рычаг.

Балка поднималась дюйм за дюймом. Риск был велик.

– Мне нужна помощь, – сказала Мирна.

Двое мужчин присоединились к ней, принялись налегать на рычаг домкрата. Раз. Два. Сверху съехала еще куча снега. Они замерли. Три.

Послышался треск – стропила и поперечины сместились.

Гамаш ждал – он дышал поверхностно, вглядывался во все глаза в полутьму, напрягал слух, ждал. Сейчас все либо обрушится, либо стабилизируется.

Потом за смещением обломков Арман услышал новый стук. Все более панический.

– Стоп! – крикнул он.

Одно резкое слово. И стук прекратился.

Мирна с их помощью подняла балку настолько высоко, насколько они отважились. Дюймов на восемнадцать.

Гамаш уставился на просвет, потом перевел взгляд на Мирну.

– Вы меня не оставите позади, – сказала она, читая его мысли.

– Вам не пролезть.

– А вы пролезете?

Арман уже снимал тяжелую куртку.

– Пролезу.

– Тогда и я пролезу. Мы пролезем вместе.

Она сняла куртку, прижала к себе.

– Гонор? – спросил Арман.

– Практичность, – сказала она. – Я вам понадоблюсь.

– Будь у меня выбор, я бы хоть сейчас забрал ее у вас, – сказал Билли,

улыбаясь Мирне. – Великолепная женщина.

– Что он сказал? – спросил Арман.

Она сказала ему.

– Вероятно, вы ослышались, – сказал Арман. Но он улыбался.

– Бога ради, – сказал Билли. – Попробуем еще раз. Еще пару дюймов – и порядок.

Он схватил рычаг, надавил. Арман и Мирна присоединились к нему.

Снова стон. Частично от дома, но большей частью от них.

Но обломки они сдвинули. Так им казалось. Они надеялись.

– Я первый, – сказал Арман.

Гамаш оглянулся на узкий, заваленный мусором проход, по которому они прошли: здесь прежде была кухня. А двигались вроде бы к столовой. Через вторую ванную.

Он снова посмотрел в образовавшуюся щель. Она была похожа на готовую захлопнуться пасть. Все его инстинкты самосохранения кричали: не делай этого.

Арман лег на спину, лицом вверх, и, оттолкнувшись ногами, перевел свое туловище в щель. Его глаза находились в сантиметрах от острых щеп и ржавых гвоздей, похожих на клыки. Он повернул голову, закрыл глаза, выдохнул, чтобы быть потоньше, и двинулся дальше.

Запах свежескошенной травы. Маленькие лапки внучек Флоры и Зоры в его ладонях – они прогуливаются по берегу Сены. Рейн-Мари в его объятиях в воскресное утро.

Его лицо на другой стороне. Потом шея. Потом он протиснул плечи. Грудь.

А потом продвижение остановилось. Рубашка зацепилась за гвоздь.

Он прополз слишком далеко – Мирна и Билли не могли тут ему помочь.

Балки опять зашевелились и просели. Теперь каждый раз, когда он осторожно вдыхал воздух, гвозди касались его груди.

– Арман? – позвала Мирна.

– Минуточку.

Он снова закрыл глаза, выровнял дыхание. Выровнял мысли.

Стираное белье на веревке. Запах Оноре. Отдых в саду за чашкой чая со льдом. Рейн-Мари. Рейн-Мари. Рейн-Мари.

Гамаш снова оттолкнулся ногами, услышал, как рубашка рвется о гвоздь.

Крошки мусора посыпались ему на лицо, запорошили веки и губы. Он вдохнул и ощутил их в носу, почувствовал, что вот-вот закашляется.

Сдерживая позывы, подавляя их, он оттолкнулся сильнее, яростнее.

Треск рвущегося материала прекратился – Арман оказался по другую сторону.

Встав на колени, он согнулся пополам и зашелся в кашле.

– Арман? – позвала Мирна с тревогой в голосе.

– Я в порядке, – хрипло ответил он. – Пока оставайтесь там.

Гамаш огляделся, нашел кусок бетона, сунул руку в щель и принялся загибать гвозди.

– Теперь можно.

Не без труда пробралась через щель и Мирна, за ней – Билли, который перед собой толкал их куртки.

– Что это? – спросила Мирна. Она стояла, подняв голову, принюхиваясь. Арман тоже почувствовал запах. Дуновение чего-то едкого. Знакомого. Даже утешительного. Вот только…

Дерево, обугленное. Обугливающееся.

Они с Мирной переглянулись, потом оба посмотрели на Билли, у которого на лице впервые за все время появилось встревоженное выражение.

Гамаш почувствовал, как у него на шее волоски становятся дыбом.

В доме пожар.

– Нужно двигаться.

– Ну же, ну же… – повторял Жан Ги, глядя на дом.

Внимание его настолько сконцентрировалось, что он едва дышал. Не моргал. Не слышал, как подъехали машины.

Ничего для него не существовало, кроме этого жилища.

Время осторожности прошло.

– Эй! – крикнула Мирна. – Где вы?

– Здесь, я здесь, – раздался ответ. Голос хриплый. Незнакомый.

Все трое посмотрели в направлении звука. Между ними и голосом находилась еще одна преграда.

Расцарапывая руки, они стали расчищать пространство от кусков бетона и дерева, пока не проделали проход. Арман лег лицом вниз и посмотрел в него.

И увидел длинный, тонкий хвост помпона.

Потом знакомое лицо.

– Это Бенедикт, – сказал он остальным.

– Слава богу, – проговорила Мирна и обняла Билли.

Бенедикт стоял спиной к двери, смотрел широко раскрытыми глазами, не отваживаясь верить в то, о чем он молился, о чем кричал и что все-таки случилось.

Молодой человек поднес руку к лицу, не в силах сдержать слез:

– Вы пришли… Вы пришли…

Билли расширил проход, и когда Арман прополз внутрь, Бенедикт, рыдая, схватил его в свои объятия.

Гамаш на мгновение прижал его к себе, потом отступил назад, чтобы видеть лицо Бенедикта. Его тело. Казалось, он цел и невредим.

– Тут есть еще кто-то, – сказал Гамаш. – Где он?

– Есть? – переспросил Бенедикт. – Я так не думаю. Не могу поверить, что вы пришли…

– У дома еще одна машина, – сказала Мирна, присоединившаяся к ним.

Следом за ней появился и Билли:

– Да, я ее видел, но когда приехал. Я звал, но никто не откликнулся.

Арман заметил на полу небольшую кучку тлеющего дерева. Бенедикт выжил ночью в трескучий мороз – сжигал все дерево, до которого мог дотянуться.

Вот здесь-то и находился источник запаха. Значит, дом все же не горел.

Он начал говорить об этом Мирне, но тут Билли прикоснулся к руке Армана. Призывая его к тишине. Он запрокинул и наклонил голову. Прислушивался.

– Это спасатели? – спросила Мирна.

– Спасатели? – переспросил Бенедикт. – А разве вы не…

– Ш-ш-ш, – прошипел Билли, и все смолкли.

Билли уставился в потолок. Арман увидел, как зрачки у Билли расширились, и в тот же момент он услышал скрежет. Похожий на визг. Дом издавал вопль.

– Нет! – закричал Жан Ги.

Он бросился вперед, но крепкие руки ухватили его. Бовуар выкручивался, сопротивлялся, пытался освободиться.

Члены спасательной команды местного отделения Sûreté оттащили его, а дом исчез в облаке снега.

– Черт побери, – прошептал один из агентов.

Постройка стала обрушаться, и Бенедикт привлек к себе Армана.

– В дверь! – прокричал молодой человек.

Билли ухватил Мирну и успел прыгнуть туда за миг до сильнейшего треска.

Они опустились на колени, крепко сжали веки, вцепившись друг в друга. Разрушение было ошеломляющим. Шум – оглушающим. Дезориентирующим. Громким, иерихонским. Скрежещущим. Визжащим. Он исходил от дома. От них. Дом обрушился на них.

Обломки падали на Армана, сбивали его в сторону, но деваться было некуда. Мусор, хлам обваливался на них теперь со всех сторон. Пригвождал, придавливал их к земле.

Бенедикт подтащил его еще ближе к себе, и Гамаш услышал рыдания парня, чье тело теперь сложилось над ним, защищало от неизбежного.

Он едва мог дышать. Осталось место только для одной мысли. Одного чувства.

Рейн-Мари. Рейн-Мари.

А потом нечестивый визг прекратился. Раздавались глухие удары, хлопки, когда падали стропила. И оседали. Но громкий, душераздирающий звук почти прекратился.

Арман открыл глаза, прищурился; их щипало от пыли и грязи. Он поднял голову, закашлялся.

Заглянул в лицо Бенедикта.

На лбу парня была кровь, ее струйки стекали по слою бетонной пыли и крошек штукатурки. Отчего молодой человек напоминал треснувшую статую.

Но его глаза оставались яркими. И моргали.

– Мирна? – прохрипел Арман, почти не узнавая свой голос.

– Здесь.

Он почувствовал, как она двигается у него за спиной, но не мог повернуться. Их припечатало к полу.

– Билли?

Последовало слово, которое Арман не смог узнать, но произнесенное знакомым голосом.

Они все остались живы.

Бенедикт закрыл глаза от пыли, висевшей в воздухе. Но Арман смотрел широко раскрытыми глазами. Впитывал. Смотрел на парнишку, который все еще обнимал его. Хотя глаза слезились, хотя их жгло, он видел дверной косяк, который спас их, видел отметки на нем, сделанные десятилетия назад. Отметки роста детей.

Энтони, Кэролайн. Вырастающие с каждым замером. И Гуго, который не вырастал.

Но Арман смотрел еще дальше. На серую руку, торчащую из кучи мусора.

Глава шестнадцатая

Амелия проснулась, процарапалась на поверхность к солнечному свету. В голове у нее стучало, мысли оцепенели. Глаза отказывались фокусироваться.

Она огляделась, моргая, и наконец поняла, что видит и чего не видит.

Это была не ее спальня. Определенно не маленькая, аккуратная комната в академии, которую она называла своим домом в течение последних двух лет.

Но и не ее говенная съемная комнатуха.

И тут Амелия вспомнила. Она опустилась на грязные простыни, лицо ее посерело.

«Что я наделала?»

– Что ты наделала, Душистый Горошек?

Марк сидел на кровати в нижнем белье – сером и растянутом. Его глаза в глубоких глазницах ярко горели. Словно луч из глубокого колодца.

Она и Марк выросли в одной деревне. Играли в одних песочницах, ходили в одну школу, по одним улицам.

Марк первым приехал в Монреаль. Молодой, нетрадиционной ориентации, свежий и живой. Стройный и красивый. Радующийся свободе. Сам построил свою жизнь. Стал, конечно, мужчиной-проституткой. Но чистым и осторожным. Имел собственную крохотную квартирку.

Его мечта сводилась к тому, чтобы найти богатую старую «королеву» и устроиться у него под крылышком.

Она последовала за Марком в Монреаль. Он направлял ее. К лучшим дилерам. К тем, кто не разбавлял свою чуму еще худшей чумой. Когда она пала достаточно низко, он показал ей лучшие уличные углы. Он защищал ее. Он был для нее кем-то вроде старшего брата.

Сам Марк вел себя осторожно, балансируя на грани привычки, но за черту не переходя. Он сохранял пристойный внешний вид. Потому что хорошие рестораны, частные клубы, международные путешествия были уже рядом, за углом.

Когда Гамаш выкинул ее из академии, Амелия пошла к единственному человеку, который мог найти для нее то, что ей требовалось.

Они некоторое время разглядывали друг друга через порог его дома, почти не узнавая. Волосы Марка стали не то что сальными – они выпадали. Голый череп там и здесь просвечивал под их жидким покровом. Губы у

него растрескались, кожа покрылась пятнами.

Он улыбнулся, и она увидела щербины там, где раньше были зубы.

– Я так плохо выгляжу? – спросил он, читая выражение на ее лице.

– Нет-нет. А я?

Она видела себя его глазами. Незнакомая женщина. Отвратительная в своей чистоте. Черные как смоль волосы отливают матовым блеском. Кожа чистая.

Они перестали быть братом и сестрой. Они почти принадлежали к разным видам.

– Ты почему пришла? – спросил он, стоя в дверях.

– Мне нужна твоя помощь. Меня выкинули из академии.

– За что?

– Хранение. Может, и продажа.

Он с облегчением рассмеялся:

– Может?

Может, Амелия и принадлежала к другому виду, но у них все же была одна ДНК. Она пришла домой. К нему. В грязь. Вернулась туда, где ей надлежало быть от рождения.

– Что? – спросил он и опустил руку, впуская ее. – Адская пыль? Перкс?

– Фен.

– Хорошая вещь.

Она кивнула.

– У тебя при себе есть?

Он протянул к ней грязные руки. Она шагнула назад, споткнулась о груду грязной одежды на полу, но быстро выпрямилась.

– Нет, конечно. Они все забрали. Мне нужно найти еще. Но есть чума и получше. На улицу еще не попала, но скоро будет. Вот что мне по-настоящему нужно. Ты про нее слышал?

– Да, слухи до меня доходили, но это все фигня. Нет ничего. – Марк уставился на неожиданную гостью. – Что тебе известно, Душистый Горошек?

– Я знаю, что это не фигня. Один коп пропустил партию. А это вещь, скажу я тебе, Марк.

– Правда?

– Высший класс. Гораздо лучше фена. У кого она есть, тот состояние может сколотить. Будет иметь все, что его душа когда-нибудь желала. На всю жизнь.

– Всё?

Она кивнула.

– На всю жизнь?

Она кивнула.

– Больше никаких тебе грязных притонов. Никакой проституции. Никакого беспокойства: «Ах, где мне достать новую дозу?» У нас будет куча всего.

– У нас?

– Мне нужна твоя помощь. Смотри, я кое-чему научилась в академии. Полезные вещи – как организовать, как драться. Картелей больше нет. Все пытаются выкарабкаться, верно?

Он кивнул.

– Я могу возглавить это дело.

– Ты? – Он посмотрел на миниатюрную девицу и рассмеялся.

– Дело не в размере собаки в драке…

Ей было известно: это его любимая поговорка.

– А в размере драки в собаке. – Он несколько секунд разглядывал ее. – Ты стала настоящей сукой.

Она рассмеялась.

– Ты поможешь?

Он посмотрел на нее с надеждой и подозрением.

– Ты знаешь людей, Марк. Я слишком долго отсутствовала.

– Не то чтобы отсутствовала. Ты была копом.

– Не совсем, – сказала Амелия. – А с каких это пор коп не может быть наркодилером? Разницы особо никакой. Так ты поможешь?

Марк посмотрел в окно, потом снова на нее:

– Улицы стали другими – не такими, какими ты их помнишь.

Ей не требовалось других доказательств, кроме тех, что она видела своими глазами. Он стал не таким, каким она его помнила.

– Тебе лучше не связываться с этими шайками, Амелия.

Он для иллюстрации развел руки. Что происходит, когда достигается критическая масса… когда превышается.

– Иди домой, Душистый Горошек.

– Я дома.

Марк посмотрел на нее. Его усталый мозг взвешивал.

– Куча всего?

– Всего, – сказала она. – Нам нужно только найти эту чуму.

Он кивнул, придя к решению.

– А, какого хрена! Терять мне нечего. Может, эти слова станут нашим девизом.

– Может быть, – прокряхтела Амелия.

Благодаря Гамашу ей теперь тоже нечего стало терять. И она понимала, что это очень сильная позиция.

– Идем со мной, – сказал он.

Марк не лгал. Улицы внутреннего Монреаля изменились. Они никогда не были безопасными. Никогда чистыми. Никогда забавными. Теперь же стали гораздо хуже. Более темными, грязными. Заплеванными, засранными, заблеванными.

Встречавшиеся здесь лица имели серый цвет. Но смотрели они коварным взглядом. Для них она была чужой, хотя ее и привел Марк, готовый за нее поручиться.

– Никому не говори, откуда ты пришла, – прошептал он.

– И не собираюсь, – ответила она.

Они подошли к группке дилеров, которые уставились на нее.

Она еще не растеряла мяса на костях. На ее щеках оставался румянец. У нее оставалась одежда, которая не покрылась коркой смерзшейся блевотины. И мочи. И спермы.

– Если она была в Ванкувере, то почему вернулась? – спросил дилер у Марка так, словно Амелия и не стояла здесь перед ним.

– Эй, придурок, я тут стою. Со мной говори, – сказала она.

Бывший кадет была не менее чем на шесть дюймов ниже дилера. Ей приходилось закидывать голову, говоря с ним.

Дилер шагнул вперед, надвигаясь на нее нижней частью туловища. Она отступала, пока не уперлась спиной в кирпичную стену проулка. И тогда он прижался к ней.

Ему вряд ли перевалило за двадцать пять, но он казался древним стариком. Походил на нечто откопанное на древнем захоронении. Другие выглядели не лучше. Общее захоронение под микрограммами фентанила на улицах Монреаля.

Его дыхание на ее лице воняло тухлыми яйцами. Серой. Адским пламенем.

– Ты знаешь, почему я здесь, – прорычала она, даже не отталкивая его. – Ты знаешь, чего я хочу. Чего я не могу получить в Ванкувере.

Он прижимался к ней всем телом.

– И ты для этого заявилась, да? – Он потерся о нее передом. – Я тебя помню, малютка. Амелия.

Дилер произнес ее имя протяжно, словно протаскивая по грязи.

– У тебя меня интересует одно, – сказала она, сунув ему руку в пах. –

И не это вот.

Она сжала руку. Хотя то, что в ней оказалось, было мягким. Словно варежка в его штанах.

– Вот оно, малютка. Нажми посильнее.

Амелия перенесла руку от его паха на горло и ухватила точно так, как ее учил инструктор по боевым искусствам в академии.

Она сжала пальцы:

– Так нравится?

Его зрачки расширились. А она сжала горло еще сильнее.

Глаза стали вылезать из орбит. А она продолжала давить.

– Амелия, – сказал Марк, – прекрати. Ты его удушишь.

– Невелика потеря, – прорычала она. И продолжала давить, пока не почувствовала, что его трахея вот-вот порвется. – Мне нужен новый винт. Я ради этого проделала весь путь из Ванкувера. И если не найду его, возьму что-нибудь другое. Сме-ха. – Она сжала еще сильнее. – Ра-ди. – И еще.

И увидела ужас в его глазах.

Все отступили, включая и Марка, а дилер производил булькающий звук.

– Прошу прощения. Ты что-то сказал? – спросила Амелия и принялась свободной рукой обшаривать карманы, а его глаза тем временем поползли на лоб.

Она нашла пакетики с таблетками. Пакетики с порошком.

Но не то, что ей требовалось. Переложила пакетики в свой карман.

Потом отпустила его.

Он закашлялся, забрызгал слюной, потом стал падать на нее. Амелия отошла в сторону, и он лицом ударился о стену, а она пригвоздила его еще сильнее.

– Я тебе не «малютка», придурок. Я настоящая сука, – прошипела она ему в грязное ухо. – Но ты знаешь, что я еще такое, ты, пустоголовый кусок дерьма? – Она повернула его голову, чтобы он мог ее видеть. – Я одноглазый. Скажи об этом своему поставщику. Скажи ему – пусть будет поосторожнее.

Амелия в последний раз толкнула его, развернулась и пошла прочь. Марк засеменил за ней.

– Это что ты устроила? – спросил он. – Ты что делаешь? Они тебя убьют.

– Может, убьют. А может, нет. Мне в принципе все равно. – Она протянула ему бóльшую часть пакетиков. – Один твой. Остальные продай.

– А ты?

Он спешил по заснеженным улицам, пытаясь не отставать от нее. Шел, обхватив себя руками за грудь; его куртка была слишком тонка, чтобы не мерзнуть в морозный вечер.

– А мне нужно отыскать что-нибудь получше.

На следующее утро она проснулась в комнате Марка. На кровати Марка. На которой сидел Марк, уставившись на нее.

– Господи боже, Душистый Горошек, ты что вчера нашла? Когда я тебя оставил, ты искала новую чуму. Нашла?

Она отрицательно покачала головой.

– Как я сюда попала?

– Я тебя принес. Нашел в проулке. Я точно думал, что ты померла. Но ты только отрубилась. Ты что приняла?

Она провела рукой по лицу, чувствуя то ли сухие катышки из глаз, то ли слезы на щеках.

– Не знаю.

Амелия и раньше накачивалась до бессознательного состояния. Много раз. Но никогда так. Ее голова словно раскалывалась, дыхание давалось с трудом.

Она попыталась вспомнить, что случилось предыдущим вечером. Но видела только вспышки, которые крутились и раскачивались в ее памяти. Желудок выворачивало, она почувствовала, что ее вот-вот вырвет.

Одно воспоминание все время возвращалось к ней.

Маленькая девочка. Лет шести или семи. Ярко-красная шапочка с логотипом «Монреаль канадиенс» на голове. В варежках из лосиной шкуры – пакетик с наркотой.

Девочка раскачивалась на ногах. Смотрела перед собой.

Но Амелия знала, что это не столько воспоминание, сколько галлюцинация. Вызванная придурком-дилером, назвавшим ее «малюткой».

– Ты произвела сильное впечатление, – сказал Марк, садясь на кровать рядом и подтягивая на ней одеяло. – Все хотят знать, кто ты.

– И что ты им сказал?

Марк обнял ее, прижал к своей костлявой груди. Говоря в ее грязные волосы, сквозь которые его голос звучал приглушенно, он сказал:

– Я сказал им, Душистый Горошек, что ты одноглазый.

Глава семнадцатая

Арман потянулся к торчащей руке. К телу, которому принадлежала рука.

– Что там? – прокричала Мирна.

Прижатая к земле за ним, она не видела ни что он делает, ни почему. Но она почти чувствовала его лихорадочные движения.

Она попыталась открыть глаза, но пыль в воздухе не позволила ей сделать это. Билли, который располагался лицом к ней, тоже не мог открыть глаза. И его руки плотно держали ее.

Но Арман глаз не закрывал, он сосредоточился на руке. Надеясь увидеть движение, он тянулся к ней пальцами.

Он подался вперед насколько мог. Но был не в состоянии дотянуться в полной мере. Достать.

– Что? – спросил Бенедикт. – Что происходит?

– Тут кто-то погребен вместе с нами. Я вижу руку.

Бенедикта стал одолевать кашель, и Арман расслабил тело, поняв, что слишком сильно давит на парня. Что, пытаясь дотянуться до того, кто, скорее всего, мертв, вредит живому.

Они услышали над собой крики и движение.

И все же Арман продолжал тянуться. Бессознательно подражая «Сотворению Адама». Два пальца, почти соприкоснувшиеся. Но если Микеланджело изобразил зарождение жизни, то Арман знал, что он тянется к смерти. К чьей-то смерти.

– Кто это? – спросил Арман.

Жан Ги закрыл дверь за собой и сел на сиденье «скорой помощи».

Армана, по его настоянию, медики осмотрели в последнюю очередь. Бенедикта отвезли в больницу на обследование из-за травмы головы. Мирне и Билли после осмотра сказали, что им лучше отправиться в больницу, но они отказались.

– Я хочу одного: поскорее добраться домой, – сказала Мирна. – Принять ванну. Увидеть друзей.

Жан Ги сел против Армана, который, хотя фельдшеры несколько раз промыли ему глаза, моргал, чувствуя раздражение от песчинок и пылинок, все еще остававшихся в них.

Его лицо было покрыто грязью, по́том, каплями воды после промывки.

Но крови не было.

Жан Ги не отваживался верить своим глазам. Жив остался не только Гамаш, но и все, кто там оказался. Спасенные крепкой дверью.

– А Бенедикт… – сказал Арман, чуть покашливая и протирая влажной салфеткой слюну вокруг рта. – Он нас всех затащил под этот косяк. А потом прикрывал меня.

Он все еще чувствовал, как обломки падают на его руки, ноги. Молотят его, их со всех сторон. Грудь его сжималась, дыхание было затруднено.

Еще он чувствовал, хотя и не видел, Бенедикта. Который защищал его своим телом.

И слышал рыдания, переходившие в хныканье.

Парнишка был в ужасе. Он знал, что ему грозит смерть. И все же он предпочел тем актом, который мог стать для него последним, попытаться спасти почти незнакомого человека, почти наверняка ценой собственной жизни.

Жан Ги кивал, соглашаясь.

Он был первым, кто проник к ним. Вырвался из удерживавших его рук и забрался на руины, поскальзываясь и спотыкаясь на снегу и отдельных обломках.

А потом услышал их – они кричали, взывали о помощи. Билли, Мирна, Бенедикт. Но тот, чей голос он так отчаянно жаждал услышать, молчал. Паника обуяла его, он начал откапывать завал руками. Он разбрасывал обломки, которые в обычной ситуации не смог бы и приподнять.

Бовуар работал, пока не порвалась кожа на его перчатках. Пока не нашел их.

Сначала Билли, потом Мирну, потом Бенедикта. Наконец последнее лицо повернулось к нему, щурясь на солнце.

И хриплый голос:

– Жан Ги, там есть еще кто-то.

Пока спасатели с собаками откапывали тело, Жан Ги помогал освобождать других.

У Мирны были поцарапаны ноги. У Билли вывихнута лодыжка. Бенедикт получил удар по голове, возможно, и другие повреждения от первоначального обрушения и проведенной на морозе ночи.

А Арману повезло – он практически не получил никаких повреждений.

Их тяжелые ботинки, тяжелые куртки, плотные шапочки и рукавицы по большей части смогли их защитить. Вместе с дверью. И Бенедиктом.

Гамаш снова моргнул, пытаясь вернуть резкость Жану Ги, сидящему в паре футов от него в «скорой». Глаза словно замазали вазелином. Все покрылось матовой пленкой. Мусор около дома.

Как и остальные, он отказался от больницы. Как и все, он хотел одного: побыстрее домой.

Но если Билли и Мирну отвезли в Три Сосны, то Арман остался. Он должен был узнать, чье тело нашли в завале.

– Они только что откопали его, – сказал Жан Ги.

Он протянул шефу бумажник.

Арман раскрыл его, увидел водительские права, но прочесть ничего не смог. Он крепко закрыл глаза, чтобы прочистить их, но все же слова, лицо оставались нечеткими.

Гамаш вернул бумажник Жану Ги:

– Ты можешь прочесть для меня?

Мирна погрузилась поглубже в ванну, пока горячая вода не коснулась ее подбородка, а мыльная пена не поднялась так высоко, что она ничего за ней не видела.

– Господи боже, – прошептала Мирна, когда холод и страх отпустили ее.

То, что не могла сделать теплая ванна, сделали запах лаванды, темное шоколадное печенье и громадный бокал красного вина.

За дверями раздавался Бах – Концерт для двух скрипок. А на фоне музыки – неразборчивое, но узнаваемое бормотание Клары. И очень-очень тихий еще один звук.

Фак-фак-фак.

Она закрыла глаза.

Билли Уильямс редко принимал ванны и никогда в жизни не принимал пенистую ванну.

Он не то чтобы рассматривал ее как вещь, не подходящую для мужчин, а просто вообще никогда не рассматривал.

Но мадам Гамаш пригласила его, чтобы он вымылся и согрелся. И остался на обед. Билли замерз и проголодался и собирался отказаться, но тут почуял запах роз и, прихрамывая, последовал за ней по коридору в спальню и большую ванную при ней. Ванна была наполнена, пена от пузырьков стояла высоко и пахла, как сад бабушки.

Запах такой зовущий, что отказаться невозможно.

– Я вас оставляю, – сказала она. – Пойду посмотрю, как там дела у

Мирны.

– Скажите… – начал было Билли, но замолчал. – Скажите ей «привет» от меня.

– Непременно. Тут на кровати чистая одежда, а в духовке разогревается тушеное мясо.

Когда мадам Гамаш ушла, он шагнул в ванну, потом сел. Погрузился в горячую воду. Почувствовал, как расслабляются его напряженные мышцы в воде и пене, обволакивающих его измученное тело.

На столике рядом с ванной он нашел банку пива, его любимого. И громадный кусок пирога с лимонным безе.

Билли закрыл глаза и вздохнул.

Амелия Шоке стояла под душем. Все еще слабая. Осоловелая.

Она бы приняла горячую ванну. И долго лежала бы в ней. Но ванная у Марка вызывала у нее отвращение: по всей лохани проходила полоса грязи, унитаз уродовали потеки. Сливные отверстия были забиты волосами – длинными и прямыми, а также короткими и курчавыми. Она хотела выйти отсюда как можно скорее.

Она закрыла глаза, наслаждаясь теплой водой, струящейся по ее пульсирующей голове. Потрескавшимся дешевым обмылком Амелия натерла тело и голову. И на минуту даже почувствовала себя человеком. Представила себе: вот она сейчас откроет глаза и окажется в чистой, яркой душевой академии.

Амелия держалась за эту фантазию сколько могла. Потом открыла глаза и принялась соскребать с себя грязь. Соскребать.

И только тогда заметила какую-то надпись на левом предплечье. Новая татуировка среди многих других.

Она посмотрела внимательнее. Нет. Не татуировка. Надпись фломастером.

Дэвид.

И больше ничего. Просто Дэвид. И цифра: 14.

Это написала не она. Кто-то другой.

Амелия принялась тереть сильнее. Почти до крови.

Но имя не исчезало.

Дэвид. 14.

Глава восемнадцатая

Жан Ги Бовуар повесил телефонную трубку в кухне, потом спросил у тестя, можно ли ему воспользоваться телефоном в кабинете.

– Конечно.

Арман проводил его взглядом, потом повернулся к другим за столом.

Рейн-Мари. Билли. Анни.

Бенедикт.

Гамаш и Жан Ги из разрушенного дома сразу поехали в больницу и обнаружили там Бенедикта в приемном отделении. Исцарапанного. Голодного. С забинтованной головой до самой линии волос.

– Он просто везунчик, – сказал доктор. – Ни трещин, ни внутреннего кровотечения. Ни даже сотрясения. Ваш сын? – спросил он у Жана Ги.

Тот посмотрел на молодого доктора нехорошим взглядом.

– Нет, не мой сын, – отрезал Жан Ги и, увидев улыбку на лице Армана, добавил: – Его внук.

– Это не совсем так, – сказал Арман, но и отрицать полностью слова зятя не стал.

Доктор посмотрел на двоих мужчин, растрепанных, грязных. Потом на Бенедикта. Грязного. Растрепанного. И не почувствовал нужды возражать.

– Ну, он весь ваш.

Отвели Бенедикта домой. Домой к Гамашу.

И теперь все, приняв душ, в теплой одежде, присоединились к другим – на столе стояла говяжья тушенка и теплый яблочный крисп с густой сметаной. Вкусная еда, которая редко не отвечала своей единственной великой цели.

День подошел к середине, и они сидели, греясь от кухонной печки.

Они, конечно, спросили о теле. О мертвеце. Хотели узнать, кто он. Но Жан Ги ответил, что не может им сказать, пока семья не поставлена в известность.

По этому поводу он и звонил.

Вернувшись минуту-другую спустя, он сел рядом с Анни и, кинув короткий взгляд на Армана, сказал:

– Это тело Энтони Баумгартнера.

– Что? – сказал Бенедикт. – Мы его только вчера видели.

– Баумгартнер? – переспросила Рейн-Мари. – Родственник баронессы?

– Ее сын, – сказал Арман.

– Бедняга, – вздохнула Анни. – У него была семья?

– Oui, – ответил Жан Ги. – Его бывшую жену оповестили, а она сообщит детям. Им уже под двадцать.

– И что он там делал? – спросила Рейн-Мари.

– Вот то-то и вопрос, – сказал Жан Ги, хотя имелись и другие вопросы, вытекавшие из полученной им только что информации. После того как он ответил на звонок и позвонил сам.

– Вы уверены, что не видели и не слышали его, когда приехали туда вчера вечером? – спросил у Бенедикта Жан Ги; тот в ответ отрицательно покачал головой. – И никого другого вы тоже не видели?

И опять Бенедикт покачал головой. Арман с интересом смотрел на своего зятя.

– Я видел машину, – сказал Бенедикт. – Но только когда мы с Билли завели мой пикап. Я ее увидел в свете фар. Я знал, что пикапу нужно время, чтобы прогреться, а потому зашел в дом, чтобы не ждать на ветру.

– И я тебя там оставил, – сказал Билли. – Извини.

– Это нормально. Не ваша вина. Я вел себя глупо. Не нужно мне было вообще туда ездить.

– Дом не был заперт? – спросил Арман.

– Не был.

Гамаш вытер слезы с раздраженных глаз, бросил влажную салфетку в огонь.

Фельдшер просил его не трогать глаза, потому что соринки соберутся в уголках и трение может привести к необратимым повреждениям.

Но они рыдали – просили, чтобы их потерли, и не потереть стало почти невозможным.

Рейн-Мари, видя это, протянула руку, ухватила его запястье. На другую руку он сел.

– Не возражаете, если мы присоединимся? – раздался голос из гостиной.

Вошли Мирна и Клара.

– Слышала, тебя выкинули из больницы. – Мирна обняла Бенедикта. – Как ты?

Билли вскочил и предложил Мирне свое место, не пуская на него Клару. Глаза Рейн-Мари загорелись, она улыбнулась, посмотрев на Армана.

– Ерунда, одни ушибы, – сказал Бенедикт.

– Усибы, – сказала Клара. – Эх, ты, обесьян.

Бенедикт уставился на нее почти так же, как Арман вперялся в Билли, когда говорил тот.

– Вы незнакомы, – сказала Мирна. – Это Клара Морроу, соседка.

– Привет, – сказал Бенедикт четким, громким голосом.

– Вы не видели такое кино – «Выстрел в темноте»?[35] – спросила Клара у Бенедикта, а потом сказала Мирне: – Еще один фильм, который мы должны пересмотреть.

– Хорошая мысль.

– Клузо – знаете? – спросила Клара у Бенедикта, который продолжал смотреть, чуть наклонив голову, словно это могло помочь ему понять сию растрепанную персону.

– «Мои руки – смертельное оружие». – Клара подняла ладони с растопыренными пальцами, имитируя рубящий удар карате и опробуя на Бенедикте еще одну цитату из фильма, но Бенедикт только смотрел встревоженным взглядом и даже на всякий случай сделал шаг назад, чуть не наступив на Гамаша.

– Ничего страшного, – с улыбкой сказал Арман. – Она ими только рисует.

– Живопись пальцами? – спросил Бенедикт. – У меня тетушка этим занималась. Терапия. С головой не очень хорошо было.

– Если уж речь зашла о головах, как твоя-то – в порядке? – спросила Мирна, возвращаясь к первоначальному вопросу.

– Они меня осмотрели – у меня явно крепкий череп.

Он сказал это с такой серьезностью, что остальные не смогли сдержать смех.

Бенедикт, который не сразу понял, в чем дело, сначала почувствовал смущение, потом усмехнулся.

– Но и большое сердце, – сказала Рейн-Мари, погладив одеяло на его коленях. – Вы спасли их жизни.

– Это они спасли мою.

– Там, в доме, вероятно, было холодно, – сказал Арман. – Без отопления-то.

– Да, холодно.

– Хорошо, что вам удалось разложить костерок и греться у него.

– Но нас это напугало до смерти, – сказала Мирна. – Мы его почуяли и решили, что дом горит. Словно одного обрушения было мало.

– Так теперь вы можете нам сказать? – спросила Клара, садясь на стул Армана, взявшего себе другой. – Мы знаем имя человека, которого завалило в доме?

– Я им только что сказал, – ответил Жан Ги. – Его зовут Энтони Баумгартнер.

Рот Мирны распахнулся от потрясения.

– Сын баронессы? Мы его только вчера видели! В его доме.

Бенедикт только что произнес такие же слова. Арман знал: их произносят многие. Словно если ты видел кого-то недавно, это может защитить его от неожиданной смерти.

– Вы говорили нам, – обратился он к Бенедикту, – что, когда входили в дверь, она была не заперта. Но никаких следов месье Баумгартнера вы не увидели?

– Никаких. Я крикнул, думая, что там может кто-нибудь находиться, но мне никто не ответил. Я начал искать с помощью фонарика на моем айфоне. Вообще-то, я просто время убивал – ждал, когда согреется моя машина. Но потом я решил проверить, можно ли восстановить этот дом, зашел в него поглубже, чтобы осмотреть внимательнее. Вот тут-то он и рухнул.

Молодой человек замолчал.

Арман и Жан Ги, оба имевшие личный опыт травматизации, видели знакомые признаки.

– И как это произошло? – осторожно спросил Гамаш.

Психотерапевт научил его кое-чему, и он пытался передать свои знания всем агентам Sûreté. Потребность говорить о том, что случилось. Не только о физических, но и об эмоциональных травмах.

И теперь он предлагал выговориться Бенедикту. Человеку с крепким черепом и большим сердцем.

Анри, лежавший между Арманом и Бенедиктом, перекатился на спину. Его громадные уши плоско легли на пол, словно два маленьких коврика.

Бенедикт наклонился и погладил Анри живот. Стараясь ни с кем не встречаться глазами.

– Я услышал треск, – сказал он, обращаясь к Анри, который внимательно слушал. – Я подумал, это мороз коробит дерево. Такое случается со старыми домами. Я не испугался. Сначала. Думал, я понимаю, что происходит. Но потом раздался другой, гораздо более громкий звук. Я находился в кухне. И услышал что-то, будто поезд приближался, и дом стал сотрясаться.

Голос Бенедикта становился громче, и Мирна взяла его за руку. Не для того, чтобы его остановить, а чтобы успокоить.

Бенедикт посмотрел на Мирну, потом – на Армана.

Своими слезящимися глазами Арман отчетливо видел ужас парня.

– Я бросился к двери, – продолжил Бенедикт. – Но тут упала балка, прямо передо мной. Я сумел вовремя остановиться. А потом… – Он

замолчал на полуслове.

– Продолжайте, – мягко сказал Арман.

– А потом словно всюду начались взрывы. Я испугался и замер.

Он огляделся, его зрачки расширились, взгляд остановился на Жане Ги, который смотрел на молодого человека не с жалостью, а с сочувствием. Даже не с пониманием, хотя Жан Ги и понимал.

В выражении его лица отчетливо виделось одно. Утешение. То, что Бенедикт чувствовал тогда, как реагировал, его действия и бездействие – все это представлялось естественным и нормальным.

Замереть. Бежать. Кричать. Визжать.

Жан Ги сам прошел через все это. И ведь он имел специальную подготовку. А парень был всего лишь плотником. Строителем.

– Я знаю, – сказала Мирна. – Я тоже замерла. Когда все начало падать. Это как…

– Я был один.

Рот Мирны, открытый для произнесения следующих заготовленных слов, таким и остался. И не произнес ни слова.

– Я был один, – повторил Бенедикт. Теперь шепотом.

Это-то и определяло разницу. Пропасть. Между их ужасом и его. Они тоже смотрели смерти в глаза. Но вместе.

Он был один.

Нижняя губа Бенедикта дрожала, его подбородок собрался в складки – он изо всех сил старался сдержать дрожь.

– Мне было так страшно, – прошептал он. – Когда я наконец шевельнулся, то увидел дверной проем, – слава богу, он находился под опорной балкой. Я прыгнул туда и лег. – Он говорил, а плечи его сутулились. – Потом обрушение прекратилось, но я оказался в ловушке. Я кричал и кричал, но безрезультатно. А потом стало ужасно, ужасно холодно. И темно. Я уронил свой айфон, так что ни позвонить, ни эсэмэснуть не мог. И света у меня не было. И тут настала настоящая тишина.

Он сидел, обхватив себя руками и глядя в окно.

– Но у вас были спички, – сказал Арман.

Бенедикт кивнул.

– Я про них забыл. Потом уже я сложил маленький костерок. Дерево было такое старое и сырое – загорелось оно легко. Время от времени дом еще проседал, но я типа привык к этому, а когда у меня появился костер, мне стало лучше. Я разговаривал сам с собой. Говорил себе, как здорово у меня все получается. Как все прекрасно. Как я умен. Какой я везучий.

Убеждал себя, что кто-то меня найдет. – Он посмотрел на Билли. На Мирну. На Армана. – И вы меня нашли.

– И вы ни разу не слышали других звуков? – спросил Жан Ги. – Человеческих звуков?

– Не слышал. Пока не появились вы.

Они кивали, думали. Воображали. Вспоминали.

И по крайней мере в одном случае размышляли.

– Почему вы там оказались? – спросил Арман у Бенедикта.

– Чтобы взять мою машину.

– Да. Но вы обещали не ездить без зимних покрышек. Дали мне слово. Так почему вы туда поехали?

Бенедикт опустил глаза, чтобы не встречаться взглядом с Арманом.

– Извините. – Он тяжело вздохнул. – Теперь это кажется таким глупым, но после двух порций пива казалось, что у меня родилась хорошая идея. Нелепо, я знаю, но есть две вещи, которые меня по-настоящему волнуют. Моя подружка и моя машина. Я тоскую по моей девушке. И я волновался из-за машины. Когда Билли предложил меня подвезти, я воспользовался его предложением. – Молодой человек поднял глаза на Армана. – Я собирался позвонить вам утром. Сказать, где я. Мне жаль. Правда.

Бенедикт вел себя бесшабашно – это было ясно любому копу и отцу. Арману не составляло труда поверить, что у этого молодого человека, вероятно, трудности с логическим мышлением. Свидетельством тому его стрижка, свитер, визитка. И безбашенность. Его попытка ездить в жестокую квебекскую зиму на летних покрышках.

Однако ему трудно было поверить, что Бенедикт нарушает обещания. В особенности обещание, которое – он это видел – давалось со всей серьезностью.

И все же Гамаш поверил.

А еще ему было ясно: это означало, что он ошибался в оценке молодого человека. В данном случае. Но и в других тоже.

Солнце опускалось к горизонту, и Анни тихо встала, чтобы включить свет.

– Кто-нибудь еще хочет выпить? – спросила она.

– Да, пожалуйста, – сказала Мирна, поднимаясь.

– Я помогу, – сказала Клара.

– Мы можем поговорить? – спросил Жан Ги у Армана. – В твоем кабинете?

Они вошли в кабинет, и Жан Ги закрыл дверь.

– Я сказал не все, шеф. Есть кое-что, о чем другие пока не должны знать. Судмедэксперт считает, что Энтони Баумгартнер погиб не от обрушения дома.

– А от чего?

– У него проломлен череп. На ране обнаружена пыль от бетона и штукатурки, но внутрь ничего не попало.

– Внутреннее кровотечение?

– Нет.

– Легкие?

– Чистые.

Гамаш коротко кивнул, показал Жану Ги на стул, сел сам.

– Он был мертв еще до обрушения дома, – сказал Гамаш, сразу же осознав подоплеку. – Не мог причиной смерти быть инфаркт или инсульт?

– Доктор Харрис рассматривала оба варианта, она считает, что ни инфаркта, ни инсульта не было. Она готова назвать рану на голове причиной смерти – рану, полученную до обрушения дома.

– Ты ей звонил?

– Oui. Я классифицировал это как убийство и назначил инспектора Дюфресна вести дело. Я буду руководить следствием.

– Хорошо, – сказал Гамаш.

– Что ты можешь рассказать о вашей встрече с Баумгартнерами вчера?

Гамаш задумался. Он уже рассказывал Жану Ги о встрече и завещании, но без подробностей. Встреча была отдельным событием. Он не видел в ней триггера убийства.

Но теперь Арман поменял точку зрения.

Он рассказал зятю о собрании, о доме, о других присутствовавших. Об их реакции на завещание.

– Значит, он сомневался в правомочности вашего назначения душеприказчиком? – спросил Бовуар.

– Да, он считал, что они могут все вопросы решить втроем – он, сестра и брат. На такие соображения навела их мать.

– Вероятно, что-то случилось, что-то изменилось, если она лишила их такой возможности.

– Но при этом она все оставила им, – сказал Гамаш. – Если бы имела место какая-то ссора, то она, вероятно, не только отняла бы у них свободу действий, но и вообще лишила бы наследства.

Бовуар слушал, кивал. Думал.

– Тебе больше ничего не кажется странным, шеф?

Не показалось ли ему что-то странным? Тогда нет, но теперь? Задним

числом?

Он прекрасно знал, как легко, как искусительно для людей преувеличивать те или иные подробности.

Взгляды. Интонации. Вспышки. Во время встречи они были гостями, не подозревая того, что они к тому же свидетели.

Теперь он старался быть точным. Не было ли сказано или сделано что-то такое, что всего несколько часов спустя привело к смерти Энтони Баумгартнера?

Этот вопрос Гамаш всегда задавал себе, опускаясь на колени рядом с трупом.

Почему этот человек мертв?

Задал он себе этот вопрос и сейчас. Почему умер Энтони Баумгартнер? Что произошло?

– На простое совпадение это не похоже, – признал он. – Я имею в виду тот факт, что один из них умер спустя несколько часов после зачитывания завещания. Но я, сколько ни напрягаю память, не могу вспомнить во время встречи ничего такого, что могло бы стать искрой. Но когда мы уехали, Гуго и нотариус остались с Энтони. Что-то могло произойти после моего ухода.

– А что ты думаешь о завещании, шеф?

– Я думаю, с нашей точки зрения, это кажется неожиданным и даже необъяснимым, но я должен сказать, ее дети, включая и Энтони, вовсе не удивились. Они бы удивились сильнее, если бы она не оставила им всех денег и собственности.

– Хорошо, – сказал Бовуар, вставая. – Дело открывается. Мы узнаем о Баумгартнерах все, что можно узнать.

– Включая и баронессу, – сказал Гамаш. – Я не мог прогнать мысль, что если бы она оставалась живой, то живым был бы и ее сын.

Он поднялся и пошел к двери, но вернулся к столу, когда зазвонил телефон.

– Oui, allô.

Гамаш показал Бовуару на стул, но сам остался стоять.

Жан Ги увидел, как изменилось лицо Армана.

– Нет, вы правильно сделали. Она все еще там? – Он слушал, медленно опускаясь на стул. – Повторите мне, что случилось… Понимаю. И вы уверены, что она сказала именно эти слова?

Последовала пауза; Бовуар наблюдал, как утончились и побелели губы Гамаша.

– Продолжайте и дальше… Нет-нет. Ничего не предпринимайте.

Конечно, я знаю, что это незаконно, – отрезал он, но тут же взял себя в руки. Арман сделал глубокий вдох, а когда заговорил опять, голос его звучал ровно. – Давать оценки вы можете сколько угодно, но помните: вы только наблюдатели. Не вмешивайтесь.

Он повесил трубку, и Жан Ги спросил:

– Речь о кадете Шоке?

Гамаш уже успел рассказать ему, что случилось днем ранее в академии, и Жан Ги знал, что шеф установил за Шоке наблюдение.

– О бывшем кадете, – сказал Гамаш, но кивнул. – Oui.

– Она на улице?

– Oui.

Старший суперинтендант, казалось, говорит неохотно. Не потому, что скрывает какую-то информацию от Бовуара, просто и сам пока не уверен.

– Ее друг нашел ее в проулке – лежала, вырубившись, он отнес ее к себе.

– Merde, – сказал Бовуар, покачав головой. – Глупая, глупая девка. – Потом он внимательнее взглянул на Гамаша. – Но вряд ли тебя это должно удивлять, шеф.

Он вовремя остановился – не добавил: «Я же тебя предупреждал».

Бовуар предостерегал Гамаша об этом молодом кадете со времени ее приема в академию, а принимал ее лично Арман.

Из-за этой фигуры между ними постоянно возникали распри. Она была слабым местом шефа.

Гамаш верил, что люди способны изменяться. К худшему, да. Но и к лучшему.

Однако Жан Ги Бовуар знал другое. Люди, говорил ему его опыт, фундаментально не меняются. Они лишь учатся скрывать свои худшие мысли. Носить цивилизованные маски. Но за улыбками и вежливыми словами, невидимая во мраке, вызревала порча, а в подходящее время, когда условия располагали к тому, эти ужасные мысли превращались в кошмарные действия.

– И что вы собираетесь делать? – спросил Бовуар.

А когда Гамаш не ответил, Жан Ги внимательнее посмотрел на своего шефа и наставника. И понял ответ.

– Вы следите за ней. Но не для того, чтобы ее защитить, а чтобы узнать, выведет ли она вас на опиоиды.

– Oui.

«В конечном счете не такой уж он и мягкий», – подумал Бовуар и попытался скрыть потрясение, которое испытал.

– Монреальская полиция выделила двух агентов под прикрытием, чтобы они следили за ней и докладывали мне, – сказал Гамаш.

– Вы пожертвовали ею?

– Я бы пожертвовал собой, если бы мог, – сказал Гамаш. – Но я не тот, не единственный тот, кто может вывести нас на эту партию наркотиков.

Жан Ги пытался сохранить невозмутимое лицо, но все же подозревал, что его чувства проявляются.

Старший суперинтендант Гамаш и раньше требовал от своих подчиненных больших жертв. Он много раз подвергал себя опасности.

Но всегда это делалось со знанием и с согласия. Они знали, ради чего они рискуют собой.

На сей раз все было не так. Совсем не так. Человек перед Бовуаром использовал неуравновешенного молодого кадета без ее согласия. Подвергал ее опасности. Без ее согласия.

Бовуару это говорило о двух вещах.

Как отчаянно необходимо шефу предотвратить попадание этих наркотиков на улицу.

И как далеко он был готов пойти для этого. Но Жан Ги видел и кое-что еще.

Какой груз возложил на свои плечи этот достойный человек!

Бовуар спрашивал себя, смог ли бы он пойти на что-нибудь такое, столь же бесчеловечное.

– Давид? – сказал дилер. – Нет, я не Давид.

Амелия не отставала. Она даже не знала, француз этот Давид или англичанин. Кого она искала – Дэвида или Давида?

Различие казалось незначительным, но в подбрюшье этого мира малые различия имели значения. Как маленький клочок кожи, который прокалывает игла. Да, здесь была вселенная малых различий. И больших негодяев.

Она не сомневалась: этот Дэвид пометил ее, потому что она задавала вопросы о новой чуме. Это было предупреждение. О том, что он может подобраться к ней так близко.

Но Амелия не собиралась пугаться.

На самом деле это возымело противоположный эффект. Она знала, что совершила ошибку. Обнаружила себя. И теперь сосредоточилась на поиске.

Найти Дэвида. Найти наркотик. И тогда ее тревоги закончатся. И тогда она покажет Гамашу, на что способна.

Ее ноги в кроссовках промокли, на них появилась грязная корка.

Почему она не взяла ботинки, когда уходила из академии? Схватила только свои книги.

Она не возвращалась в свои меблирашки со вчерашнего дня, но ей придется вернуться туда сегодня попозже. Марку требовалась его комната. Для дела.

И у нее тоже были свои дела.

– Я ищу Дэвида, – сказала она какой-то проститутке.

– Если ты ищешь не пусси, то я тебе ничем не могу помочь, мужичок.

Амелия ощетинилась, но тут же поняла, что в куртке, шапочке и джинсах она и в самом деле была немного похожа на мужичка.

Она шествовала по рю Сент-Катрин, улице, названной в честь святой патронессы больных. Заглядывала в темные проулки, видела там подонков общества, отбросы, больных, наркоманов, шлюх, почти мертвых и умирающих.

Молодежь. Большинство моложе ее. Что произошло за те два года, что она отсутствовала?

Но она знала ответ. Случились опиоиды. Случился фентанил. А будущее сулило кое-что похуже. Амелия заглянула в темный проулок, и ей показалось, что она увидела там ребенка. В ярко-красной шапочке. Но она не сомневалась: это галлюцинация. Эхо наркотиков, которые она принимала вчера.

Арман выключил свет в доме, но спать не лег, хотя ему и хотелось после кошмарного дня поскорее забраться под теплое одеяло и прижаться к Рейн-Мари. Кривизной своего тела.

Вместо этого он уселся в кресло в гостиной с подушкой и одеялами.

Дальше по коридору находились спальни, в которых спали Билли и Бенедикт. Он надеялся, что спали они мирно.

Но если кто-то проснется от кошмара, Арман должен быть поблизости.

Клара выключила свет на чердаке над книжным магазином. Она убедилась, что Мирна крепко спит, и уже собиралась уйти, но остановилась на верхней ступеньке лестницы и оглянулась.

Вспомнила, сколько раз Мирна оставалась с нею. После Питера. Чтобы быть рядом, если начнется кошмар.

Клара поставила чайник, заварила себе крепкого чая «Красная роза» и устроилась в большом кресле у огня.

Арман вздрогнул и сел прямо. Какой-то звук разбудил его, но он

прислушался – в доме стояла тишина.

А потом опять. Плач.

Он сбросил с себя одеяло и быстро пошел по коридору.

– Бенедикт? – прошептал Гамаш, постучал в дверь спальни, прислушался.

И снова звук. Теперь что-то вроде завывания.

Арман вошел, пододвинул стул к кровати, нашел руку Бенедикта. Взял ее. Повторял медленно снова и снова, что парню ничто не грозит. Когда это не помогло, начал тихо напевать. Первую песню, которая пришла в его голову.

– «Эдельвейс, эдельвейс…»

Наконец парень перестал плакать, дыхание его пришло в норму. И он уснул.

В соседней комнате лежал без сна Билли Уильямс, смотрел в потолок. В темноте ему казалось, что потолок падает, опускается на него. Он ухватился за края кровати и стал повторять себе, что это только галлюцинация.

«Я в безопасности, я в безопасности».

Но он едва мог дышать: обломки дома давили ему на грудь, а потолок продолжал падать.

Билли услышал крик, ощутил резкий приток адреналина. Тот самый звук он слышал в скрежещущем доме. Нечеловеческий.

А потом раздался шепот. Бормотание. А потом что-то еще. Неразборчивое, но знакомое.

То, что давило ему на грудь, отпустило его, веки Билли сомкнулись, и он уснул под чью-то тихую песню.

Амелия постучала в дверь домохозяйки. Дверь открылась ровно настолько, чтобы глаза, похожие на глаза хорька, увидели, кто там стучит.

– Какого хрена тебе надо? – спросила старуха.

Ее грязный халат распахнулся, обнажив больше, чем хотела видеть Амелия.

– Мне нужна моя комната. А в ней кто-то другой.

– Да, кто-то, кто платит. – Удовлетворение вытеснило гнев старухи. – Ты получила комнату в обмен на уборку. Но убирать не стала, так? Ты перевернула ведро. Мне пришлось самой мыть коридор.

Амелия знала: бабка лжет. Она видела перевернутое ведро и швабру – они так и лежали в коридоре у ее комнаты.

Крохотные глазки впились в Амелию через щелку между косяком и приоткрытой дверью.

– Убирайся, пока я не позвала полицейских, – сказала она и уже собралась закрыть дверь. Но Амелия налегла и не позволила ей сделать это.

– Мои вещи, отдай мне мои вещи, грязная старая сука.

– У меня их нет.

– Где они?

– Ты чувствуешь тепло? – Старуха замолчала. Потом улыбнулась. – Это твои вещички.

Когда слова старухи дошли до Амелии, когда она осознала их смысл, ее давление на дверь ослабло. В это мгновение старуха захлопнула дверь, послышался лязг задвижки.

– Тварь! – вскрикнула Амелия и ударила плечом в дверь.

Она с криком налегала на дверь снова и снова, пока голос ее не охрип, а плечо не заболело так, что ей пришлось прекратить. Она в изнеможении сползла на пол.

Почувствовала под собой заскорузлую корку ковра. Застоялый запах табака, дерьма, пота и мочи. И тепло.

Ее голова упала на руки. Амелия заплакала. Ее жизнь была в руинах, а книги в огне.

А потом, когда боль стала невыносима, она встала и пошла на холод. В поисках наркотика, нового и сильного, чтобы он унес ее отсюда далеко-далеко. Навсегда.

Рейн-Мари нашла Армана в кресле у огня. Он сидел, клевал носом.

Увидев ее, он поднялся и сказал про Бенедикта.

– Мне нужно оставаться здесь.

– Oui, – сказала она, потом поправила подушку и одеяла на соседнем кресле, села рядом. Взяла его за руку и стала тихонько говорить про Оноре. Про внуков в Париже. Про Грейси и Анри.

И наконец он мирно и крепко уснул.

Глава девятнадцатая

Солнце проникало в бистро через окна с переплетом; его лучи лежали на полу из широких досок, на удобных стульях, сосновых столах. На посетителях.

Но в дальний угол, к большому камину, где с Люсьеном сидели Мирна, Бенедикт и Арман, лучи не дотягивались.

Гамаш позвонил нотариусу, попросил его приехать и привезти с собой документы.

Мерсье слушал, его лицо становилось все более ватным по мере того, как Мирна и Бенедикт рассказывали ему о событиях предыдущего дня.

– Тот дом, в котором я был? – спросил он, когда они закончили. – Рухнул?

– Да, мы чувствуем себя гораздо лучше, – сказала Мирна, отвечая на незаданный вопрос. – Несколько синяков, но ванна вчера вечером помогла. Спасибо.

Люсьен недоуменно посмотрел на нее.

Они сидели в «ушастых» креслах, на столе перед ними стоял завтрак и кофе с молоком. Рядом, пожирая большие кленовые поленья, бушевал огонь в камине.

– Когда дом обрушился, в нем обнаружили тело, – сказал Арман. – Тело Энтони Баумгартнера.

Глаза нотариуса широко раскрылись.

– Месье Баумгартнера? Он мертв?

– Oui.

– Но мы все только перед этим его видели.

– Вероятно, он поехал в дом после нашего отъезда, – сказала Мирна.

– Но зачем? – спросил Люсьен.

– Мы не знаем.

Гамаш решил не говорить им пока, что Бовуар расследует эту смерть как убийство. Чем дольше это удастся скрывать, чем меньше народа будет знать, тем меньше будут замыкаться в себе все эти люди.

И в любом случае вскоре все всё узнают.

– Месье Баумгартнер после нашего отъезда не говорил вам, что собирается съездить туда?

Люсьен отрицательно покачал головой:

– Нет, ничего не говорил. Мы просто поболтали ни о чем, пока я

складывал бумаги. Я уехал вскоре после вас, но все выглядело вполне нормально.

И Мирна, и Арман знали, что Люсьен, вероятно, не лучший судья в том, что касается нормы в человеческих отношениях. Но даже он заметил бы, если бы там началась ссора.

– Вы не знаете, почему мать решила назначить им душеприказчиков? – спросил Гамаш.

– Понятия не имею, – ответил Люсьен. – И мы даже не знаем, были ли по прежнему завещанию наделены правом продажи имущества. Они считали, что были вправе, но кто может знать?

– Ваш отец мог знать, – сказала Мирна. – И где-то должно храниться прежнее завещание.

– Если оно где-то и есть, то я про него ничего не знаю.

– Вы привезли его бумаги? – спросил Арман.

Позвонив нотариусу, Гамаш попросил его просмотреть отцовский архив и привезти все, что он найдет по Баумгартнерам. И теперь Люсьен положил на стол аккуратную стопку бумаг.

– Ваш отец не был нотариусом Энтони Баумгартнера, верно? – спросил Гамаш, надевая очки для чтения.

– Нет. Только матери.

– Вы читали, что здесь? – спросил Гамаш, показывая на стопку.

Он моргнул несколько раз, чуть прищурился, стараясь прогнать муть из все еще раздраженных глаз.

Когда Арман проснулся утром, то обнаружил, что, хотя его тело затекло и побаливало после вчерашних событий в обрушающемся доме, глаза его явно пошли на поправку. И все же буквы перед ним отказывались складываться в четкие слова и читал он с трудом.

– Нет, – сказал Люсьен. – Мне это не требовалось. Я нашел то, что мы ищем.

– Старое завещание? – спросила Мирна.

– Очень старое завещание, – сказал Люсьен. – Но не завещание мадам Баумгартнер. Это я нашел, когда проводил собственный поиск. Я, кажется, знаю, почему Берта Баумгартнер называла себя баронессой.

Мирна повернулась на стуле лицом к нему. Арман снял очки. И Бенедикт, откусив немалую часть поджаренной на тостере булочки, подался вперед.

Люсьен сделал паузу, наслаждаясь моментом.

– Да бога ради, говорите уже! – рявкнула Мирна.

Момент, кажется, прошел.

– Отлично. После нашей встречи с семейством вчера и оглашения необычайных условий завещания я решил попробовать кое-что. Стал искать завещания на имя Киндерот. Какое-то время у меня ушло, но все же я нашел вот это.

Он взял верхнюю бумагу со стопки и передал Мирне.

Это была копия старого документа, написанного от руки, с официальными печатями.

– Это по-немецки, – сказала Мирна.

– Да, я немного знаю немецкий, – сказал Люсьен. – Похоже, это документ, оспаривающий завещание некоего Шломо Киндерота. Барона Киндерота.

Зрачки у Мирны расширились, она многозначительно посмотрела на Армана, протянула бумагу ему.

Гамаш вернул очки на нос, принялся разглядывать бумагу, пытаясь прогнать муть из глаз, потом протянул документ Бенедикту.

– Дата наверху – тысяча восемьсот восемьдесят пятый год?

– Да, тысяча восемьсот восемьдесят пятый. Это, – Люсьен выхватил бумагу у Бенедикта и поднял перед собой, – копия оригинального документа, поданного в суд Вены в тысяча восемьсот восемьдесят пятом году. Насколько я понял, Шломо Киндерот оставил все свое имущество двум своим сыновьям.

– Да, – сказала Мирна.

– Разделил поровну.

– Oui, – произнес Арман.

– Я неточно выражаюсь, – продолжил Люсьен, и никто не стал ему возражать. – Он оставил все своим сыновьям-близнецам. Оба сына унаследовали титул и его состояние – судя по документам, громадное. Имения в Швейцарии. Дома в Вене и Париже…

– Постойте, – сказала Мирна, подняв руку. – Вы хотите сказать, что он обоим оставил одно и то же?

– Именно.

– Но как ему это удалось?

– Ему не удалось. В этом-то все и дело. – Люсьен явно испытывал удовольствие – Так все это и началось. Я думаю, они не смогли договориться. Они судились друг с другом.

– И?.. – спросил Бенедикт.

– И ничего. Так дело ничем и не завершилось.

– И что это значит? – спросил Бенедикт.

– Вы же не хотите сказать, что завещание до сих пор оспаривается? –

сказала Мирна. – Сто двадцать лет прошло.

– Сто тридцать два, – поправил Люсьен. – И нет, конечно, я ничего такого не говорю. Австрийцы почти так же эффективны, как немцы. Нет, это должно было решиться много лет назад. Просто я пока еще не нашел приговора.

– Но мы можем предположить, что приговор был не в пользу той ветви семьи, к которой принадлежала мадам Баумгартнер, – сказал Арман.

– Тогда почему она считала, что наследство причитается ей? – спросила Мирна.

Но еще не закончив вопроса, она по мрачному виду Гамаша поняла, что сморозила глупость.

Берта Баумгартнер держалась за ту веру, за которую хотела. Которая служила ее целям.

Баронесса жила в мире фантазий, в котором любая развилка на дороге – в ее пользу. В мире, в котором она была одновременно жертвой и наследницей. Баронессой и уборщицей. Ходячей викторианской мелодрамой.

Сколько клиентов сидели вот так напротив Мирны, жаловались на то, что с ними «поступили не по праву». Их уклон в претензии был настолько силен, что начисто удушал разум. Они бы отказались от благоразумия, прежде чем смирились бы с этими несправедливостями.

В некоторых случаях с некоторыми людьми это могло длиться годы. Шип надежно сидел у них в боку. И если доктор Ландерс слушала, направляла, делала предложения о том, как попытаться отделаться от боли, то они продолжали способствовать нагноению, пока она наконец не поняла, что некоторые ее клиенты не хотят освобождения от своих обид, им нужна легитимация.

Она знала: признание – вещь ужасная. Оно привязывало человека к его жертвенности. Оно поглощало весь воздух вокруг. И в конечном счете человек оказывался в вакууме, где ничто хорошее не может процветать.

И трагедия почти всегда имела осложнения – Мирна знала это. Такие люди неизбежно передавали свою болезнь из поколения в поколение, а та с каждой передачей все усиливалась.

Больной вопрос стал легендой их семьи, их мифом, их достоянием. Потерянное стало их самым ценным владением. Их наследством.

Конечно, если они проиграли, то выиграл кто-то другой. И им было на ком вымещать гнев. Это стало кровной враждой, сражением за родословную.

Мирна посмотрела на Армана, а тот взял документ у Люсьена и что-то

на нем написал.

– Значит, она считала, что ее родню провели за нос, – сказал Бенедикт.

Мирна сжала губы. Несмотря на все ее психологические штудии, ее докторскую степень, ее годы исследований и работы, этот молодой человек сформулировал суть дела гораздо более кратко, чем смогла бы она.

Берта считала, что ее семью водили за нос. На протяжении нескольких поколений.

– Что вы думаете, Арман? – спросила Мирна.

– «За искупление грехов моих с детства груз первородный», – вспомнил он загадочное стихотворение Рут.

– Энтони Баумгартнер поехал в тот дом не просто так – у него была причина.

– Может быть, он просто тосковал по матери, – сказал Бенедикт.

«Может быть», – подумал Гамаш.

В конечном счете в этом доме было что-то драгоценное. Единственное, что у него невозможно было отнять.

Это место было наполнено воспоминаниями.

Он опять увидел метки на косяке. И фотографию в доме Энтони – три ребенка в цветочном саду, прекрасном и опасном.

Арман Гамаш знал, что воспоминания не только драгоценны – они еще обладают силой. Заряжены эмоциями как прекрасными, так и опасными.

Кто знал, что обитает в этом гнилом старом доме? Гамаш снова обратился к копии. Она была написана на немецком, потому он мало что понимал. К тому же почти не разбирал написанное.

Неужели эта бумага – причина всего? Безумное завещание, написанное сто тридцать два года назад. И еще одно, не менее безумное, оглашенное два дня назад?

– Где умерла мадам Баумгартнер?

– В доме престарелых «Мезон Сен-Реми», – сказал нотариус. – А что?

– А какова причина смерти? – спросил Арман.

– Сердечная недостаточность, – ответил Люсьен. – Диагноз в свидетельстве о смерти в вашем досье. А что? – повторил он вопрос.

– Но вскрытия не делали?

– Нет, конечно. Она была старой женщиной, которая умерла от естественных причин.

– Арман? – сказала Мирна, но он ей только мимолетно улыбнулся.

– Вы не возражаете, если я это заберу? – Он взял копию.

– Возражаю, – сказал Люсьен. – Она нужна мне для моих дел.

– Désolé, но мне не нужно было произносить это в форме вопроса, –

сказал Гамаш; он сложил документ, сунул его в нагрудный карман. – Вы наверняка сможете сделать еще одну копию. – Арман встал, сказал Мирне: – Ваш магазин открыт?

– Он не заперт, – ответила она. – Все как всегда. Берите что хотите.

Следующие несколько минут Гамаш провел, просматривая полки магазина «Книги Мирны новые и старые», и наконец нашел то, что ему требовалось. Положив деньги рядом с кассой, он сунул книгу в карман куртки.

Вернувшись в бистро, он увидел Билли Уильямса – тот шел к своему пикапу.

– Ему нельзя садиться за руль, – сказала Мирна, направляясь к двери. – С его больной голенью…

Она окликнула его, и Билли повернулся, а когда увидел Мирну, на его губах появилась улыбка.

– Он хороший человек, – сказал Арман. – Добрый человек.

– Удобно иметь такого человека под боком. Вот это точно.

Они смотрели, как Билли приближается к бистро. И хотя Арман не понимал ни слова из того, что говорил Билли Уильямс, он прекрасно понимал выражение на его лице.

Видит ли Мирна то, что видит он? – спрашивал себя Гамаш.

Глава двадцатая

Жан Ги Бовуар смотрел на тело Энтони Баумгартнера, пока коронер проверяла результаты аутопсии.

В отличие от Гамаша, Бовуар не видел этого Энтони при жизни, но, глядя на его тело, тоже мог сказать, что Баумгартнер был красивым, благородного вида человеком. У него даже теперь сохранялся властный вид, необычный для трупа.

– Во всем остальном здоровый пятидесятидвухлетний человек, – сказала доктор Харрис. – Вы видите рану на черепе?

И Гамаш, и Бовуар подались вперед, хотя и с расстояния все было прекрасно видно.

– Есть представление, чем нанесена рана? – спросил Гамаш, отступив.

– Я бы сказала, что, судя по ее конфигурации, это здоровенная дубинка из дерева, тяжелая. С заостренным концом. Ею размахнулись, как бейсбольной битой. – Она показала, как замахивались. – Ударили по голове сбоку с достаточной силой, чтобы нанести такое вот повреждение. Разбить череп не так-то просто, как вам может показаться. А это что?

Гамаш нахмурился:

– Вы уверены, что рана была получена до обрушения дома?

Это, безусловно, был самый важный вопрос, который определял разницу между убийством и несчастным случаем.

– Да. Абсолютно.

Он внимательно посмотрел на нее все еще опухшими и слезящимися глазами.

Доктор Харрис вздохнула, сняла хирургические перчатки, бросила в корзинку для мусора.

Она хорошо знала старшего суперинтенданта Гамаша и старшего инспектора Бовуара. Достаточно хорошо, чтобы называть их Арман и Жан Ги. За выпивкой.

Но у трупа они были старший суперинтендант, старший инспектор и доктор.

Доктор не обиделась, когда ей повторно задали вопрос. Гамаш был человеком осторожным, а осторожность более всего и необходима при поиске преступника.

И хотя Харрис знала, что Гамаш до сих пор отстранен от работы, она продолжала считать его главой Sûreté, пока кто-нибудь не вынудил бы ее

изменить мнение.

– Энтони Баумгартнер умер приблизительно за полчаса до обрушения дома. Я это вижу по состоянию его органов и отсутствию внутреннего кровотечения. Кроме того, ранение у него в боковой части черепа. А дома обычно не падают наискосок.

– Мне нужно позвонить, – сказал старший инспектор Бовуар; он достал сотовый и вышел.

– Ведь было два обрушения, верно? – спросила доктор Харрис у Гамаша.

– Да. Одно частичное – поздно вечером, а потом окончательное, вчера днем.

– То, в которое попали вы, – сказала она. – И которое обнажило труп.

– Oui.

Он рассказал ей вкратце о том, чему был свидетелем.

– Сядьте, – сказала доктор Харрис, показывая на табуретку.

– Зачем?

– Я вам промою глаза.

– Да у меня все хорошо, все время улучшается.

– Вы ведь не хотите ослепнуть?

– Упаси бог, нет. А что, есть такая вероятность?

Она увидела, что он по-настоящему потрясен.

– Отдаленная. Но кто знает, какой материал был в том доме? Чем скорее вы отделаетесь от соринок в глазах, тем лучше. Вполне вероятно, что они могут повредить роговицу. Или того хуже – забиться под яблоко.

Он сел, и она наклонилась над ним, сначала внимательно рассмотрела его глаза, потом принесла воду и принялась спринцевать. Он морщился от струек воды.

– Извините, не предупредила: это может вызвать жжение.

Когда она закончила, он принялся широко открывать глаза, моргать.

– Не трите, – предупредила она и снова внимательно осмотрела оба глаза, потом выключила налобный осветитель. – Лучше. Гораздо лучше.

Но неприятное ощущение в глазах осталось. Он плохо видел, глаза были раздражены и болели.

– Что вы ему сказали? – спросил Бовуар, вернувшись после звонка. – Заставили его плакать.

Доктор Харрис рассмеялась:

– Я ему сказала, что в бистро кончились круассаны.

– Вы что же – убить его хотите? – спросил Жан Ги.

– Хватит, я все еще вас слышу, чтобы вы знали, – сказал Гамаш; зрение

возвращалось к нему, раздражение ослабевало. – Что сказал инспектор Дюфресн?

– Они разбирают завал, ищут орудие убийства, – сказал Бовуар. – И пытаются вычислить, где он находился, когда его убили.

– И что они думают?

– Дюфресн считает, что в спальне второго этажа. Когда крыша рухнула, она увлекла с собой и тело. Сейчас они остановились на этом.

Доктор Харрис направилась к раковине, а Арман вернулся к металлическому прозекторскому столу. Сцепив руки за спиной, он уставился на Энтони Баумгартнера.

Тот был так не похож на мать, которая своим видом напоминала пожилую британскую хара́ктерную актрису, играющую монаршую особу в комедии.

Этот человек казался настоящим. Даже после смерти в его лице оставалось какое-то благородство. Гамаш мимолетно подумал о том, кому теперь достанется титул. Кэролайн или Гуго?

Применяется ли принцип первородства к вымышленным титулам?

Он взялся за край белой простыни и натянул ее на лицо Энтони Баумгартнера.

Но еще несколько секунд, прежде чем заговорить, старший суперинтендант смотрел на простыню и на то, что под ней.

– Как ты считаешь: это намеренно пытались выдать за несчастный случай?

– Мне представляется это совершенно очевидным, – сказал Бовуар. – Да. Мы должны были думать, что его убил обрушившийся дом. И мы бы так и решили, если бы Бенедикт не приехал туда вечером и не сказал нам потом, что в доме никого не было. Никого живого, по крайней мере.

– Верно. Но чтобы это походило на несчастный случай, дому следовало обрушиться.

– Да, – вмешалась доктор Харрис, оглядываясь через плечо от раковины.

Но Бовуар вернулся к столу, посмотрел сначала на шефа, потом на белую простыню.

– Верно, – сказал он, понимая, что имел в виду Гамаш.

Речь шла не о простой констатации факта, а о важнейшем элементе расследования.

Доктор Харрис вытерла руки, повернулась, и Жан Ги увидел: она тоже понимает смысл слов Гамаша.

– Откуда убийца мог знать, что дом обрушится? – спросила коронер.

– Есть только один способ знать об этом, – сказал Бовуар.

– Обрушить дом самому.

– И на сцене есть только один человек, который мог бы это сделать, – сказал Бовуар.

Гамаш отошел от тела, достал телефон, набрал номер.

Выслушав суперинтенданта Гамаша, Изабель Лакост задумалась на секунду.

Она немедленно согласилась на его просьбу, но теперь ей предстояло сообразить, как сделать то, о чем он говорит.

Потом Изабель вызвала такси. Ее высадили в снежный сугроб и слякоть.

Лакост с тростью в руке осторожно прошла по обледенелому тротуару и остановилась перед многоквартирным домом.

Невысокий, окна схвачены морозцем изнутри, что там за ними – снаружи не увидеть.

Она дернула ручку входной двери – не заперта.

Она зашагала, прихрамывая, внутрь, где ей пришлось обойти большую груду рекламной рассылки на полу. Если здесь кто-то и присматривал за порядком, то сегодня у него или у нее явно был выходной день. А может, целый год.

Изабель Лакост снова проверила информацию, пересланную ей старшим суперинтендантом Гамашем.

Бенедикт Пулио, квартира 3G.

Она поискала глазами лифт, быстро поняла, что его тут нет, встала перед лестничным пролетом, глубоко вздохнула и начала подниматься.

После встречи с коронером Жан Ги высадил Гамаша у кафе на рю Сент-Катрин.

– Грязновато, – сказал он, оглядевшись. – Ты уверен, что хочешь ждать здесь?

– Я приходил сюда молодым агентом. – Гамаш огляделся. – На большее денег не хватало. Даже Рейн-Мари сюда приводил.

– На свидание? Ты спятил?

Бовуар посмотрел на бродяг, сидящих в полукабинетах. Впрочем, само место выглядело довольно чисто. В такой забегаловке мама с папой и их сыночек-наркодилер вполне могут уплетать картошку фри по-квебекски.

– Я полагаю, Рейн-Мари нравятся плохие мальчики, – сказал Арман, и Жан Ги рассмеялся:

– Они не могут выглядеть брутальнее, чем ты, шеф. Теперь у тебя есть все, что необходимо.

– Мне необходимо, чтобы ты ушел, – сказал Гамаш.

И теперь Жан Ги стоял перед закрытыми дверями в управлении Sûreté. Перед кабинетом, с которым он знакомился все ближе и ближе. И начинал ненавидеть.

Он поднял руку, но дверь открылась – он даже постучать не успел.

– Старший инспектор, – сказала Мари Жанвье.

– Инспектор, – сказал он.

– Спасибо, что пришли.

Она отошла в сторону, пропуская его.

– Спасибо, что пригласили.

Если Мари собиралась делать вид, будто пригласила его на вечеринку, то он вполне мог ей подыграть.

– У нас к вам еще несколько вопросов. – Она показала ему на тот самый стул, на котором он сидел в прошлый раз.

Те же люди сидели за тем же столом, но теперь среди них был и пожилой человек, он сидел в удобном кресле чуть в стороне.

На сей раз Бовуар был готов. Да, они приветливо улыбались ему, но он знал, чего они от него хотят.

Он не стал садиться, прошел мимо расследователя прямо к тихо сидящему в углу человеку:

– А вы кто?

Человек встал. В нем, одетом в гражданское, ощущалась офицерская выправка. Армейская или полицейская. И высокое звание.

Он был чуть ниже Бовуара, средних лет, стройный. В нем чувствовалась непринужденность и вместе с тем готовность к действию. Такая манера держаться достигалась только многолетней практикой руководства в трудных ситуациях.

А нынешняя ситуация была затруднительной.

– Франси Курнуайе. Я работаю в Министерстве юстиции.

Бовуар был удивлен, даже потрясен, но пытался не показать своих чувств.

– И почему вы здесь?

– Я думаю, вы знаете, старший инспектор.

– Это дело стало политическим.

– Оно всегда было политическим. Я полагаю, ваш старший суперинтендант знает это. Знал с того самого момента, когда принял решение пропустить наркотик. Но вам нет нужды смотреть на меня так. Я

не враг. Мы все хотим одного.

– И чего же?

– Справедливости.

– Для кого?

Франси Курнуайе рассмеялся:

– Вот хороший вопрос! Я служу народу Квебека.

– Как и я.

– А старший суперинтендант?

Бовуар не смог сдержать ярость:

– После всего, что он сделал, у вас есть сомнения на его счет?

– Но его службу следует рассматривать в целом. Да, он сделал много полезного, но вы можете сказать, что он хорошо послужил народу, когда впустил сюда то, что может стать настоящей чумой?

– Чтобы предотвратить кое-что похуже.

– Но как мы можем знать, что оно было бы похуже? – спросил Курнуайе. – Мы знаем только, что наркотик попадает на улицы, десятки тысяч, может быть, сотни умрут. Либо от самого наркотика, либо от насилия, спровоцированного наркотиком. Это справедливо?

Даже Бовуар, не будучи прирожденным политиком, понимал, что Франси Курнуайе опробует логику, которая будет предъявлена прессе. В ток-шоу и интервью.

Чтобы оправдать это убийство.

– Какие бы благородные цели ни преследовал глава Sûreté, он совершил ужасную ошибку. И должен за нее заплатить.

– И чего вы хотите от меня?

– У вас есть возможность смягчить нежелательные последствия, старший инспектор. Вы были его заместителем. Это может запятнать всю Sûreté, а полиция только-только начинает возвращать доверие к себе.

– Вы хотите, чтобы я сказал: решение принимал он, он и несет ответственность?

– У вас есть выбор. Вина так или иначе ложится на Гамаша. Избежать этого невозможно. Его крушение было неизбежно с того момента, когда он принял решение. Он это знал. И все равно поступил по-своему. И вы никак не можете это предотвратить. Не можете его спасти. Пуля вылетела из ствола. Вы, однако, можете смягчить побочный вред, который претерпят другие.

– Включая и меня?

Франси Курнуайе только пожал плечами.

– Включая и премьера?

Лицо Франси Курнуайе помрачнело.

– Мы составили заявление, старший инспектор. Возьмите его с собой, если хотите. Прочтите. Переиначьте. Но подпишите. Сделайте то, что до́лжно сделать. Не позвольте вашей преданности ослепить вас.

– Вы, наверное, шутите? Вы говорите это мне? – Бовуар старался говорить негромким голосом, вежливым тоном, но его ярость прорывалась наружу. – Решение пропустить эти наркотики позволило нам разрушить крупнейшие наркокольца, которые опутали Северную Америку. Эта операция Sûreté чуть не стоила жизни одному из старших офицеров, а вы, вместо того чтобы благодарить нас, угрожаете мне и шефу, будто мы преступники? – Он понизил голос. – И вы говорите, что я слепой?

– Вы и представить себе не можете, что вижу я.

– О, я думаю, что очень даже представляю. Мы всего лишь маленькая деталь в вашей большой картине, верно?

И он с удовлетворением увидел длившееся доли секунды сомнение в глазах Курнуайе. Небольшое удивление.

– Это хорошо, если вы считаете, что мы имеем общую картину, – сказал Курнуайе, приходя в себя. – Но поверьте мне, мы только совершаем неловкие действия, реагируем на события и пытаемся делать то, что нужно нашим гражданам.

Бовуар ничего не сказал, но одно он знал наверняка. Этот Курнуайе неловких действий не совершал.

Гамаш сидел за столом с пластмассовой столешницей в полукабинете, пил воду и смотрел в окно.

Потом он получил эсэмэску.

– Я сейчас вернусь, – сказал он официантке, протягивая ей двадцатку. – Пожалуйста, придержите этот столик для меня.

– Oui, monsieur.

Натянув шапочку на уши и надев перчатки, Гамаш прищурился, выйдя в яркий, холодный день. Снежок поскрипывал под его ботинками, пешеходы его обгоняли, спеша добраться туда, куда стремились попасть.

А он никуда не торопился. Впереди и по другую сторону медленно шли два человека. Один высокий, тощий, даже в зимней куртке худосочный. Другой пониже, хорошо сложенный, держащийся на ногах более устойчиво.

Амелия.

Гамаш наблюдал их прогулку на протяжении двух кварталов, а когда они остановились – ушел в проулок. Теперь он смотрел на них оттуда,

закутавшись в куртку и прислонившись к холодным кирпичам заброшенного здания.

Арман видел дилеров, и наркоманов, и проституток, занимавшихся своими делами при свете дня. Они знали: ни один коп их не остановит.

Эта часть рю Сент-Катрин была не столько артерией, сколько кишечником.

Двое мужчин в заскорузлой грязной одежде рылись в мусорных бачках. Иногда отталкивали друг друга. Дрались за бачки и черствые корки.

Гамаш смотрел: на него увиденное производило впечатление.

Молодые полицейские работали прекрасно. Относились к делу серьезно. Как и должны были. В их карьере будет мало заданий важнее нынешнего. Хотя они пока этого не знали.

Он получил эсэмэску от одного из них, краткое сообщение о ходе дела. В тексте сообщалось о том, где сейчас находится Амелия. Но они понятия не имели, где находится он. Не знали, что глава Sûreté присоединился к ним и тоже ведет наблюдение за бывшим кадетом.

Гамаш спрятался поглубже в тень, когда Амелия и ее друг приблизились к дилеру. Оба мужчины казались хрупкими по сравнению с бывшим кадетом Шоке.

«Одноглазый», – подумал Гамаш.

Потом Амелия сделала что-то странное. Она задрала левый рукав до локтя, протянула руку дилеру. Тот отрицательно покачал головой.

Амелия сказала что-то, словно споря с ним, потом отвернулась от дилера и ушла прочь. Ее друг поспешил догнать ее.

– Двадцать баков за отсос, – услышал Гамаш мужской голос у себя за спиной.

Игнорируя голос, он продолжал наблюдать, пока не почувствовал тычок в спину.

– Я с тобой говорю, дедок. Тебе отсосать или нет?

Гамаш повернулся, увидел человека моложе своего сына. Татуировки на его опустошенном лице. «Наверное, когда-то он был красивым», – подумал Гамаш. Когда-то он, наверное, был молод.

– Нет, спасибо, – сказал он и повернулся, чтобы продолжить наблюдение за разговором на другой стороне улицы.

– Тогда пошел в жопу.

Гамаш почувствовал, как два кулака ударили ему в спину. Сила удара была такова, что его выкинуло из проулка на покрытый ледком тротуар. Вовремя выставив вперед обе руки, он ударился о припаркованную машину, которая не позволила ему вылететь на проезжую часть под трафик.

Водитель нажал на кнопку гудка и выставил Гамашу средний палец.

Гамаш почувствовал тонкую, как у скелета, руку на своем предплечье, повернулся и заглянул в изможденное лицо. Щеки настолько впали, что тонкая кожа едва натягивалась на кости. Глаза, обведенные темными кругами, смотрели расширенными зрачками. Но смотрели сочувственно.

Гамаш посмотрел на другую сторону. Его глаза прошлись по тротуару на другой стороне и по паре, которая уже успела уйти на целый квартал.

Амелия оглянулась на звук гудка, но Гамаш уже отвернулся и теперь смотрел на женщину, которая держала его предплечье.

– Вам нужна помощь? – раздался тихий голос.

– Non, non. Я в порядке. Merci.

Она оглянулась, крикнула в проулок:

– Ты, говнюк долбаный! Чуть его не убил!

– Трансгенша хреновая, – раздался голос из мглы. – Убирайся из моего квартала!

Женщина снова обратилась к Гамашу. Рост у них был почти одинаковый, судя по ее виду, когда-то она имела хорошее сложение, но потом вся высохла, ужалась. На ней была короткая кожаная юбка и розовая, отделанная рюшем куртка. На ее лице была тщательно нанесенная косметика, которая не могла скрыть язвы.

– Вы уверены, что с вами все в порядке? – спросила она. – Тут небезопасно.

– Вы очень добры, спасибо, – сказал он, запуская руку в карман.

– Не надо. – Она положила ту же худющую руку на его предплечье.

Гамаш вытащил блокнотик с ручкой и записал свой телефон.

– Если вам когда-нибудь понадобится помощь. – Он протянул ей бумажку вместе с перчатками. – Меня зовут Арман.

– Анита Фасьял, – сказала женщина, пожала его руку и взяла то, что он предложил.

Амелия с Марком пошли дальше. Она прошлую ночь спала в прихожей перед его крохотной квартиркой, стараясь не слышать, что происходит внутри.

И теперь они вышли снова. Он – за еще одной дозой. Она – в поисках Дэвида.

У них за спиной раздался гудок, она повернулась и увидела проститутку, которая держала за руку человека, чуть не попавшего под машину.

Она несколько секунд смотрела на мужчину, который, судя по всему,

расплачивался с проституткой за услугу. Есть вещи, которые не меняются.

Амелия пошла дальше по рю Сент-Катрин. Она наклонила голову от ветра, прищурилась и стала повторять, как и предыдущим вечером, знакомые стихи и любимые фразы, впечатавшиеся в ее память. Она повторяла их, словно молитвы по четкам. Снова и снова. С начала до конца. Пока морозный день не подошел к концу. Пока шлюхи, трансгендеры и наркоманы не пропали с улиц, а Амелия осталась с теплом слов из книг, которые теперь превратились в пепел.

Гамаш вернулся в кафе.

Он знал, что с его стороны, возможно, было неразумно приходить сюда, но хотел убедиться, что Амелия и в самом деле на улице и занимается тем, чего он от нее и ждал.

Ищет карфентанил.

Он не заблуждался относительно того, что произойдет, если она не добьется своего. Если он не добьется своего.

Арман знал, что фентанил в сто раз сильнее героина. А карфентанил в сто раз сильнее, чем любой фентанил.

Это будет похоже на огнемет для каждого потребителя на улице.

Он медленно пошел назад, думая о том, что сказал Бовуар. О том, что он самый жестокий человек из всех. Бовуар сказал это в шутку, но Гамаш знал: так оно и есть.

Гамаш ощущал легкую боль в спине, где молодой парень-проститутка ударил его сзади. Две точки у него на спине пульсировали. Если бы он собирался расправить крылья, то именно в этих местах.

Но Арман наверняка знал: он не ангел. Хотя и спрашивал себя иногда: если бы на небесах началась новая война, то на чьей стороне сражался бы он?

Гамаш сел в свой прежний полукабинет, заказал кофе и сэндвич, надел очки для чтения и открыл книгу, купленную им сегодня утром в магазине Мирны.

Эразм. «Адагии». Собрание пословиц и поговорок.

Шрифт был маленький, а глаза Армана все еще видели плоховато, но он хорошо знал книгу и теперь читал знакомые строки.

Одна ласточка не делает лета.

Необходимое зло.

Между Сциллой и Харибдой.

Редкая птаха.

Наконец он нашел ту, которую искал.

«В королевстве слепых…» – повторяла про себя Амелия, идя все дальше…

– «…и одноглазый – король», – прочел Гамаш.

– Старший инспектор?

Бовуар повернулся и увидел Франси Курнуайе: тот шел за ним по коридору.

– Одно слово, пожалуйста.

Жана Ги допрашивали целый час и наконец отпустили. Но он не успел уйти далеко – Курнуайе окликнул его.

Чиновник из министерства огляделся, потом затолкал Бовуара в туалет и запер дверь.

– Вы забыли это. – Он протянул Бовуару папку.

В ней лежало заявление.

– Я не забыл. Я не собираюсь его подписывать. Ни при каких условиях.

– Там не сказано ничего такого, чего бы мы уже не знали.

– Но моя подпись скажет многое обо мне, верно? – сказал Бовуар. – Бросьте ее. Бросьте всю вашу затею. Сделайте то, что правильно.

Курнуайе улыбнулся:

– Вам все так всегда ясно? Что правильно, а что нет? А мне – не всегда. И Гамашу тоже.

– Это ложь. Он сделал то, что было правильно.

– Тогда почему столько порядочных людей думают, что он поступил неправильно? Не только они, – чиновник мотнул головой в сторону комнаты, где проходил допрос, – но и другие. Хорошие люди, включая и вас, не соглашались с его решением. – Он внимательно посмотрел на Бовуара. – Вы удивлены, что мне это известно? По собственным показаниям старшего суперинтенданта, вы просили его заблокировать поставку опиоидов. Все агенты из узкого круга просили его заблокировать. Он признаёт это. Но ваши слова его не остановили. Он выпустил на улицу наркотик, который потенциально может убить тысячи.

– Наркотик не попал на улицу, и бо́льшую часть он уже вернул.

– Но не всё. И остальное уже в любой день может оказаться на улице. В любую минуту. Ответственность за все смерти среди молодежи ляжет на него.

– Вы полагаете, он этого не знает? Его это не мучает? Вам необходимо устроить публичное линчевание? Это отвратительно. Вы отвратительны. Я

не собираюсь иметь ничего общего с этим.

– Вы еще передумаете. Прежде чем это закончится, вы подпишете.

– Нет. Какова ваша конечная цель? Дело ведь не только в защите политиков.

Курнуайе отпер защелку, потом, посмотрев на Бовуара, казалось, принял решение.

– Спросите Гамаша.

– Что?

– Спросите его. Он знает гораздо больше, чем говорит вам.

Курнуайе бросил папку с заявлением на пол и вышел.

Жан Ги посмотрел на папку. Потом поднял ее.

Глава двадцать первая

– Ваш Бенедикт… Пулио, как выясняется, не живет в квартире 3G, – сказала Изабель Лакост.

Она взяла бургер в обе руки и вгрызлась в него.

– Но в доме этом он все же живет? – спросил Гамаш. – Со своей подружкой?

Ему пришлось дождаться, когда Изабель прожует огромный кусок.

Бовуар только что присоединился к ним на рю Сент-Катрин и теперь помахал официантке:

– И мне, пожалуйста, гамбургер и горячий шоколад.

Взрослому человеку убедительно заказывать шоколад было затруднительно, но он постарался.

Арман улыбнулся. Но сразу посерьезнел, когда перехватил взгляд Бовуара.

Старшего суперинтенданта легкий морозец подрал по коже, словно открылась запертая дверь, совсем чуть-чуть.

– Oui, – сказала Лакост, проглотив наконец кусок гамбургера. Она давно уже не чувствовала такого голода. – Ну вроде того. Они прежде жили в… 3G, но месяц назад она выехала, а он снял квартиру поменьше. В том же здании. Вы знали, что он… смотритель здания?

Она собралась снова вгрызться в гамбургер, но Гамаш прикоснулся к ее руке:

– Я этого не знал. Значит, у него нет подруги?

– Теперь нет. Впрочем, соседи толком не знают. Я разговаривала с шестью из них. И они все повторяли практически одно и то же. Эти двое жили вместе года два. Расстались, кажется… мирно.

Изабель откусила еще. Хотя забегаловка выглядела как настоящая дыра, бургер был свежий, идеально прожаренный и вкусный.

Она не стала говорить о том, что с трудом поднялась по трем лестничным пролетам, на каждой второй ступеньке останавливалась, чтобы перевести дыхание. И проделала все это только для того, чтобы обнаружить: в 3G живет кто-то другой, а нужная ей квартира находится на первом этаже при входе.

«Фак. Фак. Фак», – бормотала она с каждым осторожным шагом вниз.

– И что они думают о Бенедикте? – спросил Бовуар.

– Говорили, что он вежливый. Милый. Заслуживает доверия. В здании

много пожилых людей, и они словно усыновили Бенедикта.

– Он оказывает воздействие на людей, – сказал Гамаш. – И что, он мастер на все руки?

– Да, – сказала Лакост. – Остальные съемщики говорят, что он, кажется, знает, что делает. Но он вот уже два дня как отсутствует.

Это описание Бенедикта не могло считаться окончательным. Умелец мог починить протекший кран. Но он не обязательно знал, как обрушить здание. По собственному желанию.

Впрочем, плотник мог. Строитель. А строительство было второй профессией Бенедикта.

– Но если Энтони Баумгартнера убил Бенедикт, то он сильно напортачил, – сказал Бовуар. – Не мог его план включать ловушку и для себя самого.

– Вероятно, не мог, – ответил Гамаш.

– Что ты имеешь в виду под «вероятно»? – отрезал Бовуар. – Это же очевидно.

Лакост и Гамаш удивленно уставились на него.

– Тебя что-то беспокоит, Жан Ги?

Бовуар глубоко вздохнул:

– Прошу прощения. Просто я голоден и устал.

Наставник Бовуара в «Анонимных алкоголиках» предупреждал его о ГОЗУ: голодный, одинокий, злой, усталый.

Он был готов признать насчет голода и усталости. И то, что разговор его утомил. Но вот одиночество удивляло и расстраивало Бовуара. Последнее замечание Курнуайе погрузило его в кромешное одиночество.

«Спросите Гамаша».

– Не слишком велика была для тебя нагрузка, Изабель? – спросил Гамаш. – Поездка в этот дом?

– Вы шутите, шеф? Лучшая… терапия, какая у меня была за последние несколько месяцев.

Она не сказала им, что поскользнулась и упала в сугроб, а потом с трудом встала на ноги. Потом ей потребовалось еще десять минут, чтобы остановить такси.

Но приключение было самое интересное за много месяцев. После ранения.

Изабель опасалась, что навсегда останется на обочине. Что коллеги, самые доброжелательные ее коллеги, будут относиться к ней как к объекту благотворительности. К человеку, которому нужно помогать, которого нужно холить, жалеть. А в конечном счете игнорировать.

Но со стороны Гамаша она не видела ничего подобного. Напротив, он доверил ей задание, и она доказала и себе, и ему, что способна его выполнить.

– Я договорился о встрече с братом, сестрой и бывшей женой Баумгартнера в его доме. – Бовуар посмотрел на часы. – В три. Я бы хотел, чтобы ты там присутствовал, шеф, если возможно.

– Oui. Absolument[36], – сказал Гамаш. – Они, конечно, знают о его смерти. Но знают ли они, что его убили?

– Пока нет.

Хотя не исключалось, что один из них прекрасно все знает.

Когда Гамаш уехал в архив поискать кое-какие документы, Лакост осталась одна с Бовуаром.

– Ну, давай выкладывай, – сказала она. – Что случилось?

– Ничего.

– Да бога ради, не заставляй меня вытаскивать это из тебя клещами. Ты злишься на шефа по какой-то причине. В этом дело?

Он рассказал ей о разговоре с чиновником из министерства.

Жан Ги рассказывал ей о том, что произошло, и все это звучало как-то нелепо. И казалось бы глупым, если бы он не видел выражения лица Франси Курнуайе.

«Какова ваша конечная цель?» – спросил Бовуар, ощущая в воздухе тяжелый запах дезинфектантов.

«Спросите Гамаша».

Этими двумя словами чиновник бросил гранату в мир Бовуара. Хотя то, что случилось, походило скорее не на взрыв, а на обрушение. А он оставался стоять в мужском туалете. Пытаясь понять, что же он услышал.

Курнуайе так или иначе сказал ему, что лицо, которое стоит в центре события, – не какой-то мстительный политик. Не какая-то теневая фигура, действующая от имени правительства.

Это сам Гамаш. Он не является целью, он – снайпер. Он не жертва, но субъект преступления. И прекрасно знает, что происходит. Для чего. И к чему все это приведет.

И он держит Бовуара в неведении.

И все это: расследование, разнюхивание, угрозы – имело целью навести тень на плетень, запутать все, чтобы не расплести. Увести в ложном направлении. А в это время должно происходить кое-что другое.

Вот что сказал ему Франси Курнуайе. Двумя этими словами сказал:

«Спросите у Гамаша».

Жан Ги чувствовал надвигающуюся головную боль. Начинающуюся пульсацию в основании черепа. Словно сердцебиение при рождении темных мыслей.

– Но это не означает, что шефу что-то известно, – сказала Лакост. – Это Курнуайе, вероятно, морочил тебе голову. Вероятно, ты не первый, кому он вправлял мозги в общественном сортире.

И Бовуар против воли фыркнул. Потом тяжко вздохнул.

Ему хотелось с ней согласиться. Но ее там не было. Она не видела торжества в глазах Курнуайе, когда он сказал те слова.

– Гамаш знает гораздо больше, чем говорит, – сказал Жан Ги.

– Разве это плохо? – спросила Изабель. – Ты просто злишься, что он тебе чего-то не сказал.

– Просто? – переспросил Бовуар. – Просто?! Меня допрашивают с пристрастием. Моя карьера, вероятно, уничтожена. И он знает, почему все это происходит, а мне не говорит?! – Голос Жана Ги звучал все громче, по мере того как он взвинчивал себя. – Да, я жрать хочу, черт побери!

Наступила затянувшаяся пауза.

– Ты ведь знаешь, что он возглавляет всю Квебекскую полицию? – сказала она, наклоняясь над столом в сторону Бовуара, и голос ее звучал так тихо, что и Бовуару пришлось наклониться. – Конечно, он знает больше, чем знаешь ты. Или я. Или кто-либо еще в полиции. Он лучше всех. Он несет ответственность. Ему приходилось долгие годы вести корабль по бурным водам. Так что он знает больше, видит больше, чем ты или я. И слава богу.

– Он многое скрывает.

– И тебя это удивляет, Жан Ги?

– Он играет мной.

– А может быть, он тебя защищает. Ты об этом не думал? Неужели ты не понимаешь?

– Конечно, я все понимаю, – огрызнулся Бовуар. – Он держит меня в темноте. Позволяет мне утанцовывать на эти допросы, как последнему идиоту. Я устал, Изабель. Просто… устал.

И теперь он и в самом деле выглядел усталым. Он принялся двигать картофельную стружку по тарелке указательным пальцем, потом посмотрел на нее и вздохнул:

– Ты понимаешь?

Она кивнула.

– Я устал играть в догонялки, – сказал Жан Ги. – Ждать очередного монстра из-за угла. Не убийц. С ними я умею справляться. С другими.

Политические игры, которые и не игры вовсе. – Он покачал головой, опустил глаза и заговорил спокойнее: – Я в них плохой игрок.

– А тебе и не нужно быть хорошим. Предоставь это ему. – Тут она улыбнулась. – И ты гораздо лучше, чем делаешь вид. Я это знаю. И он знает.

– Но он лучше.

– Месье Гамаш на двадцать лет старше тебя. Он здесь гораздо дольше присутствует и на гораздо более высоком уровне. Но и ты теперь там. Он тебе верит. И более того, он очень глубоко за тебя переживает. Думает о тебе. Если ты не понял еще такой простой вещи, то и никогда не поймешь.

Изабель снова помахала официантке.

– Я думаю, нам нужно выпить чая, как ты считаешь?

Она улыбнулась Бовуару, который не смог не улыбнуться ей в ответ.

Чай.

Англоязычные в Трех Соснах во время стресса непременно угощали друг друга чаем. Даже Рут. Хотя ее «чай», внешне на него похожий, на самом деле представлял собой виски.

У него такая традиция поначалу вызывала отвращение. Чаепитие. Но потом, спустя какое-то время, он обнаружил в себе тягу к чаю. Он надеялся, что ему предложат этот напиток, и пил его с удовольствием, которое, правда, старался не демонстрировать.

Бовуар заметил, что аромат «Красной розы» его успокаивает. Один только запах – и пить даже не нужно.

Официантка вернулась, и ароматное облачко чая обволокло его. Но все же Жан Ги продолжал чувствовать исходящую из основания черепа пульсацию, которая обхватила его голову, словно все сильнее уплотняющаяся мембрана.

Он должен подумать. Все переосмыслить. Попытаться увидеть, что происходит на самом деле. А не принимать то, что впихивают ему в мозги другие люди.

Но на ум приходила только цитата из Евангелия от Матфея, глава 10, стих 36.

В первый его рабочий день старший инспектор Гамаш пригласил Жана Ги к себе в кабинет.

Они впервые разговаривали с глазу на глаз. И агент Бовуар сразу же распознал две вещи.

Ощущение уверенности, исходящее от человека за столом. Такое необычное чувство. Большинство старших офицеров, с которыми сталкивался Бовуар прежде, находились в энергетическом облаке,

имеющем ясный посыл: «пошел в жопу». И агент Бовуар научился им подражать.

И еще он заметил выражение глаз старшего инспектора.

Умные, яркие глаза. Вдумчивые. Таких у старших полицейских Sûreté практически не встречалось. Но в глазах Гамаша агент Бовуар увидел и что-то еще, удивившее его.

Доброту. Настолько очевидную, что ее заметил даже такой напуганный молодой человек, как он.

– Садись, – сказал тогда шеф и принялся быстро, четко перечислять, что требуется от Жана Ги Бовуара.

Практически Гамаш изложил ему кодекс поведения, который начинался с четырех пунктов, ведущих к мудрости: «Я не знаю. Мне нужна помощь. Я ошибался. Я приношу извинения». А заканчивал его простой ссылкой: «Евангелие от Матфея, 10: 36».

– Ты можешь запомнить все, что я тебе сказал, – проговорил шеф, провожая молодого агента к двери. – Или можешь не запоминать. Твой выбор. Как, конечно, и последствия.

Жан Ги привык делать то, что ему говорят. Привык исполнять приказы. А их ему отдавали отец, учителя, его старшие.

Концепция выбора была для него внове. И она его ошеломила. Как и привычка шефа вставлять в разговор то, что казалось Бовуару цитатами ни к селу ни к городу.

И только спустя несколько лет, после совместного расследования множества жутких убийств, агент Бовуар нашел слова, на которые ссылался шеф.

Евангелие от Матфея, 10: 36.

Жан Ги предполагал увидеть какое-то вдохновляющее библейское высказывание. От святого Франциска, например. Или что-нибудь из длинных посланий несчастным и почти наверняка неграмотным коринфянам.

Но то, что он прочел, поразило Бовуара в самое сердце.

«Враги человеку – домашние его».

Ничего вдохновляющего, только суровое предупреждение, произнесенное тихим голосом. Шепот из темноты.

Будь осторожен.

– Я устал, Изабель. Устал от всего.

Он повел рукой, показывая не на грязноватую забегаловку, а на мир, невидимый отсюда. Мир подозрений. Постоянных допросов. Земных подвижек.

Жан Ги просто хотел отдохнуть. Нет, он хотел чего-то большего. Свернуться на диване перед камином. С Анни и Оноре на руках.

И чтобы все ушло, исчезло.

Он отвез ее домой. У дверей она обняла его и шепнула:

– Будь осторожен.

Ее слова оказались так близки к тому, что он думал про себя несколькими минутами ранее, что волосы у него на затылке чуть не встали торчком.

– У меня теперь есть номер Курнуайе, – сказал он. – Чтобы не беспокоиться.

– Не Курнуайе тебе нужно опасаться.

– Гамаша, – сказал Бовуар.

– Нет. Себя самого.

Он ехал по Монреалю, чтобы подхватить Гамаша, и ничего не мог с собой поделать – ощущал очень-очень слабый запах. Розовой воды и сандалового дерева.

И снова видел его добрые глаза. Умные. Вдумчивые. Они пытались передать что-то тупоголовому молодому агенту в облаке «пошел в жопу».

Он смотрел на пешеходов, которые уворачивались от струй грязи, разбрызгиваемых машинами. На пожилых мужчин и женщин, которые цеплялись друг за друга, чтобы не упасть. На людей, вышедших из магазинов и прихваченных лютым холодом.

А Жан Ги представил себе, как он идет с семьей по берегу Сены. Как водит их по галереям, соборам и паркам Парижа. Как отправляется в недельную поездку в Прованс. На Ривьеру. Где солнце отражается от вод Средиземного моря, а не от снега.

Глава двадцать вторая

– Рут, ты что делаешь? – спросила Мирна.

Клара и Габри перестали стучать по клавиатуре компьютеров и оторвали глаза от экранов.

Все четверо приехали в Кауансвилл и теперь сидели в компьютерной комнате местной библиотеки, каждый за ноутбуком, вокруг большого стола для конференций.

Они пришли сюда ради высокоскоростного Интернета.

Рут, узнав, куда все направляются, присоединилась к ним.

Теперь старая поэтесса сидела за ноутбуком, ее пальцы быстро и шумно скакали по клавиатуре: она скорее стучала, чем нажимала. Удовлетворенное выражение на ее лице испугало бы даже Чингисхана.

– Ничего, – объявила Рут.

Она неплохо освоила компьютерную грамотность и в свои восемьдесят с небольшим покорила Интернет.

«Как способ расширения своей империи», – угадал Габри.

Если бы темная сеть существовала на самом деле, Рут Зардо ее бы нашла. И завоевала. Стала бы ее императрицей.

«Королевой троллей», – сказал Габри, а Рут не стала ему возражать.

Впрочем, они знали, кого она троллит. Не школьников. Не людей, которых презирали за то, что они не похожи на других.

Рут троллила тех, кто троллил их.

Нападала на нападавших.

– Мадам Зардо, – сказала библиотекарша, когда они появились.

Она чуть ли не поклон отвесила, когда, прихрамывая, вошла Рут. Старая, плохо держащаяся на ногах. Сгорбленная.

Но, сев за стол перед «своим» ноутбуком, она стала проворной. Сильной. Непреклонной. Безжалостной. Ни один грубиян не мог скрыться от нее. Компьютерное пиратство Рут достигло таких масштабов, что ей уже вполне можно было снимать с мачты «Веселый Роджер».

Библиотека собиралась переименовать компьютерную в ОТЛИЧНую комнату.

– Что она делает? – шепотом спросила Клара у Габри.

– Понятия не имею, – ответил он.

– Есть что-нибудь? – спросила Мирна, и Клара повернула к ней свой ноутбук.

Клара вошла в австрийский реестр рождений, смертей и браков. Поскольку в мире пробудился интерес к родословным, власти этой страны выложили архив в онлайн.

Она исследовала семейство Баумгартнер – их корни и ответвления. Возвращалась назад во времени.

Когда они ответвились от Киндеротов.

А потом она стала исследовать и Киндеротов. Чтобы узнать, когда они ответвились от Ротшильдов. Если только такое и в самом деле имело место.

– Занятно, но я немного запуталась. Кто с кем в родстве, потом фамилии менялись не только в замужестве, но и во избежание дискриминации. Еврейские фамилии становились христианскими. Да ведь менялись не только имена – многие принимали христианство. Но вот видишь здесь?

Она показала на какой-то старинный документ. Фамилия изменилась с Розенстайн на Розе. Но над Розе осталась звезда Давида. И сохранялась на протяжении поколений.

А потом все пресеклось. Образовалось только пустое пространство. С единственным обозначением «10.11.38».

– И что это значит? – спросил Габри.

Мирна молчала. Смотрела. Она знала, но не могла сказать. Смотрела на имена. Возрасты.

Хельга, Ганс, Ингрид, Хорст Розе. Все родились в девятьсот двадцатые. Со звездами рядом с их фамилиями.

А потом простое обозначение. 10.11.38.

А потом – ничего.

– Это дата, – сказала наконец Мирна.

Рут подалась к экрану Мирны. Потом вернулась к своему компьютеру.

– Kristallnacht[37], – пояснила она, еще ожесточеннее молотя по клавишам. – Десятое ноября тысяча девятьсот тридцать восьмого года. Когда добрые, порядочные люди показали, кто они есть на самом деле, и набросились на соседей. Евреев.

– Kristallnacht, – уронила Мирна. – Из-за всего этого разбитого стекла.

– В ту ночь разбили нечто большее, чем стекло, – сказала Рут. – Особой жестокостью прославила себя Австрия.

Она говорила так, будто присутствовала при этом, и, хотя на ее лице застыло бесстрастное выражение, а голос звучал ровно, ее пальцы еще сильнее долбили по клавишам. В гонке.

– Баумгартнеры? – спросила Мирна. – Семья баронессы?

– Похоже, они уехали до холокоста, – сказала Клара. – Я пытаюсь их

найти. Интересно, что их не называют «барон» и «баронесса».

– Так, может быть, они проиграли дело? – спросила Мирна.

– Мне кажется очевидным: проиграли.

– Шломо Киндерот оставил наследство обоим своим сыновьям, – сказала Мирна. – Ты нашла ту часть семьи, которая стала Баумгартнерами. А что другая ветвь?

Несколько секунд Клара стучала по клавишам.

– На это уйдет время, но пока я не могу найти упоминаний барона или баронессы Киндерот.

– Ты не думаешь… – начал Габри.

10.11.38.

– Не знаю, – отозвалась Клара.

– Как с завещанием – не повезло? – спросила Мирна у Габри.

– Понятия не имею, – ответил он. – В архив я залез, но там все по-немецки. Я по-немецки не понимаю.

– Я об этом не подумала, – сказала Мирна.

Арман Гамаш сидел в тихой комнате Национального архива. Записи, которые он искал, были не канадские. И не квебекские.

Он с помощью своего пароля вышел на сайт Интерпола. Потом в австрийский архив. Тот, в который имел доступ он, был более подробный, чем публичные архивы.

Но Арман быстро уперся в ту же проблему, что и Габри.

Имена – Баумгартнер, Киндерот – он мог читать. Но постановления суда оказались ему не по силам.

Ему, однако, было понятно, что судебные постановления были вынесены. Во множественном числе. Много постановлений. От 1887 года. Потом от 1892-го. Потом еще одно. И еще. И все они касались Баумгартнеров и Киндеротов.

Баумгартнеры против Киндеротов.

На несколько лет постановления пресеклись. А потом появились снова. Как окопная война, прервавшаяся только для рытья новых воронок, после чего враги снова бросались в бой. Гамаш предполагал, что с каждым разом схватки велись все яростнее. Такова уж человеческая природа.

Если общую картину он более или менее понимал (тот факт, что иск предъявлялся снова и снова), детали оставались ему неясны. Хотя вряд ли можно было надеяться, что эти подробности выведут его на убийцу Энтони Баумгартнера 132 года спустя после смерти Шломо, барона Киндерота.

Гамаш знал: ему требуется помощь. Он провел еще один поиск, а

потом, найдя то, что искал, встал и принялся расхаживать по комнате. Жестикулировать. Наконец несколько минут спустя он достал телефон и набрал номер.

– Guten Tag, – сказал он и попросил к телефону Kontrollinspektor.

– Я искать могучий информация, как суд сказал.

Голос на другом конце линии звучал низко, спокойно и явно принадлежал разумному человеку. И все же инспектор службы контроля Гунд не мог отделаться от впечатления, что говорит с сумасшедшим.

– И кто вы, простите, еще раз? – спросил он.

Звонок переадресовали ему его подчиненные. Они любили шутки такого рода в середине долгой смены, посреди ночи. Он был далеко не уверен, что это настоящий звонок, а не от одного из агентов, проверяющих, как далеко им удастся зайти.

– Я зовут Арман Гамаш, главный шеф Sûreté du Québec.

– В Канаде?

– Направление верное, – проговорил голос с явным облегчением. – Канада.

Гамаш закатил глаза. Он понимал, что только запутывает дело.

Арман попросил соединить его с кем-нибудь из старших офицеров, которые говорят по-французски. Или по-английски. Его соединили с кем-то, кто не говорил ни по-английски, ни по-французски.

Может быть, таково было представление секретаря о шутке, хотя австрийцы, прославившиеся в разных областях, не были известны своим юмором.

Прежде чем звонить, Гамаш попрактиковался, вытаскивая из тумана времени те немецкие слова, которым его научила бабушка.

Он обычно сидел за кухонным столом, а она болтала по-французски. Потом переходила на немецкий. С вкраплениями идиша. В детстве Арман, конечно, не понимал разницы.

Гамаш расхаживал по комнате в Национальном архиве, бормотал про себя слова и фразы, всплывавшие в памяти. Пытался составить одно или два доходчивых предложения. А тем временем запах свежей выпечки становился все более и более отчетливым. Он всплывал на поверхность вместе со словами. И образами.

Арман все отчетливее и отчетливее чувствовал запах мадленок: его бабушка пекла это печенье каждую пятницу.

Она давала ему свежеиспеченную вкуснятину прямо из духовки, но

прежде обязательно поливала ее рыбьим жиром и выжидала некоторое время, чтобы тот впитался. И потому, когда Арман вонзал в печенье зубы, вкус он ощущал великолепный и отвратительный. Утешительный и рвотный. Его словно обнимали и отталкивали одновременно.

– Sehr gut, meyn tayer.

«Очень хорошо, мой дорогой», – говорила она на смеси идиша с немецким и прижимала его к себе, а глаза мальчика оказывались в дюймах от татуировки на ее левой руке.

– Я расследую убийство, и частью расследования является завещание, – сказал Гамаш в трубку. Или по меньшей мере думал, что сказал. – Мне необходимо знать, как было улажено дело. Оно старое.

– Я расследовать мертвец лежит, а суд сказал есть…

Последовала пауза: подчиненный Гунда на другом конце линии делал вид, что подыскивает слово. И Гунд не сомневался – подыскивал такое, чтобы посмешнее.

– …мера. Нет, не то. Есть…

Гунд уже собирался повесить трубку. С него хватит. Но все же любопытство его одолевало. К тому же он уже не был абсолютно убежден, что это скучающий агент разыгрывает его.

Человек на другом конце линии боролся с тем, что хотел донести до него…

– …размер. Нет. Качество?..

Гунд обратился к своему компьютеру и набрал: «Sûreté du Québec. Gamache».

– …часть. Вот оно. Суд решил – есть его часть. Но суд решил, может, не совсем то. Oy gevalt[38]. Как это сказать?

Гунд читал, вскинув брови, потом посмотрел на телефон и попытался примирить то, что читает, и то, что слышит. Теперь низкий голос говорил:

– Сила. Nein. Я почти нашел. Воля. Вот оно. Gott im Himmel. Danke[39]. – Послышался вздох. – Воля. Воля будет частью его.

– Старший суперинтендант Гамаш, – сказал Гунд, – если я вас правильно понял, вы просите меня найти судебное решение по завещанию.

– Ja, ja. Именно так. Это пожилой событие.

Гамаш поморщился не столько от запаха рыбьего жира на печенье, сколько от обволакивавшей его чепухи, производимой собственным ртом.

– Старое дело, – сказал инспектор Гунд.

– Ja.

– Вы можете назвать мне имя завещателя и дату завещания?

Гамаш назвал, считывая с копии перед ним.

Еще он продиктовал Гунду свой личный электронный адрес.

– Я вам сообщу, как только получу информацию. Насколько я понял, вы ведете расследование убийства?

– Ja. Danke schön.

– Bitte schön.

Гамаш повесил трубку, чувствуя, что разговор прошел и хорошо, и плохо. Был утешительным и тошнотворным. Успешным и унизительным. И почти наверняка не немецким.

«Такой тохес» [40].

Глава двадцать третья

Инспектор Дюфресн уже прибыл с командой криминалистов. Их машины были аккуратно припаркованы вдоль дороги; люди ждали сигнала старшего инспектора Бовуара, чтобы присоединиться к нему.

Когда Бовуар постучал в дверь Энтони Баумгартнера, ее открыла сестра Энтони, Кэролайн.

Высокая. Изящная. Единственным свидетельством ее горя были круги под глазами.

Бовуар представился, хотя и не назвал возглавляемый им отдел, и сказал:

– Насколько я понимаю, вы знаете месье Гамаша.

Кэролайн пожала руку Бовуара, а увидев Гамаша, подошла к нему.

Обняла.

Действие было таким быстрым и, возможно, удивило ее больше, чем его.

Будучи главой отдела по расследованию убийств, Гамаш знал, что люди по-разному реагируют на смерть. Эмоциональные люди могли закрываться. Сдерживаться из страха перед тем, что может случиться, если они потеряют контроль над собой.

Сдержанные люди становились эмоциональными и более не могли совладать со своими чувствами.

Сильные слабели. Слабые становились сильнее.

В горе люди становились собой и не собой.

Кэролайн обняла его.

Потом провела обоих в гостиную.

Гамаш знал, что квартира вскоре будет обыскана криминалистами, ждущими на улице. Жизнь Энтони Баумгартнера будет обнажена, как и его тело теперь.

Рассмотрена. Анатомирована.

Растащена на части. Когда они, как коронер, будут искать причину смерти.

Доктор Харрис сделала свою работу. Энтони умер от удара по голове. Но их работа только начиналась.

Когда они вошли в гостиную, Гуго Баумгартнер шагнул вперед и протянул руку, но при этом выглядел как садовый гном. Практичный, безмолвный, уродливый. И в то же время этот кряжистый маленький

человечек казался главным в изящной комнате.
– Это моя невестка, Адриенна Фурнье, – сказала Кэролайн. – Адриенна, это старший инспектор Бовуар и старший суперинтендант Гамаш.
Они выразили соболезнования.
– Merci. Это ужасно. Боюсь, я так еще и не осознала случившееся. Все жду – вот сейчас Тони появится в коридоре в своих тапочках. – Она улыбнулась. – Я вижу, вы немного смущены. Мы с Тони в разводе уже несколько лет, но сумели остаться друзьями. Вероятно, и дальше так бы оно все и шло.
– Вероятно? – спросила Кэролайн.
Адриенна стрельнула в нее глазами, но вопрос проигнорировала.
– Но мы родили прекрасных детей.
Адриенна была женщиной среднего роста, стройная, хорошо одетая, чуть за пятьдесят, с крашеными темно-каштановыми волосами, продуманным макияжем. Одежда на ней отличалась стилем, но при этом без всякой показушности.
– Прежде чем мы начнем… – сказал Бовуар, сев на стул, указанный ему Кэролайн. – У меня для вас новости. Плохие новости.
Гуго фыркнул, повернувшись к Кэролайн, когда она посмотрела на него.
– Что еще? – спросил он. – Будто в такое время могут быть хорошие новости. Все новости – дерьмо. – Он посмотрел на Адриенну. – Извини.
Его прежняя невестка смотрела на него с выражением, близким к удивлению. Наверняка с приязнью.
– Ты прав, Гуго. Дерьмо все это.
Кэролайн отвернулась, дистанцируясь от них. Гамаш не мог не представить себе айсберг, отколовшийся от материка.
И поплывший вдаль.
Впрочем, подозревал он, на самом деле это случилось давно. Кэролайн могла придрейфовать поближе, но всегда оставалась сама по себе. Чувствительной к потокам и подводным течениям. Приливам и струям мнений и суждений.
Вероятно, с самого детства.
За ними он видел фотографии на полках. И хотя снимки находились далеко, а глаза у него все еще слезились, он разглядел серебряную рамку и туманное изображение трех улыбающихся детишек. В мокрых, провисших купальных костюмах. Загорелые руки свободно лежали на плече того, кто рядом.

Кэролайн в центре, братья по бокам.

Была ли она счастлива тогда? Счастлива когда-то?

Или трещина уже начала образовываться? Охлаждение, затвердевание. Дистанцирование.

Было ли это в ее характере, или что-то случилось?

И всегда, всегда на заднем плане Гамашевых мыслей главный вопрос.

Почему один из них мертв?

– Ваш брат, – сказал Бовуар, посмотрев сначала на Кэролайн, потом на Гуго. Потом он перевел взгляд на Адриенну. – Ваш бывший муж. – (Она едва заметно кивнула в подтверждение.) – Погиб не в результате несчастного случая. Его смерть была умышленной. – Он замолчал на секунду, потом продолжил: – Его убили.

Сообщение было коротким, резким.

Бовуар и Гамаш знали, что человеческий мозг не воспринимал с легкостью факт убийства. Оно всегда было слишком большим, слишком чужим. Слишком чудовищным. Большинство просто смотрели непонимающим взглядом – именно так они и уставились на него сейчас. А слова и их смысл постепенно доходили до них. Проникали все глубже и глубже в их мозг, в их сердце.

Где они теперь останутся до конца их дней.

Убийство. Кэролайн напряглась, а Гуго после нескольких секунд неподвижности, когда рот на его припухлом лице открылся от потрясения, протянул руку, ухватил ладонь сестры.

«Жест автоматической, непроизвольной, инстинктивной взаимной поддержки», – подумал Гамаш.

Адриенна, сидевшая в одиночестве, крепко сомкнула пальцы на подлокотниках «ушастого» кресла. Она сжимала руки, пока костяшки ее пальцев не побелели в тон бледного как смерть лица. Гамаш подумал – эта женщина вот-вот может упасть в обморок.

Бовуар встал и отправился в кухню, откуда вернулся со стаканами воды. Но прежде подошел к двери и дал знак инспектору Дюфресну.

Гамаш услышал голоса в прихожей, топот ног входящих в дом криминалистов.

Вскрытие началось.

Гуго, не притронувшись к принесенному стакану, направился к бару.

– К черту воду, – сказал он и налил три порции виски.

Когда он передавал стаканы Кэролайн и Адриенне, руки у него дрожали.

Адриенна сделала большой глоток, цвет стал понемногу возвращаться

на ее лицо. Но Кэролайн просто взяла стакан и сжала его в руке, словно забыла, как делать самые обыденные дела. Например, выпивать. И дышать.

– Как? – спросила она.

– За что? – спросил Гуго.

– Вы уверены? – спросила Адриенна.

Последний вопрос был самым естественным. Хотя она и знала ответ. Конечно, старший инспектор уверен. Иначе он не сказал бы то, что сказал. Но не спросить она не могла.

А остальные все же могли.

Они задали другие естественные вопросы. Как? За что? Но вот чего не сделали двое других: они не стали ставить под сомнение сообщение о том, что их брата убили.

– Мы уверены, – сказал Бовуар. – Вы не знаете, кто мог желать ему смерти?

В этот момент на другом континенте инспектор службы контроля Гунд сел на стул.

Время шло к полуночи. Тихий вечер на его участке – у него было время, чтобы поискать то, о чем его просил коп высокого ранга из Квебека. Он думал, ему предстоит рутинный поиск пусть и очень старого завещания.

«Пожилое событие». Он улыбнулся, вспомнив титаническую борьбу этого бедняги с немецким языком.

Но улыбка исчезла с его лица, когда он стал читать с экрана. Он прокрутил текст.

Еще. И еще.

Наконец откинулся на спинку стула и задумался.

– Ни одна жизнь не безупречна, – начала Кэролайн строгим голосом. – Но я не могу себе представить, чтобы Энтони так сильно насолил кому-то, чтобы тот желал его смерти.

– Не обязательно, чтобы насолил, – сказал старший инспектор Бовуар. – Мотивы могут быть… – он помолчал в поисках подходящего слова, – сложные. Может быть, у вашего брата имелось что-то такое, что непременно хотелось заполучить кому-то еще. Он мог мешать кому-нибудь двигаться по карьерной лестнице на работе. Или он мог узнать что-нибудь.

Гамаш сидел молча за пределами круга разговаривающих и слушал. И наблюдал. Искал какого-нибудь прозрения. Какой-нибудь реакции.

Но все трое только покачивали головой.

– Месье Баумгартнер работал в «Тейлор энд Огилви инвестментс», –

сказал Бовуар. – Кажется, это фирма – советник по инвестициям.

– Верно, – сказала Кэролайн.

– Он инвестировал деньги вкладчиков.

– Работал кем-то вроде управляющего инвестициями, – пояснил Гуго. – Он предлагал портфель, получал одобрение клиента, после чего другие сотрудники совершали соответствующие транзакции.

– Понятно.

Агент, сидевший чуть поодаль, вел протокол.

– Мы, конечно, проверим, – сказал Бовуар, – но не было ли на его работе чего-то необычного? Недовольного клиента? Неудачного вложения? Какие-нибудь сведения о чем-то выходящем за рамки нормального.

– Ничего, – ответила Кэролайн.

– Его ценили на работе?

– Очень, – сказала Адриенна.

– Извините, что прерываю, но позвольте мне задать вопрос, – сказал Гамаш.

– Пожалуйста, – сказал Бовуар.

– Кто-нибудь из вас инвестировал деньги через него?

Они переглянулись, потом отрицательно покачали головой.

– Почему нет?

– Я инвестировала. Давно. Но мне казалось, что это не слишком хорошая идея – смешивать дела семейные и бизнес.

Гуго помалкивал, что было не похоже на него, а Адриенна сидела прямо, как жердь, на своем месте.

– Мадам? – обратился к ней Гамаш.

– Когда мы развелись, я, конечно, перевела мои деньги в другую фирму.

– Хотя вы и оставались друзьями.

– Ну, дружба возникла не сразу.

– Понятно. А ваши дети?

– Что – мои дети?

– Я вот думаю: у них есть какие-нибудь инвестиции, какие-нибудь деньги в доверительной собственности или сбережения на обучение? Что-нибудь такое?

– Да. У них у каждого свой счет.

– Деньги вложены через отца?

– Нет.

– Вы их тоже перевели?

– Oui.

Бовуар отметил, что ответы мадам Фурнье становятся все более короткими, а укорачивать дальше стало невозможно, и она вообще замкнулась в себе.

В комнате в самом деле наступило молчание.

Если другие следователи во время допроса давили и прессовали допрашиваемых, в особенности обнаружив слабое место, то Гамаш учил своих агентов искусству молчания.

Оно могло быть – и нередко было – гораздо более угрожающим, чем крик. Хотя и для крика находилось время и место. Но не здесь. Не сейчас.

Молчание заполнило комнату.

Гуго нервничал. Адриенна покраснела.

А Кэролайн? Кэролайн улыбнулась.

Едва заметной, мимолетной улыбкой.

Удовлетворение.

Гуго произвел было какой-то звук, но Кэролайн заставила его замолчать, издав собственный тихий звук. Что-то среднее между откашливанием и мычанием.

Брат и сестра словно понимали друг друга на каком-то первобытном уровне, где хватало хмыканья.

И опять воцарилось молчание. Обволокло их, даже молодой агент в углу занервничал.

– Чего вы хотите от меня? – спросила наконец Адриенна.

– Мы хотим знать то, что известно вам. Только и всего, – сказал Гамаш.

– Скажи им, Адриенна, – проговорил Гуго. – Уж сколько лет прошло. А они так или иначе узнают. Ничего стыдного тут нет.

– Для тебя – может быть.

И опять молчание, а взгляды всех устремлены на бывшую жену Энтони Баумгартнера.

– У моего мужа был роман с секретарем, – сказала она наконец. – В конечном счете мне все стало известно, и на этом наш брак закончился. Вот почему я забрала из его компании не только мои деньги, но и деньги детей. Забрала у него.

– И как давно это случилось? – спросил Бовуар.

– Три года назад.

– Они все еще вместе?

– Нет. Это закончилось.

– А имя секретаря? – спросил Бовуар.

– Это имеет значение?

– Может иметь. Люди иногда таят обиду. Назовите, пожалуйста, ее имя.

И опять легкая улыбка на лице Кэролайн. Мимолетная. Самодовольная. Жестокая.

– Его звали Бернар.

Бовуар вскинул брови:

– Понятно.

– Неужели? – спросила Адриенна. – Интересно, что же вам понятно? Унижение? Ложь? Сначала маленькая ложь, а потом огромная грязная ложь, которая называлась нашим браком? Я любила мужчину, который не любил, не мог любить меня. Отвечать взаимностью. Никогда не мог, он сам признался. И никогда бы не смог. Мы стояли вон там. – Она показала на камин. – Там наш брак и закончился. Ровно там. Когда я напрямую задала ему вопрос, а он признался. Даже не пытался смягчить удар. Он, казалось, испытал облегчение. У меня из-под ног ушла опора, а он испытывал облегчение. Ничего для меня. Или детей. Он просто хотел уйти, сказал он. Уйти.

– Ну, далеко он так и не ушел, правда ведь? – сказал Гуго.

– Он так и не сделал каминг-аут? – спросил Бовуар.

– Нет.

– А почему?

Адриенна уже набрала в грудь воздуха, чтобы ответить, но задумалась. Ее плечи, поднявшиеся было до ушей, медленно опустились.

Она посмотрела на Гуго, который чуть кивнул ей в знак поддержки. Она прошлась взглядом по Кэролайн, остановилась на Бовуаре.

– Не могу точно сказать. Не спрашивала у него. Если по-честному, то я испытала облегчение, когда он проявил сдержанность. Ради детей. Может быть, – добавила она, – ради меня. Понимаете, я никогда не переставала его любить. Я бы осталась с ним, если бы он захотел. Я никогда в этом никому не признавалась. Я его любила не за то, что он был нормальной ориентации, а за то, что он – Тони. – Она огляделась. – Я ненавижу эту комнату.

«Только ли комнату она ненавидит?» – подумал Гамаш.

Глава двадцать четвертая

– Прошу меня простить, – сказал старший инспектор Бовуар, уступая свое место Дюфресну. – Я вас оставляю с инспектором и старшим суперинтендантом Гамашем.

Он встал и, кивнув инспектору, перехватил взгляд Армана.

Гамаш, конечно, точно знал, что собирается сделать Бовуар. То же самое делал и он, будучи главой отдела по расследованию убийств.

Жан Ги выслушал семью. Теперь настало время встретиться с мертвецом. Или подойти к нему как можно ближе.

Бовуар шел из комнаты в комнату, заглядывал в них. Иногда заходил.

Агенты фотографировали. Брали образцы. Открывали ящики и двери кладовок.

Они кивали ему:

– Шеф.

Старший инспектор кивал им в ответ, но по большей части хранил молчание. Наблюдал. Впитывал. Не контролировал их, а фиксировал обстановку.

Он всегда испытывал странное чувство, когда без приглашения осматривал дом человека. Ему всегда казалось, что хозяин ушел только сегодня утром. Не зная, что вернуться ему не суждено. Не зная, что настал день его смерти.

В этом месте чувствовалась какая-то надежность, удобство, успокоение. Он ходил по дому, а не по захваченной территории.

Цвета здесь были приглушенные. Мягкий серо-голубой на стенах. Но были штрихи, казавшиеся чуть ли не игривыми.

Лаймово-зеленый геометрический оттиск на занавесках в хозяйской спальне. На стенах в коридоре висели старинные постеры «Экспо-67».

На стуле в спальне небрежно висела одежда. В корзинке для мусора лежали смятые салфетки. На комоде – монетки вместе с фотографией в рамочке: Баумгартнер с детьми. Мальчик и девочка.

На прикроватном столике находилась научно-популярная книга об американских политиках и номер журнала «L’actualité».

Достав авторучку, Бовуар открыл ящик. Там лежали другие журналы. Ручки. Капли от кашля.

Он закрыл ящик, огляделся – не увидит ли что-нибудь, свидетельствующее о проживании в доме кого-то еще. Или посещении

дома кем-то посторонним. С ночевкой.

Похоже, здесь не было ни чьей-то одежды, ни зубной щетки.

Если у Баумгартнера был партнер или любовник, то ничто здесь об этом не говорило.

Бовуар пошел дальше по коридору, свернул в комнату, которая служила Баумгартнеру кабинетом. И остановился как вкопанный.

Он плохо разбирался в искусстве. Не знал ни одного художника. За одним исключением. И именно оно находилось на стене над камином в кабинете.

Работа Клары Морроу. И не какой-нибудь Клариной картины – он видел копию ее портрета Рут. Но не просто Рут.

Клара написала выжившую из ума старую поэтессу в образе состарившейся Девы Марии. Всеми забытой.

Ожесточенной.

Рука, похожая на клешню, сжимала рваную голубую шаль на шее. На лице застыло выражение ненависти. Ярости. В этой седой старухе не осталось ничего от нежной молодой девы.

Рут.

Но. Но. Там. В ее глазах. Свет, сверкание.

Со всеми мельчайшими штрихами. Всеми подробностями. Всем цветом: картина в конечном счете сводилась к одной крохотной точке.

Рут в ипостаси Девы Марии увидела что-то вдалеке. Едва видимое. Едва ли присутствующее. Скорее намек.

В почти слепых глазах ожесточенной старухи Клара Морроу написала надежду.

Бовуар знал: большинство людей, смотрящих на эту картину, видели отчаяние. Не заметить это было трудно. Но они все упускали самую суть картины. Одну-единственную точку.

Те, кто видел ее, уже никогда не могли забыть. Дилеры и коллекционеры после появления этой картины нагрянули к Кларе и обнаружили другие сокровища; странные, иногда фантастические, иногда обманчиво обычные портреты.

Но именно Рут определила репутацию и карьеру Клары. Рут и точка света.

Бовуар кивнул на портрет и услышал ворчание старой поэтессы:

– Тупицы.

– Старая карга, – пробормотал он.

Агенты, работающие в кабинете, посмотрели на него, но он им только коротко кивнул: продолжайте. Старший инспектор Бовуар обошел комнату,

стараясь никому не мешать. Он остановился у камина посмотреть на фотографии.

Баумгартнер с друзьями. С политиками. На корпоративных банкетах. Еще фотографии с детьми. Одна с Баумгартнером и его уже бывшей женой. Они хорошо смотрелись вместе. Уверенная и привлекательная пара. Потом Жан Ги взял маленькую фотографию в серебряной рамочке. Черно-белая фотография. Вероятно, его родители.

Отец – стройный, красивый, неулыбчивый. Суровый. «Такому человеку трудно угодить», – предположил Бовуар.

И сын пошел в него. По крайней мере, по внешнему виду. А как личность? По фотографиям этого было не понять. Он на них почти всегда улыбался.

Правда, Энтони Баумгартнер умел скрывать свои истинные чувства. Это было доказано.

Внимание Бовуара привлекла другая фигура на фотографии. Баронесса.

Она по любым стандартам была уродина. Каждый бы это заметил. Тело, похожее на бочку, просевшие глаза спаниеля и лицо, которое даже на старой фотографии выглядело пятнистым.

Но она улыбалась, и у нее на лице гуляло выражение постоянного удивления. И глаза ее светились. Бовуар поймал себя на том, что сам улыбается ей в ответ.

Баронесса, несмотря на внешний вид, была гораздо привлекательнее мужа.

Хотя в ее взгляде присутствовало и некоторое высокомерие, и намек на коварство.

Гуго Баумгартнер явно пошел в нее.

А Кэролайн Баумгартнер? Скорее в отца, чем в мать, хотя высокомерие баронессы виделось и в ней. Но то, что в матери казалось коварством, в дочери проявлялось как жестокость.

Фотографии были интересными – в некотором роде даже откровенными, – но особенно его заинтересовало то, что он увидел на столе. Ноутбук Баумгартнера.

– Закончил? – спросил Жан Ги агента, который сидел за столом – просматривал бумаги.

– Да, шеф.

Агент встал, освобождая стул для начальника.

Бовуар сел перед черным экраном.

Слева от компьютера лежали бумаги. С цифрами. И несколько писем.

Письма не Баумгартнеру, а от него. Подписанные им. Предположительно подготовленные к отправке.

Бовуар прочел одно. Оно показалось ему вполне стандартным объяснением инвестиций и состояния рынка.

Другие бумаги вроде бы были финансовыми отчетами.

Он открыл ящик стола. Еще бумаги. Много.

– Ты просматривал это?

– Oui.

Бовуар взялся за эту кучу. Неразбериха в документах резко контрастировала с аккуратным столом. Подобное творилось и в жизнях многих людей. Аккуратная комната и захламленная кладовка. Порядок в кухнях и хаос в кабинетах.

Но еще он, будучи детективом отдела по расследованию убийств, знал, что предмет их поисков нередко находился в этой нише между общественным и приватным.

Они просматривали жизнь Баумгартнера, и пространство между публичным и частным все сужалось и сужалось. Сжимая то, что обитало внутри.

Теперь Бовуар просматривал все бумаги, разглаживал помятые, клал их справа от ноутбука.

Он искал одну конкретную вещь.

Закончив, занялся компьютером.

Баумгартнер, как и большинство людей, почти наверняка защищал свои гаджеты паролями. Его айфон нашли сегодня утром в развалинах материнского дома. Раздавленный. Но сохранялась надежда, что часть информации удастся извлечь.

Бовуар знал, что почти все, сталкиваясь с современными технологиями, делали четыре вещи. Сначала создавали пароли, потом забывали их.

Потом, вынужденные создавать новые, они прибегали к упрощению, и на все гаджеты ставили один пароль, который открывал все. Потом записывали пароль. И куда-то прятали бумажку с записью.

В этом случае им требовалось вспомнить только место, а не пароль.

Бовуар заворчал, опускаясь на колени, потом лег на пол и принялся разглядывать столешницу снизу. Ничего. Он перевернулся и встал на ноги.

– Вы не нашли ничего похожего на пароль к ноутбуку? – спросил Жан Ги у команды.

– Нет, – ответил старший агент.

– Тут было кое-что, – сказал другой. – За портретом сумасшедшей

старой дамы нашелся клочок бумаги.

Бовуар почувствовал, что его сердце забилось чаще. И да – за портретом обнаружился клочок бумаги, приклеенный скотчем. На нем цифры. И слова «Дева Мария».

– Черт, – прошептал он.

Бовуар узнал о картинах и мире искусства достаточно, чтобы понять: перед ним нумерованная копия Девы Марии. А на бумажке записан номер копии.

Жан Ги вернулся за стол, его глаза снова остановились на бумагах, оставленных хозяином у компьютера.

Он встал, прошел по коридору в хозяйскую спальню.

– Агент Клутье, пожалуйста, помогите мне.

– D’accord, patron.

Женщина в возрасте около пятидесяти, когда ее позвал старший инспектор Бовуар, почувствовала облегчение и тревогу одновременно.

– Гуго, – сказал Гамаш.

– Да?

– Что-то вы молчите.

– Мне нечего добавить. Моя сестра все правильно говорит, как и Адриенна. Не могу себе представить никого, кто вынашивал мысль убить Тони.

– Чем вы зарабатываете на жизнь, месье? – спросил инспектор Дюфресн.

Они уже знали, что Кэролайн занимается торговлей недвижимостью. Она, по ее словам, была успешным агентом. Из пяти верхних процентов.

Позднее выяснится, что так оно и есть на самом деле. В некотором роде. Пять верхних процентов в ее компании, в ее области. Она специализировалась на кондоминиумах. Для молодых семей.

В результате она оказалась внизу списка лучших пяти процентов агентов Квебека.

– Я инвестиционный дилер, – ответил Гуго.

– Как и ваш брат? – спросил Дюфресн.

– Да.

Но Гамаш приметил почти невидимое колебание и поспешил прибрать его к рукам.

– Вы работали вместе?

– Нет. В разных фирмах. Я – в «Горовитц инвестментс».

Выражение лица Гамаша не изменилось, но он наматывал услышанное

на ус.

Они с Рейн-Мари пользовались услугами этой же фирмы. Хотя ее штаб-квартира и находилась в Монреале, она теперь стала глобальной, имела отделения в Нью-Йорке и Париже.

– И чем вы там занимаетесь, месье? – спросил Дюфресн.

– Я старший вице-президент. У меня целый портфель клиентов, чьими ресурсами я управляю.

Гуго улыбнулся, отчего странным образом стал еще уродливее, похожим на тыкву с прорезями вместо глаз.

Гамаш, подсознательно понимая это, опустил Гуго Баумгартнера на некий простецкий уровень. Если тот и работал в «Горовитц инвестментс», то на каких-то вторых ролях, делал это с учтивостью, чтобы не сказать – слегка безучастно.

Без всяких амбиций. Хотя, возможно, не без негодования в адрес брата, который родился в сорочке. Тогда как Гуго родился голым и босым.

Гамаш теперь улыбнулся про себя. Посрамленный собственной ошибкой. Сколько раз остерегал он агентов от допущений? От перескакивания к выводам.

И вот пожалуйста, именно этим он тут и занимался.

Гамашу даже в голову не приходило, что этот словно выструганный топором человек может управлять финансовыми потоками, десятками, а то и сотнями миллионов долларов.

Ему нужно было позвонить, чтобы выяснить.

Но этот пункт находился в данный момент чуть ли не в самом низу его списка. У него вызревал другой вопрос, когда в коридоре появился Бовуар и перехватил его взгляд.

– На одно слово, – беззвучно сказал Бовуар.

Гамаш разрывался на части. Он хотел, ему было важно задать вопрос, но еще ему было известно, что Бовуар никогда бы не прервал его работу, если бы не случилось что-то важное.

– Excusez-moi, – сказал он.

Арман встал и кивнул Дюфресну – продолжай.

– Нашел что-то? – спросил Гамаш, идя с Бовуаром по коридору.

– Сейчас тебе объяснит агент Клутье.

Говорил Бовуар хотя и тихим, но возбужденным голосом.

Гамаш завернул за угол в кабинет и нос к носу столкнулся с безумной Рут. Он вскинул брови, потом перевел взгляд на женщину за столом.

Она повернулась и при виде Гамаша немедленно встала:

– Шеф.

– Агент Клутье. – Гамаш кивнул. – Расскажите мне, что у вас есть.

Ее совсем недавно перевели из финансового отдела Sûreté. Бухгалтер. Бюрократ. Не полевой агент. И в самом деле, ее бухгалтерия даже не была аудиторской. Она работала с собственным бюджетом Sûreté.

Но она произвела впечатление на старшего суперинтенданта Гамаша, и, переговорив со старшим инспектором Лакост, он устроил ее временный перевод в отдел по расследованию убийств. Посмотреть, подойдет ли она.

В полиции существовало целое подразделение, занимающееся финансовыми преступлениями, но деньги, укрытые или нет, так часто становились мотивом убийства, что Гамаш полагал: человек с квалификацией финансиста пойдет отделу на пользу. И Лакост с ним согласилась.

Изабель была довольна работой Клутье. Но реакция Клутье была совсем иная. Выезд на место убийства или даже на проведение обыска в доме жертвы был не просто чем-то чужд для нее. Она в свои сорок восемь лет чувствовала себя так, будто ее похитили инопланетяне.

Она не чувствовала себя счастливой.

А еще в большей мере сейчас – перед лицом большого начальника. Глава инопланетян. Впрочем, он ничуть не походил на инопланетянина. Но ее мечущийся разум сказал ей, что они так редко походили на инопланетян.

Она была убита горем, была в ужасе от рейда, в котором чуть не погибла ее шеф – старший инспектор Лакост.

Клутье пугала мысль о том, что в стране происходят такие вещи. Что и она сама могла участвовать в том рейде. Не понимая, что они скорее приказали бы вооружить кота, обитавшего в управлении, чем ее.

Здесь ей стало яснее ясного, что Sûreté – это не цифры на счетах. Что полиция не занимается финансированием или урезанием финансирования того или иного отдела.

Здесь на карте стояли жизни. Люди погибали.

А ей не хотелось иметь ничего общего ни с убийствами, ни – еще хуже – с рождениями.

Она никогда не видела старшего суперинтенданта Гамаша и понятия не имела, что именно он стоял за ее переводом и наблюдал за ее прогрессом или отсутствием такового.

Сам Гамаш не мог не признать, что перевод оказался вовсе не таким уж успешным. Он понимал, что она чувствует себя несчастной, а недовольный агент никогда не работал в полную силу. Клутье уже собирались перевести назад в бухгалтерию, когда случился тот рейд. И все

изменилось, хотя и осталось прежним.

Великая Sûreté du Québec, пока не был решен вопрос с руководством, пребывала в стазисе. На какое-то время дело агента Клутье повисло. А действующий старший инспектор Бовуар повис с агентом, которая была готова отгрызть себе руку, если бы это привело к ее возвращению из отдела по расследованию убийств в бухгалтерию.

Но пока она принадлежала им. И здесь. В доме Баумгартнера. Выступала соло перед старшим суперинтендантом. Она почти онемела. Но к сожалению для нее, не совсем. Какое-то бормотание исходило от нее, мучительно медленное истечение сумасшествия.

Старший суперинтендант Гамаш видел это и пытался ей помочь наводящими вопросами.

– Так что вы нашли, агент Клутье? Что-то в бумагах?

Арман показал на стопку на столе.

– В тех и этих. – Она показала на ту же стопку бумаг, запутав Гамаша и себя. – Да, они те самые, конечно. Ха. Да, верно. Определенно что-то есть, но не определенно.

Инспектор Бовуар, наблюдавший за этим, вздохнул.

Он не знал, однако, что не так уж давно Гамаш сам выглядел не лучше, чем агент Клутье, когда разговаривал с Веной.

Вероятно, он выглядел идиотом, но Гамаш знал: он не идиот. Так же как ему было известно, что и агент Клутье не идиотка.

– Это как-то связано с личными финансами Энтони Баумгартнера? – бросил ей спасательный жилет Гамаш.

Он видел, что в бумагах масса цифр.

– Да. Нет. Вообще-то, я не знаю.

Теперь они глазели друг на друга, и Бовуар подумывал, не отобрать ли у нее пистолет. Нет, она вряд ли собиралась пристрелить кого-нибудь. Не специально. Правда. Но может быть.

Гамаш улыбнулся:

– Давайте сядем. – Арман показал на удобный стул за столом и подтянул два других – для себя и Бовуара. – А теперь, агент Клутье, скажите нам, что привлекло ваш взгляд.

– Вот это. – Она взяла одну из бумаг перед ноутбуком. – Это вроде бы финансовые отчеты от «Тейлора энд Огилви». – Ее голос становился увереннее. – Как я поняла, он там работал.

– Oui.

– Это необычно, даже неэтично для менеджера по инвестициям – приносить домой конфиденциальные бумаги. Одно дело, когда они у тебя

на компьютере, защищенном паролями. Но распечатанные? Когда их может прочесть каждый? Я предполагаю, что месье Баумгартнер был достаточно зрелым человеком, чтобы знать это.

– Тогда почему он их принес? – спросил Гамаш.

– Наверняка я не знаю, конечно, – сказала она. – На то есть два возможных объяснения. Он зашился на работе и решил, что никто не заметит или никого это не волнует. Или же у него было что-то на уме.

– И это что-то?..

– Прежде я скажу о другом. Тут есть еще одна странность, – сказала она. – Касательно бумаг.

Она сделала паузу, чтобы оба шефа обдумали ее слова.

– Это бумага, – сказал Бовуар, до которого дошло раньше Гамаша. – Разве он не собирался работать прямо на компьютере? С электронными файлами?

– Да, такая мысль приходит в голову. Составление отчетов. Написание сопроводительных писем. А не работа с бумагой.

– Но я получаю отчеты по обычной почте, – сказал Гамаш. – Не по электронной.

– Да, в целях безопасности большинство отчетов все еще рассылают обычной почтой, – сказала она. – Электронную рассылку могут хакнуть. Но отправка по почте – это последний этап, обычно обязанность секретарей. У месье Баумгартнера не имелось никаких оснований держать на руках распечатки. И уж конечно не дома. Использовать их он не мог никак.

– Использовать законным образом, – уточнил Бовуар.

– Вот именно.

– А какой же незаконный способ? – спросил Гамаш.

– Он мог принести эти отчеты домой, потому что не хотел, чтобы их видел кто-то другой. – Она посмотрела на аккуратную стопку у ноутбука. – И определенно он не хотел, чтобы их увидел его секретарь, который сразу бы понял, что дело тут нечисто.

– И чем оно нечисто? – спросил Бовуар.

– Пока я не посмотрю по его компьютеру, я не могу быть уверена. Но и без того легко понять, что письма адресованы разным людям и отражают сведения о портфелях на миллионы долларов. Транзакции были проведены. Акции куплены и проданы. Отчеты выглядят вполне себе законными.

– Но таковыми не являются? – спросил Гамаш.

– Возможно, – ответила она. – Но я не уверена.

Старший суперинтендант Гамаш кивнул. Финансовые преступления находились в юрисдикции Sûreté. Каждый год они выявляли массу

нарушений. Одни мелкие и исключительно глупые. Некоторые не пересекали черту, но подходили близко к ней. К той, которую, по мнению Гамаша, следовало изменить, о чем он не раз приватно говорил премьеру.

Другие не столько пересекали черту, сколько прорывали туннель под ней. Глубокий. Темный. Долгоиграющий.

А когда их находили, личные накопления превращались в пыль. Исчезали пенсионные фонды. Разорялись люди. Часто старики, которым уже не суждено было встать на ноги.

Злонамеренные действия, приводившие к трагедиям. Мошенничество, воровство, совершавшиеся не только на протяжении многих лет, но и за ланчем, за обедом, на свадьбе, на бар-мицву, на крещение. Когда финансовый советник, бухгалтер, управляющий все больше и больше втирались в доверие к семье. Постоянно обворовывая ее.

В конечном счете кто еще мог лишить вас всех средств, если не тот, в ком вы никогда не сомневались.

Гамаш посмотрел на бумаги, потом на экран. Потом оглядел удобный кабинет.

Наконец он поднялся.

– Позвоните в «Тейлор энд Огилви», – сказал Бовуар, тоже встав; встала и агент Клутье. – Узнайте все, что можно, об Энтони Баумгартнере. Но только осторожно.

– Да, сэр.

– И узнайте, что удастся, о финансах самого Баумгартнера. Его счетах, тайных и открытых.

– Oui, patron.

Голос ее звучал хрустяще. Уверенно. Возбужденно.

Это она умеет делать. И умеет хорошо.

Гамаш последовал за Бовуаром в гостиную.

Когда Жан Ги позвал Армана, у того в голове был один вопрос, который он хотел задать. Теперь их стало множество.

Глава двадцать пятая

Они смотрели на старшего инспектора Бовуара так, будто тот сошел с ума.

Словно он, как Гамаш ранее этим днем, перешел на язык, которого не существовало в природе.

– Тони? – переспросила Адриенна. – Воровал у клиентов? – Она почти рассмеялась. – Нет, конечно!

Она посмотрела на Кэролайн и Гуго – те тоже отрицательно качали головой.

– Вы не знали моего брата, – сказала Кэролайн. – Он был не способен на такое. Да бога ради, он в хосписе волонтерствовал.

Вряд ли это что-то доказывало, хотя какой-то смысл в себе и несло. Гамаш понимал, что пыталась донести до него сестра покойного.

Только самый ужасный человек станет красть у клиентов. Ее брат поступал достойно, волонтерствуя в хосписе. Значит, он не был ужасным человеком.

Конечно, из этого ничего не следовало. Огромное число преступников в других сторонах своей жизни оставались примерными гражданами.

– Месье? – обратился Бовуар к Гуго Баумгартнеру.

Гамаш слушал и наблюдал. Сосредоточенно.

– Я бы скорее поверил, что я сам сделал что-то в таком роде, но не Тони. Он категорически не мог совершить ничего неэтического. Я уж не говорю – криминального.

– Просто из интереса, – сказал Бовуар, обращаясь к Кэролайн. – До того как он сам сказал, вы знали, что он гей?

Она отрицательно покачала головой, ошеломленная такой переменой темы.

Бовуар посмотрел на Адриенну и Гуго – те тоже покачали головой.

– Можно ли тогда сказать, – тихо проговорил он, – что вы не знали брата так хорошо, как вам казалось?

Щеки Кэролайн тут же покрылись румянцем, а на лице Гуго впервые появилось рассерженное выражение.

– Это разные вещи, – сказал Гуго. – Одно дело природа – она никак не сказывается на свойствах личности. А другое дело – сознательный выбор. Люди сами идут на нарушение закона. А быть геем или нет, они не выбирают. То, что мой брат родился геем, не делает его преступником.

– Я не говорил ничего такого, и, подозреваю, вы это знаете, – сказал Бовуар ровным голосом, хотя и не без некоторого раздражения. – Я только хотел подчеркнуть, что ваш брат очень хорошо умел хранить тайны. Он жил двойной частной жизнью, так почему в профессиональной сфере не мог делать то же самое? И так, чтобы вы ни о чем таком и не догадывались?

– Тогда почему вы спрашиваете? – подала голос Адриенна.

Но Гамаш знал ответ на ее вопрос. Бовуар спрашивал, потому что знал: ответ скажет им больше о семье, чем о жертве.

Гуго посмотрел в коридор. Потом снова на Бовуара.

– Вы нашли что-то в его кабинете, да? Дайте мне взглянуть. Я помогу вам разобраться. Объясню все, что вам кажется странным или криминальным.

Старший инспектор Бовуар задумался на секунду, потом сказал:

– Идемте.

Они пошли все. Возглавляла стаю Кэролайн.

– Минуточку, мадам.

Бовуар остановил ее у дверей кабинета.

Он вошел первым, обменялся несколькими словами с агентом Клутье, которая разговаривала по телефону. Она кивнула и сразу же вышла.

Кэролайн и Гуго вошли к Бовуару, но Адриенна остановилась в дверях, вероятно не отдавая себе отчета в том, что за ней следовал Гамаш.

Здесь было частное пространство Энтони Баумгартнера. Его святилище. Кресло с потертой кожей перед камином давно приняло форму его тела. Ноутбук на столе. Книги на полках. Фотографии сокровенных семейных событий и достижений в бизнесе.

Эта комната в каком-то смысле походила на него. Элегантная. Мужественная. Удобная. Слегка игривая со своим оранжевым мохнатым ковром.

Наблюдая за реакцией Адриенны, Гамаш поражался тому, как эта женщина в самом деле любила мужа. Он подумал, что она любила его такой любовью, которая может вывернуться наизнанку и обратиться в ненависть.

– Это все, что у вас есть? – спросил Гуго, показывая на бумаги рядом с ноутбуком.

– Да, – ответил Бовуар, не устрашенный его тоном.

– Он работал со счетами клиентов – не более.

– Дома? – спросил Бовуар.

– Это не такое уж необычное дело, – ответил Гуго. – Но вы с таким же

успехом могли бы допустить, что это свидетельствует о высокой степени его ответственности. Он работал на клиентов в свое личное время. Это не свидетельствует о преступлении. Напротив.

– А почему бумага?

– Что – бумага?

– Если он работал с отчетами для клиентов, то почему не на компьютере?

– Некоторые предпочитают распечатки, – сказал Гуго. – В особенности те из нас, кто постарше. Я тоже часто пользуюсь распечатками сводных ведомостей. Их легче читать.

– Ведомости – да, – сказал Бовуар. – Но не отчеты. Разве это приемлемо?

Гуго пожал плечами:

– У каждого свой подход. Как вы можете посмотреть на эти несколько страниц и сказать, что мой брат воровал, вот это… я бы сказал, неприемлемо. Он жертва. Не преступник.

– Merci, monsieur, – сказал Бовуар. – Теперь ноутбук. Вы знаете его пароль?

Баумгартнеры переглянулись и отрицательно покачали головами.

– Имена детей? – предположила Адриенна.

– Номер дома? – сказала Кэролайн.

Бовуар, даже не отдавая себе в этом отчета, подумал, что они только что выдали собственные пароли.

Гуго опять хранил молчание. Но его глаза все время возвращались к стопке документов.

– У меня есть вопрос, – сказал Гамаш от дверей и увидел, как вздрогнула Адриенна при звуке голоса за ее спиной.

– Ваши счета. – Он посмотрел на Кэролайн. – Где они теперь?

Он уже некоторое время хотел задать этот вопрос и теперь внимательно вглядывался в нее.

Наступила долгая пауза.

– Они у меня, старший суперинтендант, – сказал Гуго.

– Почему вы на самом деле забрали счета у Энтони? – Гамаш продолжал сверлить Кэролайн взглядом. – Вы сказали, что не хотели путать семью и бизнес. Это явно не отвечает вашим истинным принципам.

– Мы с Гуго всегда были ближе, – сказала она. – Мне казалось естественным, что я перевела деньги к нему.

– Это имело бы смысл, если бы вы начали с Гуго, но вы начали с Энтони. Сначала вы поручили свои деньги ему, но что-то заставило вас

поменять решение.

В его словах была логика, хотя он никоим образом не давал понять, что загнал ее в угол.

– Мы с Энтони рассорились, – сказала она.

– И по какому поводу?

– Разве это имеет значение? – спросил Гуго.

– Вы знаете, почему ваша сестра перевела свои деньги от брата к вам? – спросил Гамаш, направляя проницательный взгляд на Гуго, который тут же пожалел, что ввязался в разговор.

– Она сама приняла такое решение. Я не имею к этому никакого отношения. И я, конечно, не задавал ей никаких вопросов.

– Мой вопрос заключался не в этом, – сказал Гамаш, хотя услышанный им ответ и показался ему интересным.

– Сэр?

Агент Клутье вернулась. Она прижимала к ладони телефон, приглушая звуки.

– Не сейчас, – сказал Бовуар. – Подождите нас в гостиной.

– Да, сэр.

Она вышла, держа телефон перед собой, словно тот мог взорваться.

– Итак, – обратился Бовуар к Баумгартнерам, – старший суперинтендант Гамаш задал вам вопрос.

– Я не знаю, почему сестра решила перевести ко мне свой счет, – сказал Гуго.

– Вы не спрашивали? – спросил Гамаш. Потом к Кэролайн. – Вы не сказали брату? – Он сверлил ее взглядом. – Конечно же сказали. Мы так или иначе узнаем. Вероятно, лучше, если мы узнаем от вас.

– Скажи ему, – обратилась к Гуго Кэролайн. – Ты лучше можешь объяснить.

– Отлично. – Гуго глубоко вздохнул. – Не в ссоре дело. Просто так мы всем объясняли, кто спрашивал. Три года назад трейдерскую лицензию моего брата приостановили.

– Почему?

– Человек, с которым у него завязались отношения, работал секретарем у старшего партнера фирмы. Секретарь похищал деньги у клиентов. Тони выяснил это и сообщил владельцам. Деньги вернули, секретаря уволили, Тони оставили, но лицензию его приостановили.

– Почему? Если он не сделал ничего плохого?

Бовуар посмотрел на Гамаша, который без слов слушал.

– Этот же вопрос… – сказала Адриенна. – Именно этот вопрос мы

задавали и себе. Он поступил, как должно поступать, но наказали именно его.

– Почему? – повторил свой вопрос Бовуар.

Гуго отрицательно качал головой и пожимал плечами. Он стоял ссутулившись и теперь походил не столько на садового гнома, сколько на горгулью.

– Как и в большинстве случаев, за этим стояла политика. Внутренняя политика его компании. Партнер не хотел, чтобы его обвинили в неумении разбираться в людях. Поэтому вину переложили на Тони. Сказали, что имела место вопиющая халатность. Что он передал секретарю информацию о клиентах, хотя и не должен был этого делать.

– Принося распечатки домой? – высказал предположение Бовуар.

– Не знаю. Не знаю. Мне известно только, что ему учинили примерную порку.

– Значит, его наказали?

– Да. После этого его карьера практически закончилась, по крайней мере в этой фирме. Он так никогда и не получил повышения до партнера. Тони оставался на счетах, но купля-продажа осуществлялась кем-то другим. Он не сделал ничего плохого, а его отстранили и унизили.

И опять Бовуар кинул мимолетный взгляд на Гамаша – увидеть его реакцию. Потом – на Кэролайн.

– И поэтому вы перевели счета в другое место? – спросил у нее Бовуар.

– Я не хотела, но Энтони настоял. Он считал, что у Гуго держать счета лучше, – Гуго мог не только давать советы, но и торговать.

– И стало? – спросил Гамаш. А потом, увидев непонимающее выражение на лице Кэролайн, добавил: – Лучше?

– Да, я так думаю, – сказала она, скосив глаза на Гуго.

– Мой брат хорошо знал рынок, старший суперинтендант. По правде говоря, если я неплох, то Тони лучше. Неправильно, что его лицензию отобрали.

– Он тоже так считал? – спросил Бовуар. – Или отращивал зуб?

– Нет, – сказал Гуго. – Он был признателен партнерам за то, что они проявили сдержанность. Они могли бы поднять шум. Уволить его. Я считал их говнюками, но Тони сохранил к ним преданность.

– Merci, – сказал Бовуар. – А в последнее время у вашего брата был партнер?

– Мне об этом неизвестно.

– Вы знаете фамилию этого Бернара?

Они покачали головой.

– Чем меньше я знала про него, тем лучше, – сказала Адриенна, когда Бовуар обратился к ней.

– Вы ничего не хотите нам сказать? Никто не мог желать месье Баумгартнеру смерти?

Родственники задумались и снова покачали головой.

– Вы остались с братом после оглашения завещания, – сказал Гамаш Гуго. – Я правильно понимаю?

– Да. Мы часто обедали вместе. Два холостяка. Я приносил вино, а Тони готовил.

Он опустил глаза, и Гамаш подумал, что, вероятно, до него только теперь начинает доходить реальность изменившегося мира.

– И о чем вы говорили?

Гуго вернулся мыслями в прошлое. По времени оно было совсем рядом, но по событиям отодвинулось на целую вечность.

– Говорили о матери. О баронессе. Она была штучное изделие. – Гуго улыбнулся во все лицо. – Говорили о том, как ее не хватает.

– Мне ее тоже не хватает, – сказала Кэролайн.

Но ее голос больше говорил о ней самой, чем о матери. О потребности чувствовать себя включенной и, что, вероятно, более важно, о страхе остаться в стороне. Отстать.

– И когда вы ушли? – спросил Бовуар.

– К восьми я уже вернулся домой, – сказал Гуго.

– Он не говорил, что собирается посетить дом матери?

– Нет. Хотя мы и обсуждали, стоит его восстанавливать или нет. Вы думаете, он поэтому туда отправился?

– Не исключено, – сказал Бовуар.

Он протянул им одну из своих визиток со стандартной просьбой звонить в любое время, если возникнет необходимость.

Потом он попросил ключи от дома.

Они удивились. Потом удивление прошло. И они передали ключи.

Когда Баумгартнеры ушли, Бовуар и Гамаш присоединились к агенту Клутье в гостиной.

– Она повесила трубку, но сказала, вы можете перезвонить, когда будете готовы.

Она набрала номер и передала трубку Бовуару.

– Bonjour. Мадам Огилви? Говорит старший инспектор Бовуар. Я глава отдела по расследованию убийств Sûreté du Québec. Да, речь пойдет об Энтони Баумгартнере.

Он вкратце рассказал ей о том, что скоро так или иначе появится в новостях. Потом задал вопрос.

– У него дома обнаружились бумаги? – спросила мадам Огилви. – Отчеты? На бумаге?

– Да. Вы не можете предположить почему?

Она задумалась, прежде чем ответить.

– Нет.

– А я думаю, что можете, мадам. Я дам вам возможность еще подумать над этим вопросом. Мы можем встретиться завтра? Я принесу отчеты и письма.

Прежде чем Бовуар отключился, Гамаш прикоснулся к его руке и что-то прошептал.

– Еще один вопрос, – сказал Бовуар. – У вас есть клиенты по фамилии Киндерот?

– У нас тысячи клиентов, старший инспектор.

– Вы не могли бы поискать?

– Имена наших клиентов – дело конфиденциальное.

– Мы можем получить судебный ордер.

– Я не хочу затруднять вам жизнь, но, боюсь, вам придется это сделать.

Бовуар закатил глаза, но понимал, что спорить бесполезно. Если в какой-то момент станет известно, что она выдала конфиденциальную информацию, мадам Огилви придется доказывать, что ее вынудили к этому.

Он знал, что все прикрывают свою задницу.

– Похоже, таких дел немало творится, – сказал Бовуар, когда они вернулись в машину.

– Каких «таких»? – спросил его тесть.

– Отстранение людей, которые вели себя как подобает. С больной головы на здоровую называется.

Бовуар услышал рядом тихий удивленный смешок.

Жан Ги в такой форме как бы извинялся перед тестем. За то, что позволял себе резкость в отношении Гамаша. За то, что позволил чиновнику из Министерства юстиции Франси Курнуайе забраться к нему в голову.

Он теперь подозревал, что именно в этом и состояла единственная цель их встречи. Все остальное и все остальные были только реквизитом. Статистами.

Главную и единственную роль исполнял этот тихий человек. А Бовуар представлял собой публику.

Ему стало стыдно за то, что он допустил это. Пусть и ненадолго, но поверил, что, когда Курнуайе сказал: «Спросите Гамаша», его слова были чем-то другим, а не вправлением мозгов в общественном сортире, как точно выразилась Изабель.

Гамаш посмотрел на него и улыбнулся:

– Ты ведь знаешь, что я совершил все то, в чем меня обвиняют. Что я признал вину. По доброй воле. Но, в отличие от месье Баумгартнера, я вряд ли сохраню за собой место.

И теперь дыхание Бовуара повисло в воздухе. Повисло в тишине.

– Что ты имеешь в виду?

– Когда период отстранения закончится, я не вернусь в старшие суперинтенданты.

– Ты не можешь этого знать.

– Я знаю. Вряд ли главой Sûreté может быть человек, который нарушил закон.

Бовуар смотрел перед собой – слова тестя доходили до него. Обогреватель, включенный на полную, растопил лед на лобовом стекле, и, хотя он включил передний ход, нога его все еще оставалась на тормозе.

– Тот факт, что Энтони Баумгартнер сохранил работу, не означает, что он не сделал того, в чем его обвиняли. Да, возможно, молодой секретарь пострадал за него. А не наоборот. Кого с большей вероятностью будут защищать партнеры? Молодого парня, делающего первые шаги, или вице-президента компании?

– А ты?

– Что – я?

– Ведь происходит больше, чем ты мне говоришь, верно? – спросил Бовуар.

«Спросите Гамаша». Бовуар против своей воли сделал именно то, что предлагал ему Курнуайе.

– Это еще откуда взялось? – спросил Гамаш. – Тебя это беспокоило в последнее время? Кто-то что-то сказал?

– Так происходит?

– Если и происходит, то мне об этом известно не больше, чем тебе. Политические игры. Мы оба это знаем. Но насколько высоко это уходит и какова цель, мне неведомо. Я знаю одно: игры эти не имеют никакого значения.

– Правда?

– Не имеют. Имеет значение только одно: вернуть наркотики. И все. Мое наказание за то, что я их выпустил, распространяется гораздо дальше

того, что может назначить дисциплинарный комитет.

Жан Ги понимал правду слов шефа, видел: так оно уже и происходит. Он чувствовал наказующий груз ответственности. Вины. Страха.

Бовуар чувствовал, как тревога переходит чуть не в панику, по мере того как шеф пытается отыскать партию наркотиков.

Он видел это по морщинам у его губ. Между бровями. По сцепленным, словно от боли, рукам во время ничего не значащего разговора.

«Пуля вылетела из ствола», – сказал Курнуайе. И теперь Бовуар видел: она попала в цель.

– Мы всё найдем, шеф.

– Не имеем права не найти.

Старший суперинтендант сказал эти слова с холодной решимостью, и Жан Ги спрашивал себя, как далеко может зайти Гамаш, чтобы вернуть наркотики. Но потом он вспомнил их разговор. Об Амелии Шоке. И спрашивать себя перестал.

– Домой? – спросил Бовуар, выруливая в сторону Трех Сосен.

– Да, конечно, домой, – ответил Гамаш. – Только пока не в наш дом.

Полчаса спустя они подъезжали к «Мезон Сен-Реми».

К ним вышла старшая сестра, и они прошли в ее кабинет.

– Чем могу вам помочь? Вы из полиции?

Она говорила по-английски, и двое полицейских перешли на этот язык. Пока они ждали ее, Бовуар взял брошюру и отметил для себя, что этот дом престарелых в основном для англоязычных. Один из немногих, где обслуживание велось главным образом на английском.

Даже свободно говорящие на обоих языках конец жизни предпочитали провести в языковой среде их детства.

– Oui, – сказал Гамаш. – Мы бы хотели узнать о кончине Берты Баумгартнер.

– Герцогини?

– Баронессы, – поправил Гамаш.

– А причины? Что-то случилось?

– Нам нужно получить ответы на несколько вопросов, – произнес Бовуар. – От чего она умерла?

Старшая медсестра обратилась к своему компьютеру и через несколько секунд ответила:

– Сердечная недостаточность. – Она сняла очки и повернулась к полицейским. – Я понимаю, что диагноз туманный. У нас почти всегда сердечная недостаточность. Если только семья не просит сделать вскрытие,

доктора ставят такой диагноз. Их сердца просто останавливаются.

– Ее смерть ожидалась? – спросил Бовуар.

– Смерть всегда ожидается и всегда приходит неожиданно. Она не болела. Просто легла в кровать и не встала. Все мы хотели бы умереть таким образом.

– К ней много людей приезжали?

– Приезжали сыновья и дочь, но они люди работающие, а времени всегда не хватает.

Бовуар услышал несказанное: приезжали они не часто.

– Но они часто наведывались, – сказала старшая сестра. – В отличие от некоторых наших обитателей, у мадам Баумгартнер явно имелась небезразличная семья. Просто они не могли приезжать так часто, как им хотелось бы.

– А в день ее смерти?

– Мне нужно посмотреть.

– Будьте добры, – сказал Гамаш, и они последовали за ней к столу регистрации посетителей, на котором лежал журнал с записями.

Она пролистала страницы до нужного дня – посетителей не было.

– Джозеф! – окликнула она мужчину средних лет, и тот подошел к столу. – Эти люди из полиции. Они спрашивают про мадам Баумгартнер.

– Графиню?

– Баронессу, – поправил Бовуар, почти не веря, что защищает титул. – Вы исполняете обязанности вахтера?

– Oui.

– У нее часто бывали посетители?

– Non. Ее семья время от времени. В основном на выходных. И молодая женщина, конечно. Она всегда хотела ее видеть.

– Молодая женщина? – переспросил Бовуар. – У вас есть ее имя?

– Да, конечно, – сказала сестра, когда они возвращались в ее кабинет. – Та женщина, которую мы вызвали, когда императрица…

– Баронесса, – поправил Гамаш.

– …умерла. Да, вот она. – Она уже снова сидела за компьютером. Кейти Берк.

– Не могли бы вы по буквам? – попросил Гамаш, доставая блокнот.

Он не мог себе представить, какое может иметь отношение смерть старой женщины в почтенном с виду доме престарелых к убийству ее сына месяц или более того спустя. И все же он принял информацию, которую она ему дала.

– И почему вы ей позвонили, когда умерла мадам Баумгартнер? –

спросил Гамаш. – Не могли дозвониться до семьи?

– Мы и не пытались.

– Почему?

– Потому что имя мадемуазель Берк стояло первым в списке контактов. Прежде детей.

Глава двадцать шестая

– Ну, тупица, где твой босс?

– Дома. Нянчит Рей-Рея, – сказал Жан Ги, передавая миску с салатом Оливье, который сидел рядом с ним за длинным кухонным столом Клары.

Тот факт, что он стал откликаться на «тупицу», немного беспокоил Бовуара, хотя его называли и похуже. Делали это убийцы. Психопаты. Рут.

– Нянчит? Эта работа для четырнадцатилетней девчонки, – сказала Рут. – Я вижу, он достиг уровня своей компетентности.

Когда Клара пригласила к себе на обед, Бовуар поначалу хотел отказаться. Он устал, к тому же было холодно и темно.

Он дал поручение инспектору найти Кейти Берк, потом сел читать поступавшие отчеты. Жан Ги собирался утром первым делом отправиться в Монреаль на работу. А теперь он хотел задрать ноги повыше и покемарить у огонька.

Но потом Анни прошептала волшебные слова.

Coq au vin[41].

По дому Гамаша прошел шальной слух, что Оливье приготовил свою знаменитую запеканку и принесет ее Кларе.

– Не играйте со мной, мадам.

– А на десерт… Коричневый, – она снова зашептала; он чувствовал ее свежее и теплое дыхание на своем ухе, – сахар…

– Не-е-т! – застонал он.

– …и мороженое с поджаренным инжиром.

– Хорошо, я иду, – сказал он, вставая. – Шеф, ты идешь? – крикнул он в кабинет, направляясь к входной двери.

Когда ответа не последовало, он вернулся.

– Шеф?

Арман сидел, вперившись в экран компьютера, на столе рядом лежала открытая книга.

– Ты что делаешь?

– Пытаюсь перевести кое-что, правда, mein Liebling?

Он держал на коленях Оноре, читал, заглядывая в словарь, моргал, прогоняя муть из глаз, и делал записи в блокноте.

– Coq au vin, – сказала Рейн-Мари, присоединяясь к Жану Ги у дверей.

– Ага, значит, слухи не врут, – сказал Арман. – Но у нас ведь уже есть планы на обед, верно? – Он посмотрел на внука. – Батат. Вкуснятина.

Может, немного авокадо. Ой, как вкусно! Немного серого вещества, которое называют мясом. Вы отправляйтесь, а мы уж тут как-нибудь. Верно я говорю, meyn tayer?

– Вот вы где, – сказала Анни. Она уже надела пальто, а теперь подошла и поцеловала сына. – Не позволяй ему озорничать.

– Это ты Оноре говоришь, да? – сказал ей отец.

– Конечно ему.

– Ты уверена, что не хочешь взять его к Кларе? – спросила Рейн-Мари.

– Non, merci, – сказал Арман. – У нас весь вечер спланирован. Обед. Туалет. Кино. Книга. Борьба звезд высшей пробы…

– У тебя не запланировано в какой-то момент уложить его спать?

– В конечном счете – возможно.

– Па, – сказала Анни.

– Хорошо, но книгу мы почитаем, верно? – спросил он у мальчика. – И я буду декламировать «Крушение „Гесперуса“»: «Шхуна „Гесперус“ шла / По штормовому морю…»

– Боже милостивый, – сказал Жан Ги. – Беги. Sauve qui peut[42].

– А как насчет Оноре? – спросила Анни с напускным ужасом.

– Мы еще и не то можем. Беги, женщина, беги.

Арман закатил глаза, а Рейн-Мари рассмеялась и подумала: что случится, если кто-нибудь раскроет блеф Армана и поймет, что дальше двух строчек он эту жуткую балладу не знает.

– Работа? – спросила она, показывая кивком на компьютер.

– Немного и работа.

– Хочешь, чтобы я остался? – спросил Жан Ги.

– И пропустил coq au vin?

– Там будет Рут. Так что плюс на минус будет ноль.

– Мирна приготовила свою «поротую» картошку, – сказала Рейн-Мари.

– Ну, ты за главного, – сказал Жан Ги Арману, и в этот момент через открытую дверь на них хлынул холодный воздух.

Анни, Рейн-Мари и Жан Ги повернулись и крик-нули:

– Скорее дверь!

Этот хор был ему знаком лучше, чем национальный гимн.

– Ух, до чего холодина! – услышали они, потом раздался топот ног. – А эта крошка, – продолжил голос Бенедикта, – не торопится справлять свои дела.

Арман улыбнулся. Бенедикт не мог заставить себя сказать «какать» или «писать». Он знал, что молодой человек говорит о Грейси, и сочувственно к нему относился. Он провел немало холодных вечеров,

умоляя это маленькое существо сделать уже что-нибудь, кроме как гоняться за Анри.

Бенедикт взял на себя обязанность в обмен за комнату и стол, которые ему предоставили до возвращения пикапа, выгуливать собак.

Гамаш чувствовал, что они за это в долгу перед Бенедиктом.

– Я тебе принесу что-нибудь, – сказала Рейн-Мари, целуя Оноре в макушку, потом она погладила лицо Армана, поцеловала в губы и прошептала: – Meyn tayer.

Он улыбнулся.

– Это по-немецки? – спросила она, глядя на экран.

– Да. Мне требуется время, чтобы прочесть.

– Глаза у тебя все еще болят? – спросила она, заглядывая в них и видя, что они все еще опухшие.

– Мой немецкий немного заржавел, – сказал он.

– Заржавел. В переводе с немецкого это значит «никогда не существовал»?

Он рассмеялся:

– Практически – да.

Она снова посмотрела на экран:

– Длинный текст. Кто тебе прислал?

– Один полицейский из Вены.

Рейн-Мари завязала шарф на шее.

– До скорого.

– Приятно провести время.

Арман вернулся к компьютеру, нагнулся над Рей-Реем, вдохнул его аромат и продолжил читать о разрывающей себя на части семье.

Жан Ги поглядывал на кусочки курицы с грибами и сочной, ароматной подливкой рядом с горой картошки.

«„Поротой“ картошки, – настаивала Мирна. – Не просто пюре».

Он так проголодался, что у него слезы просились из глаз.

– Значит, это правда, – сказала Рут. – Сына баронессы убили.

Жан Ги еще раньше, когда они только пришли на обед, сообщил об этом Кларе и Мирне, отведя их в сторонку. А когда к Кларе стали приходить другие гости, слух стал распространяться.

– Я думала, ты врешь, – сказала Рут Мирне.

– Зачем мне врать по такому поводу?

– А зачем тебе говорить, что твоя библиотека – магазин? – спросила Рут. – Ложь – твое природное качество.

– Это магазин, – раздраженно сказала Мирна. – Не думай, будто я не вижу, как ты выносишь мои книги под курткой.

– О, ты многого не видишь, – сказала Рут.

– Например?

– Например, Билли Уильямса.

– Я вижу его. Он разгребает мою тропинку и моет мою машину.

– Мою машину он не моет, – пробормотала Клара; она поймала взгляд Оливье, и они оба ухмыльнулись.

– И что это должно значить? – спросила Мирна. – Он хороший человек, только и всего.

– Тогда почему его нет здесь? – спросила Рут.

– Здесь? – переспросила Мирна, оглядываясь. – С какой стати ему тут быть? Тут разве что-то нужно чинить? – спросила она Клару.

– Я вынуждена сказать «да», – сказала Рут, и Роза рядом с ней кивнула.

– Давайте поменяем тему, – сказала Рейн-Мари.

– Ну, если тему убийства мы исчерпали, – сказала Рут, – а предрассудки нашей библиотекарши не позволяют нам говорить о…

– Предрассудки? У меня нет никаких…

– Я сегодня видел одну из твоих картин, – вставил Жан Ги первое, что пришло ему в голову.

– Ты же знаешь, ты с предрассудками, – сказала Рут. – Ты видишь только то, что на поверхности, и выносишь суждение. Билли Уильямс – всего лишь рукастый мужик.

– Одну из моих картин? Правда? – спросила Клара. – Где?

– Вернее, копию, – сказал Жан Ги. – Одну из нумерованных копий.

– Уж чья бы корова мычала, – сказала Мирна. – Ты разве видела в баронессе кого-нибудь другого, кроме уборщицы? Ты хоть имя ее знала?

– Не настало ли тебе время сделать предложение Габри? – спросила Анни у Оливье, подбрасывая дровишки в костер разговора. – Мы все ждем.

– Ждете? – спросил Габри. – Если он прождет еще немного, то я не смогу надеть на себя свою выходную одежду.

– Вот и весь твой ответ, – хмыкнул Оливье.

– Не обязательно знать, кого как зовут, чтобы о нем заботиться, – заявила Рут.

– И ты заботилась? – сказала Мирна. – Ты даже не знала, что она умерла.

– Я видел твою картину в доме Энтони Баумгартнера, – произнес Жан Ги громким голосом.

– Покойника? – спросила Клара.

– Слушайте, я же думала, что нам не разрешается говорить про убийство, – сказала Рут. – Это несправедливо.

– Мы не говорим об убийстве, – возразил Жан Ги. – Я говорю об искусстве.

– Ты? – в один голос произнесли Анни, Габри, Оливье, Клара, Мирна, Рут и даже Рейн-Мари.

У Розы стал испуганный вид. Правда, с утками такое часто случается. И часто не без причин.

– Что такое? – сказал Жан Ги. – Я культурный человек.

– С большой буквы «К», – подтвердила Анни, погладив его по руке.

– Это верно, – кивнул он. – Merci.

Они рассмеялись, потом Мирна обратилась к Рут:

– Извини, я рявкнула на тебя из-за баронессы. Но нельзя говорить такие вещи о человеке. Нельзя говорить, что у него предрассудки.

– Не у «него», – сказала Рут. – У тебя. Если ты корова, это еще не значит, что не можешь…

– Кто я?

– О какой картине речь? – спросила Рейн-Мари.

– О той, которая… – Жан Ги мотнул головой в сторону Рут. – Не об оригинале, конечно.

– Слава богу, нам повезло: оригинал у нас здесь, – заметила Рейн-Мари.

– Я имею в виду не оригинальную картину, – сказал Жан Ги.

– Да, верно, – согласилась Клара. – Я дала ту копию баронессе. Я забыла.

– Знаешь, Анни права, – сказал Габри Оливье. – Если ты хочешь иметь невинного мужа, тебе следует поторопиться с предложением руки и сердца. Мне не вечно будет тридцать семь.

– Тебе уже сколько лет тридцать семь, – усмехнулся Оливье.

– Я думаю, она подарила картину сыну, – заявила Клара. – Это настоящая трагедия. Вы представляете, кто его убил? Ой, прошу прощения, неподходящий разговор для стола.

Хотя за этим столом те же люди уже не раз в мерцании свечей говорили об убийствах.

– Ну, Рей-Рей, – пробормотал Арман, сняв очки и проведя рукой по усталым глазам, – что ты об этом скажешь?

Они пообедали, приняли душ, а теперь сидели на диване перед камином. Арман читал свой приближенный перевод электронного письма

инспектора службы контроля. Оноре, в любимой пижамке «медвежонок», лежал на сгибе дедовской руки с одной стороны, с другой лежала Грейси.

Оноре точно знал, как этим пользоваться. Произносимых слов он не понимал, но воспринимал низкий, теплый резонанс, исходящий от тела деда. Каждое слово излучалось в него.

И потому они существовали на одной волне.

И это была хорошая волна.

Мальчик ухватил большую руку, зажал ее в своих. Почувствовал мягкое поглаживание и поцелуй в макушку.

И запах у него был знакомый. Как у папы.

Пока папа читал о причине убийства.

Потом Арман отложил свой блокнот и понес Оноре наверх, в кровать, где он взял «Винни Пуха». И Оноре уснул, слушая о приключениях Тигры, Крошки Ру, Пятачка и Пуха. И Кристофера Робина. В Стоакровом лесу.

– У меня до сих пор мурашки по коже бегут, – сказала Рейн-Мари, глядя на оригинал в мастерской Клары.

– У меня чуть инфаркт не случился, – сказал Жан Ги. – Представляешь – увидеть Рут в доме Баумгартнера. Парящей над камином.

– Таких, наверно, много в городе, – сказала Рейн-Мари. – Эта картина стала твоим крупным успехом. Прорывом.

– Не, галерея почти ничего не продала, – сказала Клара, созерцая свой шедевр. – Хотя копий сделали немало. Людям нравится смотреть на эту картину. А потом им нравится уходить. И в самом деле, кому нужна такая вещь, – она повела ложкой с мороженым в сторону пюпитра, – в доме?

– Явно Энтони Баумгартнеру, – сказал Жан Ги.

Все трое посмотрели на мерзкую старуху на картине, потом повернули головы и посмотрели в дверь Клариной студии, в кухню, на мерзкую старуху за столом.

Рут продолжала спорить с Мирной. На сей раз, кажется, о том, как следует делать меренги.

– Я предпочитаю что-нибудь покрепче маренго, – услышали они голос старухи.

– Это что – рыба такая, как червяк? – сказал Бенедикт.

– Нет-нет, меренги – это такие пирожные, безе еще называются. Маренго – это вид вермута. А рыба – это миноги.

– Вы меня совсем запутали.

Они повернулись к картине, прислонились к стене мастерской.

– Интересно, что это говорит о покойном? Что его привлекало к этой

конкретной картине? – сказала Рейн-Мари.

– Кроме того, что у него великолепный вкус к живописи? – спросила Клара.

– Но его не влекло к этой картине, – проговорил Жан Ги. – Это его мать влекло. Ты сказала, что она хотела иметь картину. А потом отдала ему.

– Но он ее повесил, – возразила Рейн-Мари. – Он же не убрал ее в подвал.

– Верно. – Жан Ги продолжал смотреть на Рут на полотне. – Ты думаешь, баронесса понимала, про что эта картина? Не про ожесточение, а надежду.

Они посмотрели на него с нескрываемым – и, на его вкус, довольно оскорбительным – удивлением. Анни подошла к нему и обняла за слегка располневшую талию:

– Мы еще сделаем тебя настоящим адептом искусства.

– Адепт, – сказал он. – Это разновидность итальянского мороженого, я думаю?

– А я думаю, мы не о том говорим, – сказала Анни. – Я думаю, тот, кто тебе нужен, сидит вон там.

Она показала на трио – Мирна, Рут, Бенедикт. Они теперь обсуждали различие между семафором и птифуром.

– Нет, спасибо, – сказал Жан Ги. – К тому же я уже знаю об искусстве все, что необходимо. Кьяроскуро. – Он произнес последнее слово торжественно, словно на открытии Олимпийских игр или спуске корабля. – Вот оно. Мое собственное слово в искусстве, но впечатление на людей производит ошеломительное.

– Какое ты там сказал слово? – сказал Габри от холодильника, из которого доставал добавку мороженого.

– Пожалуйста, не говори ему, – сказал Оливье.

– Там осталось что-нибудь? Я бы хотела взять немного домой для Армана, – сказала Рейн-Мари, направляясь в кухню.

Оливье показал на контейнер на кухонном островке, в котором находился петух в вине и «поротая» картошка.

– Все подготовлено.

– Merci, mon beau[43].

– В общем, – сказала Рут Бенедикту, – если тебе кто предложит семафор, не клади его в рот.

– Но птифур?

– Птифур можешь отдать мне.

Бенедикт кивал, а Мирна и Роза смотрели на него непроницаемым

взглядом.

Жан Ги похлопал Бенедикта по плечу:

– Пойдем, поможешь мне с тарелками.

Бовуар мыл, а Бенедикт вытирал.

– Ты почему солгал? – тихо спросил Жан Ги.

– Вы про что? – спросил Бенедикт, беря теплую, влажную тарелку.

– Про твою подругу.

– Ах это…

– Скажи мне правду, – сказал Жан Ги.

– Это имеет значение? – спросил Бенедикт.

– Мы расследуем убийство. Имеет значение все. В особенности ложь.

– Но человек, который умер, не имел ко мне никакого отношения.

– Ты и в самом деле веришь в это? – спросил Бовуар. – Ты назначен душеприказчиком по завещанию, в котором он был одним из основных наследников. Это завещание зачитали за несколько часов до его убийства. Его тело найдено в заброшенном доме, где оказался и ты. Ты там оказался, он там оказался.

Он сделал паузу, чтобы Бенедикт осознал услышанное.

– Но я не знал этого, – сказал Бенедикт.

– А откуда мне знать, что ты не лжешь? Опять. – Он смотрел в лицо молодому человеку. – И теперь ты понимаешь, почему ложь имеет значение. Сам по себе вымысел, возможно, значения и не имеет, но он нам показывает, что твоим словам не всегда можно доверять. Тебе не всегда можно доверять.

– Нет, мне можно доверять, – сказал тот; щеки его теперь пылали алым цветом. – Я не лгу. Обычно. Но я… мне не хочется говорить об этом вслух.

– О чем?

– О том, что она от меня ушла. Что мы расстались. Это еще слишком свежо.

– Всего два месяца.

– Откуда вы знаете?

– Я действующий глава отдела по расследованию убийств, – сказал Жан Ги, передавая мыльную тарелку Бенедикту. – Неужели ты и вправду думаешь, что мы не стали бы тобой интересоваться?

– Тогда вы должны знать, что моя личная жизнь не имеет никакого отношения к тому, что случилось.

– Не имеет? Ты еще раз солгал месье Гамашу, когда он спросил, зачем ты ездил в фермерский дом прошлым вечером. Ты сказал, что скучал по своей девушке и хотел домой. Но это неправда, ведь так?

Бенедикт сосредоточился на стакане, который он вытирал.

– Это правда. Отчасти. Вы не представляете, что такое жить с разбитым сердцем и вдруг оказаться в обществе счастливых людей. – Он посмотрел на Жана Ги. – Вы. Ваша жена. Рей-Рей. Месье и мадам Гамаш. У вас есть то, чего хочу я, чего хотел. И потерял. Чего я уже не могу получить. Это так больно. Я не мог оставаться.

Бенедикт смотрел на него широко раскрытыми глазами. Умоляющими.

«О чем он умоляет? – подумал Жан Ги. – О понимании? О прощении? Нет. Он хочет того же, чего хотел и я, когда жил с разбитым сердцем. Он хочет, чтобы я перестал сыпать соль на его рану».

– Понимаю, – сказал Бовуар. – Только давай больше не лгать, ладно?

– Обещаю.

Бовуар повернулся к парню и посмотрел ему прямо в глаза:

– Почему, по-твоему, мадам Баумгартнер включила тебя в список душеприказчиков?

– Не знаю.

– Ты же наверняка думал об этом. Ну же, Бенедикт. Почему она это сделала? Ты, вероятно, знал ее.

– Не знал. Клянусь вам. Никогда не видел этой женщины. Баронессы. Можете проверить меня на детекторе лжи. Ведь людей еще проверяют на детекторе лжи? Нужно спросить у Рут.

Бовуар вздохнул:

– Рут производит ложь. А как ее обнаруживать, она понятия не имеет.

– Но если вы что-то производите, то разве вы не способны узнать этот продукт у других? – спросил Бенедикт.

Жан Ги не мог не признать глубокомысленность этих слов. И истинность. Рут была экспертом по вопросам лжи. Вот истина – да, нередко проходила мимо нее. И возможно, проходила мимо этого приятного молодого человека.

Клара с другого конца кухни наблюдала за разговором между Жаном Ги и Бенедиктом.

– И о чем ты думаешь? – спросила у нее Рейн-Мари.

– Я бы хотела написать этого молодого человека.

– Почему вдруг?

– В нем есть что-то. Он прозрачный и одновременно… как это слово?

– Непроницаемый? – предложила Рейн-Мари.

Клара рассмеялась:

– Да, пожалуй. И все же…

«И все же, – подумала Рейн-Мари, глядя на своего гостя. – И все же – нет».

Когда они уходили, Рут сунула Жану Ги подарок.

– Книга стихов, – сказала она. – Одно тебе может понравиться. Только не читай его моему крестнику.

– Почему? – спросил он, прищурившись.

– Сам поймешь.

– Одна из ваших? – спросила Анни, глядя на подарок, завернутый в старую газету.

– Нет.

– Одна из моих? – спросила Мирна.

– Не твое дело, – сказала Рут.

– Могу поспорить, это мое дело, – пробормотала Мирна, надевая сапоги.

У дверей женщины обнялись, и Мирна предложила проводить Рут домой.

– Мы ее проводим, – сказал Оливье.

Из темноты, пока закрывалась дверь, отделявшая тепло от трескучего мороза, до Клары донесся голос Габри:

– Ой, смотрите. Плавучая льдина. Ну-ка, Рут. На ней твое имя.

– Пидор.

– Старая карга.

И сонное, тихое «фак-фак-фак», потом дверь закрылась.

Арман встретил их у двери:

– Хорошо провели время?

– Там Рут была, – сказал Жан Ги.

Гамаш улыбнулся. Понимающе.

– Ты уже, наверно, поел, – сказала Рейн-Мари. – Но если ты еще голоден…

Она протянула ему контейнер.

– Ты настоящий спаситель. Я умираю с голода.

Арман поцеловал жену и понес еду в кухню.

– Тебе удалось перевести письмо? – спросил Жан Ги.

– Да. Думаю, да. По крайней мере, понять суть.

– И в чем она?

Гамаш уже собирался сказать, но увидел Анни, ждавшую мужа, который тут же и появился.

– Я тебе скажу утром. Не возражаешь, если я поеду с тобой в Монреаль?

Вопрос задавался Жану Ги как риторический, но тот, к удивлению Гамаша, задумался.

– Это не обязательно, – сказал Арман. – Уверен, кто-нибудь еще…

– Нет-нет, я, конечно, тебя отвезу. Просто я не буду возвращаться и у меня назначена ранняя встреча. Нам придется выехать ни свет ни заря.

– Я вас могу отвезти, сэр, – сказал Бенедикт. Он чуть не с головой залез в холодильник, а теперь появился с пирогом в руке. – Если вы не возражаете, я бы воспользовался вашей машиной. Мне ужасно нужно взять чистую одежду и проверить, как дела в здании. А потом я бы отвез вас назад. Мою машину к тому времени, наверно, уже сделают.

– Это будет идеально, – сказал Арман. – Merci.

– А тебе зачем в город? – спросила Рейн-Мари.

– У меня ланч со Стивеном Горовитцем. – Он посмотрел на Жана Ги. – «Горовитц инвестментс».

Бовуар кивнул. Речь шла о фирме, в которой работал Гуго Баумгартнер.

Анни и Жан Ги пожелали всем спокойной ночи, а Бенедикт унес огромный кусок пирога и стакан с молоком в свою комнату.

– Энтони Баумгартнер, видимо, был интересным человеком, – сказала Рейн-Мари.

В микроволновке разогревался петух в вине.

– Что тебя навело на такую мысль?

– Жан Ги сказал, что у него в кабинете висел портрет кисти Клары.

– Да, совершенно неожиданно.

Арман подумал о письме, за переводом которого он провел весь вечер.

Как и картина, письмо было пронизано ожесточением. Но присутствовала в нем и надежда. Хотя и не такого свойства, как на полотне Клары. Он чувствовал в письме надежду на месть. Воздаяние. От этого попахивало алчностью. Заблуждением. И глубокой верой в то, что кое с кем непременно случится что-то ужасное.

И оно происходило.

Надежда сама по себе добра. Или хороша.

Арман спрашивал себя, что видел Баумгартнер, когда стоял перед картиной и заглядывал Деве в глаза.

Видел ли он в ней искупление или дозволение на ожесточенность?

Может быть, в этом лице он видел собственную мать. Недовольно смотрящую на него.

Во всем своем безумии и заблуждении, разочаровании и предвзятости.

Может быть, он понимал, что происходит, когда ложная надежда распространяется на поколения.

Может быть, поэтому ему и нравилась картина.

Может быть, он видел себя.

– Отправляйся-ка спать, – сказал он Рейн-Мари. – Я скоро. Еще немного надо поработать.

– Так поздно?

– Понимаешь, Оноре хотел посмотреть второго «Терминатора», потом мы заглянули в казино, так что для работы почти не осталось времени.

– Какой ты у меня глупый-глупый, – сказала она, поцеловав его. Ее большой палец погладил глубокий шрам на его виске. – Давай не поздно.

Она взяла с собой чай, но оставила тонкий запах ромашки и старых садовых роз, к которому примешивался грубоватый запах петуха в вине. Арман остался стоять в кухне с закрытыми глазами. Потом, открыв их, пошел к себе в кабинет.

Анри и Грейси посеменили за ним и улеглись там же под столом. Арман ввел свой пароль и увидел, что фотографии и видео наконец загрузились.

Амелия и Марк разошлись рано.

Уже наступила темнота. Время, когда голодные высыпали из своих жилищ и меблированных комнат. На охоту.

Она шла по темным закоулкам и задним дворам, по парковкам, проходила мимо заброшенных зданий. И всюду повторяла одно и то же. Снова и снова.

– Я ищу Дэвида.

Несколько раз ей казалось, что она видела какую-то искорку интереса, узнавания в их глазах, но стоило ей поднажать («Где он? Как его найти?»), как человек отворачивался.

Однако она все же привлекла группу молодых, в основном женщин. Некоторые из них были проститутками. Некоторые – транссексуалами. Большинство – завзятыми наркоманами. За дозу они могли воровать, были готовы на любые сексуальные услуги.

Они подошли к ней, потому что она ничего не просила у них. И она умела драться. Дралась. И побеждала.

Они не подозревали, что это возможно. Давать сдачи.

Теперь узнали.

Арман смотрел на фотографию Амелии, сделанную несколько часов назад.

Сняли ее издалека.

Он увидел: на одном из снимков она делала какой-то жест. Хватала себя за предплечье: он предполагал, что это довольно распространенное проклятие. Он мог себе представить и те слова, которые она при этом произносила.

Гамаш пригляделся.

Она стала неопрятной. Волосы немытые, одежда грязная. Джинсы снизу напитаны слякотью.

Он попытался разглядеть ее глаза, но не смог. Ее зрачки.

Потом щелкнул по видео.

– Ты знаешь, ведь знаешь, говноед, – прорычала она. – Где Дэвид?

– Зачем он тебе?

– Не твое сраное дело! Говори, или я руку тебе сломаю!

Дилер отвернулся.

За Амелией полукругом стояли несколько молодых женщин. Совсем еще девочек.

– Не смей поворачиваться ко мне спиной!

Амелия двигалась быстро. Гораздо быстрее, чем мог реагировать накачавшийся дилер. Она прижала его к стене. Ухватила за предплечье, вывернула руку назад. Дернула ее вверх быстрым натренированным движением.

Он вскрикнул, напугав тех, кто находился поблизости. Зеваки бросились врассыпную.

Человек, почти совсем мальчишка, со слезами упал на землю. Его рука повисла под немыслимым углом. Бесполезно повисла.

– Следующей будет твоя нога. А потом шея, – сказала Амелия. Она присела рядом с ним, закатала рукав, обнажила предплечье. – Дэвид. Где Дэвид?

Арман двигал головой туда-сюда, словно перемена точки наблюдения могла помочь ему видеть лучше.

Но ее тело перекрывало ему обзор, и, хотя запись имела звуковую дорожку, Амелия располагалась спиной к нему, а потому многих слов он не мог разобрать.

Потом он увидел, как она встала, ногой перевернула человека.

Услышал его крик. Потом Амелия со своей бандой вышла из кадра.

Молодой человек, который находился рядом с дилером, теперь развернулся и пошел за Аме-лией.

Арман прищурил глаза, нахмурился. Потом вернулся к началу видео, просмотрел его еще раз, еще. Наконец что-то привлекло его внимание.

Он остановил кадр. Стал его увеличивать. Четкость становилась все хуже, но Гамаш продолжал увеличивать. Все ближе и ближе.

И лицо свое он приблизил к экрану, ближе, еще ближе, пока его нос почти не уперся в него. Нет, то, что она делала со своим предплечьем, не было жестом. Оно, как Арман увидел теперь, было обнажено.

И это при минус двадцати градусах.

Он мог назвать две причины, по которым человек мог закатать рукав.

Закачать себе наркотик в вену, но у нее его не было.

Или чтобы показать что-то кому-то.

А на ее руке он видел нечто. Одну из ее татуировок. Несколько раз ему приходилось наблюдать фрагменты ее наколок, когда манжеты формы задирались слишком высоко. Но никогда не видел их целиком. Теперь он мог это сделать.

Игла татуировщика неплохо поработала. Тонко. Никакой картинки он не видел. Только слова, переплетшиеся. Вверх и вниз по ее предплечью. Хотя он не мог прочесть их, но видел: некоторые из них на латыни. Некоторые на греческом. На французском и английском.

Ее тело, казалось, представляло собой разновидность Розеттского камня. Который мог отпереть, декодировать Амелию.

Ему хотелось прочесть татуировку.

Но кое-что на ней выделялось. Дерзко выделялось на ее коже. Скорее напоминало граффити, отличаясь от четких очертаний других слов.

Он пригляделся. Потом откинулся назад в надежде, что, как и с картиной, расстояние даст ему перспективу. Не дало.

Арман еще больше увеличил изображение. Проклиная плохо видевшие глаза.

«Д» он разобрал. В начале и в конце. Потом стал пальцем прослеживать очертания. Медленно. Возвращался назад, когда понимал, что увел палец не туда и теперь погрузился глубоко в латынь или греческий.

«В».

«Э».

ДАВД.

«Дэвид», – прошептал он.

А рядом с именем цифры.

«Один. Четыре», – пробормотал Гамаш.

Он пустил прокрутку, и теперь уже знакомые кадры замелькали снова, устремляясь к концу. Еще раз увидел, как она применила прием, которому ее научили в академии, и вывихнула плечевой сустав дилера.

Амелия и ее последователи вышли из кадра. Вместе с его друзьями. Ее свита становилась все больше и больше, и теперь в нее входили и молодые люди.

Ее влияние росло.

Много времени для этого не потребовалось. Гамаш, наверно, должен был предвидеть такое развитие, и он, может быть, и предвидел, только не хотел признаваться.

Арман не только выпустил смертельно опасный наркотик на улицы Квебека. Он еще выпустил и Амелию.

И делала она все то же, что всегда делала Амелия. Она захватывала власть.

– Что у тебя на уме? – прошептал он. – И кто такой Дэвид?

Видео продолжалось, но теперь в кадре осталась только груда одежды на земле, словно мусор.

И груда хныкала.

Арман уже собирался выключить компьютер, как заметил движение. Маленькая девочка в ярко-красной шапочке. Она вышла из темноты и остановилась на тротуаре. Одна, совсем одна. Потом повернулась и пошла прочь из кадра. Следом за Амелией.

Он смотрел с бледным лицом. Чуть приоткрыв рот. Чувствовал боль, видя ребенка одного на улице.

Его так взволновала девочка, только-только покинувшая кадр, что он чуть не проморгал несколько последних кадров.

Арман заметил теперь и кое-что еще. Человека. На самом краю кадра. Тот чуть небрежно стоял, опершись на стену. Сложив руки на груди, он смотрел вслед Амелии. И казалось, думал. Потом он принял решение. Оттолкнулся от стены и пошел в противоположном направлении.

«Уж не Дэвид ли это?» – подумал Арман.

Глава двадцать седьмая

Часов около девяти утра, когда Арман и Бенедикт выехали в Монреаль, Жана Ги в Трех Соснах уже давно не было.

И поскольку Бовуар уехал один, Арман не видел, как его зять остановился с задней стороны здания и огляделся, перед тем как войти внутрь.

Когда он вошел в большой зал для совещаний, там никого не было.

Жан Ги сел, но вскоре встал. В беспокойстве принялся выхаживать туда-сюда перед окнами. Потом стал ходить вокруг стола. Он остановился посмотреть на знакомую картину. Копию классического Жана Поля Лемье.

Потом он снова принялся ходить, поглядывая в окно на Монреаль, чуть завешенный ледяным туманом. Словно на город накинули марлевую вуаль.

Он сцепил руки за спиной, надул щеки, выдохнул.

«У меня теперь семья, – сказал он себе, – и я должен ставить ее на первое место».

Да. Для этого он и приехал сюда. Не ради себя. Не потому, что он дерьмо собачье. Или даже не потому, что он собака. Или просто дерьмо.

Дверь открылась, он повернулся и увидел знакомых теперь уже мужчин и женщин, которые допрашивали его прежде. Которые сделали ему предложение несколькими днями раньше.

Бовуар отказался принять его. Чем отнюдь их не осчастливил. Им явно мало кто отвечал «нет».

Он объяснил отказ своей преданностью старшему суперинтенданту. Они рассказали ему о преимуществах и о явных потерях, которые будут иметь место, если он отвергнет их предложение.

Жан Ги чувствовал себя измотанным. Действующий старший инспектор Бовуар признавал эту методику, как признавал он и ее действенность.

Но, сидя в кровати ночью со спящей рядом Анни, Жан Ги почувствовал, что ему надо вернуться к бумагам. Читал. Перечитывал. Неужели, если он подпишет, последствия будут такими уж катастрофическими? Будут ли его потом считать виноватым?

По иронии судьбы обычно он такие вещи обсуждал с шефом. Но теперь не мог. Не в этот раз. Не на этой сделке.

Он, конечно, долго обсуждал проблему с Анни. Варианты.

Последствия.

И вот теперь он снова оказался в этой комнате. Собирался сделать то, что никогда не считал возможным.

Обменявшись рукопожатиями, они все сели. Наступило неловкое молчание, пока секретарь разносил кофе, и Жан Ги показал на картину Лемье:

– Мне нравится.

– Я рада, – сказала женщина.

– Нумерованная копия? – спросил он.

– Оригинал.

– Ага, – сказал он. – Кьяроскуро.

Мужчина рядом с ней улыбнулся:

– Я вижу, вы разбираетесь в искусстве. Да. Не многие понимают, что видят игру света и темноты, тонкостей и крайностей…

Бовуар кивнул и улыбнулся. Но думать по какой-то причине он мог только о мороженом.

Когда принесли кофе, ароматный и крепкий, он сделал долгий тонизирующий глоток. Он был готов совершить это.

А они, казалось, тоже подготовились.

Женщина, заправлявшая здесь, подвинула ему через стол небольшую стопку бумаг с лежащей наверху авторучкой:

– Мы очень рады, что вы передумали.

Он взял авторучку и быстро подписал. Теперь Жан Ги не мог себе позволить колебаний. Таким стал один из его первых уроков в отделе по расследованию убийств от тогда еще старшего инспектора Гамаша.

Если уж что начал, то не останавливайся, ты не можешь больше сомневаться. Принял решение – назад пути нет. Никогда не оглядывайся.

Это действие, понял Бовуар, надевая колпачок на ручку, было предопределено несколько месяцев назад. Когда его и Гамаша отстранили от исполнения служебных обязанностей. Когда началось следствие. Когда их подчиненные поставили под сомнение не только законность их действий, но и их честь, их преданность.

И он закономерно пришел сюда. К этому моменту. В эту комнату.

Жан Ги подвинул документ назад по столу.

– Оставьте себе, – сказала женщина, когда Бовуар хотел было подвинуть по столешнице и авторучку. – Я рада, что вы решили присоединиться к нам.

Она улыбалась. Они все улыбались. Женщина протянула руку, и он после короткого колебания пожал ее.

«Шхуна „Гесперус“ шла, – услышал он низкий голос, – по штормовому морю».

Дальше этих строк шхуна никуда не пришла, и Жан Ги всегда смеялся этой долгоиграющей шутке. Но теперь, глядя в окно на падающий снег и чувствуя ручку в нагрудном кармане, он вспомнил название.

И подумал, не привела ли его попытка прийти в безопасную гавань к тому, что он только приблизился к своему крушению.

Бенедикт оказался осторожным, хотя и нервным водителем.

Он держал баранку в положении на десять и два часа сидел прямой как кол, ни на секунду не отрывая глаз от заснеженной дороги.

На дороге их обгоняла одна машина за другой. Но Арман никуда не спешил и предпочитал безопасность бесшабашности. Он знал также, что именно его присутствие заставляет парня проявлять излишнюю осторожность. Даже нервность.

«Ничего, скоро расслабится», – подумал Гамаш.

Они говорили о таких земных вещах, как домовладение и работа Бенедикта в качестве смотрителя, и что может выйти из строя в зданиях. Больших и маленьких.

Арман рассказал ему о реновациях, которые они собираются провести у себя в доме.

– Надеюсь, вы не будете возражать, если я воспользуюсь вашими мозгами, – сказал Арман. – У нас немало спален, но когда приезжает наш сын Даниель с женой и двумя дочерьми вместе с Анни и Жаном Ги и их сыном… то всем места не хватает.

– И вы хотите сделать пристройку?

Они обсудили возможности. Бенедикт предложил двигаться вверх, а не в стороны, и поэтому переоборудовать чердак. И пояснения, как это сделать, чтобы не обрушить дом.

– Одного обрушившегося дома более чем достаточно, – сказал Арман, и Бенедикт с ним согласился.

Гамаш намотал услышанное на ус. Не то, что касалось реновации, проводить которую он не собирался, а то, что Бенедикт и в самом деле знал, как предотвратить обрушение дома. А потому, вероятно, знал и как его обрушить.

Бенедикт высадил Армана в центре Монреаля у роскошного здания «Горовитц инвестментс», пообещав подобрать позднее.

Падал снежок. Легко. Красиво. Прикрывал белизной городскую грязь. Хотя бы на какое-то время.

Гамаш проводил взглядом Бенедикта, свернувшего за угол, остановил такси и назвал адрес на рю Сент-Катрин.

– Вы уверены? – спросил водитель, оглядывая Армана.

Его пассажир был хорошо одет, в хорошей куртке, в белой рубашке, галстуке, видимом под шарфом.

– Уверен. Merci.

Он откинулся на спинку сиденья, и на его лице появилось мрачное выражение.

– Подождите меня, пожалуйста, – сказал Гамаш, когда они добрались до места.

– Долго я ждать не буду, – предупредил водитель.

Хотя денег он еще не получил, но предпочел бы уехать, потому что машину наркоманы могли угнать, его избить и ограбить.

Все таксисты знали, что здесь запретная зона. Или если уж пришлось сюда ехать, то лучше здесь не задерживаться.

Он запер двери и включил передний ход.

Но любопытство все же одолевало его, и он смотрел на пассажира, который шел с большей уверенностью, чем следовало, потом свернул: водитель знал, что там, куда свернул пассажир, – проулок. Забитый бачками для мусора и шлюхами.

Он прождал минуту, две. Потом чуть нажал на газ, прополз несколько метров и остановился в створе проулка.

Таксист увидел, как его пассажир пожал руку другому высокому человеку. Но этот был изможденным. Проститутка. Транссексуал.

Он передал ей деньги в плотном конверте. Как ни странно, женщина вроде бы пыталась вернуть его, но пассажир настоял на своем. Потом он повернул голову, увидел машину, кивнул.

Клиент вернулся уверенным шагом, с солидным выражением. И хотя у водителя и возникло искушение оставить его здесь после той мерзости (в чем уж она состояла), которая произошла в проулке, он дождался.

Арман поблагодарил водителя, вернулся на прежнее место, посмотрел в окно и выдохнул. Он оглядел улицу в поисках маленькой девочки. Ребенка. В красной шапочке.

Но он не сомневался: его новый друг Анита Фасьял найдет ребенка. И позвонит ему. А он приедет и заберет ее.

Гамаш знал, что, приезжая сюда сегодня, он рисковал пустить все коту под хвост. Рисковал быть замеченным. Но у всего были свои пределы, свои границы. А Арман Гамаш устал их пересекать. Переходить грань. Он устал от тирании большего добра.

Видение маленькой девочки стало для него чертой, которую он не мог не пересечь.

«Шхуна „Гесперус“ шла, – прошептал он, видя, как от его дыхания на окне образуется маленький кружок, – по штормовому морю».

Он понимал: все подозревают, что дальше первых строк он ничего не знает. Часть шутки в этом и состояла. Но на самом деле Арман знал всю балладу. Каждое слово. Каждую строку. Включая, конечно, и концовку.

«Спаси нас боже от смерти такой», – тихонько процитировал он, глядя в окно.

Бовуар на скорую руку перехватил сэндвич у себя в кабинете, прочел доклад по убийству Баумгартнера. Дополнения по допросам. Проверки биографий. Предварительные улики с места преступления. Фотографии.

Он провел утренний брифинг с ведущими инспекторами по другим убийствам, которые они расследовали.

Потом вызвал к себе агента Клутье, чтобы выслушать доклад о ее находках.

Она держала бумаги у себя на коленке, потом уронила их, потом уронила очки, когда нагнулась, чтобы поднять бумаги. Бовуар обогнул стол, чтобы помочь ей.

– Давайте присядем здесь, – сказал он, положив стопку бумаг на стол у окна.

Бовуар сотни раз сидел за этим столом, обсуждал дела с Гамашем.

– Расскажите мне, что вам известно, – предложил он ей.

И она рассказала.

– Это, – она положила руку на документы, найденные в кабинете Энтони Баумгартнера, незаконные бумаги, – неправомерные документы. Суммы не совпадают. Транзакции кажутся законными, пока не сделаешь проверку и не понимаешь, что цифры покупок и продаж не совпадают.

– И что же это?

– Игра.

– Что?

– Это как театральный спектакль. Иллюзия. Нечто, чему придана видимость реальности, но никакой реальности нет. Месье Баумгартнер, вероятно, знал, что клиенты не просматривают бумаги внимательно. Большинство этого не делает. А факт в том, что вы должны быть специалистом, чтобы понять это. Да и специалисту требуется какое-то время.

– Он крал у них?

Ясность, простота вопроса, казалось, удивили ее.

Она подумала, кивнула:

– Безусловно.

– Вы нашли фонды?

– На это нужно больше времени. И судебный ордер.

Бовуар подошел к своему столу, принес бумагу. Судебный ордер, разрешающий им полный доступ к финансам Баумгартнера. Другой ордер позволял допуск к списку клиентов «Тейлора энд Огилви».

Он сунул эти бумаги в сумку, туда же положил копии отчетов, которые дала ему Клутье.

– Неплохо было бы получить доступ к его компьютеру, – сказал он.

– Я работаю над этим, шеф.

Такси довезло Армана до того места, где он в него сел, – к зданию «Горовитц инвестмент». Оно располагалось на рю Шербрук за Музеем изящных искусств и зданием компании «Холт Ренфрю». На Монреальской золотой миле, где стеклянные башни соседствовали со старыми особняками в стиле тюдоровского возрождения.

Поездка на такси и целая жизнь отделяли его от места, где он только что был. Гамаш знал: их разделял не труд до седьмого пота, а счастливый случай и слепая удача, которые выбирали тех, а не иных. Которые одних знакомили с опиоидами, а других – нет. Пять лет назад, два года назад, даже год назад будущее призрачных фигур на улице казалось другим. А потом кто-то познакомил их с болеутоляющим. С опиоидом. И все обещания, все счастливые случаи рождения в хорошей семье и достатка (любящих родителей, образования) не могли противостоять тому, что пришло потом.

Любимый. Избитый. Ухоженный. Забытый. Выпускники университетов или отбросы общества. Все они кончали жизнь в выгребной яме. И все благодаря великому выравнивателю, который звался фентанил.

Гамаш знал: в том, что сейчас творилось на улицах, нет его вины. Виноваты опиоиды. Убийцы. Прорежавшие поколение. И пока карфентанил, впущенный им в город, еще не попал на улицы.

Но он знал: попадет. Вскоре. И если сегодняшняя ситуация плоха, то завтрашняя будет многократно хуже.

Арман недавно читал один отчет, в котором говорилось, что американское государство, в котором применяется смертная казнь, намеревается использовать этот наркотик для казни приговоренных преступников. Смерть наступала быстро и неотвратимо, наркотик

гарантировал исполнение приговора.

Он чувствовал, как кровь отливает от его лица. Ничего нового он не прочел. Но документ лишний раз давал ему понять всю тяжесть того, что он совершил. Того, что он собой представляет.

Палач.

– Арман.

Стивен Горовитц вышел из своего кабинета, протянул ему руку. В голосе его слышался небольшой акцент – последствия европейского воспитания.

В свои девяносто три он оставался живчиком. И богатым, как Крёз.

– Хорошо выглядите, – сказал Арман, пожимая твердую руку.

– Как и ты.

Проницательный взгляд прошелся по Гамашу, прежде чем остановился на его лице.

– Ты плакал?

Арман рассмеялся:

– Когда я вас вижу, у меня всегда разыгрываются эмоции. Вы же знаете. Но нет. Просто глазное раздражение.

– Вот это больше похоже на правду. У большинства людей я вызываю раздражение.

Гамаш не стал возражать.

– Я заказал столик в «Рице». Довольно претенциозно, но я хочу знать, кто из моих клиентов может себе позволить захаживать туда.

Они прошли два квартала до отеля, Горовитц время от времени брал Армана под руку, ничуть не стесняясь показаться слабым.

Он был финансовым советником родителей Армана. И отец Армана даже помог Горовитцу наладить бизнес, когда тот, еще молодым, после войны оказался беженцем в Канаде. Одно из перемещенных лиц – он никогда не забывал, каково это. И даже семьдесят лет спустя Стивен Горовитц не забыл доброты.

В «Горовитц инвестментс» сегодня на имя Анни и Даниеля был открыт счет, приносивший потрясающе высокие проценты. О существовании счета не знал даже Гамаш.

Горовитц в своем завещании предусмотрел пункт, согласно которому Арман должен был узнать о существовании счета только после смерти завещателя.

– Слышал, что ты все еще отстранен, – сказал Стивен, а официант в ливрее тем временем развернул льняную салфетку и положил ее на колени Горовитца. – Merci.

– Отстранен, – ответил Гамаш.

На столе их ждала искрящаяся вода с лаймом, две порции виски и две тарелки с устрицами.

– Merci, – сказал Арман, когда салфетка легла и на его колени.

– Глупо с их стороны. – Старик покачал головой. – Хочешь, я позвоню?

– Кому? – спросил Арман. – Или я не хочу этого знать?

– Вероятно, не хочешь.

– Я знаю, вы уже сделали один звонок, спасибо вам.

– Ты мой крестник, – сказал Стивен. – Я делаю то, что могу.

Арман наблюдал, как Горовитц готовит себе устриц. С выверенной аккуратностью, точно зная, как получить наибольшее удовольствие.

Стивен Горовитц стал для Армана почти что отцом. Инвестиционный банкир испытал разочарование, когда молодой человек финансам предпочел служение закону, впрочем, и трое детей Стивена тоже не пошли по стопам отца.

Деньги были исключены из отношений Армана со Стивеном. Их отношения строились на других формах поддержки.

– Видишь того человека? – Стивен занялся своим любимым делом – вынесением суждений. – Возглавляет сталелитейную компанию. Полный тупица. Мои люди недавно обнаружили, что он планирует за этот фискальный год выписать себе бонус на сто миллионов долларов. Извини.

К беспокойству Армана, хотя и не к удивлению, Стивен встал и подошел к стальному магнату: тот, выслушав Стивена, побагровел, а старик вернулся к столику, улыбаясь на ходу.

– Что вы ему сказали? – спросил Арман.

– Я сказал ему, что изымаю все вклады «Горовитц инвестментс» из его компании. Перед нашим уходом я как раз издал распоряжение. Смотри.

На глазах Армана человек вытащил айфон, набрал что-то, уставился на экран. Теперь его лицо побледнело. Когда он увидел, как обрушились его акции.

– Когда акции упадут до минимума, мои люди купят их. Все, – сказал Стивен.

– Вы купили компанию? – спросил Арман.

– Контрольный пакет. Ты увидишь и это через несколько минут.

– Вы станете его боссом.

– Ненадолго.

Стивен поднял руку, и к ним поспешил метрдотель, нагнулся, кивнул, потом ушел. Арман вскинул брови в ожидании объяснения.

– Я сказал Пьеру, что заплачу за тот столик. После всего этот человек не сможет себе позволить расплатиться за ланч, а я не хочу, чтобы ресторан недополучил деньги.

– Вы очень предусмотрительны, – сказал Арман, глядя на широко улыбающегося Стивена. – Вы знали, что он будет здесь, когда резервировали столик?

– Сегодня среда. Он по средам всегда здесь.

– Значит, да.

– Да.

«Жернова внутри жерновов», – думал Арман, когда им принесли ланч. И большинство из них перемалывают какого-нибудь бедолагу, который оказался на пути Стивена. Или сделал что-то такое, что не понравилось Стивену.

– Вы когда-нибудь слышали про Рут Зардо? – спросил Арман, разрезая морского окуня, приправленного поджаренной на открытом огне спаржей и дольками грейпфрута, с пюре из цветной капусты с тушеной чечевицей.

– Поэтессу? Конечно. – Стивен опустил нож и посмотрел вдаль, вспоминая слова: – «Но кто тебя обидел так, / что ран не залечить, / что ты теперь любую / попытку дружбу завязать с тобой / встречаешь, губы сжав?»

– Да, это ее.

– А ты почему спросил?

– Я подумал, что вы бы понравились друг другу.

Стивен вернулся к еде.

– Ты обижен, Арман? – спросил он, глядя на свой морской язык.

– Но не так, что ран не залечить.

Стивен теперь поднял глаза. Он смотрел ясным, взыскующим взглядом.

– Я не имею в виду физически. Эти раны залечиваются. Я имею в виду, не обидело ли тебя расследование Sûreté. Это отстранение, которое уж слишком затянулось.

– Есть такие вещи, о которых вы не знаете, Стивен.

– Верно. Но я знаю тебя. Будет сущий позор, если мы потеряем тебя как главу полиции.

– Merci.

– Ты уверен, что мне не стоит позвонить?

– Не смейте, – сказал Арман, указывая ножом на старика в шутливой угрозе.

Стивен рассмеялся и кивнул:

– Отлично. Так по какому поводу ты хотел меня видеть?

– Дело довольно деликатное.

– Дай-ка я угадаю. Речь пойдет о Гуго Баумгартнере.

– Ну вот – уже никакое не деликатное.

– Его брата только что убили, так что догадаться было нетрудно. В новостях проходило. Но ты же не можешь участвовать в расследовании. Ты, как мы установили…

– Отстранен. Oui. Но я душеприказчик по завещанию его матери и оказался причастным к делу кружным путем.

Он рассказал о завещании; Горовитц внимательно его слушал, обдумывал, наконец сказал:

– Странное какое-то говнецо.

Арман рассмеялся:

– Ваше обоснованное мнение. Вы не ошиблись. Но я хочу спросить вас о Гуго Баумгартнере. Он один из ваших старших вице-президентов.

– Верно. Он страшен как первородный грех. Смотреть невозможно. Правда, зрелище отвратительное. Но, как и многим уродливым людям, которые кажутся негодяями, ему приходится компенсировать свое уродство собственной явной порядочностью. Если бы у меня не было трех детей-наследников, то я бы подумал, не назначить ли его.

– Он так хорош?

– Да. Он хорош в той же мере, в какой его брат был плох.

– Значит, вы и об этом знаете.

– Знаю. Гуго мне ничего не говорил. Он защищает брата. Но слухи ходят…

– И все об этом знают.

– Если не знают, значит они глупее, чем я думал. Почему иначе у старшего вице-президента в «Тейлор энд Огилви» приостановили лицензию? Это серьезный ход. Такое легко не делается.

– Гуго говорит, его брата загнали в угол, учинили ему примерную порку. Что на самом деле деньги украл секретарь.

– Да-да, – сказал Стивен, жестикулируя ножом и вилкой. – Бла-бла. А что ему еще говорить? – Старик подался над столом к Арману. – Кто может лучше знать, как украсть деньги со счета клиента и уметь многие месяцы скрывать это? Вице-президент или секретарь? У кого есть более свободный доступ к ресурсам? И кого с большей степенью вероятности уволят? Я тебе даю наводку – ответ на последний вопрос отличается от двух первых.

Арман кивнул. Он до этого дошел своим умом.

– Что вы можете сказать про «Тейлор энд Огилви»?

– Относительно новая фирма. На рынке всего тридцать лет, хотя они

делают вид, будто созданы по королевской хартии в начале девятнадцатого века.

– Будто Виктория хранила у них деньги? – спросил Арман.

– Что-то в таком роде. Роскошное здание строилось, чтобы произвести впечатление.

– А на самом деле?

– Я всегда с подозрением отношусь к тем, кто считает, что им нужно произвести впечатление на окружающих, а не добиваться результатов.

– Вы ко всем относитесь с подозрением, – заметил Арман. – Вряд ли это о чем-то говорит.

– Верно, – с улыбкой признал Горовитц.

– Вы думаете, они что-то скрывают? – спросил Арман. – Они законопослушные?

– О да. Просто плывут чуть ближе к краю.

– Но вы же знаете, что Земля круглая.

– Земля, может, и круглая, в отличие от человеческой природы. У нее есть каверны и пропасти и все разновидности ловушек.

– «Тейлор энд Огилви» существует на краю такой ловушки?

– Если они используют людей, то да.

– Вы используете людей, – заметил Арман.

– Но я за ними наблюдаю, – сказал Стивен. – И я бессмертен.

– И непогрешим.

– Вот теперь ты начинаешь понимать.

– Гуго Баумгартнер, – сказал Арман. – Он в той же степени человек, что и они. Ему можно доверять?

– Насколько мне известно. Но ты, надеюсь, не просишь меня перевести твой счет к нему? – Он посмотрел на своего крестника. – Ты не уверен в нем, верно, Арман?

– Десерт? – спросил Гамаш, когда официант забирал их тарелки.

Стивен улыбнулся и взял меню. Они заказали теплый яблочный пирог, чайное мороженое и кофе, после чего Стивен снова заговорил:

– Меня интересует завещание. Мне известны семьи, которых завещание рассорило вдрызг. Ожидания. Они разъедают, как кислота. В сочетании с алчностью или отчаянием оно может стать весьма разрушительным. И это может длиться годами.

– Поколениями, – сказал Арман.

– Они и в самом деле считают, что титул и вся эта собственность принадлежат им?

– Они говорят, нет, но…

– И это главное, – сказал Стивен. – Иногда мы думаем, что мы не поддадимся на чье-либо безумие, пока оно не будет проверено. Они ведь евреи, да?

– Да. Это имеет значение?

– Может иметь. Из Австрии? Вены?

– Oui.

Стивен кивнул.

– У вас есть какая-то идея?

– Ничего похожего на идею. Скорее туманная мысль. Я вот думаю, а не была ли старуха – вы ее называете баронессой? – в конечном счете права, даже не понимая этого. Позволь мне провести кое-какие разыскания. – Он помахал рукой, чтобы принесли счет. – Ты этого хотел? Чтобы я произвел кое-какие раскопки?

– Я хотел побыть в вашем обществе, – ответил Арман. – И отведать прекрасной еды.

– Хорошую еду ты получил, а меня накормили каким-то дерьмом. – Он подвинул серебряный поднос по льняной скатерти в сторону Гамаша. – На вот. Можешь заплатить.

Арман улыбнулся и покачал головой. Он всегда имел намерение платить. И всегда платил. А теперь, казалось, он еще, благодаря Стивену, платит за четырех человек, которых даже не знает.

– Будем надеяться, мое отстранение скоро закончится, – сказал Арман, кладя свою банковскую карточку.

– Чтобы ты мог за это заплатить? Не волнуйся, тебе это по карману.

– Нет. – Он кивнул в сторону стального магната, который, будучи уничтоженным за ланчем, выходя из ресторана, зло смотрел на Стивена. – Чтобы я мог расследовать ваше убийство.

Старик рассмеялся.

Глава двадцать восьмая

Жан Ги оглядел комнату ожидания в «Тейлор энд Огилви».

Он находился на сорок пятом этаже, но догадаться об этом было невозможно. Дубовые панели, картины маслом, даже книжный шкаф с книгами в кожаных переплетах, которые словно говорили: если бы ваш финансовый советник умел читать, то наверняка не обмишулил бы вас.

Бовуар, посмотрев в окно, увидел великолепный сад, примыкающий к зданию, а не Монреаль с высоты птичьего полета.

Иллюзия.

Что там сказала агент Клутье?

Постановка. Декорация. Нечто похожее на одно, а являющееся чем-то другим. Это сооружение строилось как фасад надежной, консервативной, заслуживающей доверия фирмы. Но была ли компания таковой на самом деле?

Он принялся разглядывать картины, одна его особенно заинтересовала.

Нумерованная копия.

Не то чтобы подделка, но и не настоящая.

– Вам нравится? – раздался женский голос за его спиной.

Он повернулся, полагая увидеть секретаршу, а увидел очень элегантную и удивительно молодую женщину, стоящую в открытых дверях.

– Нравится, – сказал Бовуар. – Я здесь, чтобы встретиться с мадам Огилви.

– Будем знакомы. Бернис. – Она протянула руку. – Правильно ли я поняла? Тони убили?

– К сожалению, все говорит об этом.

На ее лице появилась гримаса, глаза прищурились.

– Господи Исусе, я сделаю все, чтобы помочь.

– Merci.

Она развернулась, и он последовал за ней по коридору, звуки в котором были приглушены. Жан Ги поглядывал на расположенные по обеим сторонам кабинеты, в которых сидели брокеры, в основном мужчины, говорили по телефону, стучали по клавиатуре.

Коридор был отделан деревянными панелями, увешан картинами.

– Хорошая живопись, – сказал он.

– Спасибо. Большинство – копии, но у нас есть и кое-какие оригиналы, – сообщила она. – Некоторые ужасные картины мой дед купил,

полагая, что делает хорошие вложения. Он ошибся. Мы их прячем в кабинетах партнеров в качестве напоминания.

– О чем?

– О том, что случается, когда мы думаем, будто разбираемся в вещах, в которых ничего не понимаем. – Тут она остановилась и улыбнулась ему. – Вы в вашей профессии должны, вероятно, попадать в похожие ситуации, старший инспектор. Только цена ваших ошибок иногда – человеческие жизни.

– Как иногда и ваших.

Улыбка сошла с ее лица.

– Я это осознаю.

Она повернулась и продолжила говорить о живописи. Он видел, что говорит она как по писаному. Текст, который она повторяла всем посетителям. Чтобы они почувствовали себя в своей тарелке.

– Мы специализируемся в канадском искусстве. По возможности в квебекском.

– Но не всегда покупаете оригиналы.

– Верно. Оригиналы по большей части недоступны, поэтому мы покупаем пронумерованные копии. Но только первые номера.

Он рассмеялся, потом понял, что она не шутит.

– Почему так?

– Они больше ценятся. Всё должно быть вложением, старший инспектор.

– Всё?

– Всё. И я имею в виду не только бизнес. Как люди, мы инвестируем не только деньги. Мы тратим время. Тратим силы. Есть причина, по которой деньги вкладываются таким образом. Жизнь коротка, а время драгоценно и ограниченно. Нам необходимо тщательно выбирать, во что вкладывать.

– Для максимальной отдачи?

– Именно. Я понимаю, что это звучит слишком уж расчетливо, но подумайте о вашей собственной жизни. Вы же не хотите тратить ваше время на людей, которые вам не нравятся, или на дела, которые не приносят вам удовлетворения.

Бовуар чувствовал, что на это существует какая-то умная реакция, но в голову ему приходило только «Ерунда собачья все это».

Несколько лет назад он, вероятно, так бы и поступил. Но тогда Жан Ги еще не был старшим инспектором.

– О чем вы думаете? – спросила она.

– Я думаю, это все ерунда собачья.

Что ж, если жизнь и в самом деле коротка, то почему бы ему не выражаться покороче.

Она остановилась и посмотрела на него:

– Почему вы так сказали?

Он огляделся, потом снова взглянул на нее:

– Такие вещи станет говорить тот, кто здесь работает. Я не говорю, что вы в это не верите. Я хочу только сказать, что у большинства людей нет роскоши выбора. Они просто пытаются прожить очередной день. Соглашаются на самую поганую работу. Пытаются не дать распасться семье. Хотя брак хуже некуда, а дети совсем отбились от рук. Вы живете в мире, где выбор возможен, мадам Огилви. У большинства нет никаких инвестиций. У них есть жизнь. И они просто пытаются выжить.

Они уставились друг на друга, напряженность повисла в воздухе. Бовуар плевать хотел на это. Так его больше устраивало. Раздражать людей. Чтобы узнать, что у них внутри.

Ему показалось интересным то, что она изменилась, когда он стал проявлять неучтивость. Она стала использовать тот же язык, что и он. Разница состояла в том, что для него это было естественным, а для нее – нет.

Он имел дело с хамелеоном. Она приспосабливалась к ситуациям и людям.

Полезное умение. Одновременно защита и нападение. Чтобы понизить настороженность собеседника. «Я такая же, как ты, – словно говорила она. – А ты – один из нас».

Ее послание было тонким и мощным. Оно помогало людям расслабиться и проникнуться к ней доверием.

Когда нужно, элегантная и изящная. Когда нужно – сквернословка.

Скромная. Раздражительная. Бестактная. Стильная.

Всё. И ничего. Если не считать расчетливости.

В Анни он любил ее умение приспосабливаться к обстановке, но при этом всегда оставаться собой. Настоящей.

Про эту женщину он не мог бы сказать такое.

И все же, если он проявит ум, его время будет хорошо инвестировано.

– У вас есть что-нибудь Клары Морроу? – спросил он, когда они завернули за угол.

– Нет. Я пыталась купить одну из ее «Трех граций». Ту, на которой старуха. Я со страху при виде ее чуть не обделалась.

– Вам бы хорошо увидеть оригинал, – сказал Бовуар. – Получше

клистира будет.

Она рассмеялась и пригласила его в кабинет.

Он словно шагнул из прошлого в будущее или по меньшей мере в очень глянцевое сегодня. Кабинет находился в угловой части здания; стены от пола до потолка были стеклянными. Здесь он видел перед собой Монреаль. Великолепный. В одном направлении просматривался мост Жака Картье через реку Святого Лаврентия. В другом – гора Мон-Руаяль с массивным крестом наверху. А между ними – офисные башни. Самоуверенные, сверкающие, отважные. Монреаль. Устремленный в будущее с корнями, уходящими глубоко в историю. Он всегда чувствовал восторг, видя город. А ледяной туман только придавал ему более нездешний вид.

Стол у нее был деревянный. Но модный и простой. Материал из прошлого века, но современного дизайна. Тут стояли еще диван, несколько стульев, висели картины.

– Никого вам известного, – сказала она, видя, что он оглядывает стены. – В основном ученические. Мы даем гранты молодым художникам, чтобы они учились в Музее современного искусства. В обмен я прошу у них только одну их работу.

– В надежде, что когда-нибудь она будет стоить немалых денег? – спросил он.

– Это всегда присутствует, старший инспектор. Но в основном, я надеюсь, они делают то, что им нравится.

– А вы? – спросил он, садясь.

– Откровенно говоря, и я делаю то, что мне нравится. Думаю, для этого я и родилась. Инвестирование, финансы, рынок. Оба моих родителя работают в инвестициях.

– Ваш отец – президент, а мать – в совете директоров.

– Вы проделали вашу домашнюю работу.

Он почувствовал, что щетинится. Этакое снисходительное выражение.

– Это нетрудно. Простой поиск «Гуглом». Разве не так и вы делаете свою работу?

Разговор может быть оскорбительным.

– Моя фамилия Огилви не по совпадению. Но этот кабинет я заслужила. Поверьте мне. Инвестирование – это не только естественно для меня, оно меня очаровывает.

– Каким образом?

– Возможность кардинально изменить жизнь людей. Обеспечить им достойную старость. Образование их детям. Покупку их первого дома. Что

может быть лучше?

«Истина», – подумал Бовуар. Вот что может быть лучше. Это напоминало болтовню в коридоре – заученная речь. Еще дубовые панели. И фальшивые оригиналы.

– А вы? – спросила она.

– Я?

– Вам нравится то, чем вы занимаетесь?

– Конечно.

Но вопрос его удивил. По большому счету он никогда об этом не думал.

Нравилась ли ему его работа? Он определенно стоял над трупами, преследовал убийц все эти годы не ради денег или славы. Тогда ради чего? Неужели его работа нравилась ему?

Бовуар достал из сумки ордер и положил на стол.

Мадам Огилви не дала себе труда посмотреть на бумагу.

– Я тоже провела кое-какие разыскания. В ответ на ваш вчерашний вопрос: у нас клиентов по фамилии Киндерот теперь нет. Но они были. Теперь оба умерли. Пять лет назад и в прошлом году. Они были стариками и с подорванным здоровьем.

– Их финансами занимался Энтони Баумгартнер?

– Нет, с ними работал другой советник, и, откровенно говоря, денег у них было кот наплакал; когда разделили между наследниками, почти ничего не осталось. Хотя, насколько я понимаю, завещание выглядело довольно странно.

Бовуар почувствовал какую-то дрожь, возникшую с этой неожиданной находкой.

– В чем? – Его голос ничуть не выдал волнения.

– Точно подробности я не помню, но, кажется, они оставили гораздо больше, чем имели. Мы, конечно, поговорили с советником: почему они считали, что их собственность – целое состояние, но он и сам пребывал в недоумении. Мы провели собственное расследование, и с нашими счетами никаких ошибок не обнаружилось.

– Вы не знаете, не упоминался ли каким-то образом в связи с ними аристократический титул?

Он спросил так, словно его вопрос был совершенно естественным. И приготовился услышать в ответ насмешку.

Но она не смеялась. Она посмотрела на него с искренним удивлением:

– Откуда вы об этом знаете? Титул и в самом деле упоминался. Мы думали, они страдают старческой деменцией или каким-то коллективным

заблуждением. Месье Киндерот работал водителем такси, а мадам Киндерот воспитывала детей. Они владели очень скромным домом в Ист-Энде и получали небольшие пенсии. И тем не менее в завещании они оставляли миллионы и титул.

– Барон?

– Да, барон и баронесса. Они именно так себя и называли.

Бовуар почувствовал, что сердце у него забилось чаще; его чувства обострились, как и всегда, когда он брал след. Или даже упирался носом в то, что искал.

Но его голос ничуть не изменился. Его собственная дубовая облицовка, его маска, остававшаяся на месте.

– У вас есть адрес их детей?

– Я так и думала, что вы спросите. У них две дочери, обе живут в Торонто. Обе замужем. Но какое это может иметь отношение к смерти Тони Баумгартнера? Я уже говорила – они не были его клиентами.

Она положила руку на тоненькую папочку.

– К сожалению, не могу вам сказать.

Он увидел вспышку раздражения, мгновенно подавленного. Перед ним сидел человек, не привыкший слышать «нет». И к тому же явно делавший хорошие деньги на информации. Ничего удивительного. Невежда не имел шансов оказаться в таком кабинете.

А ты не был бы действующим главой отдела по расследованию убийств Квебекской полиции, если бы раздавал информацию направо и налево.

Он протянул руку, и она дала ему папку.

– Merci. Родственников в Квебеке у них нет?

– Мне это неизвестно.

Он кивнул. Они по правительственным базам данных искали Баумгартнеров и Киндеротов. К счастью, обе фамилии были редкими.

Хотя нескольких Баумгартнеров им удалось найти, возможно дальних родственников или просто однофамильцев (сейчас велась проверка), других Киндеротов в Квебеке не обнаружилось.

Голова Жана Ги работала быстро, усваивала новость о еще одном странном завещании, оставлявшем наследникам, как он подозревал, все то же, что и завещание баронессы Баумгартнер. Нужно будет провести проверку. Сведения о Киндеротах, вероятно, теперь есть в открытом доступе.

– Спасибо. – Он подержал папку в руке, прежде чем сунуть ее в сумку. – Но главная причина, почему я здесь, – это те несколько вопросов о

Тони Баумгартнере, которые я хочу вам задать.

– Я так и думала, – сказала она и подалась вперед. – Чем я могу вам помочь?

– Что он собой представлял?

– Блестящий аналитик. Он понимал…

– Мы к этому вернемся через минуту. Сначала я бы хотел узнать, что он представлял собой как личность.

Методика Бовуара ничуть не была похожа на то, как работал Гамаш. Шеф хотел помалкивать. Слушать. Ему было нужно, чтобы люди в его присутствии расслаблялись. Чтобы они раскрывались, забыв о том, что их допрашивают. Гамаш использовал молчание. И спокойствие. И одобрительные улыбки.

И хотя Бовуар видел все выгоды и результаты такого метода, сам он предпочитал раздражать собеседника. Выбивать его из равновесия, чтобы он взорвался.

Он задавал кучу вопросов. Прерывал ответы. Давал допрашиваемому понять, кто здесь первая скрипка. И все время усиливал давление.

– Как личность? – переспросила Бернис Огилви.

– Ну, вы понимаете… Человеческое существо. Не инвестиция.

Жан Ги увидел, как она зарделась.

– Понимаю. Он был мил…

– Ну, вы могли бы сказать точнее. Он вам нравился?

– Нравился ли он мне?

– Я говорю о чувстве, – сказал он. – Что вы чувствовали по отношению к Энтони Баумгартнеру.

– Он был милый…

– Милыми бывают щенки. Каким он был? Что вы чувствовали по отношению к нему?

– Он мне нравился! – рявкнула она. – Очень.

– Очень?

– Но не так.

– Тогда как?

– Он был милый…

– Да бросьте вы. Что он был для вас?

– Служащий.

– Не больше?

– Конечно не больше.

– Вы знали, что он гей?

– Узнала, только когда он сам мне сказал.

– Это правда?
– Да. Это не имело значения. Он был…
– Милый?
– Больше. Он был как отец.
Это вырвалось у нее чуть не криком. Дерзко. Она бросала вызов Бовуару: попробуй-ка бросить вызов мне.
Жан Ги не стал. Он уже получил то, чего хотел.
– Для вас?
– Для всех. Всех нас. Даже для более старых – они его уважали.
Она посмотрела на него, предполагая, что он прервет ее в очередной раз. Но Бовуар научился от Гамаша молчать, когда нужно. И слушать.
– Он никогда не забывал ни день рождения, ни какой-нибудь юбилей, – сказала она. – И не только у партнеров. У всех. Секретарей, уборщиц. Вот каким он был.
«Хороший человек», – подумал Бовуар. Или только внешне хороший.
– Я пришла в фирму под девичьей фамилией матери. Не хотела, чтобы все знали, кто я. Начинала секретарем у Тони. Доброта и терпение – вот что он такое. Я от него за шесть месяцев узнала о рынке больше, чем за четыре года в университете. Как распознавать тенденции. На что обращать внимание. Не просто изучать ежегодные отчеты, но лично знать руководство компаний. Он блестяще все знал.
– А что случилось, когда он узнал, кто вы?
Она вскинула брови и сжала губы.
– Ему это не доставило радости. Он пригласил меня в ресторан выпить, и я решила, он будет рад. Когда узнает, что обучал того, кто в один прекрасный день сядет… – Она подняла руки, обозначая свой кабинет в углу здания. – Но он не обрадовался, – сказала она. – Он сказал, что наш бизнес строится на отношениях и доверии. Не на уловках. Не на играх. Он пожалел, что я его обманывала. И тот факт, что я решила прибегнуть к обману, не делает чести ни мне, ни ему. Значит, я ему не доверяла. Он мне этого не сказал, но я видела: он разочарован. Я чувствовала себя ужасно.
«И я не сомневаюсь, последние несколько лет ты пыталась загладить свою вину перед ним», – подумал Бовуар. Неужели Баумгартнер был настолько умен? Обыграл ее таким вот образом. Говорил с ней о честности, а сам прибегал к обману.
Жан Ги вытащил из сумки отчеты и положил перед ней на стол:
– Мой агент разбирался с этими бумагами. Думаю, вы придете к тем же выводам.
Мадам Огилви надела очки, без комментариев взяла отчеты. Минута.

Другая. Пять минут прошли. Бовуар поднялся, прошел по кабинету, разглядывая стены, картины. Время от времени бросая взгляд в ее сторону.

Завибрировал его телефон – пришла эсэмэска. От Гамаша – шеф спрашивал, не может ли он через час встретить его у Изабель Лакост.

Он быстро набрал ответ: «Безусловно».

Наконец мадам Огилви отложила отчеты. Она смотрела перед собой непроницаемым взглядом, почти пустым. Впрочем, он обратил внимание: пальцы у нее дрожат. Она быстро сжала их в кулаки.

– Для вашей озабоченности имелись все основания, старший инспектор. – В ее голосе теперь не слышались прежние эмоции. Он звучал резко. Уверенно. – Я рада, что вы принесли это мне.

– Ой ли? – сказал Бовуар, сев на прежнее место.

Она натянуто улыбнулась, глядя на него холодным взглядом. Перед ним сидела теперь не молодая женщина. Старший партнер инвестиционной фирмы с многомиллиардным оборотом. И место свое она занимала не потому, что родилась дочерью президента компании, а потому, что эта работа была ей по плечу.

Быстро воспринимать информацию. Раскладывать ее на составляющие. Видеть последствия и варианты. Не прятаться от реальности, какой бы неприятной та ни была. Эти навыки хорошо бы служили ей в любом деле. Включая и то дело, которым занимался он.

– Правда рада, – сказала она. – Так или иначе это всплыло бы. А так хоть у нас есть возможность выправить ситуацию.

«Что ж, по крайней мере в этом она честна», – подумал Бовуар. Но ее невозмутимость не обманула его. Агент Клутье ясно сказала: воровство такого масштаба и продолжавшееся длительное время, вероятно, требовало пособничества кого-то из высшего эшелона управленцев.

Они практически не сомневались: Энтони Баумгартнер действовал не в одиночку.

Бовуар даже начал уже составлять теорию.

То, что Баумгартнер воровал, казалось, уже не вызывало сомнений. Но еще он являлся и инструментом. Он создавал декорации, режиссировал пьесу, говоря словами Клутье. Но сценарий писал кто-то другой.

А кто мог сделать это лучше дочери президента? Бывшей ученицы Баумгартнера.

Неужели история, которую она сейчас рассказала ему, была враньем? – спрашивал себя Бовуар. История о том, как она разочаровала Баумгартнера? О том, что он не знал, кто она такая? О его порядочности?

Не научил ли он ее и в самом деле чему-то такому, что не преподается

в бизнес-школах? Например, как воровать деньги клиентов?

И кто в конечном счете имел наилучшие возможности скрывать воровство? И защищать его в случае, если воровство будет раскрыто? Как оно и было раскрыто.

Они уволили не его, а секретаря.

И вопрос, куда делись деньги, оставался открытым.

Образ жизни Энтони Баумгартнера не свидетельствовал о том, что он пожинал плоды своих трудов. Он жил все в том же доме. Ездил в хорошем, хотя и среднего класса автомобиле. Не отдыхал на роскошных курортах.

Редко кто имел алчности достаточно, чтобы воровать деньги клиентов, и в то же время умел обуздывать свои желания настолько, чтобы не тратить украденное.

Если только львиная доля не уходила кому-то другому. Куда-то в другое место.

– И как вы собираетесь выправлять ситуацию? – спросил он.

– Прежде всего я позвоню в комиссию по регламенту и сообщу о случившемся, – сказала она, протягивая руку к телефону.

– Мы уже это сделали.

– Понятно. Но я все равно позвоню. Позднее. – Она положила телефон, несколько уязвленная. – Мы, конечно, возместим все деньги, изъятые у наших клиентов.

– Похищенные.

– Да.

– Неприятная ситуация? – сказал он. – Энтони Баумгартнер не в первый раз воровал у клиентов.

– Вы имеете в виду то, что случилось несколько лет назад, – проговорила она. – Это не он. Не напрямую он. Это сделал секретарь одного из старших партнеров.

– Ваш?

– Нет.

– У них был роман, кажется? – спросил Бовуар.

– Верно. Секретарь явно использовал Тони, чтобы получить его пароли, и потихоньку снимал деньги. Его бы так или иначе поймали. Но денег он поднатаскал, пока его не разоблачили.

– И кто его разоблачил?

– Тони. Он тут же сообщил нам, и мы стали действовать.

– Уволили секретаря.

– Да.

– Но не месье Баумгартнера.

– Он повел себя глупо, поверил тому, кому нельзя было верить. Однако криминала в его действиях мы не нашли.

– Но лицензию его вы приостановили.

– Без последствий мы не могли это оставить. Другие брокеры должны знать: если ты запятнал себя каким-то образом, то наказание неизбежно.

– А его клиенты?

– Что – его клиенты?

– Им сообщили?

– Нет. Решили, не следует им сообщать. Деньги возместили, а Тони прикрепили к другому брокеру, который подавал заявки и совершал транзакции. Но управлять портфелями продолжал Тони. Он принимал решения. Выносить грязь на улицу – не было в этом нужды.

– На улицу?

– Это наш жаргон. Означает финансовое сообщество.

Улица.

Бовуар начинал понимать, что единственное отличие финансовой улицы от рю Сент-Катрин – это тонкий слой лоска. А если его содрать, то обнаружится такая же жестокая, грязная и опасная правда жизни.

– Баумгартнера устраивала такая схема?

– Он принял ее. Послушайте, он ведь мог и не сообщать нам. Он вполне мог бы придумать что-нибудь, чтобы прикрыть воровство. Но он пришел, сел на тот стул, на котором сидите вы, и все мне выложил. О своем романе. О том, как он обнаружил, что Бернар похитил у него пароли к ключам. Он сказал, что готов уволиться.

– Но вы не стали ловить его на слове.

– Не стали.

– Почему?

– Я вам уже сказала.

– Вы не хуже меня знаете, что могли его уволить. А с учетом того, что случилось потом, именно так вам и следовало поступить. – Он посмотрел на отчеты. – Мне нужна правда.

Она глубоко вздохнула, глядя ему в глаза:

– Он был нашим лучшим финансовым советником. Блестящим советником. А я в конечном счете дочь своего отца, старший инспектор. Я знаю, что такое талант, и хочу его сохранить. Тони Баумгартнер был талантлив. Поэтому мы остановились на чем-то среднем. Приостановили его лицензию на торговлю, но позволили продолжать управлять портфелями.

– Но если он больше не мог торговать, то как ему удалось похитить

столько денег? – спросил Бовуар, показывая на бумаги на столе.

– Нет-нет, это все фальшак. Никаких торгов никогда и не было. В этом-то все и дело. Он только придавал им видимость реальности, а на самом деле тут один пшик. Если бы клиент и в самом деле озаботился прочесть это, – она положила ладонь с растопыренными пальцами на бумаги, – то увидел бы цифры, а цифры впечатляющие и одновременно умопомрачительно скучные. Никто, исключая других финансистов, не стал бы вдумываться в это.

– Так куда же уходили деньги?

Она покачала головой и глубоко вздохнула:

– Не знаю. Но похоже, речь идет о миллионах. Десятках миллионов.

– Больше, – сказал Бовуар, и она после некоторого колебания кивнула.

– В зависимости от того, как долго это продолжалось, – да. Нам понадобится какое-то время, чтобы разобраться.

– Но неужели люди, его клиенты, не поймут? Если на их счете на самом деле ничего нет?

– Как они могут понять?

– Когда захотят получить свои деньги.

– Но люди не хотят получать деньги, – сказала она. – Они поручают их инвестиционному дилеру и в лучшем случае забирают дивиденды или прибыль. А капитал остается на счете. Разве вам родители никогда не говорили: не трогай капитал?

– Нет, мне говорили, чтобы я не трогал велосипед брата.

Она улыбнулась:

– С вами ясно. Но в инвестировании дела обстоят именно так: люди забирают прибыль, дивиденды, а капитал оставляют.

– Финансовая пирамида? – спросил он.

– Не совсем, но похоже. Эту пирамиду еще труднее обнаружить, поскольку он сделал так, словно эти клиенты инвестировали через «Тейлор энд Огилви», тогда как они ничего не инвестировали. Он использовал наш бланк, наш формат отчета. Наш адрес. Всё. Кроме наших счетов. Деньги уходили на личный счет Тони.

– Где этот счет?

– Понятия не имею.

– Значит, вы не знали, что у вас происходит?

– Ничуть. Наши аудиторы так бы никогда ничего и не выявили, потому что ничего и не было.

Бовуар начал понимать гениальность замысла. Простоту.

– Значит, у него было два комплекта клиентов. Были клиенты, со

счетами которых он работал вполне законным образом, и клиенты, по которым он работал дома. Те, у которых он крал.

– Похоже, что так.

– Нам нужно узнать, нет ли у этих клиентов и чистых счетов в «Тейлор энд Огилви».

– Конечно. Могу я оставить это у себя? – Она посмотрела на липовые отчеты.

– Да.

– Вы будете их расследовать?

– Да, – повторил он.

Она кивнула. Как сумасшедшая Рут с портрета Клары, Бернис Огилви видела что-то на горизонте. Вдали, но приближающееся. И набирающее скорость. Что-то находившееся там очень давно. В ожидании неизбежности.

Но если Рут видела конец отчаяния, то мадам Огилви видела его начало.

Когда история всплывет, а это случится непременно, все снова перестанут доверять «Тейлор энд Огилви». Может, оно и несправедливо, но такова жизнь, когда все зависит от такой хрупкой вещи, как доверие. И человеческая природа.

– Поэтому Тони и убили?

– Не исключено. Мы должны допросить всех. Вы и в самом деле удивлены тем, что месье Баумгартнер воровал?

– Я больше не знаю.

Она была так уверена в себе, так умела контролировать присутствующих в комнате и свои эмоции. Но сейчас появилась трещина.

– А не мог он, а не секретарь стоять и за первым хищением?

Мадам Огилви неторопливо кивнула. Задумалась.

– Возможно, – сказал Бовуар. – Получил урок.

Теперь она отрицательно качала головой:

– Не могу в это поверить.

– В то, что он мог такое сделать?

– Да. Но и в то, что я ничего не увидела. Я смотрела на Тони и видела только хорошего, порядочного человека.

– Поэтому и говорится «злоупотребление доверием», – сказал Бовуар. – Все зависит от веры.

– А что, если это неправда? – спросила она.

– Это правда.

– Но допустите на минуту, что нет. Что Тони говорил правду про

секретаря, а он ни при чем. – Она положила руку на документы.

Бовуар молчал. Не хотел подкармливать это заблуждение.

Такова одна из многих трагедий убийства. Следствие выволакивает на свет божий грязное белье покойника. Часто при этом известными становятся такие вещи, которые ушедший в мир иной ни за что бы не хотел придать огласке. Часто это вещи, никак не связанные с убийством. Тем не менее они тоже становились достоянием общественности.

И когда такое случалось, друзья и семья отказывались верить этому. Любовная интрижка. Хищение. Неприглядные знакомства. Порнография в компьютере. Сомнительная переписка в Сети.

Грязь всплывала на поверхность. Ситуация становилась эмоциональной. Иногда даже приобретала буйный характер, когда близкие пытались защитить честь мертвеца. И свои собственные заблуждения.

– Спасибо, что уделили мне время, – сказал он, встал и направился к двери. – Мой агент – ее фамилия Клутье – свяжется с вами, вероятно попозже сегодня.

Она покраснела. Не привыкла к тому, что ее слова игнорируют.

– Вы спрашивали фамилию и адрес Бернара. Мой секретарь даст их вам на выходе.

– Merci. Вы будете сотрудничать?

– Конечно, старший инспектор.

«Что ж, может, она и будет сотрудничать», – подумал он. Ущерб уже нанесен. Дело сделано. Никакие попытки скрыть, выдать желаемое за действительное, никакая ложь не остановят (даже не замедлят) то, что летит с горизонта.

Он ехал по Монреалю к дому Лакост и думал о последнем вопросе.

Что, если Энтони Баумгартнер не похищал деньги клиентов?

Тогда это делал кто-то другой.

Имя Энтони Баумгартнера было на отчетах. В сопроводительных письмах.

Бовуар пробирался по заснеженным, забитым машинами улицам.

Это мог делать кто-то близкий Баумгартнеру. Тот, кто знал, как работает система. Знал его клиентов. Имел доступ к его файлам и бланкам. Хорошо знал Энтони.

Кто-то из «Тейлор энд Огилви».

Теперь Бовуар серьезно рассматривал такую версию.

Что, если Энтони Баумгартнер не делал ничего противозаконного? Что, если эти отчеты оказались в его кабинете, опекаемом Рут, так как он обнаружил, что противозаконные вещи совершает кто-то другой. И он

сидел у себя, размышлял над ними, пытался сообразить, кто в компании похищает у клиентов миллионы долларов.

«Предположим, – думал Бовуар (он свернул на узкую улицу Лакост и теперь искал место для парковки среди еще не расчищенных сугробов), – предположим, Энтони Баумгартнер точно такой, каким его описала мадам Огилви».

Хороший, порядочный человек. Почтенный человек. Он хотел добровольно уволиться, тогда как преступление совершал кто-то другой. Человек, который понимал цену и хрупкость доверия.

Что стал бы делать этот человек, обнаружив коррупцию такого масштаба? Или вообще коррупцию?

Он бы открыто поговорил с таким человеком. Потребовал объяснений. Стал бы грозить вывести преступника на чистую воду.

А чем бы ответил этот человек?

«Он бы убил Энтони Баумгартнера», – пробормотал Бовуар, сдавая задним ходом на отысканное место для парковки.

Глава двадцать девятая

– И чего вы хотите от меня? – спросил Люсьен, глядя на двух женщин в его кабинете.

– Я бы хотела знать, почему вы сказали, что не были знакомы с баронессой, – сказала Мирна. – Тогда как вы встречались с ней.

Она положила ему на стол распечатку списка мероприятий его отца.

Клара рядом с ней старалась не нервничать. Повсюду вокруг них стояли стопки коробок. Все одной высоты. По шесть футов. Расставлены они были по кабинету согласно какому-то стратегическому принципу. «Словно надолбы», – подумала она.

Хотя в них чувствовалось еще что-то смутно знакомое. Не состояло ли их назначение в том, чтобы напоминать древние скальные образования? Наподобие Стоунхенджа. Или таинственные фигуры с острова Пасхи.

Коробки – она видела, что в них папки, – стояли одна на другой и, казалось, готовы были вот-вот рухнуть. Почему их нельзя было расставить вдоль стен, как это сделал бы любой разумный человек?

Но она видела, что Люсьен Мерсье был далеко не таким. Рациональным – да. До крайности. Но определение «разумный» требовало, чтобы человек был к тому же еще и чувствительным. Чтобы принимать хорошие, подходящие ситуации решения.

Клара руками и ногами стояла за креативность. Вот только неустойчивые папки не принадлежали искусству. Она чувствовала: они являются проекцией чего-то глубоко свойственного Люсьену. Чего-то личного, приватного. Несчастливого.

Это казалось чуть ли не глупым – поставить их таким образом. Слишком упрощенным. Но с какой стати слово «неуживчивость» стало упрощенческим? Несчастливый.

– Фактически, – продолжала Мирна, – вы приезжали к ней в дом с вашим отцом. Вы присутствовали при обсуждении завещания. Это обнаружилось в его записках.

Люсьен оставался неподвижным, если не говорить о глазах. Они свободно перемещались с женщины на женщину. Потом метнулись на кипу коробок за ними. Потом назад.

Он напоминал, подумала Клара, ребенка, который думает, что если его тело неподвижно, то никто не заметит движения глаз. Или если он закроет глаза и не будет никого видеть, то сам станет невидимым.

Она знала: он в высшей степени эгоцентричен. Большинство детей с годами перерастают эту проблему.

Клара внимательно за ним наблюдала. Не скрывая этого.

Мирна попросила ее пойти с ней. Подруге требовался свидетель. Не потому, что она боялась этого худого невзрачного человечка, нет: после чтения бумаг, принадлежавших отцу Люсьена, Мирна поняла: доверять сыну нельзя. Он мог сегодня сказать что-то, а завтра изменить всю историю.

– Но ты должна быть внимательной, – предупредила Клару Мирна, когда они ехали в машине. – Обещай.

– Что ты сказала?

– Брось. Я серьезно. Ты же знаешь. По виду ты вроде следишь за разговором, киваешь и улыбаешься, а на самом деле ты пытаешься решить какую-то проблему с твоей новой картиной.

Мирна, конечно, была права. По дороге в офис нотариуса Клара отпустила свои мысли на свободу. Раскрепостила их. Хотела посмотреть, что́ ее подсознание сделает из Бенедикта. С его дурацкой прической и идиотской ухмылкой. И счастливыми глазами.

Она размышляла: не нарисовать ли его в виде мультяшного персонажа. В ярких красках и с пастельным фоном, выполненным смелыми мазками.

Но теперь, когда она оказалась в офисе, расположилась в тени коробок и принялась разглядывать Люсьена, все мысли о колоритном молодом человеке и о том, как бы она написала его, исчезли.

– Я не лгал, – сказал Люсьен. – Я просто забыл. Я встречаюсь со многими людьми.

– Почему вы ездили к ней с отцом? Почему он вас взял туда?

– Он был человеком осторожным. Он всегда хотел иметь свидетеля, когда встречался с пожилым клиентом. Чтобы иметь второе мнение.

– О чем?

– О человеке, в здравом ли он уме.

– И какой вывод вы сделали про баронессу?

– О, она, конечно, была в здравом уме. Иначе он бы не стал писать для нее завещание.

«Углем, – подумала Клара. – Я бы написала его углем».

Яркие мелки для Бенедикта и обугленные останки того, что когда-то было человеком.

– Почему я не могу найти Дэвида? – спросила Амелия.

Марк пожал плечами.

Он и на минуту об этом не задумывался. То, что осталось от его разума, сосредоточивалось теперь на одной мысли: где достать следующую порцию? Он напоминал неандертальца, озабоченного одной проблемой – выживания.

Хотя Марк понимал, что если все его мысли сосредоточены на очередной дозе, на следующей, то Амелия смотрит в корень. Она хочет заполучить столько наркоты, что они не будут знать, куда ее девать, разве что пустить на продажу да самим пользоваться. Накайфоваться и разбогатеть одновременно.

Но все же волнение его не отпускало. Он волновался о следующей дозе.

Амелия стояла в кухоньке, делала сэндвичи с арахисовым маслом из хлеба, который они украли в магазине. Хлеб зачерствел и покрылся плесенью. Свежий сперли другие, успевшие раньше их.

Она должна это запомнить.

– На.

Амелия протянула один сэндвич Марку, который посмотрел на еду с отвращением. Он несколько месяцев ничего другого не ел. Только долбаное арахисовое масло. От одного запаха его чуть наизнанку не выворачивало.

Марк откусил немного, поморщился. У сэндвича был вкус отчаяния.

– Он где-то там, – сказала она, подойдя к окну. – Но если он получил новую наркоту, то почему ее не продает? Чего ждет?

Напарник присоединился к ней у окна. Сэндвич чуть не выпадал из его тощей руки.

Он на мгновение позволил себе представить аромат блинчиков и бекона в субботнее утро.

Потом снова запер его. В той своей комнате, которая еще у него оставалась. Он заполз туда, свернулся калачиком и закрыл глаза. Сел за материнский стол. Чтобы есть блинчики с беконом и кленовым сиропом. Всегда.

Она смотрела на наркоманов, и транссексуалов, и шлюх, которые собрались там. Они ждали Амелию. Для чего?

Они хотели только одного. Он хотел только одного. Чтобы боль ушла.

– Этот Дэвид не хочет, чтобы его нашли, – сказала Амелия.

И она знала: у Дэвида имелись для этого все основания. Если они искали карфентанил, то и другие станут его искать. И он не будет носить его в кармане. Ему придется развернуть сеть.

– Типа фабрики, – сказала она вслух, хотя и знала, что все еще говорит сама с собой. – Верно я говорю? Ему ведь нужно раздозировать, упаковать,

приготовить для улицы. Тысячи и тысячи. Для этого требуется место. И время. Он знает, когда чума попадет на улицы, тут настоящий ад начнется. Война между копами, толпой, байкерами. Каждое говно в радиусе тысячи миль поплетется в Монреаль в поисках дозы. В поисках Дэвида. Верно?

Сэндвич Марка мягко шлепнулся на пол. Но он остался стоять. Как спящая стоя корова. Не понимающая, что ее привели на скотобойню.

– Значит, ему придется продавать столько, сколько сможет, и как можно скорее, а потом исчезнуть, – сказала Амелия. – Вот почему он еще не дал знать о себе. Дэвид не хочет продавать, пока не будет готов продать все. Он затаился где-то в подвале. На какой-то наркофабрике.

Этот Дэвид пометил ее. Чтобы предупредить. Решил, что она новенькая, наркоманка, наводящая справки.

Может быть, Амелия и не знала, кто такой Дэвид, но уж он-то явно понятия не имел, кто такая она. И на что способна.

Глава тридцатая

Когда Жан Ги приехал к Изабель Лакост, старший суперинтендант Гамаш уже находился там.

Бовуар присоединился к ним в кухне.

Они посмотрели друг на друга, а потом одновременно произнесли:

– Расскажи мне, что тебе известно.

– Давай, Жан Ги, ты первый, – сказал Гамаш, улыбаясь зятю и естественным образом принимая бразды правления в свои руки.

Тот вкратце рассказал им о своей встрече с Бернис Огилви. И мыслях, которые посетили его, пока он ехал к Изабель.

– Так ты думаешь… Баумгартнер, возможно, и не знал ничего? – спросила Лакост. – Кто-то мог красть деньги клиентов… прикрываясь его именем?

– И Баумгартнера убили, потому что он обнаружил эту схему, – сказал Бовуар. – Ищи, где деньги. Одно из первых правил сыщика.

Он посмотрел на старшего суперинтенданта. Они провели бо́льшую часть стажировки в качестве агентов, наблюдая, как Гамаш нарушает не закон, а так называемые правила расследования убийств. И Бовуар с Лакост знали: именно поэтому их отдел имел почти стопроцентную раскрываемость.

«Убийцы не читают учебников по криминалистике, – говорил он им. – И хотя деньги играют важную роль, существуют и другие виды ценностей. И бедность. Нравственное и эмоциональное банкротство. Так же как изнасилование имеет не только сексуальные мотивы, так и убийство – оно редко мотивируется деньгами, даже когда деньги играют роль в этом преступлении. Убийство – власть. И страх. И месть. И ярость. Это чувство, а не банковский счет. Да, конечно, ищите деньги. Но я могу вам гарантировать: когда вы их найдете, они будут пахнуть какими-нибудь разложившимися эмоциями».

– Продолжай, – велел Гамаш Бовуару.

– Убийство Баумгартнера в таком случае получает мотивацию, – сказал Бовуар. – Тот, кто воровал у клиентов, рисковал не только своей репутацией, он мог получить реальный тюремный срок, если бы Баумгартнер сообщил о его проделках.

– Убивая Баумгартнера, он сохранял и деньги, и свободу, – добавила Лакост. – Вполне обоснованный мотив, согласна.

– А теперь, – сказал Гамаш, – разложи эту логику на части. Что в ней есть порочного?

Бовуара ничуть не задел этот вызов; напротив, подобные упражнения были одним из его любимых занятий. Он очень умело находил порочность в логических построениях даже собственных теорий. К тому же вовсе не претендовал на авторство этой теории, в которую, как сказала бы мадам Огилви, ничего не инвестировал. Просто эта гипотеза его заинтересовала.

– Допустим, – кивнул Бовуар. – Если он не крал у своих клиентов, то что отчеты делали в кабинете Баумгартнера?

– Он только-только обнаружил, что происходит, – сказала Лакост, беря на себя, к удовольствию Бовуара, роль адвоката дьявола. – Ему, потрясенному и рассерженному, требовалось какое-то время, чтобы изучить их и стопроцентно удостовериться в том, что они собой представляют, прежде чем обвинять кого-нибудь.

– Но как он из этих бумаг мог понять, кто этим занимается? На них одно только его имя.

– Он умный человек, – сказала Лакост. – Он знает «Тейлор энд Огилви» и вполне мог сообразить, чьих рук это дело.

Аргумент был слабый, они это признавали. Дело, которое дьявол в суде проиграл бы. Но аргумент вполне допустимый.

– И кто бы это мог быть? – спросил Гамаш.

Обычно он не вмешивался в эту часть процесса. Предпочитал слушать и впитывать.

По его мысли, такое поведение говорило о том, что они, возможно, нащупали что-то.

– Брокер, который делал для него транзакции, – предположил Бовуар. – Я его вызываю на допрос.

– И?..

– Очевидное, – сказал Жан Ги. – Бернис Огилви.

– И что ты о ней думаешь? – спросил Гамаш.

– Она молода, умна. Заняла это место, конечно, благодаря семье, но она владеет необходимыми навыками и темпераментом для такой работы. Амбициозна. Умеет приспосабливаться.

– Жадность? – предположил Гамаш.

Бовуар задумался.

– Корыстолюбие, может быть. Я думаю, она на все готова, чтобы защитить свое.

– Стала бы она красть у клиентов и ставить под удар своего наставника? – спросил Гамаш.

Жан Ги обнаружил, что слегка покраснел, когда шеф сказал о предательстве ученика по отношению к наставнику. И в его голове мелькнула мысль: а не мог ли Гамаш узнать об утреннем собрании? И о бумаге, которую он подписал?

– Она очень быстро поняла, как могли совершаться кражи, – сказал Бовуар. – Может быть, слишком быстро. И мне показалось, она из тех людей, которые считают себя умнее других.

– Возможно… потому, что она и есть умнее? – спросила Лакост. – К тому же кто из преступников допускает мысль, что его поймают? Мадам Огилви знает… бизнес и знает, как обмануть любые проверки.

– Всего лишь создать липовые отчеты, – сказал Гамаш. – Это же так просто. Никто в «Тейлор энд Огилви» их не увидит. А клиенты ни в чем не разберутся. Они будут получать то, что похоже на реальные отчеты с реальными транзакциями. У них остаются дивиденды и прибыли на их счетах. Все выглядит абсолютно нормальным.

– Вот только их капитал, их начальную инвестицию, она будет переводить на собственный счет, – произнес Бовуар. – И будет выплачивать щедрые так называемые дивиденды, чтобы у клиентов не возникало никаких вопросов.

– А они не могли участвовать в этом вместе? – спросила Лакост. – Огилви и Баумгартнер.

– Агент Клутье подозревает, что в схеме участвовали оба, – сказал Бовуар. – И не забудьте, нельзя сказать, что сам Баумгартнер разбрасывался деньгами. Жил в том же доме. Ездил на хорошей, но отнюдь не роскошной машине. Зачем красть, если не тратишь деньги?

– На хорошую жизнь в отставке, – предположила Лакост. – Спрятать их в каком-нибудь офшорном банке. А потом в один прекрасный день исчезнуть.

Гамаш слушал, и ему на ум пришли фотографии из дома Баумгартнера. Самого хозяина и его детей. Счастливого. Даже светящегося. Какое лицо он видел на этих снимках – человека, готового повернуться к ним спиной, чтобы больше никогда не увидеть? Способного укрыться где-нибудь на Карибах? Ради чего? Ради мощного катера и мраморной ванны?

– Désolé, – сказал Гамаш. – Моя, конечно, вина. Это я вынудил вас поспорить. Ты защищал гипотезу о том, что Энтони Баумгартнер узнал о схеме и предъявил обвинение тому, кто этим занимался.

– Верно, – согласился Бовуар, возвращаясь к действительности. – Значит, он узнаёт о том, что происходит. Может быть, кто-то из так называемых клиентов звонит ему, или он сталкивается с клиентом на

вечеринке, и клиент спрашивает о состоянии своего счета. Счета, о котором он ничего не знает. Баумгартнер начинает раскопки, находит липовые отчеты и приносит их домой. Размышляет над ними, потом договаривается о встрече с человеком, которого подозревает…

– Почему? – прервала его Лакост.

– Что – почему?

– Почему он не пошел к управляющему?

– Может, к управляющему у него как раз и были вопросы, – предположил Бовуар.

– Тогда почему не обратиться к регулятору? – спросила Лакост.

– Потому что он не уверен, – сказал Бовуар, нащупывая теперь аргументацию медленнее. – Или он не сомневается, но не хочет верить. Он хочет дать этому человеку шанс объясниться или оправдаться. А может быть, он не понимает, что разговаривает с виновной стороной.

Гамаш зашевелился на стуле и наклонил голову:

– Интересно.

– Может быть, он обратился к кому-то, кто, по его мнению, будет его союзником, – сказал Бовуар, чувствуя себя более уверенно в такой неожиданной теории. – Хотел показать улики и спросить, что тот думает.

– И этот человек убивает его? – спросила Лакост. – А не слишком ли сильная… реакция? Разве не может этот человек просто замутить воду или отправить Б… Баумгартнера не в том направлении? Он же должен был понимать, что после убийства копы наверняка начнут следствие, станут задавать вопросы.

– Зачем? – спросил Бовуар, меняясь с ней ролями.

– Зачем задавать вопросы? Мы вроде как… таким образом раскрываем преступления. Разве нет? – усмехнулась Лакост.

Арман наблюдал за ними. Два умных молодых следователя пытаются раскрыть самое страшное из преступлений. Его следователи. Его протеже. Теперь более чем способные сами возглавлять отдел.

Ему не хватало этого. Не просто сидеть за кухонным столом и пытаться вычислить убийцу. А делать это именно с этими двумя. С Жаном Ги и Изабель. Близкими, как брат и сестра.

– Я знаю, ты предпочитаешь арестовать первое лицо, попавшееся тебе в ходе расследования, – сказала Изабель. – Но остальные из нас и в самом деле занимаются расследованием.

– Merci, – произнес Бовуар, натянуто улыбаясь и принимая снисходительный тон за хитрость, попытку Изабель задеть его. Это действовало гораздо чаще, чем ему хотелось признать.

– Но я имел в виду, зачем бы он стал спрашивать о растрате?

– Затем, – теперь ее голос звучал терпеливо до умопомрачения, – что расследование выявило бы это.

– Ой ли? Я надеюсь, но это далеко не факт, в особенности если Баумгартнер не имеет к мошенничеству никакого отношения, – сказал Бовуар. – Послушай, вот, скажем, Баумгартнер по другим делам собирался встретиться с человеком, который проворачивал мошенническую схему, – он бы не взял с собой улики? Даже если бы он встречался с человеком, которого всего лишь подозревал, он бы их взял. Как доказательство.

– Верно, – сказала Лакост нейтральным тоном.

Она пыталась понять, к чему клонит Бовуар.

Но Гамаш все понимал и улыбался едва заметно.

– И потому этому человеку стали бы известны две вещи, – продолжил Жан Ги. – Что Баумгартнера с кражами ничто не связывает. Ни на его компьютере, ни в его бумагах, нигде. А потому любое расследование его смерти ничего не выявит. И убийца вполне резонно предполагал, что если какие бумаги и есть в наличии у Баумгартнера, – то только их копии. Он мог даже спросить, чтобы знать наверняка.

– И тогда он мог убить Баумгартнера и уничтожить улики, – подхватила Лакост, забывая, что должна возражать.

– Именно.

Гамаш ждал – заметит ли кто из них дефект в этой аргументации. Ждал.

И ждал.

– Если у него нет других доказательств, то почему отчеты обнаружились в его кабинете?

«Вот она, – подумал Гамаш. – Проблема».

Если Баумгартнер встречался с кем-то либо чтобы поделиться подозрениями, либо чтобы предъявить обвинение в краже, то он взял бы с собой доказательства. А человек этот, убив Баумгартнера, доказательства бы сжег.

Так почему же копии разоблачительных отчетов оказались рядом с его компьютером?

У этой теории был и еще один дефект.

– А почему фермерский дом?

«Да, – подумал Гамаш. – Зачем встречаться в фермерском доме?»

– Знакомое место, – предположил Бовуар. – Может быть, он так или иначе туда собирался – взглянуть в последний раз, прежде чем снесут. Может быть, чтение завещания вызвало воспоминания детства и он захотел

посетить родные места. Удобный шанс в сочетании с потребностью быть в том месте, которое он, пусть и подсознательно, считал безопасным.

– Вечером? Без электричества и обогрева? – удивилась Лакост.

Бовуар кивнул. Гуго сказал, они вместе обедали. Энтони ушел пораньше, но все же, когда он добрался до фермы, уже стемнело.

– А зачем он поднимался наверх? – спросила Лакост.

– Посмотреть, – ответил Бовуар. – Побывать в спальне своего детства.

Такое не исключалось, хотя и висела его гипотеза на тонкой ниточке правдоподобия.

– Не забывайте, – сказал Бовуар, – Баумгартнер не предполагал, что его убьют. Он либо полагал, что встречается с другом, человеком, который ему поможет, либо считал, что вызывает человека на разговор, который не доставит тому удовольствия. Но он явно не видел в этом человеке физической угрозы. Иначе ни за что не согласился бы на встречу с ним…

– Или с ней, – вставила Лакост.

– …там.

– Тут есть еще одна проблема, – сказала Лакост. – Преимущество разговора в доме, который может в любую минуту обрушиться.

– Какое ж тут преимущество? – спросил Бовуар. – Ведь из-за него тело Баумгартнера нашли, вероятно, скорее, чем предполагал убийца. Если бы дом не обрушился, его тело могло бог знает сколько времени там оставаться.

– Я думаю, не исключено, что Баумгартнер вовсе не договаривался о встрече с этим человеком в доме на ферме, – сказала Лакост. – Может быть, его выследили и убили там.

– Объясни, – попросил Бовуар.

– Предположим, Баумгартнер связался с человеком, которого подозревал, и договорился с ним о встрече… на следующий день в офисе. Человек этот, понимая, что попался, едет домой к Энтони Баумгартнеру… может, чтобы его убить. Но видит, как тот садится в машину и уезжает. Он едет за ним в брошенный дом и там убивает.

– Не слишком ли везучий убийца? – спросил Бовуар.

– Но тут все логично получается: и завещание, и время объяснено, – сказала Лакост, все больше проникаясь уверенностью в своей только что возникшей теории. Она обратилась к Гамашу: – Вы, Мирна и Бенедикт только что прочли им завещание их матери. При всей его нелепости, оно вполне отвечало характеру баронессы. Это пробуждает сентиментальные детские воспоминания, и Энтони решает съездить посмотреть старое… место, прежде чем дом снесут или продадут.

Бовуар фыркнул, но Гамаш наклонил голову. Он сам время от времени проезжал мимо дома, в котором вырос. И Рейн-Мари после смерти матери перед продажей дома хотела в последний раз прогуляться там.

То, о чем говорила Лакост, имело эмоциональную ценность. Но Бовуар тоже был прав. Уж слишком тепличные условия создались для убийцы: Баумгартнер как по заказу приехал в уединенный дом, представлявший собой идеальное место для тихого убийства.

– Bon[44], – произнес он. – Давайте перейдем к более правдоподобной теории, согласно которой Энтони Баумгартнер не только знал про похищение денег, но и сам организовал кражу. Кто в таком случае мог его убить?

– Один из обворованных, – предположил Бовуар. – Человек, который узнал о хищении.

– Но зачем его убивать? Почему просто не сообщить кому-нибудь в компании? А еще лучше – обратиться в полицию? – сказала Лакост.

– Затем, что в компанию уже сообщали как-то раз, а он остался на своем месте, – ответил Бовуар. – Так, похлопали немного по попке. С какой стати полагать, что «Тейлор энд Огилви» в этот раз примут какие-то меры, если в прошлый раз они так ничего и не сделали?

– Хорошо, но мой вопрос остается, – сказала Лакост. – Почему не пойти в полицию или к адвокату? Почему не укатать его? Зачем выходить с ним на разговор?

– Потому что убийца сомневался, – ответил Бовуар. – Большинство людей не могут признать, что человек, которому они доверяли, оказался вором. Они сначала спрашивают. А если их не устраивают ответы, тогда они решаются на следующий шаг.

– Ладно, – согласилась Лакост. – Адвокат или полиция. План Б явно не состоит в том, чтобы его убить. Но ты говоришь, что именно так оно и случилось. Чего достигал убийца этим шагом?

– Его убили ударом по голове, – сказал Бовуар. – Вероятно, такое объясняется внезапной вспышкой ярости, а не исполнением задуманного плана. Если Баумгартнер никак не ожидал, что его убьют, то наверняка и убийца не собирался его убивать.

Гамаш слушал. У этой теории имелся один крупный недостаток. Знакомый недостаток.

– Почему в фермерском доме? – спросила Лакост. – Почему Баумгартнер согласился именно там встретиться с клиентом, с человеком, у которого он крал? Даже если он не знал… то к чему все это, такой неблизкий путь? У черта на куличках. На частной, личной территории.

Этого я не могу понять.

Гамаш слушал их разговор и думал о том, как это непросто – подыскать место для убийства. Даже в сельском Квебеке. В лесу еще имело бы смысл, но как заманить в лес клиента, у которого и без того уже появились подозрения.

– Да брось ты, – сказала Лакост, следуя той же логике. – Какой клиент согласится встречаться в отдаленном и брошенном доме? Я бы не согласилась.

– А почему нет? – спросил Бовуар у Гамаша. – Вы ведь согласились. Когда получили письмо от нотариуса.

Гамаш фыркнул со смеху:

– Верно. Но я ехал туда не для того, чтобы выяснять с кем-то отношения. Я не знал, что дом брошенный, пока не приехал туда.

– О том я и говорю, – сказал Бовуар. – Клиент, которого обворовывают, тоже ничего не подозревает. Он уже зашел довольно далеко, и я уверен, Баумгартнер рассказал ему, что тут дом его матери. Никаких проблем. Все безопасно.

«Не исключено», – подумал Гамаш. Но неправдоподобно. Хотя в таком случае имеется объяснение, почему те отчеты все еще оставались в кабинете Баумгартнера. Он крал. Он и убить собирался. И рассчитывал вернуться домой.

– Итак, – сказала Лакост, – у нас есть две версии. Согласно одной Энтони Баумгартнер обкрадывал клиентов, согласно другой – нет.

– У меня такое впечатление, что мы не продвинулись ни на дюйм, – сообщил Бовуар.

– Давайте перейдем от теорий к фактам, – сказал Гамаш.

– D’accord[45], – сказал Бовуар, кладя маленький листок на кухонный стол. – У меня есть информация об уволенном секретаре. Его зовут Бернар Шаффер. У «Тейлор энд Огилви» его адрес тех времен, когда он у них работал. Но с тех пор – ничего.

– Бернар Шаффер, – повторила Лакост, взяла бумажку и ввела имя в ноутбук. – Он живет по прежнему адресу, – сказала она, считывая с правительственной базы. – Сейчас он вроде бы работает в… «Caisse Populaire du Québec»[46].

Она посмотрела на коллег над экраном ноутбука. Вскинула брови.

– В банке? – спросил Жан Ги. – «Касса» приняла его после увольнения из «Тейлор энд Огилви»?

– Дайте-ка я быстренько позвоню, – сказал Гамаш, доставая айфон.

Он набрал номер, подождал, потом назвался и попросил соединить его с Жанной Халстром. Президентом «Кассы». Спросив сначала, как поживает ее семья, он задал еще несколько вопросов, послушал, поблагодарил, потом дал отбой.

– Бернар Шаффер уволен с поста финансового советника полтора года назад. Его приняли на работу по рекомендации Энтони Баумгартнера. Согласно его личному досье, месье Баумгартнер поручился за него, сказал, что Бернар превосходный работник. Они предпримут расследование деятельности Шаффера, включая и возможное открытие Шаффером необычайно крупных счетов на его и Баумгартнера имя. Нам потребуется судебный ордер, но она уже приступает к расследованию.

– Возможно, мы только что поняли, куда отправлялись деньги клиентов, – сказал Бовуар. – Похоже, Баумгартнер не разорвал отношений с Бернаром. Напротив.

– Ну, он же не дурак, чтобы открывать счета на свое имя, разве нет? – спросила Изабель.

– Мы узнаем, – проговорил Гамаш. – Даже если задействованы офшорные банки, «Касса», вероятно, сможет отследить деятельность Шаффера.

– Я поеду поговорить с молодым месье Шаффером, как только мы закончим. – Бовуар задумался на секунду. – И еще я попрошу агента Клутье привезти его на допрос.

Он позвонил, а когда отключился, произнес:

– Она уже приступила.

– Хорошо, – сказала Изабель. – Как она – освоилась?

– Да. Наконец. Она расстраивается, что не может проникнуть в ноутбук Баумгартнера и посмотреть его личные файлы. Мы все расстроены. Но мы не прекращаем попыток. Пробовали уже имена детей, матери. И отца. Все очевидные дела.

– Может, там не имя, – проговорил Гамаш. – Может, это цифра.

– Мы пробовали дни рождения детей, – сказал Бовуар. – Его день рождения. Но вы спрашивали про факты, шеф. От Бернис Огилви я узнал и еще кое-что. На сей раз не про Баумгартнера. Про Киндеротов. У пожилой пары с такой фамилией имелся счет в «Тейлор энд Огилви».

Пауза длилась, пока они осмысливали эту информацию.

– И вел его Баумгартнер? – спросила Лакост.

– Нет.

Она разочарованно вздохнула. Такая надежда была чрезмерной.

Но Гамаш подался к Бовуару. Он хорошо знал Жана Ги. Очень хорошо.

И понимал, что сказанное им – не просто проходная реплика. Возможно, это была главная информация.

– Продолжай, – попросил он.

И Бовуар рассказал то, что узнал о Киндеротах от мадам Огилви. И об их завещании.

Жан Ги наблюдал за их реакцией и не разочаровался. Гамаш улыбнулся, а Лакост чуть не трясло от возбуждения.

Они втроем сидели за кухонным столом, как уже много раз сидели за множеством столов в Квебеке на протяжении многих лет. Пили крепкий чай и кофе, обсуждали страшные преступления.

Столько всего изменилось со временем, но суть оставалась прежней.

Бовуар обдумывал вопрос, который задала Бернис Огилви. Любил ли он, Бовуар, свою работу? Ответ, в котором он не сомневался, был «да». И любил он не только работу.

Старший суперинтендант Гамаш откинулся на спинку стула, на его лице появилось выражение крайней озабоченности. Потом он достал блокнот из нагрудного кармана.

– Вот что я получил вчера вечером, – сказал он. – От инспектора службы контроля Гунда из Вены. Я просил его отыскать исходное завещание.

– Написанное сто лет назад, – сказала Изабель.

– Сто тридцать. Барон Киндерот, Шломо, имел двоих сыновей-близнецов, – напомнил им Гамаш. – Он каждому оставил все свое состояние. Возможно, мы никогда не узнаем, почему он сделал это, но мы видим, какой эффект оно произвело. Его следствием явно стали обиды и смятение. Кто наследник? Я спросил инспектора, не может ли он поискать в австрийских архивах. И вот что он прислал.

Он надел очки, а Бовуар и Лакост подались поближе к нему.

– Это не дословное изложение, – предупредил Гамаш. – Мой перевод очень плох, но суть, я думаю, мне удалось ухватить. Я переправил текст знакомому, который знает немецкий, а пока нам придется обойтись тем, что есть. Оба сына, конечно, обратились в суд, и спустя несколько лет дело решилось в пользу одного из них – первого из родившейся двойни. К тому времени оба близнеца уже умерли, и наследники другого сына оспорили то судебное решение. Из-за неясности и сложности вопроса о том, кто родился первым, дело затянулось. Дело рассматривалось еще несколько лет, потом несколько лет ушло на вынесение решения, которое было в пользу предполагаемого младшего сына. Он работал в семейной фирме, а первый, кажется, по словам суда, был пройдохой.

– Сколько лет к тому времени прошло после смерти Шломо Киндерота? – спросила Лакост.

– Решение в пользу младшего сына, а теперь его наследников, было вынесено тридцать лет спустя после смерти Шломо. И опять семья старшего сына оспорила решение.

– А деньги? – спросил Бовуар.

– Они оставались в доверительном управлении, – сказал Гамаш. – Росли, но не тратились.

Лакост произвела быстрый подсчет:

– Тридцать лет. Это значит, на дворе уже год приблизительно тысяча девятьсот пятнадцатый.

– Точно, – сказал Гамаш. – Первая мировая. Судя по архивным данным, обнаруженным инспектором службы контроля, многие члены семьи были убиты, по крайней мере молодые люди. В Австрии царил хаос. И новую попытку семья предприняла уже только в тридцатые годы. К тому времени наследники одного из сыновей через брак приобрели фамилию Баумгартнер и переехали в Канаду. Киндероты остались в Австрии.

– Вот это дела… – протянула Лакост.

– Oui, – сказал Гамаш. – У меня есть только судебные решения. Я больше ничего и не просил и не уверен, можно ли получить более подробные сведения, но, кажется, один из Киндеротов пережил холокост и после войны приехал в Монреаль. В Европе, возможно, где-то остались и другие. Инспектор Гунд выясняет.

– Почему в Канаду? – спросил Бовуар.

– Не просто в Канаду, – заметила Лакост, – а в Монреаль.

– Где уже обосновались Баумгартнеры, – сказал Гамаш. – Это не может быть совпадением.

– Они искали семью? – спросила Лакост. – После случившегося в Европе даже далекая, даже неприятная родня была лучше, чем никакая. Может, это было какое-то инстинктивное движение.

– Не исключено, – кивнул Гамаш. – Но я думаю, к тому времени их инстинкты деформировались и их мотивировало что-то другое. Вскоре после войны в австрийский суд было подано еще одно заявление. Претензия на состояние Киндерота.

– Бог мой, – сказала Лакост. – Они что – никогда не собираются сдаваться?

– А что-нибудь от состояния-то осталось? – спросил Бовуар.

– Сомневаюсь, – ответил Гамаш, – но они этого не знали, они основывались на семейных преданиях.

– Или, может, они знали что-то такое, чего не знали власти, – сказала Лакост. – Некоторые еврейские семьи сумели конвертировать свои деньги в живопись, драгоценности или золото. А потом спрятали или тайком вывезли из страны.

– Да, – сказал Гамаш. – Но ни Киндероты, ни Баумгартнеры не могли получить деньги. Деньги хранились в трасте. И нацистский режим должен был их конфисковать. Украсть.

– Значит, они сражались из-за дырки от бублика? – спросил Бовуар. – Все эти годы?

– Все равно ничего материального, – сказал Гамаш. – Но кто знает? Если деньги когда-то были, то, полагаю, остается вероятность того…

Он остановился на полуслове.

– А теперь? – спросила Лакост, глядя в ноутбук на свои аккуратные записи.

– А теперь, судя по тому, что сообщает инспектор Гунд, австрийский суд вскоре должен вынести окончательное решение.

– Когда? – решил уточнить Бовуар.

– Сейчас уже в любое время. Гунд пишет, что его ждали уже целый год или около того, но там скопилось много неразрешенных дел, исков, которые тянутся с войны. Они медленно разбирают завалы.

– Так медленно? – удивился Бовуар. – Большинство людей, которые эти иски подавали, давно уже мертвы.

– Выгодоприобретателями станут их наследники, – сказал Гамаш. – А австрийцы хотят быть крайне осторожными. Быть максимально справедливыми, в особенности если речь идет о еврейском населении и о том, что было похищено. Холокост, конечно, исправить невозможно, но они пытаются выплачивать репарации.

– А почему Киндероты и Баумгартнеры не могли договориться – разделить наследство пополам? – спросила Лакост. – Дело можно было уладить поколения назад.

– Почему бы тебе не предложить им это? – сказал Жан Ги и получил сердитый взгляд от Изабель.

– До недавнего времени дело было неприятное, но шло оно цивильным образом, – отрезала Изабель. – Мы и вправду считаем, что смерть Энтони Баумгартнера…

– И может, его матери, – перебил Бовуар. – Она умерла неожиданно, и ее сразу же кремировали.

– Oui, – сказала Лакост. – Хорошо. Может, и баронесса. Но неужели мы считаем, что их убили из-за завещания более чем столетней давности?

– То завещание, которое вот-вот должно быть улажено, – сказал Гамаш.

– А потом опять оспорено, – добавил Бовуар.

– Non. Суд сказал, что больше не будет рассматривать апелляций. У них слишком много старых дел не рассмотрено, чтобы все время возвращаться к одному и тому же.

– Значит, тот, кто выиграет, может унаследовать состояние, – сказала Лакост.

– Реальное или вымышленное, – заметил Гамаш.

А эта семья, как казалось ему, имеет богатое воображение. Цепляется за миф об аристократии, власти и богатстве, хотя сами водят такси и чистят туалеты.

Бовуар отрицательно покачал головой.

Почему Энтони Баумгартнера убили сейчас? Не убили ли его Кэролайн и Гуго, чтобы их доля в вымышленном наследстве стала больше?

Он познакомился с ними. Они производят впечатление умных людей. А ни один здравомыслящий человек не станет верить в сказку о старом состоянии, которое каким-то образом уцелело, несмотря на войну, погромы, холокост, и теперь вот-вот свалится им в руки.

– А что, если выиграет другая ветвь семейства? Киндероты? Что тогда? Братоубийство ради ничего?

Они, все трое, смотрели перед собой. Думали. Пытались прозреть истину сквозь клубок времени и мотивов.

Гамаш посмотрел на часы. Через двадцать минут он должен встретиться в центре Монреаля с Бенедиктом. Чтобы успеть, надо скоро уйти.

– И остается еще вопрос душеприказчиков по завещанию мадам Баумгартнер, – сказал он.

– Очень подозрительный народ, – добавил Бовуар Лакост, которая согласно кивнула.

Арман терпеливо улыбнулся:

– Мы не знаем, почему она назначила меня и Мирну, но у нас по крайней мере есть хоть какая-то связь через Три Сосны, где баронесса подрабатывала. Хотя мы, кажется, пока ни на йоту не приблизились к пониманию того, почему она назвала Бенедикта.

– Ничуть, – сказала Лакост, которой поручили провести расследование. – Кажется, что абсолютно никакой связи между ними нет. Он никогда не работал в тех местах. Каким образом мадам Баумгартнер вообще узнала о его существовании, я уж не говорю о том, чтобы назвать

его в завещании, для меня загадка.

– Тупик? – спросил Бовуар, подкалывая ее.

– Ни в коем случае, – ответила Лакост. – Причина есть, и я ее найду. Я собираюсь поговорить с его бывшей девушкой. Эта Кейти, возможно, знает или помнит что-то, о чем он забыл. Я его не видела, но, судя по вашим описаниям, у Бенедикта ветер в голове.

И опять Арман ощутил тело молодого человека у себя за спиной, когда тот защищал его от падающих обломков.

А потом, когда худшее осталось позади и Гамаш смог выпрямиться и приоткрыть забитые песком и пылью глаза, он посмотрел на молодого человека в дурацкой шапке. По его лицу текла кровь. От падения куска бетона, который почти наверняка – Арман не сомневался – попал по нему.

Это был поступок чрезвычайного бескорыстия. Инстинкт. Действие, говорившее о добром сердце Бенедикта, хотя вряд ли стоило отрицать, что ум у него не из самых острых.

Гамаш поднялся:

– Мне пора – Бенедикт будет ждать. Он отвезет меня назад в Три Сосны. Я, наверно, уже опаздываю.

– Давай я тебя подвезу к нему, – предложил Жан Ги, когда они пошли к двери.

– Если тебе не трудно.

Бовуар спустился по наружной лестнице, чтобы завести машину.

Арман поблагодарил Изабель, она поблагодарила его.

– За что? – спросил он.

– За это. За то, что не оставляете меня на обочине.

– Не за что.

Он поцеловал ее в обе щеки, потом осторожно спустился по обледеневшей лестнице. Но в самом низу остановился. Как вкопанный.

Бовуар, наблюдавший за ним из согревающейся машины, увидел, что Арман развернулся и поспешил назад по лестнице через две ступени. Он что-то кричал на ходу Изабель.

Жан Ги вышел из машины и уже сам поднялся до половины лестницы, когда из дверей дома Изабель появился Гамаш.

– В чем дело? Что случилось?

– Как фамилия той молодой женщины, которая стояла на первом месте в списке контактов мадам Баумгартнер? – спросил Гамаш резким голосом.

Он говорил на ходу, быстро спускаясь по лестнице, вероятно быстрее, чем следовало бы.

– В доме престарелых? – спросил Бовуар. – Не помню.

– Можешь найти?
– Я могу найти мои записки.
– Отлично, – сказал Гамаш, сев на пассажирское сиденье. – Дай их мне, пожалуйста.
Бовуар передал Арману блокнот и тронулся с места, а Гамаш включил лампочку для чтения и принялся просматривать страницы, даже не надев очков. Минуты две спустя он опустил блокнот, протер глаза, уставился в лобовое стекло.
– Кейти Берк.
– Да, вспомнил, – сказал Бовуар и скосил глаза на Гамаша. – А что?
Что-то случилось.
– Я спросил Изабель, как зовут подружку Бенедикта…
– Кейти Берк? – сказал Бовуар и увидел кивок Гамаша. – Черт возьми, – выдохнул Бовуар. – Девушка Бенедикта не только знала баронессу, но и была первой в ее списке контактов?
Он пришел в восторг, но, кинув взгляд на Гамаша, увидел, что тот вовсе не торжествует, обнаружив неожиданную связь. Старший суперинтендант выглядел подавленным.
Они молча ехали по уже темным улицам города, и оба думали, что это может означать.
Бовуар, вырулив к тротуару, чтобы высадить Гамаша, произнес:
– Бенедикт лгал.
– Да.
– Шеф, ты хочешь, чтобы я присутствовал, когда ты будешь с ним говорить?
– В этом нет необходимости. У тебя и так много дел. Изабель обещала найти о Кейти все, что можно найти, а потом сообщить тебе.
– Теперь мы хотя бы знаем, как Бенедикт попал в завещание мадам Баумгартнер, – сказал Бовуар. – Но мы не знаем зачем.
– Узнаем, – проговорил Гамаш резким голосом.
Жан Ги подумал, что поездка в Три Сосны как для Гамаша, так и для Бенедикта будет очень долгой.
Ложь шефу всегда плохо кончалась для лгущего.
Бовуар отправился на разговор с Бернаром Шаффером, который уже ждал его в комнате для допросов в управлении полиции.
Гамаш стоял на тротуаре, искал взглядом Бенедикта. Тепло салона уехало вместе с Бовуаром, и теперь холод проникал ему в рукава и под воротник, прикасался к коже лица.
Но он ничего не чувствовал. Он смотрел. Думал. Пытаясь построить

мостик через пропасть между тем, что он знал, и тем, что чувствовал.

– Старший суперинтендант! – раздался знакомый голос; Гамаш повернулся и увидел приближающегося к нему Гуго Баумгартнера. – Кажется, вы погрузились в размышления, – сказал маленький уродливый человек.

Плотное зимнее пальто, шапочка, красные от холода щеки – все это ничуть не улучшало внешности Баумгартнера.

Но его глаза ярко горели, голос звучал тепло.

– Да, задумался.

– Могу я вам чем-нибудь помочь?

– Нет, я просто жду человека, который меня подвезет.

– Не хотите подождать внутри? – Гуго махнул в сторону офисного здания у него за спиной. Главный офис «Горовитц инвестментс».

– Нет, я в порядке. Спасибо.

Но Гуго не ушел. Он стоял рядом с Гамашем, переступая от холода с ноги на ногу. Он походил на чушку, мартышку, боксера-неудачника, который зарабатывает себе на жизнь тем, что позволяет избивать себя всем, кто обошел его в тренировочных боях.

Гамаш посмотрел на Гуго – тот явно хотел что-то сказать ему.

– Говорят, вы с мистером Горовитцем ходили вместе на ланч.

– Верно, – ответил Гамаш. – Откуда вы об этом знаете?

– А-а, уличные сплетни. Все всё знают. Например, я знаю, что во время ланча Стивен подходил к этому ублюдку Филатро, чтобы сообщить ему, что обрушил его акции.

– Верно. А что ел месье Филатро, вы тоже знаете?

Гамаш задал этот вопрос в шутку, но Гуго ответил:

– Сладкое мясо. А вы – морского окуня.

Улыбка сошла с лица Гамаша, он кивнул. Улица показалась ему хорошо информированной.

– Что еще вы знаете, месье Баумгартнер?

– Я знаю, вы расспрашивали Стивена о моем брате и Стивен сказал, что Тони был жуликом. Мистер Горовитц – финансовый гений, он хорошо разбирается в людях. Но он не всегда прав. Ему нравится измышлять о людях все самое плохое. Он считает, что в мире одни жулики. А если еще не все, то остальные на пути к этому.

– Он хорошо отзывался о вас.

– Ну, может быть, я его обманул, – сказал Гуго. – Мой брат был хорошим человеком, он не стал бы красть. Пошел слух, что поэтому его и убили. Я прошу вас, пожалуйста, найдите, кто это сделал. Случившееся

ужасно. Но нельзя уничтожать еще и репутацию Энтони.

– Что вы знаете о завещании?

– Моей матери? То же, что и вы. Что она верила во вздор о каком-то давно потерянном семейном состоянии, которое принадлежит нам. Нам, детям, было забавно, но с годами стало утомлять.

– И все же, когда мы зачитывали завещание, ваш брат и сестра, казалось, чувствовали смущение, вы защищали мать.

– Мать – да, но не завещание.

– Насколько мне помнится, вы все же его защищали, говорили, была у вас мысль, что, может, она и права.

Гуго огляделся и снова переступил с ноги на ногу.

– Я любил мать и ненавидел, если кто ее высмеивал. Будь то Кэролайн или Тони.

– Вы преданный человек.

– Разве это так уж плохо?

– Вовсе нет. Я таким качеством восхищаюсь. Но преданность может сделать нас слепыми к правде о людях. Хотя, как выясняется, ваша мать в конечном счете, возможно, была права.

– Вы что имеете в виду?

Гуго прекратил переступать с ноги на ногу и уставился на Гамаша.

– Я думаю, вы точно знаете, о чем я, месье. Подумайте об этом и позвоните, когда решите, что знаете.

Он дал Гуго свою карточку.

И в этот момент Гамаш увидел, как на его «вольво» подъезжает Бенедикт. Наступили час пик и темнота, и вскоре другие машины стали гудеть Бенедикту, который жестами просил Гамаша поспешить.

– Есть и еще одно, – сказал Гамаш. – Кто такая Кейти Берк?

– Кто?

– Сейчас холодно, и моего водителя убьют другие водители, так что просто скажите мне. Вы знаете, что я знаю.

– Тогда зачем спрашивать?

– Чтобы понять, насколько правдивым вы решили быть со мной. Пока вижу, что не очень.

– Я сказал вам правду о моем брате.

– Да?

Настала пауза, и они услышали, что гудение становится все громче, настоящий визг ярости с рю Шербрук. И вся эта ярость была направлена на Бенедикта.

– Кто такая Кейти Берк, месье?

– Она посещала баронессу в доме престарелых.

– Почему?

– Не знаю. Но мать ее любила, и Кейти Берк сняла с нас часть ответственности, хотя мне и стыдно в этом признаваться.

– Она стояла первой в списке контактов вашей матери.

– Правда?

– Вы не знали?

Бенедикт уже опустил стекло «вольво» и умолял Армана поскорее сесть в машину.

Гуго покачал головой.

– Это имеет значение?

– Я бы не стал спрашивать, если бы не имело. – Арман показал на свою визитку в облаченной в перчатку руке Гуго. – Завещание вашей матери, месье Баумгартнер. Позвоните мне, когда решите рассказать всю историю. Не откладывайте надолго.

Он подошел к автомобилю и помахал ряду машин, выстроившихся за Бенедиктом. Несколько водителей в ответ показали ему средний палец.

– Слава богу, – сказал Бенедикт, выдыхая, и «вольво» влился в поток транспорта. – Кто это был? Такое впечатление, что вы разговаривали с кем-то из «Властелина Колец».

– Гуго Баумгартнер.

– Ах, конечно. Я его не узнал.

Арман пристегнулся; они проезжали по мосту Шамплена, когда он поймал себя на том, что напевает себе под нос: «Эдельвейс, эдельвейс…»

Глава тридцать первая

Бернар Шаффер сидел в спартански обставленной комнате для допросов в управлении полиции. Оглядывался. Закидывал ногу на ногу, потом сбрасывал. Пытался устроиться поудобнее на металлическом стуле, который никак не позволял ему сделать это.

Старший инспектор Бовуар смотрел сквозь двустороннее зеркало.

– Он сказал что-нибудь по пути сюда?

– Non, patron, – сказала Клутье. – Только спросил, имеет ли это какое-то отношение к смерти Энтони Баумгартнера.

– И что вы сказали?

– Ничего. Вот его айфон.

Она протянула Бовуару гаджет. Теперь с подозреваемыми они первым делом так и поступали: изымали их телефоны, чтобы они не могли никому сообщить или что-нибудь стереть.

Месье Шаффер вовсе не то, чего ждал Бовуар. Жан Ги ожидал увидеть молодого бычка. Кого-нибудь пройдошного. Привлекательного.

Но не такого ничем не примечательного нервного молодого человека в хорошем, но не исключительном костюме. Но когда Бовуар опустил глаза, он увидел туфли Шаффера. Заостренные до игольчатой остроты. Последний писк моды.

Навороченные и дорогие.

Жан Ги знал. Он тоже пытался быть модным, но не мог себе позволить подобных расходов.

Хотя такая обувь и наводила на размышления, но ни о чем определенном не говорила. Одни люди покупали себе дорогие машины, другие тратили деньги в отпусках. А некоторые холостые молодые люди покупали брендовую одежду.

Это не означало, что Шаффер живет не по средствам. Или что он вор.

– Хорошо, – сказал Бовуар. – Идемте со мной.

Клутье последовала за ним в кабинет для допросов, где старший инспектор представился:

– Меня зовут Жан Ги Бовуар. Я действующий глава отдела по расследованию убийств. С агентом Клутье вы уже знакомы.

Это было сказано не только для Шаффера, но и для записи.

Они сели – Бовуар напротив молодого человека.

– Спасибо, что пришли. У нас к вам несколько вопросов.

– О Тони?

– В основном – да. – Бовуар говорил дружеским тоном. – Расскажите о ваших с ним отношениях.

– Мы работали у одного нанимателя. У «Тейлора энд Огилви». Несколько лет назад. Я работал секретарем, а месье Баумгартнер – старшим вице-президентом.

Шаффер, внимательно наблюдавший за Бовуаром, казалось, принял решение.

– У нас был роман. А потом меня уволили.

– За что?

Бернар выставил дело так, будто его выгнали из-за их связи.

– Лучше бы вам сказать нам правду, Бернар, – сказал Жан Ги, одобрительно улыбаясь. – Я вам скажу: мы уже побывали в «Тейлор энд Огилви».

– Меня обвинили в хищениях со счетов клиентов. Но я ничего такого не делал.

– Тогда почему вас уволили?

– Ну, им же нужен был козел отпущения, верно?

– Если это не вы делали, то кто?

Шаффер неуверенно молчал.

– Бросьте, Бернар. Говорите правду. Не бойтесь. Просто скажите нам.

– Месье Баумгартнер.

– Энтони Баумгартнер?

– Да.

– Но если деньги похищал он, то зачем ему понадобилось идти к мадам Огилви и рассказывать ей об этом?

– Он решил, что они так или иначе дознаются, а потому пошел и обвинил во всем меня.

– Своего любовника.

Тот кивнул.

– И что вы сделали?

– А что я мог сделать?

– Не знаю. Сказать правду.

Бернар рассмеялся:

– Ну конечно! Я против старшего вице-президента. Давайте подумаем, кому бы они поверили.

– Поэтому вы просто ушли? – спросил Бовуар, а когда Шаффер кивнул, Жан Ги взыскующим взглядом уставился на него. – Тогда почему вы воспользовались рекомендацией Энтони Баумгартнера, устраиваясь на

работу в «Сберкассу»?

Шаффер покраснел. Они явно знали больше, чем он думал.

– Тони сказал мне: если я буду помалкивать, он устроит меня на работу в «Кассу» и поручится за меня.

– И вы согласились?

– А какой у меня был выбор? Если бы я отказался, меня бы так или иначе вышвырнули. Обложили со всех сторон.

В комнату для допросов вошел агент, прошептал что-то на ухо Бовуару и вышел.

– Значит, вы утверждаете, что Энтони Баумгартнер похищал деньги, а вы ни в чем не виноваты?

Шаффер выпрямился на стуле:

– Ну хорошо, я знал, чем он занимается. Но сам я в этом не участвовал.

– Он вам сказал?

– Он выпил как-то лишку. А пьяным почувствовал себя свободно и говорил без остановки. Знал, что я никому не расскажу.

– Почему не расскажете?

– Потому что я его любил. Очень.

– И?.. – произнес Бовуар.

Опять Бернар в ответ молчал – он нервничал.

– И он сказал мне: если я кому сообщу, то он будет говорить, что это мои делишки, а он ни при чем.

– Что он в конечном счете и сделал.

– Да.

Бовуар разглядывал ничем не примечательного молодого человека.

– Дома у него вы когда-нибудь бывали?

– Один раз. Ему требовалась помощь – повесить картину, подаренную матерью. Я так думаю, может, это был ее портрет. Вид какой-то слегка чокнутый. В общем, мы повесили ее над камином в его кабинете, а потом выпили немного. Он попросил меня помочь ему наладить его новый ноутбук, и мы тогда выпили еще чуток, потом некоторое время возились с его компьютером, и головы у нас слегка закружились…

– Так вы запустили его ноутбук? – спросил Бовуар.

– Да.

– И он вводил пароль?

– Да. Я помню, потому что ему потребовалось какое-то время, чтобы его придумать. Он сказал, что исчерпал все идеи, придумывая новые пароли.

– И вы помните тот пароль?

Вопрос он задал как бы невзначай, но в комнате воздух между полицейскими словно пробило электрическими разрядами.

– Понятия не имею. Он мне его не назвал.

– И никак не намекал? Ничего не говорил? – прощупывал парня Бовуар.

Шаффер задумался.

– Если и говорил, то я не помню.

– И вы не подглядели? Не стрельнули глазом через его плечо, когда он вводил?

– Нет, конечно.

– Конечно? Да бросьте, Бернар. Мы все так делаем. Просто из любопытства. Не смотрели, когда он вводил пароль?

– Нет.

– Тогда что же вы делали?

– Простите?

– В кабинете, пока месье Баумгартнер вводил пароль. Что вы в это время делали?

– Разглядывал картину. Не понимаю, как человек в здравом уме мог повесить у себя такую вещь.

Бовуар задумался. То, что говорил Бернар, походило на правду. Портрет Рут в такой же мере завораживал, в какой и вызывал отвращение. Как сказала сама Клара, от него трудно было отвести взгляд.

Но сейчас он имел дело с проницательным молодым человеком, и если у того имелась возможность выбора: подглядеть, какой пароль вводит Тони, или насладиться зрелищем портрета, – то он не сомневался, что бы выбрал Бернар Шаффер.

– И что случилось потом?

– Мы напились и занимались сексом.

– В первый раз?

– Да. Мы друг друга типа прощупывали, но я сомневался еще – гей ли он. Но он все время посылал сигналы, и потом…

– Какой он был? – спросил Бовуар.

– Как любовник?

– Как человек.

Шаффер задумался.

– Добрый. Умный. Порядочный. Так я думал.

– Пока он не обвинил вас в воровстве и вас не выставили за дверь.

– Да.

– После того как он помог вам устроиться на работу в банке, он просил вас о каких-нибудь услугах?

– Каких?

Бовуар смотрел на него несколько секунд, потом встал:

– Я дам вам время подумать над моим вопросом. Извините.

Жан Ги кивнул агенту Клутье, и они вышли, а Шаффер уставился на медленно закрывающуюся дверь. Потом на пустую стену напротив него.

Ледяной туман, казавшийся таким привлекательным, когда налипал кристаллами на ветки деревьев, выглядел гораздо менее приятным, когда оседал на дорогу. И когда его после накрывал пушистый снежок.

Бенедикт аккуратно вел машину назад в Три Сосны, внимательно глядя на дорогу, не образовалась ли на ней ледяная корка, болтал с Гамашем о пустяках.

Говорили о прошедшем дне. О погоде.

Бенедикт спросил, как у Гамаша дела с глазами.

– Лучше, спасибо. Я вижу теперь куда как яснее.

Потом они погрузились в то, что со стороны могло показаться дружеским молчанием.

Но внешний вид обманчив.

Старший инспектор Бовуар представился еще раз, представил и агента Клутье, потом они сели в кабинете.

– Значит, вы – Луи Ламонтань?

– Да.

– И вы работаете брокером в «Тейлор энд Огилви»?

– Да.

«Ему лет сорок пять, может, чуть больше», – подумал Бовуар. На вид дебелый, но не тяжелый. Так, мягковат. «Уютный» – такое слово приходило на ум при виде Ламонтаня. Его седеющие волосы были коротко подстрижены.

Он казался бесхитростным. Умным. Консервативным во всем. Если бы понятию «вызывающий доверие» потребовался живой пример, то им вполне мог бы стать сидящий против него человек.

И еще Гамаш подумал, не видит ли он перед собой еще одну нумерованную копию. Близкую к оригиналу, но не настоящую.

– Вы совершали транзакции для Энтони Баумгартнера, насколько я понимаю.

– Да.

– И как это работало на практике?

– Понимаете, Тони работал управляющим частными вложениями, он создавал портфели для своих клиентов. С учетом их возраста, потребностей, их желания рисковать он выбирал, в какую машину их посадить. После этого он просил меня провести запланированные им сделки по купле-продаже.

– И вас это устраивало?

– Абсолютно. Более чем. Он был блестящим советником по инвестициям. Откровенно говоря, если он покупал акцию, я нередко советовал моим клиентам сделать то же самое. Он обладал чутьем – видел, как внешне не связанные элементы могут сойтись и повлиять на рынок. Потеря ужасная. Прекрасный человек – и вот вам, такое случилось. Вы уже представляете, кто это сделал?

– Мы надеемся на вашу помощь.

– Все, что от меня потребуется.

Бовуар послал через стол отчеты, смотрел, как месье Ламонтань берет их.

Минуту-другую спустя Бовуар увидел, как брови брокера вспорхнули вверх, потом сошлись на переносице. Его голубые глаза моргнули за стеклами очков, голова немного наклонилась набок. Он волновался.

– В списке клиентов Тони нет ни одного из этих людей. Я не проводил по ним ни одной сделки. – Он перевел взгляд на Бовуара. – Не понимаю.

– А я думаю, понимаете.

Ламонтань вернулся к бумагам, переходил от одной к другой, перечитывал сопроводительные письма.

– Я могу высказать предположение, – произнес он наконец, кладя бумаги на стол. – Но объяснить не могу.

– Попытайтесь.

Брокер выдержал взгляд Бовуара, сам смерил его умным оценивающим взглядом.

– Думаю, вы уже знаете, – сказал он.

Бовуар молча продолжал смотреть на него, увидел, как глаза Ламонтаня широко распахнулись от удивления.

– Вы думаете, я имею к этому какое-то отношение.

– Что вы имеете в виду, говоря «этому»?

Агент Клутье, внимательно наблюдая за разговором, делала себе узелки на память. Что говорил старший инспектор, чего не говорил. Как наводить на мысль. Как дружеский разговор переходит в запугивание. Все это делалось тонко, а оттого становилось еще более действенным.

В своей прежней должности, работая в бухгалтерии, она никогда не оказывалась в комнате для допросов.

И происходящее на ее глазах находила очаровательным.

Она видела: такая работа требует нервов. Сильной концентрации, хотя при этом приходится делать вид, что ты абсолютно расслаблен. Ее инстинкт говорил ей, что нужно выкладывать козыри. Показывать, сколько тебе известно. Пусть допрашиваемый сам делает вывод о том, что еще они знают. А теперь она понимала, как важно выдавать лишь крохи того, что ты знаешь. Пусть в допрашиваемом укоренится страх, и пусть именно он и руководит его действиями.

– Это подлог, – сказал брокер. – Кто-то изготовил пустышку так, чтобы выдать ее за действия, происходящие внутри «Тейлор энд Огилви».

– Кто-то?

– Я знаю, вы хотите, чтобы я сказал не «кто-то», а «Тони», но сделать такую штуку мог кто угодно.

– Включая и вас?

Бовуар произнес последнее словно невзначай, с налетом юмора.

Ламонтань улыбнулся, но румянец на щеках выдавал его.

– Я полагаю, что мог бы и я, но я ничего такого не делал.

Бовуар ждал.

– Хорошо, я признаю, внешне все говорит о том, что это дело рук Тони. Его имя на отчете и сопроводительном письме.

– Письме на бланке «Тейлор энд Огилви», – заметил Бовуар. – Клиенты должны быть уверены, что их деньгами управляет компания, а на самом деле он похищает их деньги и выплачивает щедрые дивиденды, чтобы они не задавали вопросов.

Ламонтань кивнул, глядя на Бовуара:

– Да. Именно так. – Он снова взял отчет в руки. – Вероятно, Тони выбрал людей, плохо разбирающихся в рынке. Они почти наверняка никогда не читают бизнес-колонок или отчетов.

– Вас такое положение дел удивляет? – спросил Бовуар.

Ламонтань заерзал на стуле:

– Вынужден сказать: да, удивляет.

– Но вы ведь слышали слухи про месье Баумгартнера.

– Я знаю: его лицензия приостановлена. Поэтому меня и попросили проводить его транзакции. Наказание серьезное. Насколько я знаю, он участвовал в каких-то операциях с деньгами клиентов. Но не напрямую. Занимался всем этим секретарь, а Тони как раз и забил тревогу. И взял на себя часть вины. Улица любит слухи и скандалы, а особенно ей нравится

падение с большой высоты, даже если человек не виновен. В особенности если не виновен.

– Вас послушать, так улица просто машина какая-то, – сказал Бовуар, – а вовсе не брокеры вроде вас.

– Я не участвовал в распространении этих слухов.

– Но вы сделали что-нибудь, чтобы их пресечь?

– Я их не подкармливал.

Не подкармливать было не то же, что пресекать. Не то же, что защищать Тони Баумгартнера.

– Вы не думали, что в слухах есть доля правды? – спросил Бовуар.

– Я не видел оснований им доверять.

– А вы видели основания не доверять им?

– Среди участников этого бизнеса немало прощелыг. – Когда Бовуар в ответ на эти слова недоуменно посмотрел на Ламонтаня, тот добавил: – В основном из молодых людей, которым отчаянно хочется сорвать кучу денег. Застолбить себе место под солнцем. Они разбрасываются деньгами, громко разговаривают. У них в голове всевозможные теории, касающиеся инвестирования; на слух теории хороши, а на деле – полное говно. Они искренне считают себя блестящими умами. И их уверенность передается клиентам, которые инвестируют через них. Они продавцы панацеи, и большинство даже не понимает: они ни черта не понимают в том деле, которым занимаются.

– И Энтони Баумгартнер принадлежал к таким аферистам?

– Нет, ничего подобного я не говорю. Он не из таких. И я видел: он их не выносит. Поэтому-то он и сдал того парня. Он, вероятно, понимал, что и ему отзовется, часть дерьма попадет в него. Так оно и случилось. В большей мере, чем он, вероятно, предполагал.

– И как вы это объясняете? – Бовуар ткнул пальцем в отчет.

Ламонтань посмотрел на бумаги и вздохнул:

– Ему было за пятьдесят. Компания не оценила его по заслугам. Компания, которую он помогал строить. Женщина, которую он обучал. Ему устроили публичную порку. Его унизили. Не исключалось, что он видел перед собой безрадостное будущее и решил: да и черт его побери. Если порядочность превратили в такое, то, может, пора уже стать непорядочным.

Бовуар увидел другую пачку документов, которые подвинули ему. По гладкой столешнице. Увидел себя – он подписывал эти бумаги. Так ли сильно он отличался от Энтони Баумгартнера? Разочарованный. А теперь непорядочный.

– Но если дела обстояли так, – продолжал Ламонтань, – то я об этом не

подозревал. Все транзакции, которые я делал для него, были умные и законные. Нередко блестящие и провидческие. Он зарабатывал кучи денег для своих клиентов.

– Вы, конечно, говорите о тех клиентах, у которых он не воровал, – сказал Бовуар.

Брокер помедлил, потом кивнул:

– Да. Я честно считал его хорошим парнем. – Он улыбнулся. Улыбка получилась скорее задумчивой, чем веселой. – Есть такая книга, которую нам всем дают прочесть, когда мы приходим в бизнес. Тони дал мне свой экземпляр, когда я согласился использовать мою лицензию для проведения его транзакций. Она называется «Чрезвычайные всеобщие заблуждения и безумие толпы». Я думаю, время от времени мы все заблуждаемся.

– Мог месье Баумгартнер реализовать такую схему, – Бовуар показал на отчеты, – самостоятельно? Или ему требовалась помощь?

– Он вполне мог все реализовать сам, – сказал Ламонтань. – Такая работа требует организации, но я думаю, он начинал по мелочам, а потом рос. Ему требовался только тайный счет и разумный выбор объектов.

– Такие люди, которые не заметят, – хмыкнул Бовуар.

– Люди, которые не будут задавать вопросы, старший инспектор. И таких много.

Ламонтань посмотрел на отчеты на столе. Несколько листов бумаги, но, как и мадам Огилви в тот день, брокер понимал, что они означают.

Разрушение.

Этот скандал убьет «Тейлор энд Огилви». Они все лишатся работы. И может быть, Энтони Баумгартнер из могилы отомстит им.

Бовуар поблагодарил месье Ламонтаня и вернулся в кабинет, где ждал Бернар Шаффер.

«Заблуждение и безумие», – подумал он, возвращаясь в комнату. В этом деле обнаружилось немало того и другого.

Уже скоро. Амелия чувствовала – финал приближается.

Даже ее окружение – наркоманы, шлюхи, транссексуалы, которых притягивало к ней, – тоже это чувствовало. А вот кончиков пальцев на руках и ногах они не чувствовали. На их лицах застыло тупое, опустошенное выражение.

Они потеряли всякое сострадание. Всякий здравый смысл. Даже их гнев и отчаяние прошли. Эти люди потеряли семьи, потеряли разум.

Но этого они не чувствовали.

Грядет что-то большое.

Наркотик даже еще не получил уличного названия. Тот, кто его контролирует, имеет право дать ему имя. Пока они говорили «она». Или «новая чума». И это только сеяло возбуждение и таинственность.

Амелия знала, что такое «она».

Карфентанил.

И еще она знала: тот, кто владеет карфентанилом, тот, кто его контролирует, – тот и победитель. И Амелия исполнилась решимости победить.

Но времени оставалось в обрез. А если карфентанил окажется на улице, к ней он уже не попадет.

Амелия стояла у окна, но видеть, что происходит на улице, почти не могла: стекло покрывали изморозь и грязь, поэтому можно было различить только нечеткие уличные фонари.

Она их не видела, но знала: они там. Ждут ее.

Наркоманы, шлюхи и транссексуалы. Те, кто обращался к ней за защитой. Потому что у нее имелись мышцы на костях и еще не полностью выгоревший мозг. И еще она могла видеть, что происходит за углом. Что там прячется. Что ждет. Что грядет.

Они спали в коридоре за дверями комнаты Марка, вооруженные пистолетами и ножами. У кого-то были дубинки. И все они ждали, когда она появится. И поведет их.

Глаза их сверкали так, что собственная мать их бы не узнала.

Терять им было нечего, а искали они одно. Его.

Где-то там, в выхолощенном сердце Монреаля, находилась фабрика, где наркотик развешивали и расфасовывали. И этот Дэвид знал где.

Если она хотела найти фабрику, то сначала должна была найти Дэвида.

– Ну, Душистый Горошек, – сказал Марк, когда они приготовились уходить, – а называться-то он будет как?

– Кто?

Они вышли из комнаты, и Амелия повсюду в грязном коридоре увидела скелеты, пытающиеся подняться на тощие ноги в обуви, украденной у покойников или у друзей, ушедших в мир иной от передозировки.

Тела. Бледные. Замерзшие. Их подбирали темные фургоны и увозили на прозекторский стол. Без имени. Не востребованные матерями и отцами, сестрами и братьями, которые всю оставшуюся жизнь думали о том, что стало с их ясноглазыми деточками.

– Шизняк твой, – сказал Марк. – Слушай, даже в рифму получается: как – шизняк.

Амелия выдавила из себя улыбку. Она подумала, что ее любимая поэтесса Рут Зардо вряд ли оценила бы такую рифму.

– Когда ты его найдешь, право именовать его перейдет к тебе, – сказал Марк. Глаза парня смотрели рассеянно, голос звучал неразборчиво. Он бормотал. Его губы и язык больше не действовали должным образом. Он обнял ее рукой за плечи. – Дракон. Злобный. Самоубийца. Что-нибудь наводящее ужас. Ребятам такое нравится.

Даже через его зимнюю куртку она чувствовала кости.

Вряд ли в этом мире осталось что-то для него. Марка съедало заживо. Пожирало изнутри. Их всех.

Кроме Амелии. По крайней мере, по ней ничего такого не было заметно. И все же она сомневалась, что мать узнала бы ее теперь. Или назвала бы дочерью.

Бовуар сел напротив Бернара Шаффера и улыбнулся:

– Рассказывайте.

– Что?

– Хватит в игрушки играть, – сказал Жан Ги холодным, но спокойным голосом. – Баумгартнер устроил вас в «Сберкассу» не просто так, у него имелись на это основания. И теперь я хочу узнать, какие это были основания.

– А я не…

– Рассказывайте.

– Дело в…

– Скажите мне, – рявкнул Бовуар, – где, по-вашему, я был только что?

Шаффер перевел взгляд широко распахнутых глаз с Бовуара на агента Клутье. Он явно не задумывался об этом. Теперь задумался.

– Не знаю.

– Я был в соседнем кабинете, где допрашивал другого фигуранта. – Жан Ги смерил его недовольным взглядом. – Задавал вопросы, выслушивал ответы. Теперь я даю шанс вам. Отвечайте. Чего хотел от вас Баумгартнер?

Наступило молчание.

– Говорите! – прикрикнул Бовуар, шлепнув ладонью по столу с такой силой, что Шаффер чуть не до потолка подскочил. Как и агент Клутье; она уронила ручку на пол, и ей пришлось быстро наклониться, чтобы ее поднять.

– Счет, – сказал Шаффер. – Довольны? Он хотел, чтобы я открыл офшорный счет. И отправлял на него деньги, которые он переводил.

– Для вас обоих?

– Нет. Только на имя Энтони Баумгартнера.

– Он использовал собственное имя?

Его вопрос, казалось, удивил Шаффера.

– Конечно. А почему нет?

– Легко проследить.

– Он не предполагал, что его поймают.

– И сколько денег на этом счете?

– Мне нужно проверить, но, я думаю, где-то около восьми миллионов, – сказал Шаффер.

– А сколько вы взяли себе?

– Ничего.

– Да бога ради, – вздохнул Бовуар. – Глупо с вашей стороны. Вы же знаете, мы все выясним. – Он посмотрел на свою сотрудницу. – Агент Клутье отвечает за бухгалтерскую судебную экспертизу всей Sûreté. Мимо нее и муха не пролетит. Она разоблачала капитанов промышленности, политиков, главарей мафии. Она и вас разоблачит. Еще до завтрака. Так что избавьте нас от лишних хлопот.

Шаффер посмотрел на Клутье, которая теперь жалела, что засунула ручку в рот и принялась ее жевать.

– Ну… – пробурчал он. – Может, самую малость. Только ему не говорите.

– Это я вам могу обещать, – сказал Бовуар.

Шаффер покачал головой:

– Простите. Я забыл, что он мертв.

Бовуар отметил, каким тоном говорил Шаффер, когда тот на несколько секунд забыл о смерти Баумгартнера.

«Он его боялся», – решил Бовуар. По-настоящему боялся. И Жан Ги, вставая со стула, подумал, что этот миг был, вероятно, самым искренним за все время допроса.

– Предоставьте агенту Клутье реквизиты счета, пожалуйста.

– Я могу идти?

– Мы еще посмотрим.

«Понемногу приближаемся», – думал Бовуар, идя в свой кабинет. Они были недалеки от раскрытия махинации. А может, даже и убийства. Но он знал: Гамаш прав. Когда они найдут деньги, те будут насыщены разочарованием. Безумием. Зловонием эмоций, прогнивших в достаточной мере, чтобы привести к убийству.

Амелия слышала шаги наркоманов, шлюх и транссексуалов, шедших

за ними, когда они с Марком спускались по бетонным ступеням. Марк держался за руку Амелии, чтобы не упасть.

По мере того как они приближались к входной двери, воздух становился все холоднее и холоднее.

Амелия была готова к атаке мороза, и все же дыхание у нее перехватило, а глаза заслезились.

– О черт, – услышала она голос Марка; потом он закашлялся, задыхаясь воздухом.

Слезящимися глазами Амелия увидела маленькую девочку в красной шапочке с логотипом «Монреаль канадиенс». Та стояла одна у входа в проулок.

Еще Амелия увидела торчащую из темноты пару ног. На земле. В сетчатой ткани. Остальное тело оставалось невидимым во тьме. Но у Амелии сомнений не было. Это труп.

Она перехватила взгляд ребенка, которому, судя по виду, было лет пять-шесть.

Амелия сделала шаг к ней, но ее остановило одно-единственное слово.

– Дэвид.

К ней подошел тощий чернокожий парень. «Лет пятнадцати, не больше», – подумала она. Он смотрел на нее глазами несоразмерно большими для такой головы.

– Что – Дэвид? – спросила она и почувствовала в большей степени, чем увидела, как наркоманы, шлюхи и транссексуалы образовали полукруг у нее за спиной.

– Я слышал, ты его ищешь. Я знаю, где его найти. За дозу я тебе скажу.

– Да-да, скажешь. Пошел отсюда в жопу, идиот, – сказала она, оттолкнула его и перешла на другую сторону улицы. К девочке, которая все еще стояла там.

– Дэвид, – повторил он и задрал рукав своей легонькой куртки. – Смотри.

И там она увидела то же самое слово, которое нашла и на своей руке. Написанное фломастером. Слово, которое все еще оставалось на ней. Нестираемое слово.

Дэвид.

Как визитная карточка.

А рядом с именем находились цифры: 13. Нет. 1/3.

Она закатала рукав собственной куртки и внимательнее присмотрелась к надписи на предплечье. «Дэвид» – было написано там. А рядом цифры. Не 14, а 1/4.

Амелия смотрела, и сердце колотилось у нее в горле.

– Где он?

– Я должен тебе показать. По-быстрому. Пока он не ушел.

Он протянул руку.

– Дай ему одну, – сказала Амелия; и Марк передал ему таблетку. – Ты получишь другую, когда мы увидим Дэвида.

Парнишка сунул валюту в карман и, не говоря больше ни слова, развернулся и пошел по темной улице.

Амелия оглянулась. Посмотрела в начало проулка. Но маленькая девочка исчезла.

– Почти добрались, – прошептал Марк на ходу. – Не придумала еще имя?

– Душистый Горошек, – сказала она. – Ты начал меня так называть, когда мне было пять лет.

– И так ты хочешь назвать чуму? Душистый Горошек?

– Нет. Я назову ее Гамаш.

– По имени главы Sûreté? Того мужика, который принял тебя в академию?

– Мужика, который выкинул меня из академии. Того гения, который доставил нам чуму. Он заслужил, чтобы наркоту назвали его именем. Чтобы знал: десятки тысяч ребятишек будут за миг до смерти называть его имя. Оно станет синонимом смерти. Гамаш.

– Ты так его ненавидишь?

– Он меня уничтожил, – сказала Амелия. – Теперь его очередь.

Глава тридцать вторая

– Ой, смотрите, – сказал Бенедикт. – Кажется, мой пикап вернулся.

Они выехали на вершину холма, с которого начинался спуск в Три Сосны. Светились окна, за стеклами в бистро двигались фигуры.

Свет фар их машины вырвал из темноты снежный вихрь, осевший на землю, а потом свет прошелся по окружающему лесу, и они увидели, что деревья попеременно то темные, то яркие из-за снега на ветвях.

Арман знал: во всех домах, включая и его собственный, топятся печи. Но прежде чем ему сесть перед камином рядом с Рейн-Мари у себя в доме, он должен был сделать кое-что.

Бенедикт остановился перед своим пикапом и пошел посмотреть новые покрышки.

– Отличные шины, – сказал он. – Лучшие. Вы уверены, что я смогу за них заплатить?

– Уверен, – ответил Гамаш.

Бенедикт накрутил хвост своей шапочки на шею, остаток набросил на плечо, огляделся.

– Мне будет не хватать всего этого. Что случилось?

Арман смотрел на него взглядом, от которого Бенедикту стало не по себе.

Изабель сидела, уставившись в экран своего ноутбука.

Ее муж уже приехал домой, дети вернулись, наигравшись на воздухе, в доме наступил ад кромешный.

Но она сидела за кухонным столом в своем собственном маленьком пузыре, где стояла полная тишина, в которой не было никого, кроме нее и Кейти Берк.

«Значит, вот кто ты», – прошептала Лакост и потянулась за телефоном. Тем временем дети гонялись друг за другом, лаяла собака, а ее муж призывал детей помыть руки перед обедом.

Жан Ги Бовуар положил скрещенные ноги на столик. На коленях он держал перед собой папку. Информация по Киндеротам, Бернару Шафферу и Энтони Баумгартнеру, которую передала ему секретарь мадам Огилви.

Он медленно опустил папку и уставился на собственное отражение в окне. Потом со стуком сбросил ноги со столика, пробормотал: «Попался» –

и потянулся к телефону.

Бенедикт взял ключи от своей машины у мадам Гамаш, искренне и многословно поблагодарил ее за гостеприимство.

– Не знаю, что бы я делал без вас, – сказал он.

– Приезжайте в любое время, да, Арман?

– Я вас провожу до машины, – сказал Гамаш.

Когда дверь закрылась, он услышал звонок телефона.

– Не знаю, как вас отблагодарить, сэр.

– Вы обещали преподать мне урок езды. – Гамаш огляделся. На дороге лежали добрых четыре дюйма свежего снега. Вскоре должен был появиться Билли Уильямс на своем снегоуборщике, но пока снега только прибавлялось. – Можете отблагодарить меня, преподав этот урок.

– Сейчас?

– А у нас будет время лучше?

– Ну, уже темно, и вы, вероятно, устали.

– Сейчас половина седьмого. А я вовсе не так уж стар.

– Я… я не это имел в виду, – пробормотал Бенедикт.

– Садитесь, – сказал Гамаш. Он подошел к пассажирской двери и сел в машину. – Отъедем на пару километров от деревни. У меня есть на примете одно местечко.

Они тронулись с места, и после некоторого молчания Гамаш спросил:

– Кто такая Кейти Берк?

– Кто?

Гамаш молчал, глядя на вихрящиеся в свете фар снежинки.

– Она моя подружка.

Пикап набирал скорость, стрелка спидометра показывала значение выше разрешенного.

– Моя бывшая.

Скорость все увеличивалась.

– Бывшая? Вы уверены?

– Да.

– И давно вы расстались?

– Два месяца.

– Приблизительно в то время, когда умерла Берта Баумгартнер?

Двигатель ревел – Бенедикт все сильнее нажимал на педаль газа.

– Может быть. Я не знаю.

– А она знала мадам Баумгартнер?

– Нет, конечно.

– Вы уверены? Только хорошенько подумайте, прежде чем ответить.

– Может быть, вам следует хорошенько думать, прежде чем задавать вопросы? Не вмешивайте в это Кейти. Вы хотели урок? Пожалуйста.

Он притопил педаль газа до пола, когда они поднялись на вершину холма.

– Бенедикт… – начал было Гамаш, но больше ничего не успел сказать.

Водитель ударил по тормозам, машину развернуло, она потеряла управление.

Армана отбросило на дверь, он ударился головой о стекло. Услышал, как вскрикнул Бенедикт, когда его швырнуло в сторону.

– Отпустите тормоз! – прокричал Гамаш.

Но нога Бенедикта давила на педаль тормоза, а он крутил баранку то в одну, то в другую сторону, пытаясь снова сделать пикап послушным. Приближался сугроб, но тут машина обрела сцепление, и ее понесло в другую сторону, к другому сугробу. И откосу.

Гамаш отстегнул ремень безопасности, наклонился и ухватил руль, пытаясь перевести машину в управляемый занос, но Бенедикт крепко держал рулевое колесо, к тому же Гамаш потерял ориентацию и не чувствовал, где дорога, а где лес.

Бенедикт пытался оттолкнуть Гамаша – тот всем своим телом припечатывал молодого человека к сиденью, с одной стороны пытаясь столкнуть его ногу с педали тормоза, а с другой – защитить от неминуемой, казалось, катастрофы.

Арман ухватил брючину Бенедикта, потащил изо всех сил, пытаясь оторвать его ногу от педали тормоза.

Наконец ему это удалось, и он почувствовал, как машина встала на дорогу и сбросила скорость, но он знал: слишком поздно. В свете фар он увидел приближающийся сугроб на обочине, а за ним – деревья.

Арман закрыл глаза и напрягся.

Автомобиль вздрогнул и еще сбросил скорость.

Гамаш открыл глаза, посмотрел вперед и увидел не деревья, а дорогу.

Он перевел рычаг в нейтральное положение, и машина остановилась капотом вперед.

Оба смотрели на дорогу, приходя в себя.

Гамаш набрал полную грудь воздуха и выдохнул, а Бенедикт рядом с ним дышал часто и поверхностно. Его выдохи вырывались изо рта короткими взрывами.

– Кейти Берк, – сказал Гамаш. – Расскажите…

– Не вмешивайте ее.

– Вы и в самом деле собирались убить нас обоих, чтобы ее защитить?

– Оставьте ее в покое, – сказал Бенедикт.

– Это была ее идея или ваша?

– Хватит.

– Или что? Вы сбросите машину под откос? Новые смерти? Вы думаете, что чем больше вы натворите, тем вам будет легче, Бенедикт? Я даю вам шанс облегчить душу.

Бенедикт смотрел на него в отчаянии, широко распахнув глаза.

– Не хотите? – спросил Гамаш. – Что ж, тогда я вам расскажу. Кейти знала мадам Баумгартнер. В доме престарелых Кейти была первой в списке контактов покойной. Так вы и попали в завещание, верно?

Бенедикт продолжал смотреть на Гамаша, но теперь в его взгляде было больше удивления, чем враждебности.

– Убийство, Бенедикт. Вы этого хотели? Оно было запланировано?

Но Бенедикт казался слишком ошарашенным, чтобы отвечать.

– Говорите. Скажите мне правду теперь.

Как только они вернулись в дом, Рейн-Мари сообщила ему:

– Звонили и Жан Ги, и Изабель. Они хотели бы, чтобы ты перезвонил им.

Арману подумалось, что «хотели бы» слишком слабо сказано, их желание гораздо сильнее.

– Вы вернулись, – сказала Рейн-Мари Бенедикту. – Все в порядке? Вы что-то побледнели.

– Ему нужно немного отдохнуть, – сказал Арман, направляясь в кабинет. – Мы испытывали покрышки. Преподали друг другу маленькие уроки езды в опасных условиях.

Бенедикт рухнул в кресло перед огнем.

– Что ты с ним сделал, Арман? – прошептала Рейн-Мари у дверей кабинета.

– Преподал ему урок, – ответил ей муж. – Если он попытается уйти, дай мне знать. Но я думаю, не попытается.

Гамаш оставил у себя ключи от его машины.

Он взял трубку, чтобы ответить на звонки, но заметил, что у него послание на автоответчике. Тихий, теперь уже знакомый голос сказал ему, что девочка найдена и Арман может ее забрать в любое время. Она в безопасности.

Теперь пришла очередь Гамаша в изнеможении рухнуть в кресло. Он закрыл на миг глаза, выдохнул, прошептал «merci».

Потом он позвонил Жану Ги – тот был в пути.

– Еду, шеф. Через несколько минут буду.

– Отлично. А что у тебя?

Жан Ги ответил. Потом Гамаш позвонил Изабель.

Когда он вышел из кабинета, Бенедикт все еще сидел в кресле, он так и не прикоснулся к кружке с горячим шоколадом на столике рядом с ним.

Он тупо смотрел на пляшущие язычки пламени. Рейн-Мари только что подложила новое полено в огонь, и Анри улегся перед камином. Грейси спала на диване. Сцена, как ни посмотри, казалась мирной и домашней.

Но по тому, что он только что услышал от Жана Ги и Изабель, тут имело место заблуждение. И в некоторой мере безумие.

Поговорив с Жаном Ги и Изабель, он набрал телефон Мирны и попросил ее прийти.

Его соседка должна была выслушать это.

– Ты хочешь, чтобы я ушла, Арман? – спросила Рейн-Мари.

Она хорошо знала мужа и понимала: ожидается вовсе не веселая вечеринка с гостями.

– Non, если хочешь – оставайся.

Появилась Мирна, стряхнула снег с шапочки, потопала ногами, сбивая снег с сапог.

– Уж вы постарайтесь удивить чем-нибудь хорошим, а то я ушла, оставив тарелку с супом и стакан вина.

Мирна села у камина, уже понимая, что ничего хорошего не предвидится. А вот плохое – да.

– Что такое? – спросила она, глядя на Бенедикта, который, казалось, пребывал чуть ли не в коматозном состоянии. – Что случилось?

– Одну минутку, – сказал Арман, подойдя к окну.

Он увидел мелькнувший свет фар приближающейся машины.

Минуту спустя вошел Жан Ги.

– А вот и Кейти Берк, – сказал Бовуар, войдя в комнату.

– Кейти? – сказал Бенедикт, встав.

Глава тридцать третья

– Ты мне что – голову морочишь? – крикнула Амелия парню.

Тот остановился, повернулся.

Они уже час мотались по грязным проулкам. Марк начал дрожать, но не от холода или страха, а от ломки. Его бормотание перешло в жалобное нытье:

– Мне нужно что-нибудь. Что угодно.

Он уже принял таблетку кислоты, но ему была привычна наркота посильнее. И он становился все слабее и слабее.

Все они слабели.

И наркоманы, и транссексуалы, и шлюхи, которые тащились за Амелией, шедшей следом за парнем из проулка в многоквартирный дом, из дома на пустую парковку. Некоторые покинули группу – им отчаянно требовалась новая доза, и они предпочли искать ее самостоятельно.

Те, кто остался, зашли слишком далеко и уже не могли принимать независимые решения. Они просто передвигали ногами, боясь отстать. Опять.

– Нет-нет, он был здесь час назад, – сказал парнишка, оглядываясь. – Он просил меня найти тебя. Все готово.

– Что именно?

– Обед. Он приготовил для тебя обед. Что за фигню ты несешь? Чума приготовлена.

– Тогда зачем ему я? – спросила Амелия, чувствуя приток адреналина.

– Откуда мне знать?

Амелия посмотрела на Марка. Ей хотелось спросить совета у него, у кого-нибудь. Она начала чувствовать зуд, но не знала – то ли это возбуждение, то ли предупреждение. Что-то пошло не так. Чутье говорило ей, что она направляется прямо в ловушку. Она должна остановиться. Двинуться в другую сторону. Вернуться. Домой.

Но дома у нее теперь не было. Возвращаться было некуда. Только идти вперед.

Она взвешивала варианты, а пирсинг на ее языке постукивал о зубы.

Парнишка пошел дальше, он поскальзывался, иногда чуть не падал в слякоть в своих кроссовках.

– Наверно, ушел, – бормотал парень, поглядывая то в одну, то в другую сторону. Но уже наступил вечер, и в эти закоулки почти не

проникал свет от уличных фонарей. Дэвид мог стоять в футе от них, а они его не увидели бы.

Амелия приняла решение, ухватила Марка за руку и потащила вперед.

Щелк. Щелк. Щелк.

К звуку потрескивания пирсинга на языке присоединилась зубная дрожь.

Кейти и Бенедикт сидели бок о бок на диване перед камином.

На кофейном столике вместе с выпивкой стояла тарелка с ростбифом, курицей и сэндвичами с арахисовым маслом и медом.

На Кейти была длинная юбка из вареной шерсти поверх ярко-розовых джинсов и свитер, связанный словно из тефтелей, а на самом деле из коричневых помпонов. По крайней мере, остальные надеялись, что из них.

Анри смотрел на нее взглядом, который говорил, что за псом следует приглядывать.

Ее стрижка не отличалась от стрижки Бенедикта. Наверху почти под ноль, а по бокам, на ушах – длинные волосы.

Они держались за руки и выглядели очень молодыми; Кейти смотрела на взрослых вокруг них, а Бенедикт уставился на сэндвичи. Арман приглядывал за Анри. Остерегающим взглядом.

В очередной раз Арман обратил внимание на сходство между овчаркой и Бенедиктом.

– Я надеюсь, вы понимаете, – начал он, подняв глаза на молодую пару, – время лжи давно прошло. К тому же ее и без того немало накопилось.

И если слова Гамаша звучали жестко, то голос – мягко. Подбадривающе. Он словно выманивал фавнов из леса.

Кейти кивнула, а Бенедикт встретился взглядом с Арманом.

– Как это началось? – спросил Гамаш. Не вызывало сомнений, что его вопрос обращен к Кейти.

– Я думаю, это началось еще до моего рождения…

– Может быть, перейдем к более близким событиям? – сказал Арман. – Каким образом Бенедикт попал в завещание мадам Баумгартнер?

– Она знает? – спросила Мирна.

– Она знает и почему вы там оказались, – сказал Бовуар. – Верно?

Кейти еще раз кивнула. Она напоминала лунатика, вот только глаза ее смотрели проницательно, ярко и светились умом.

Гамаш подозревал, что видит перед собой примечательную молодую женщину. Несомненно, незаурядную.

– Я познакомилась с мадам Баумгартнер в доме для престарелых, – сказала Кейти Берк. – Не знаю, известно ли вам, но здесь таких домов для англоязычных наперечет.

– Почему это имеет значение? – спросил Жан Ги.

Кейти посмотрела на него с усталым терпением, словно взрослая женщина на младенца.

– С каким языком вы хотите умереть? Это имеет значение. Нам повезло устроить дедушку в один из таких. Я навещала его и обратила внимание, что к этой старушке почти никто не приезжает. Члены ее семьи появлялись когда могли и, казалось, любили ее, но если сидишь одна, то дни тянутся долго. Она мне всегда улыбалась, и лицо у нее было такое доброе. Такое немного эксцентричное, ну, вы знаете.

Взрослые закивали. Они понимали, почему эту молодую женщину тянуло к эксцентричному.

– Один раз я привезла ей пакетик домашнего печенья.

– Такое печенье с дырочкой посредине и наполненное вареньем, – сказал Бенедикт. – Только у Кейти дырочки другой формы…

Кейти похлопала его по руке, и он замолчал.

– Спасибо, – сказала она.

Она вовсе не затыкала ему рот, говорила с добротой в голосе.

«Любовь», – подумал Арман. Он не только внимательно слушал, он и внимательно наблюдал. Изучал динамику. Нередко то, что казалось очевидным, не являлось фактом или даже правдой.

– Мы разговорились, – продолжала свою историю Кейти, – и она попросила меня называть ее «баронесса». Мне это показалось странным.

– Кому бы не показалось? – сказала Мирна.

– Нет, я говорю, мне это показалось странным, потому что я дедушку называла «барон».

– Почему? – настороженно спросила Мирна.

– Просто он любил, чтобы его так называли. Он был барон, а моя бабушка – баронесса. Я думала, больше никого такого нет. Мадам Баумгартнер напомнила мне мою бабушку, которую я обожала, мы с ней часто сидели дома и разговаривали. Как-то раз я предложила им познакомиться. Барону и баронессе. Моя бабушка умерла годом ранее, и я знала, он страдает от одиночества.

– Вы знали, кто она? – спросил Арман.

– К тому времени уже знала.

– И, зная, кто она, вы все же предложили им встретиться?

Арман подался вперед. Его голос звучал приветливо, словно он

находился в компании друзей и убийство не витало на горизонте.

– Да.

– А он знал? – спросил Гамаш.

– Знал. Баронесса Баумгартнер.

Арман откинулся на спинку дивана, даже не пытаясь скрыть удивление.

– А она знала, кто он?

– Нет. Я боялась, что она не захочет с ним встречаться. Она узнала, только когда я их познакомила.

– А кто он был? – сказала Мирна.

– Барон Киндерот, – сказал Жан Ги. – Кейти из семьи Киндерот.

Он обнаружил это, когда просматривал досье на Киндеротов от «Тейлора энд Огилви». Там были записи о состоянии и о том, кто получал небольшие суммы денег по инвестиционному счету. У Киндеротов были две дочери. Одна вышла замуж за Берка и уехала в Онтарио. У него родилась дочь, ее назвали Катерина. Кейти Берк.

Если Жан Ги начал с Киндеротов и пришел к Кейти, то Изабель Лакост начала с Кейти и пришла к Киндеротам.

Она позвонила Гамашу и рассказала о своих находках, подтверждая то, что ему сейчас сообщил Бовуар.

Дороги разные, но пункт назначения один. Здесь. Сейчас.

Мирна смотрела на Жана Ги, осознавая услышанное. Потом перевела взгляд на Кейти:

– Так вы Киндерот?

Молодая женщина кивнула.

– И вы знали историю Киндеротов и Баумгартнеров? – спросила Мирна.

– Да, я выросла на этой истории. О том, что мой прапрадед был старшим сыном и деньги, титул, недвижимость принадлежат нам по праву. А вот Баумгартнеры – грязные, алчные, лгущие мошенники Баумгартнеры – пытались все это украсть у нас вот уже сто с лишним лет.

– Сто тридцать два года, – сказал Бенедикт.

– И как прошло их знакомство? – спросила Мирна.

– Я представила моего дедушку. Барона Киндерота. Он сидел в кресле-каталке, но смог встать. Предложил ей цветы – заранее попросил меня купить их. Эдельвейсы. Потом он поклонился и назвал ее баронессой.

Единственным звуком в комнате было бормотание и потрескивание поленьев в камине. Огонь отбрасывал на стены страшноватые, искаженные тени.

– А мадам Баумгартнер? – спросил Гамаш.

– Она долго смотрела перед собой. Казалось, целую вечность, – ответила Кейти.

– Сто тридцать два года, – сказал Бенедикт.

– Потом и она встала. Я хотела было помочь, но она отказалась. Она встала, уставилась на барона. Я боялась, что она сделает или скажет что-нибудь ужасное. Но она взяла у него цветы и сказала: «Danke schön, барон Киндерот». – Кейти улыбнулась.

Они посидели несколько секунд молча, представляя себе, как это происходило.

Потом Мирна услышала мурлыканье – тихое-тихое, словно издалека.

«Эдельвейс. Эдельвейс».

Она посмотрела на Бенедикта. «Эдельвейс», – мурлыкал он.

– И что потом? – спросила Мирна.

– Хотелось бы мне сказать, что с двух сторон все было прощено, но это не так, – сказала Кейти. – Каждый раз, когда я приезжала, я возила моего дедушку в солярий, попить чай с баронессой. Они сидели молча. А потом как-то раз я приехала, а они уже были там. Тихо разговаривали. Я оставила печенье в их комнатах и поехала домой.

– Они подружились? – спросила Рейн-Мари.

– На это ушло какое-то время, – сказала Кейти. – Но да, подружились.

– И как же они преодолели ту старую историю? – поинтересовалась Мирна, у которой были клиенты (времен ее психологической практики), которые никак не могли преодолеть куда менее закоренелую вражду.

– Одиночество, – сказала Кейти. – Они были нужны друг другу. Они понимали друг друга так, как не мог понять никто другой.

– А-а-а, – протянула Мирна.

Ничто не могло так излечить от прошлой боли, как боль сегодняшняя.

– Через месяц-другой они стали почти неразлучны. Ели вместе. Она вывозила его в сад, а он научил ее играть в криббедж.

– Они сообщили семьям? – спросил Арман.

Если и сообщили, то Баумгартнеры предпочли не упоминать об этом.

– Они собирались, – сказала Кейти. – Они знали, что суд в Вене вскоре вынесет решение, и оба беспокоились, что после того, как одна из семей получит наследство, она не захочет делиться. А проигравшая семья навсегда сохранит горечь. Но они нашли решение.

– Они хотели пожениться, – сказал Бенедикт.

И уже не в первый раз увидел, что все собравшиеся уставились на него так, будто он спятил.

– Пожениться? – переспросила Мирна. – Из-за денег?

– Они полюбили друг друга, – сказала Кейти. – Я думаю, он любил ее сильнее, чем любил мою бабушку. Он смеялся ее шуткам. Он прожил трудную жизнь, и жизнь закалила его, но с ней он просто мог быть самим собой. Барон – водитель такси.

– А она – баронесса-уборщица, – сказала Рейн-Мари.

– Да. Они решили, что если они будут иметь обязательства друг перед другом, не просто словесные, но подкрепленные браком, то остальной семье придется принять это и оставить старую вражду.

– И поделить состояние? – сказала Мирна. – Независимо от решения суда?

– Да. План состоял в том, чтобы оставить все друг другу со специальным условием разделить между двумя семьями равными долями, когда умрет последний из них. Но конечно, они хотели, чтобы их дети приняли это не скрежеща зубами, а с открытым сердцем. Как они.

– Но… – сказала Мирна.

– Но мой дедушка умер, и пожениться они не успели.

– Ах! – вырвалось у Рейн-Мари, словно она испытала физическую боль. – Для баронессы это наверняка стало большим горем.

– Да. Она ничего не говорила детям, а теперь уже было слишком поздно. После его смерти ее состояние стало резко ухудшаться. Отчасти физически, отчасти умственно. Мысли у нее путались. Она вызвала нотариуса, собиралась изменить свое завещание так, как они говорили об этом с бароном. Оставить все, если она выиграет дело в венском суде, равно поделенным между двумя семьями.

– Но нотариус отказался, – сказал Бенедикт.

– Он увидел, в каком она находится состоянии, – сказала Кейти, – и отказался – по его словам, не мог со спокойной совестью позволить ей изменить прежнее завещание. Он счел, что она не в здравом уме. Он знал ее семейную историю, судебные иски и решил, что на нее оказали давление. Он думал, что баронесса, которой всю жизнь не давала покоя эта история, никогда по доброй воле не согласилась бы поделиться с Киндеротами.

– Барон и баронесса именно этого и опасались со стороны своих семей, – сказала Рейн-Мари.

– Да, – сказала Кейти, – ее страхи подтвердились. Если нотариус решил, что она повредилась умом, то уж семья-то наверняка так станет думать. Но один пункт он позволил ей изменить.

– Пункт о душеприказчиках? – спросила Мирна. – Тогда-то она и включила нас в завещание?

– Да.

– Но почему? – спросил Арман.

– Чтобы вы могли исполнить не только ее завещание, но и ее истинное желание. Она знала: ее дети никогда на это не пойдут. Уж слишком долгая история у старой вражды. Но с новыми душеприказчиками ничего такого не будет. Нотариус, конечно, поступил правильно. В голове у нее все путалось. Но одно оставалось ясным. Составленный ею вместе с бароном план разделить состояние необходимо провести в жизнь. У нее это стало идеей фикс. Одержимостью. Не получить деньги, а покончить с ожесточением. Они поняли, какой вред нанесли детям, передав им вражду. Истинным наследством должно было стать освобождение от вражды.

– Но если она считала это таким уж важным, то почему собственной рукой не написала завещание и не подписала его? Разве оно не будет иметь законную силу? – спросила Рейн-Мари.

– Собственноручно составленное завещание, – сказал Арман. – Если оно написано от руки и подписано свидетелями, то в Квебеке оно имеет законную силу, верно. Но у нее уже побывал нотариус и решил, что она не в здравом уме.

– Именно, – сказала Кейти. Когда она кивала, как сейчас, весь ее тефтельный свитер подпрыгивал, что вызывало разные чувства – изумление, тревогу и тошноту. Нечто среднее между перформансом и обедом.

Анри сел, из пасти у него потекла слюна.

Арман молча, одной рукой дал псу команду «лежать», чему Анри и подчинился, хотя и неохотно.

– Значит, баронесса могла сделать одно: изменить список душеприказчиков.

– Да. Она вывела троих своих детей и назначила вас.

– Но вопрос остается, – сказала Мирна. – Почему нас? Мы ее даже не знали.

– Именно. Вот поэтому она вас и назвала. Нам нужны были люди, которые ничего не знали об истории двух семей.

– Нам? – спросил Гамаш.

– Я имела в виду ее.

– Понятно, – сказал Арман. – Вот, значит, по какой причине она поменяла душеприказчиков, но почему именно нас она выбрала? Мадам Ландерс и меня?

– Баронесса узнала, что глава Sûreté переехал в деревню неподалеку. Она в некоторой мере была снобом, и ей понравилась мысль о том, что кто-

то столь известный будет исполнять ее завещание. И еще она надеялась, что вы не позволите ее семье своевольничать. Откровенно говоря, ее следующим пожеланием была королева, а за ней – папа римский. Но, узнав про вас, – Кейти повернулась к Мирне, – она тут же согласилась, что вы будете идеальны.

– Старший офицер полиции и уважаемый психотерапевт, – сказала Мирна, кивая. – Что ж, в этом есть смысл.

– Вы психотерапевт? – сказала Кейти. – Нет, мадам Зардо явно сказала баронессе, что вы уборщица. Поэтому она и согласилась на вас. Человек, который ее поймет.

Мирна сердито сощурилась: попробуйте мне кто-нибудь засмеяться.

Арман единственный не улыбался.

– А кто подсказал баронессе сменить душеприказчиков? – спросил он.

– Я уже говорила, нотариус не согласился менять ее первое завещание…

– Да, это я уже слышал. Но кто-нибудь здесь знает, что можно сменить душеприказчиков?

Он оглядел присутствующих, все они до одного отрицательно покачали головой. Включая и Бенедикта. Который резко сжал пальцы в кулак, после чего перестал двигать головой.

– Позвольте мне спросить еще раз, – сказал Арман. – Как пожилой женщине, предположительно с начинающейся деменцией, могло прийти в голову даже хотя бы просто спросить о душеприказчиках?

После паузы Кейти ответила:

– Это моя идея. Я нашла такую возможность и предложила ей. Баронесса согласилась, что попробовать стоит.

– А выбор душеприказчиков?

– Это она сама решила.

Эти слова повисли в воздухе, обретая запах лжи. Арман позволил паузе затянуться, наконец заговорил:

– Включая и Бенедикта?

Рейн-Мари внимательно наблюдала. Не за Кейти – за Арманом. Она следила, как он с чуть ли не пугающей вежливостью выбивал подпорки из рассказа, пока тот не рухнул.

– Это была моя идея, – призналась Кейти. – Вообще-то, баронесса хотела назначить меня, но я сказала, что ничего не получится. Как только узнают, что девичья фамилия моей матери Киндерот, ее семья обвинит меня во влиянии на баронессу.

Жан Ги вскинул брови, но предпочел не высказывать ту мысль,

которая у всех в комнате была на уме.

– Ну и тогда мы решили назначить душеприказчиком вместо меня моего бойфренда, – сказала Кейти. – Я за него могла поручиться: он честный, добрый и будет поступать как надо.

«И делать то, что она ему говорит», – подумал Жан Ги.

– Но вы ушли от него, – заметила Рейн-Мари. – Так нам Бенедикт сказал.

– Так мы решили заранее, – ответила девушка. – Чтобы никаких связей не обнаружилось. Даже нотариус не знал.

– Значит, на самом деле вы не порвали отношения, – сказал Бенедикту Жан Ги. – Ты только вид делал. Еще одна ложь.

Слой за слоем. Ложь за ложью. Чтобы прикрыть гнойную истину. До которой они еще не добрались.

– Неужели вы думали, что мы не обнаружим? – спросил Арман.

– Я не думала, что кто-то будет вообще задавать вопросы, – ответила Кейти.

– Мы не думали, что делаем что-то плохое, – сказал Бенедикт.

Арман посмотрел на него:

– Одно из универсальных правил состоит вот в чем: если тебе приходится лгать, значит ты делаешь что-то плохое.

– Вы сказали мне, вам нравится моя шапка, сэр, – сказал Бенедикт, глядя на Гамаша. – Вы мне солгали?

Вопрос и безошибочно узнаваемый вызов в голосе некоторое время оставались без ответа – Гамаш отвечал на взгляд молодого человека, оценивая его заново.

– Я высказал свое мнение, – ответил Гамаш. – Не факт. Если вы лжете в том, что касается фактов, значит что-то не так. А вы двое просто погрязли во лжи. Неужели вас так уж удивляет, когда мы сомневаемся в ваших словах?

– Чтобы помогать пожилой женщине, требуется немало сил, – сказала Мирна.

Гамаш, не сводивший глаз с Бенедикта, согласился, хотя слово, которое пришло ему в голову, было не «сил», а «предварительного обдумывания».

– Я не просто ей помогала, – сказала Кейти. – Я видела, что принесла эта вражда моей матери, моей тетке, моим бабушке и деду. Мне. Всю жизнь проводить в мыслях о том, что ты могла бы и должна бы жить лучше? Думать, что нас обошли Баумгартнеры. Ждать какого-то судебного решения с другого континента? Которое сделает нас счастливыми. Это было ужасно. – Она положила руку на живот, словно ей стало нехорошо;

Бенедикт накрыл ладонью ее колено. – Я согласна с бароном и баронессой, – продолжила она. – Вражда должна закончиться.

– А заодно и обеспечить получение наследства независимо от решения суда в Вене? – спросил Арман.

В этом вопросе ее мужа, обратила внимание Рейн-Мари, чувствовалось значительно меньше вежливости, чем в предыдущих. Но в конечном счете ведь эти люди сегодня оказались здесь не на вечеринке.

– Мы оба знаем, месье, что никакого наследства нет, – сказала Кейти. – Ведь сколько времени прошло. Да одни судебные издержки могли съесть все, я уж не говорю о том, что нацисты сделали с собственностью, принадлежавшей евреям. Ничего, кроме ненависти, я бы не унаследовала. А мне ненависть не нужна. Ни мне, ни моей семье.

Арман посмотрел на молодую женщину, недоумевая: неужели у нее и в самом деле иммунитет к семейной чуме? Ползучей болезни ненависти. Этому вьюнку в саду.

Бенедикт гладил руку Кейти, это был жест поддержки и любви.

– Но всего ваши слова не объясняют, – сказал Арман. – Мы, как душеприказчики, должны исполнять положения завещания. А не делать то, что нам кажется справедливым.

– Поэтому она написала письмо, – сказала Кейти.

– Какое письмо? – спросил Арман.

– Баронесса написала письмо для передачи ее старшему сыну после оглашения завещания. В письме она объясняет все.

– Почему письмо написано для него, а не для нас? – спросила Мирна.

– Она не хотела, чтобы ее дети узнали об этом от чужих людей, – сказала Кейти. – И она думала, он поймет.

– Поймет раздел состояния? – спросил Жан Ги.

– Поймет, что вражду нужно прекратить.

– Почему она думала, что Энтони поймет лучше других? – спросила Мирна.

– Это как-то связано с картиной, – сказала Кейти. – Портретом сумасшедшей старухи, которая ничуть не сумасшедшая или что-то в таком роде. Другие явно ненавидели эту картину, а он оставил себе. Я на самом деле не очень понимала, что она имеет в виду. К тому времени она уже начала заговариваться. Я думаю, она уже не делала различий между картиной и собой. Но по какой-то причине картина была важна для нее. И для него, я думаю. Как бы то ни было, она решила, что письмо должен получить ее старший сын.

– И он его получил? – спросила Мирна.

Арман и Жан Ги переглянулись.

– Мы ничего такого в его бумагах не нашли, – сказал Бовуар.

Гамаш встал.

– Будьте добры, пойдемте со мной, – сказал он Жану Ги и Мирне.

Они прошли в его кабинет, и, когда дверь закрылась, он снял телефонную трубку и набрал номер.

Глава тридцать четвертая

– Вы знаете, который час? – раздался голос Люсьена.

Гамаш посмотрел на часы.

– Десять минут девятого, – сказал он.

– Вечера.

– Oui. Извините, что звоню в неурочное время. Со мной Мирна Ландерс и старший инспектор Бовуар. Я вывел вас на громкую связь. У нас к вам несколько вопросов.

– А подождать это не может?

– Неужели вы думаете, мы стали бы вам звонить, если бы могло? – спросил Жан Ги.

– Оставляла ли мадам Баумгартнер письмо для передачи своему сыну Энтони? – поинтересовался Гамаш.

Фоновый звук работающего телевизора смолк.

– Да, оставляла. Я нашел его в папке отца, прикрепленной к завещанию.

– Почему вы не сказали нам о письме?

– А почему я должен был вам это говорить? Ваша задача – обеспечить исполнение завещания. Письмо к этому никакого отношения не имеет.

– И все же вы могли сказать о существовании такого письма, – заметила Мирна.

– И после смерти Баумгартнера? – спросил Бовуар. – Когда стало ясно, что произошло убийство? Вы не сочли нужным даже тогда упомянуть о письме?

– На него обрушился дом, – сказал Люсьен. – Письмо его не убивало.

– Откуда вы знаете? – спросил Гамаш. – Вы его читали?

– Нет.

– Говорите правду, мэтр Мерсье, – посоветовал Гамаш.

– Я его не читал. Зачем мне знать, что там написано?

В этих словах хотя бы слышался какой-то отзвук правды.

Если письмо было не о нем, а оно явно таким не было, то Люсьена Мерсье оно не интересовало.

– Когда вы отдали ему письмо? – спросил Бовуар.

– Сразу после оглашения завещания. Когда вы все ушли.

– Вы оставались вдвоем с ним?

– Нет, кажется, Кэролайн и Гуго Баумгартнер тоже оставались.

– Вообще-то, Кэролайн ушла вместе с нами, – сказала Мирна.

– Он прочел письмо в вашем присутствии? – спросил Арман.

– Нет. Я просто передал ему письмо и ушел. Понятия не имею, когда он его прочел и прочел ли вообще. А почему это имеет значение?

– Имеет, потому что ее сына убили, – сказал Бовуар. – И вы отдали ему письмо всего за несколько часов до его смерти. Письмо, которое, возможно, обусловило его звонок кому-то. Встречу. Письмо могло бы объяснить, почему он отправился в дом на ферму и с кем там встретился. У вас есть какие-нибудь соображения на сей счет?

– Нет, никаких.

– Вы знаете, что содержалось в письме, мэтр Мерсье? – спросил Гамаш. Спросил еще раз.

– Нет.

Трое человек в кабинете переглянулись. Они сильно сомневались, что словам нотариуса можно доверять.

Хотя, зачем ему лгать, им тоже было непонятно.

– Люсьен Мерсье, нотариус, подтвердил, что, когда оглашение завещания закончилось и мы ушли, он передал Энтони Баумгартнеру письмо от матери, – сказал Арман, когда они вернулись в гостиную.

– А он знает, что в нем было написано? – спросила Рейн-Мари.

– Говорит – нет, не знает, – ответил Жан Ги, садясь на прежнее место.

– Значит, содержания письма никто не знает? – спросила Рейн-Мари.

– Я думаю, один из нас знает.

Арман взглянул на Кейти.

Та посмотрела на Бенедикта, который кивнул ей.

– Вы правы, – сказала она. – Я присутствовала, когда она писала письмо. В нем она рассказывала о своей встрече с бароном. О том, что она выслушала «другую сторону». Увидела: он вовсе никакой не алчный монстр, просто старый человек, продолжающий еще более старую борьбу. Она написала что-то о горизонте. Не знаю, что она имела в виду. Но там определенно было сказано: если Энтони любит ее, а она знала, что любит, то выполнит ее последнюю просьбу. Если они выиграют дело, то он разделит наследство с Киндеротами.

– Прекрасное письмо, – произнесла Рейн-Мари.

– И очень четкое, – заметил Арман, не сводивший глаз с Кейти.

– Интересно, прочел ли он его? – сказала Мирна. – И что почувствовал.

– И сообщил ли брату и сестре, – добавил Жан Ги. – Мотив вполне

основательный. Без Энтони и письма все наследство принадлежало им. А с ним пришлось бы делиться. Убийства совершаются и за двадцать долларов. А тут речь идет о миллионах.

– Которых нет в природе, – заметила Мирна.

– Но откуда мы знаем? – спросил Жан Ги. – Откуда они знают? Мы не знаем, и они не знают. По крайней мере, до судебного решения. И на самом деле не имеет значения, есть они в природе или нет, важно, что они верят и надеются – миллионы есть.

Мирна кивнула. Люди способны верить во что угодно. А надежда – вещь еще более всеобъемлющая и мощная.

Рейн-Мари слушала разговор, но следила за Арманом: ее муж встал, подбросил в камин еще одно полено, пошуровал кочергой, отчего вверх по трубе устремились искорки. Потом он повернулся, все еще с кочергой в руке:

– И кто написал письмо?

– Баронесса, – сказала Кейти. – Я уже говорила.

Но тефтели на ее свитере подрагивали.

И Гамаш знал: это дрожит ее сердце. Оно колотилось с таким неистовством, что тефтели не могли оставаться неподвижными. Но смотреть на него она продолжала явно спокойным взглядом. Явно холодным.

«Она не лишена мужества», – подумал Гамаш. Но еще он подумал: жаль, что ей в жизни не обойтись без мужества. А ведь сколько его требуется, чтобы смотреть ему в глаза и врать.

– Пожилая женщина, умирающая умственно и физически, берет ручку и пишет письмо? – спросил он. – И так четко выражает свою мысль?

В голосе его не слышалось ни резкости, ни обвинительной нотки – напротив, только сообразность. Мягкость. Он еще раз приглашал ее выйти из тьмы на свет.

– Да. Я смотрела.

Бенедикт взял ее руку, сжал.

– Кейти, – произнес он одно только слово. Только «Кейти» – и больше ничего.

Кейти.

Она опустила глаза в пол. Посмотрела на собаку, которая тоже смотрела на нее и истекала слюной.

– Она диктовала, но писала за нее я.

– Merci, – сказал Арман; он положил кочергу и сел на прежнее место. – Вы, конечно, понимаете, что это значит.

– Что даже если вы найдете письмо, то оно написано моей рукой. Никаких доказательств, что это ее слова, нет.

– Oui, – сказал Арман.

Не сказал он (хотя ему и, как он подозревал, Бовуару это было ясно), что не существует никаких доказательств и в отношении всего остального, сказанного ею. Все ее слова могли оказаться нагромождением лжи.

Примирение. Желание заключить брак. Решение разделить наследство.

Все могло быть ложью.

Все, кто мог подтвердить ее слова, умерли. Барон. Баронесса. А теперь еще и Энтони Баумгартнер.

И еще одно стало ему ясно: Бенедикт вовсе не выступал в роли пассивного, покорного мальчика, каким казался. Мальчика, которого одевала, создавала, которым манипулировала Кейти Берк.

Он одним словом заставлял ее говорить правду. И Гамаш подозревал: Бенедикт делал это вовсе не из собственной веры в правду, просто он видел: дальше ложь не работает.

– В письме присутствовало и еще кое-что, – сказала Кейти.

– Позволь, я им скажу, – проговорил Бенедикт.

Он посмотрел на Гамаша:

– Баронесса хотела, чтобы дом снесли.

– Почему?

– Она хотела, чтобы они начали с чистого листа. Освободились от прошлого и зажили новой жизнью. Она знала: они никогда этого не смогут, пока стоит дом. Там она их вырастила. Там она рассказывала им все свои истории про наследство. Она хотела, чтобы дома не стало.

– И вы поэтому поехали туда? – спросил Арман.

– Да, – ответил Бенедикт. – Хотел приехать ночью, когда никаких Баумгартнеров там точно не будет. Чтобы посмотреть, насколько трудно будет снести его. Я знаю, вы говорили, сэр, что уже обрекли его на снос, но если бы дело затянулось или снос вообще бы не состоялся? Я чувствовал себя обязанным исполнить волю покойной.

– Я попросила его, – сказала Кейти.

– Я нашел опорную балку в кухне, шарахнул по ней несколько раз кувалдой. Чтобы испытать.

– И балка не выдержала испытания? – спросила Мирна.

– Ну да. Дом обрушился. Этого я не хотел.

Кейти крепко сжимала его руку, а он смотрел то на Мирну, то на Жана Ги, то на Армана.

– Вы приехали и спасли меня, – сказал Бенедикт. – Спасибо.

– Спасибо, – повторила за ним и Кейти.

Рейн-Мари видела молодого человека.

Жан Ги видел облако бетонной пыли, штукатурки, снега. Слышал грохот.

И крик. Вопль. Собственный. Когда он вырывался из рук державших его спасателей.

Мирна видела огромные балки и доски, падающие вокруг. Она чувствовала, как рядом с ней летят обломки, ощущала переполняющий ее ужас и невозможность поверить в то, что она вот-вот умрет. И еще чувствовала пальцы Билли Уильямса, сжимающие ее руку.

Арман посмотрел на Бенедикта, который сидел перед веселыми языками, пляшущими в камине, вспомнил молодое тело, прижавшееся к нему в попытке защитить от рушащегося дома Баумгартнеров и всего мира, падающего на них.

Потом он увидел лицо Бенедикта в крови, в пыли. А за ним – руку, торчащую из обломков.

Руку Энтони Баумгартнера.

Амелию начала пробирать почти неуправляемая дрожь.

Они уже ходили здесь не один час. Она понимала, что происходит. Их намеренно выматывают. Водят по мерзлым улицам, чтобы лишить воли, способности к сопротивлению.

Ноги у нее насквозь промокли, а Марк рядом с ней плакал. Умолял. Она не знала о чем. Просто умолял.

Может быть, о том, чтобы все это остановилось. Чтобы они остановились.

Но Амелия не могла такого допустить. Хотя она и видела, что ею манипулируют, она должна была дойти до конца.

Глава тридцать пятая

«Убийство, по существу, дело нехитрое», – подумал Бовуар, когда они с тестем шли в кухню.

Мотивы, даже методы исполнения могли казаться сложными, но только до того момента, пока ты не распутывал клубок. А нынешнее дело уже близилось к концу.

Арман закрыл дверь в кухню.

– Что ты думаешь?

– Я думаю, все это враки. Я думаю, никакой дружбы между бароном и баронессой не было, я уж не говорю о любви. История Кейти Берк – курам на смех. Похожа на сказку.

– Большинство сказок довольно темные, – сказал Арман, доставая из холодильника тарт татен[47] и протягивая Жану Ги. – Ты ведь читал сказки Оноре? «Румпельштильцхен»? Начинается ложью, кончается смертью.

– Буду опасаться всяких эльфов, – сказал Жан Ги.

– Злых карликов, – сказал Арман. Он включил чайник в розетку и повернулся – Жан Ги разрезал яблочный пирог.

Пришли они сюда якобы за десертом, но Рейн-Мари, пришедшая, чтобы помочь им, увидела выражение на лице мужа и поспешила ретироваться.

– Я думаю, она беременна, – сказал Арман. – Я о Кейти говорю.

– С чего ты взял? Эльф нашептал?

– Злой карлик. И нет – никто не нашептал. Я сужу по тому, как она положила руку на живот, когда говорила об окончании семейной вражды. А потом он прикоснулся к ней очень нежно. Ты так прикасался к Анни, когда она носила Оноре. Он ее любит.

– Они любят друг друга, – сказал Жан Ги, облизывая пальцы и думая. – Если она беременна, то мотив становится еще сильнее.

– Но мотив чего? – спросил Арман. – Желания положить конец вражде или еще больше разжечь ее? В первом случае они счастливы, но в бедности, в другом – у них состояние, но за него приходится платить. Чего они хотят для своего ребенка? Денег или мира?

– Денег, – ответил Жан Ги. – Всегда денег. Мир – он для людей с банковским счетом. Посмотри на них. Он так называемый плотник, а на самом деле дворник. А она… кто она? Девица, которая хочет стать дизайнером? Она никогда не заработает ни цента, если только не начнет

делать клоунские костюмы. И он тоже. А теперь они ждут ребенка? Нет, их единственная надежда, последняя надежда – на решение суда в Вене.

– Она сказала, что не верит в существование денег.

– А что ей еще говорить? Конечно, может быть, ее здравый смысл подсказывает ей, что никакого состояния нет. Но ее воспитывали на довольно темной сказке. Сказке об огромном богатстве, которое ее ждет. Кто о таком не мечтает? Нет, ты меня не убедишь, что Кейти Берк в глубине души не верит, что состояние все-таки есть. И оно принадлежит им.

«Заблуждение и безумие», – подумал Жан Ги. Как в большинстве сказок.

– Поверь мне, – сказал он, – эта парочка увязла в своих выдумках по самые уши.

Арман рассказал ему о том, что случилось в машине Бенедикта.

– Ты думаешь, он пытался устроить аварию? – спросил Жан Ги, потрясенный услышанным.

– Нет, я думаю, он почувствовал себя загнанным в угол и его обуяла ярость, когда я стал спрашивать про Кейти.

Они оба знали, что ярость коренится в страхе. А он является двигателем большинства убийств.

– Ты думаешь, они убили Энтони Баумгартнера? – спросил Арман.

– Да. Я думаю, в том письме было что-то, заставившее Баумгартнера броситься на ферму. Бенедикт встретил его там и убил.

– Зачем убивать? – спросил Арман. – Если в письме говорилось о разделе наследства, то зачем его убивать?

– Затем, что там ничего такого не говорилось. Кейти соврала. Мы понятия не имеем, что было в письме. Баронесса могла диктовать одно, а Кейти написала что-то другое. Например: после оглашения завещания Энтони должен отправиться на старую ферму один вечером. Он и отправился. Полагая, что таково было желание матери.

– Мы этого не знаем.

– Нет, я о другом. Мы понятия не имеем, что там было. Может, даже Кейти и правду говорит.

Впрочем, Бовуар ни секунды в это не верил.

– Мы знаем только одно: Баумгартнер прочел письмо, после чего поехал на ферму.

– Ты об этом говоришь как о причине и следствии, – сказал Гамаш. – Но он мог поехать туда и по какой-то другой причине.

– Верно.

– Занятно, что Кейти знала о портрете Рут. Узнать об этом она могла

только от баронессы.

– Но это еще не означает, что об этом говорилось в письме.

– Нет, не означает, – сказал Гамаш. – Поэтому, если вкратце, у нас две версии. Первая: Кейти написала то, что ей продиктовала баронесса. И вторая: она написала что-то другое.

Бовуар кивнул.

– Похоже, это не приближает нас к истине.

Хотя часто в расследовании убийства с истиной случаются странные вещи. Могло возникнуть впечатление, что ты удаляешься от нее, теряешься в пыли, поднятой многочисленными противоречиями. Уликами. Ложью.

Но потом говорилось какое-то слово, попадалось что-то на глаза, и все казавшееся противоречивым вдруг становилось на свое место.

– Все время возникает эта чертова картина, – сказал Жан Ги. – О ней говорил даже Бернар Шаффер, которого я сегодня допрашивал.

Бовуар рассказал Гамашу о допросе.

– Значит, он присутствовал, когда Баумгартнер вешал ее в кабинете, – сказал Гамаш. – А потом запустил ему ноутбук.

– Предполагается, что именно для этого он туда и пришел, – сказал Бовуар. – Но потом его приход обернулся кое-чем другим.

– Шаффер сказал тебе, что Баумгартнер сочинял новый пароль? И что – сочинил?

– Если и сочинил, то ему хватило ума не сообщать об этом Шафферу.

– Как сказал тебе Шаффер, – сказал Гамаш.

– Верно. Мы его так еще и не разгадали, этот пароль. Мы, конечно, обыскали дом. Я даже заглянул за эту треклятую картину, но нашел там только номер копии.

Гамаш кивнул, потом его брови сошлись на переносице.

– Что ты там нашел?

– Это нумерованная копия. Они ставят на них номера, чтобы покупатели знали…

– Да-да, – сказал Гамаш. – Я знаю. У нас есть такие здесь, включая и одну копию от Клары.

Он подошел к стене у длинного соснового стола. Бовуар видел картину много раз, включая и оригинал в студии Клары, когда она написала его.

Теперь он с тестем стоял перед картиной.

Клара назвала свою работу «Три грации». Но написала не трех прекрасных женщин, обнаженных и переплетшихся телами в более чем эротическом соединении; она написала трех полностью одетых старух из деревни. Включая и женщину, Эмили, которая прежде владела домом,

ставшим теперь домом Гамашей.

Они были сморщенные, дряблые, хрупкие. Они держались друг за друга. Не из страха или слабости. Напротив. Три женщины надрывали животы от хохота. Работа Клары излучала радость. Дружбу. Теплые отношения. Силу.

– Номер копии, – сказал Жан Ги, снимая со стены большую картину, – написан на заднике.

– Вообще-то… – начал было Гамаш, но было уже поздно: Жан Ги снял картину и развернул ее.

Там и в самом деле было что-то написано. Но знакомым почерком Гамаша.

«Рейн-Мари, моей Грации[48]. С любовью навсегда, Арман».

Жан Ги зарделся и, быстро повесив картину назад, повернулся к Арману, который с улыбкой наблюдал за ним.

– Вообще-то, это не тайна, – сказал Арман. – И не пароль. Я тебе хотел другое показать.

Гамаш показал на картину. В нижнем правом углу находилась подпись Клары и цифры 7/12.

– Я видел это, – сказал Жан Ги. – Но я всегда думал, это дата окончания картины.

– Нет. Это номер копии. Седьмой из двенадцати.

– Всего было двенадцать копий?

– Это еще до того, как ее признали, – сказал Арман. – Она не думала, что и двенадцать-то продаст.

– Так что эта копия может стоить…

Но он замолчал и уставился на «Три грации». На цифры. И хмыкнул:

– Так… Что же за номер на заднике картины у Баумгартнера?

Гамаш вскинул брови, то же сделал и Жан Ги, который быстро пошел к телефону в кухне и набрал номер.

– Клутье? Картина в кабинете Баумгартнера. Да, сумасшедшая старуха. На заднике есть номер. Не могли бы вы подъехать туда и посмотреть? Даже больше – привезти картину. Нет, я не шучу. Нет, я не хочу, чтобы вы принесли ее в мой кабинет. Держите ее у своего стола. Хорошо, тогда поверните лицом к стене. Мне все равно. Перепишите номер и попробуйте ввести его как пароль. Я буду на месте через час.

Бовуар повесил трубку и повернулся к Гамашу:

– Скоро будем знать. Не представляю, что мы найдем на этом компьютере, но я готов по-прежнему поспорить: наша парочка, – он мотнул головой в сторону гостиной, – погрязла в этом деле по самые свои

дурацкие прически. Я думаю, Энтони Баумгартнер был человеком алчным. Злокозненным. Криминальным. Не думаю, что у него было намерение делиться наследством.

– И ты думаешь, поэтому его и убили?

– Да. А ты?

Гамаш посмотрел на закрытую дверь, и Жан Ги, хорошо знавший тестя, мог проникнуть в его мысли.

– Послушай, шеф, я знаю, ты не хочешь, чтобы Бенедикт оказался убийцей. Он тебе нравится. Мне он тоже нравится. Он спас твою жизнь. Но…

– Ты думаешь, я поэтому не верю, что Бенедикт убийца? – спросил Арман. – Потому что он повел себя по-человечески?

– Очень даже по-человечески, – сказал Бовуар.

– Да, но мы арестовывали много убийц с человеческими лицами, так что нас на мякине не проведешь. Я не вижу в этом доказательства. Да, они лгали, но если бы все, кто нам лгал, были убийцами, то на улицах у нас началась бы бойня.

– Ты не хочешь в это верить.

– Предъяви мне доказательство, и я поверю.

– Ты говорил об отделении фактов от всего вранья в этом деле. Что ж, вот тебе факт. Когда Бенедикт был в доме, Баумгартнер тоже находился в доме. У него были возможность и мотив. Я готов спорить, что под всеми этими обломками мы найдем кувалду или другое оружие, которым он там пользовался. И тогда их история обрушится, как здание. И погребет их.

Эти двое привыкли к жарким спорам по делам, которые расследовали. Они привыкли к опровержению версий, оспариванию свидетельств. Ничего нового в этом не было. Хотя теперь Арман слышал некоторую нервозность и знал ее причины.

Отказывался ли он видеть вещи, очевидные Бовуару? Было ли ему все так уж ясно, если бы он до сих пор не чувствовал дрожащего тела Бенедикта на своем, не слышал его плача? Рыданий молодого человека в страхе перед смертью, но инстинктивно защищающего другого. Совершенно чужого ему.

Неужели такой человек мог несколькими часами ранее забрать чью-то жизнь?

Но Арман знал ответ на этот вопрос. Да. Один ответ основывался на чувстве. Другой на размышлении. Предварительном. И где-то на глубинном уровне, возможно, тоже на чувстве.

Родитель на многое готов, чтобы обеспечить своего ребенка. И если

для этого нужно убить (как там Кейти его назвала?) грязного, алчного, лгущего мошенника Баумгартнера, то так тому и быть.

Да, Арман должен был признать: Бенедикт мог быть убийцей.

Они вернулись в гостиную, и Жан Ги попрощался, сказав, что ему нужно возвращаться в Монреаль.

Мирна поднялась вслед за ним:

– Я тоже пойду. А то мое печенье само себя не съест.

– Ты вроде говорила, у тебя суп остался, – сказала Рейн-Мари, провожая ее к двери.

– Наверно, ты ослышалась, – сказала Мирна.

– А мы? – спросила Кейти.

– Вы тоже свободны, – сказал Бовуар.

– И я? – спросил Бенедикт.

Бовуар помедлил немного, потом кивнул.

Они поблагодарили Гамашей за гостеприимство.

– И за покрышки, – сказал Бенедикт с улыбкой, которую днем ранее Гамаш назвал бы обезоруживающей, но сегодня она показалась ему расчетливой. – Я не забуду.

– И я тоже, – сказал Арман, пожимая руку молодому человеку. Потом он обратился к Кейти: – Знаете, мне и вправду понравилась шапочка.

Бовуар проводил их взглядом, потом сказал Гамашу:

– Когда я встречусь с ними в следующий раз, у меня на руках будет ордер на арест.

Гамаш надел ботинки, куртку, шапку.

– Собак выгуливать? – спросил Бовуар, натягивая варежки.

– Non. Я тоже в Монреаль.

– Отлично, – сказал Бовуар. – Я тебя подвезу. Можешь остаться у нас, если хочешь.

– Non, merci. Я сам поеду. Сегодня же и вернусь.

– А как твои глаза?

– В полном порядке.

Бовуар остановился, вгляделся в лицо тестя:

– Ты уверен?

– Ты ведь не обвиняешь меня снова в слепоте?

– Только хочу засвидетельствовать нечто столь очевидное, что даже твой младенец-внук понимает, – сказал Бовуар. – Впрочем, я вижу, ехать ты можешь.

Гамаш рассмеялся, пожелал зятю доброй ночи и вернулся к Рейн-Мари – сказал, что ему нужно в город, но он сегодня же вернется.

– Хочешь, поеду с тобой? – спросила она.

– Non, mon coeur…[49]

В этот момент зазвонил телефон.

– Я отвечу, – сказал он и направился в свой кабинет.

Потянувшись к телефону, Арман вдруг замер – на экране трубки высветился знакомый номер.

Он кинул взгляд в гостиную, ногой толкнул дверь; когда она закрылась, сказал:

– Oui, allô.

Его голос показался ему странным даже для собственных ушей. Он звучал удивительно спокойно, тогда как сердце его колотилось.

– Месье Гамаш? – спросил мужской голос на другом конце. – Арнольд Гамаш?

– Арман. Oui.

– Меня зовут доктор Харпер. Я один из коронеров в Монреале. Боюсь, у меня для вас плохие новости.

У Гамаша закружилась голова. Он почувствовал – физически почувствовал – тошноту.

«Анни? – подумал он. – Оноре? Несчастный случай?»

Он стоял прямо, но на всякий случай уперся рукой в стол. Приготовился к удару.

– Я вас слушаю.

– Мы нашли ваше имя и номер телефона на теле, которое только что привезли. Ничего другого нет.

– Слушаю, – сказал Арман. Пальцы на руках и ногах у него похолодели, их пощипывало. Он боялся упасть в обморок.

– Мужчина. Рост больше шести футов. Худой. Точнее, изможденный. В женской одежде.

Арман сел и закрыл глаза, поднял дрожащую руку ко лбу. Выдохнул.

Не Анни. Не Оноре.

– Похоже, транссексуал накануне операции, – продолжал коронер. – Ваше имя было записано у него на бумажке в кармане.

– У нее, – сказал Гамаш, вздохнув.

– Прошу прощения?

– Это она. На ней розовое пальто? С оборками?

– Ничего нет. Ни пальто. Ни сапог, ни перчаток. Он…

– Она.

– Она была почти голая. Вы ее не знаете?

– Ее нашли одну? – спросил Гамаш, понимая, что́ это может

означать. – С ней никого не было, когда ее нашли?

– Вы имеете в виду еще одно тело?

– Маленькая девочка. Лет шести.

– Не знаю. Мне привезли только тело.

– Проверьте, – сказал Гамаш, сдерживая себя, чтобы не наорать на коронера. – Пожалуйста.

Обычно коронер-новичок не принимал просьб от незнакомого человека по телефону, но этот человек говорил таким властным тоном, что коронер ответил:

– Минуточку.

И отправился проверять.

Он перевел Гамаша в режим ожидания, а тот поднялся на ноги и принялся расхаживать по кабинету в ожидании. Он ждал, ждал. Наконец вернулся доктор Харпер.

– Нет. Никакой маленькой девочки. По крайней мере, в морге. Вы тот самый Гамаш? Глава Sûreté?

– Да.

– Вы знаете, чье это тело?

– Думаю, что знаю, но мне нужно увидеть ее. Отчего она умерла?

– Похоже, передозировка. Мы делаем анализы.

– Я буду у вас через час.

– Да, сэр.

Арман направился к двери, но передумал и, вернувшись в кабинет, вытащил несколько шприцев из ящика под замком в своем столе.

После этого он ушел.

Гамаш стоял перед металлическим прозекторским столом, смотрел на одежду, сваленную на приставной стол. Ярко-багряная нейлоновая блузка, купленная потому, как он подозревал, что напоминала шелк. Мини-юбка из кожзаменителя. Подранные чулки-сеточка.

Потом он перевел взгляд на тощее тело и увидел, сколько сил она прилагала ради тех, кому было все равно. Ее пышный парик сбился. Густой макияж размазался по лицу, хотя утром она аккуратно нанесла косметику на лицо. Впрочем, струпья и язвы на лице не могло скрыть ничто.

В этом ужасном месте она попыталась быть красивой.

Он смотрел на тело, испытывая всеподавляющую грусть.

Коронер и санитар, услышав, как глава полиции бормочет что-то похожее на молитву, отошли в сторону.

Скорее от смущения, чем из уважения к приватности.

Гамаш перекрестился и повернулся к ним.

– Ее зовут Анита Фасьял, – сказал он. Когда санитар начал было хохотать, Гамаш пресек его попытку суровым взглядом. – Конечно, при рождении она получила другое имя. Я его не знаю. Если вам нужна помощь в отыскании ее родни, дайте мне знать, сделаю что смогу.

Гамаш обратил внимание на пятнистую кожу, синие вены. Ужас в глазах, красных от лопнувших сосудов. Ее смерть нельзя было назвать блаженной. Анита не отошла в облаке экстаза. Ее вырвали из жизни.

– Это карфентанил, – сказал он.

– Что? – спросил коронер.

– Аналог фентанила. Опиоид.

– Вы правы, сэр, – сказал санитар, севший за компьютер. – Прислали результаты анализов. У него…

– У нее, – сказал коронер.

– У нее в крови обнаружен карфентанил. Хотя и в небольшом количестве.

– Много его и не требуется, – сказал Гамаш.

– Никогда о таком не слышал, – сказал доктор Харпер. – Вы его знаете? Новый опиоид?

– Новейший, – сказал Гамаш. – Только появился на улице.

Коронер глубоко вздохнул и пробормотал:

– Черт бы подрал эти наркотики.

– Вы позволите? – Гамаш протянул руку, но спросил разрешения, прежде чем прикоснуться к руке Аниты.

Ее тело было исписано чем-то похожим на доморощенную татуировку. Сердца. Бабочки. На тыльной стороне ладони он прочел «Esprit».

Призрак.

На другой он прочел «Espoir».

Надежда.

Esprit. Espoir.

Но его заинтересовало ее левое предплечье. Там были надписи другой, хотя и знакомой рукой.

Не татуировка – это было написано фломастером.

Дэвид.

А после имени стояла цифра 2.

Доктор Харпер подошел к компьютеру и сказал что-то санитару, который застучал по клавиатуре.

– Черт возьми! – сказал он и повернулся к коронеру, который впился взглядом в экран, а потом обратился к Гамашу: – За последние три дня в

Монреале случились шесть смертей. Четыре дня, считая сегодняшнее утро. Все бездомные. Все наркоманы. От одного и того же наркотика. Как вы сказали?

Гамаш не ответил. Да и вопрос все равно был риторический. Коронер точно знал, с чем они имеют дело. С кошмаром.

Арман почувствовал, как тяжело ему стало дышать.

Он опоздал. Наркотик уже на улицах. Шесть смертей. Гамаш посмотрел на Аниту. Семь.

Но пока он ни слова не слышал от копов, действовавших под прикрытием. Амелия ничего не нашла. Так что, может, это была проверочная партия, для аппетита.

Основная часть наркотика появится очень скоро. Может, через несколько часов. Но пока еще ее придерживают.

– Вы можете показать фотоснимки других вскрытий? – спросил Гамаш, подходя к компьютеру.

Снимки были уже на экране.

– Увеличьте левые предплечья.

Сначала одно, потом другое. Потом еще одно.

– Черт, – сказал санитар. – Мы это упустили.

Гамаш не прореагировал. Он смотрел на изображение на экране. У них было несколько общих особенностей.

Все наркоманы. Все умерли от карфентанила.

И у всех на левом предплечье аккуратно написано «Дэвид». Хотя цифры по большей части стояли разные.

– И что это значит? – спросил коронер.

– Я понятия не имею, что это значит, – сказал Гамаш, вглядываясь в экран.

– Если кто-то примет слишком большую дозу этого карфентанила, – сказал коронер, – есть какое-то противоядие? Для спасения?

– Налтрексон, – сказал Гамаш. – Sûreté и местные полицейские сейчас получают это средство. Но…

Но если весь карфентанил попадет на улицы, то противоядия будет далеко не достаточно. И слишком мало времени, чтобы дать его нуждающимся. Карфентанил убивал слишком быстро – спасение не успевало, если только противоядие не давали немедленно.

Гамаш вернулся к телу Аниты. Он услышал ее тихий голос в автоответчике – послание, которое она оставила сегодня.

Фасьял нашла маленькую девочку. Та должна была оставаться у нее в безопасности, пока он не приедет. Но он не приехал. И она не дождалась. И

теперь девочка была где-то там. Одна.

Посреди ночи, на снегу!

– Упаси ее Христос от такой смерти, – пробормотал он себе под нос, покидая морг на пути к машине.

Но он знал, что Христос не несет ответственности. Ответственность несет он, Гамаш. Молитва, самая отчаянная, ничего не изменит.

В одиночестве салона он достал телефон.

– Это что еще за хрень? – услышал он хрипловатый голос.

– Говорит Гамаш.

– О черт, простите, сэр, – прошептал молодой человек. – Мне не стоило так говорить.

– Вы видели какие-нибудь следы карфентанила? Хоть малейшие следы на улице?

– Нет, никаких. Но ожидания большие.

– Тут есть маленькая девочка, – сказал Гамаш. – В красной шапочке. Лет пять-шесть. Я хочу, чтобы вы ее нашли.

– Я не могу.

– Это не просьба, это приказ.

– Но, сэр, Шоке взяла наживку. Я думаю, оно то самое. Думаю, она его нашла.

– Дэвида?

– Да. Я не могу говорить. Если кто увидит…

Гамаш знал, что его звонок подвергает парня страшному риску. Ни один бездомный не ходит по улице с телефоном в руке. Но теперь перед ним стоял выбор.

Девочка или наркотик.

Но сейчас выбора уже не было.

– Оставайся с ней, – сказал он. – Мы пойдем по твоим следам. У тебя есть налтрексон?

– Oui.

– Удачи, – сказал Гамаш.

Он позвонил коллеге из монреальской полиции и предупредил его.

– Мы получили сигнал по сотовой, – сказал командир группы захвата. – Мы готовы выехать, как только будет команда.

– Вам понадобятся маски.

– Есть у нас маски. Вы уже там?

– Рядом. Черт! Будем надеяться, это оно.

Командир группы повесил трубку, и Гамаш направился к гнилому сердцу любимого города.

Хотя время перевалило за двенадцать, агент Клутье все еще сидела за своим столом, когда Бовуар приехал в управление полиции.

Рут, прислонившаяся к стене, сжимала тонкую разодранную голубую ткань на своем горле; она сердито посмотрела на него, когда он вошел в отдел по расследованию убийств.

– Извини, – сказал он Рут и развернул картину лицом к стене.

– Номер я переписала, – сказала Клутье. – Но я ждала – не вводила, пока вы не приедете.

– Спасибо, что дождались, – сказал Бовуар, подтянул стул к столу и кивнул ей.

– Где он? – спросила Амелия, оглядываясь.

Она находилась в проулке, примыкающем к проулку, примыкающему к заднему проезду. Найти невозможно, сюда может попасть только тот, кто заблудился. Она не сомневалась, что ни на одной карте этого проулка нет.

Но уж если ты его нашел, то никогда не забудешь. И возможно, никогда отсюда не выйдешь.

Все ее чувства были напряжены, глаза всматривались в темноту, слух обострился.

– Кто?

Голос был низкий. Спокойный. Изумленный.

Теперь уже не парнишка, а кто-то другой говорил, стоя в дверях.

Амелия повернулась и увидела фигуру. Руки скрещены на груди. Ноги расставлены. Смотрит на нее.

Она видела, что он молод. В нем было что-то такое, чего не хватало всем остальным в проулке.

Кроме нее.

Мясо на костях. И жизнь в голосе. Этот человек был живым на все сто процентов. И, как и она, он пребывал в полной готовности к любым неожиданностям.

– Дэвид, – сказала она.

– Да, я слышал, что ты меня ищешь.

– Ты Дэвид?

Он рассмеялся и отошел в сторону от дверного прохода. Но в проулке стояла темнота, и она не могла толком его разглядеть. Он кинул маленький пакетик в парнишку, который схватил его и тут же исчез.

– Нет, – сказал он. – Я не Дэвид. Дэвида ты уже знаешь. Довольно хорошо знаешь.

Мысли Амелии метались. Что она упустила?

– Покажите ей, – сказал он, и наркоманы и торговцы, стоявшие у кирпичных стен, покрытых пленкой замерзшей мочи, задрали рукава.

У всех на предплечье она увидела имя «Дэвид».

Теперь закатал рукав человек, говоривший с ней. Даже с расстояния в несколько футов Амелия видела татуировки. Но не имя.

И что это значило? Мысли ее в поисках ответа скакали как сумасшедшие. Какой-то смысл в этом был.

У всех на предплечье было имя «Дэвид». У всех, включая и ее. У всех, кроме него.

Наверно, он соврал. Наверно, он и есть Дэвид. Зачем ему писать собственное имя у себя на руке? Ведь так?

Но она быстро, инстинктивно поняла, что он ей не соврал. Ни к чему ему было врать. Он контролировал ситуацию.

Если он сказал, что она уже встречала Дэвида, значит так оно и есть. Но кто он? И когда она его видела? Когда он написал свое имя на ее предплечье, конечно. Но она этого не помнила. Она была полностью вырублена. Отключилась, поймала такой кайф, что не помнила ничего.

Она пришла в себя несколько часов спустя с несмываемыми чернилами на руке.

Дэвид. Потом цифры 1 4. Нет, точнее, 1/4.

Почему этот человек расхаживал по городу и помечал наркоманов своим именем?

– Господи боже, – прошептала она.

Дэвид – не человек. Он даже к роду человеческому не принадлежит.

Дэвид – это наркотик.

Глава тридцать шестая

– Черт.

Жан Ги сидел на стуле, уставившись на экран.

Ничего не получилось. Цифры на заднике картины не были паролем.

А он был так уверен. Попросил агента Клутье ввести еще раз. Еще два раза.

Ничего.

– Очень жаль, шеф. Идея была хорошая, – сказала она, и Бовуар не мог не подумать, что дела обстоят совсем плохо, если Клутье проявляет к нему снисходительность.

– Так или иначе найдем, – сказала она, отчего ему не стало лучше. – Но кое-какие новости у меня есть. Бернар Шаффер передал информацию о том, как получить доступ к офшорным деньгам. Это номерной счет в Ливане. Сейчас я вам покажу.

Она нажала на клавишу, и на экране отчетливо появилось имя «Энтони Баумгартнер» и сумма. Более семи миллионов.

Бовуар вскинул брови:

– Денег немало, но я ожидал, будет больше.

– И я тоже, – сказала она. – Цифры не отвечают расчетам. Судя по отчетам, Баумгартнер обокрал клиентов на несколько сот миллионов. Где же остальное?

– На другом счете, – сказал задумчиво Бовуар. – На другое имя.

– Шаффер? – спросила агент Клутье.

Старший инспектор Бовуар кивал. Думал.

Еще одна причина для убийства. Предположим, Баумгартнер понял, что его прежний любовник не так уж глуп, не настолько испуган, как он думал. Что, если он обнаружил: Шаффер крадет у него?

Тогда он должен был бы вызвать Шаффера на разговор. А тот убил бы его. У него не оставалось выбора, если он хотел освободиться от Баумгартнера и сохранить украденное.

Бовуар посмотрел на картину, потом развернул ее, опять ощутил на себе недовольный взгляд Рут.

– Пароль может быть и из символов, не только из цифр и букв, верно?

– Да. Использование символов лучше и безопаснее. А что?

– Тут есть символ для вас. С цифрами.

Он показал на нижний правый угол.

Гамаш медленно ехал по рю Сент-Катрин, оглядывал улицу.

Потом, найдя место для парковки, он заехал туда и вышел из машины. Его сотовый был подключен к телефонам агентов, идущих за Амелией, которая теперь вышла на фабрику, расположенную в лабиринте проулков.

Но у Гамаша сейчас был иной объект поисков.

– Маленькая девочка, – сказал он проститутке. – Лет пяти-шести. В красной шапочке «Монреаль канадиенс».

– Тебе не маленькая девочка нужна, – ответила ему женщина. – Тебе нужна взрослая девочка.

Она ухватила себя за груди.

– Я не об этом, – проговорил он таким суровым голосом, что женщина опустила руки и прекратила паясничать.

– Ты ее отец? – спросила проститутка. – Дедушка?

– Друг. Вы ее видели?

– Да. Сегодня днем с Анитой.

– Анита умерла.

– Господи боже, и Анита. – Она оглядела улицу. – Я тебе не могу помочь. Я только пытаюсь выжить.

– Вы хотите выжить? – сказал он, протягивая ей пятьдесят долларов. – Уходите с улицы.

– А куда я уйду, милый? К тебе? Ты и твоя милая женушка мне поможете? Убирайся отсюда, я работаю.

– Я серьезно, – сказал он. – Появился новый наркотик, который убивает. Он уже убил Аниту. Держитесь от него подальше.

– Ты, кажется, хороший человек. Позволь мне дать тебе совет. Держись отсюда подальше.

Но он, конечно, не мог уйти. Она смотрела, как он прошел по одной стороне улицы, потом вернулся по другой.

Лицо у него онемело на холоде. Ему время от времени приходилось поворачиваться спиной к ветру, чтобы перевести дыхание. Но он шел и шел.

Разговаривал с полузамерзшими наркоманами, транссексуалами и шлюхами.

Но если большинство знало, о ком он говорит, никто не знал, где найти девочку.

И вдруг он увидел. Мелькнуло что-то красное. В проулке. И исчезло в дверях.

Он быстро пошел туда. Дойдя до двери, он распахнул ее и увидел

мужчину – тот держал девочку за руку. Вел ее по коридору, в комнату.

Гамаш крикнул, и человек, оглянувшись и увидев его, затолкал девочку в комнату и захлопнул дверь.

Гамаш перешел на бег и через секунду оказался у двери. Та была заперта. Он принялся молотить кулаком:

– Откройте!

Ответа не последовало, он ударил в дверь плечом. Еще. И еще.

Наконец дверь подалась, и он ввалился в комнату.

В комнате стоял мужчина. Средних, а то и преклонных лет. Растрепанный. Глаза впалые и красные.

Он держал девочку перед собой, его большая рука сжимала ее маленькое горло.

– Отдайте ее мне, – сказал Гамаш, делая шаг вперед.

– Я ее нашел. – Его рука сильнее сжала горло девочки. – Она моя.

– Вы должны ее отпустить.

– Не отпущу.

Гамаш опустился на колени и заглянул в ее глаза. Но они смотрели рассеянно. Невидящим взглядом. Рот был открыт, дышала она учащенно. Шапочка «Канадиенс» упала с ее головы, и Гамаш видел ее волосы – светлые, грязные, спутанные.

– Ты можешь закрыть глаза? – мягко спросил он; она никак не реагировала, продолжала смотреть перед собой. – Все будет хорошо. Никто тебя не обидит.

Но он подозревал, что она уже слышала такие слова прежде. И сразу после этого ее обижали. Может быть, так обижали, что ей уже никогда не оправиться.

– Я хочу тебе помочь, – сказал он. – Я знаю, ты, наверно, мне не веришь, но я правда хочу тебе помочь. – Потом он выпрямился. – Я ей не сделаю ничего плохого, – сказал он мужчине. – Но вам будет плохо, если вы не отпустите ее. Немедленно.

– Пошел в жо…

Больше он ничего сказать не успел. Гамаш сделал широкий шаг вперед и с такой силой ударил человека в лицо, что сломал ему нос. Тот упал на пол, истекая кровью, а Гамаш схватил девочку, поднял на руки.

– Все хорошо, – прошептал он, прижимая девочку к себе и поворачивая ее так, чтобы она не видела человека на полу. – Все хорошо. Ты в безопасности.

Он услышал крик человека у себя за спиной. Но этот звук становился все слабее, по мере того как Гамаш с девочкой на руках шел по коридору, а

потом по холодной улице.

Он посадил ее в машину, пристегнул, достал плитку шоколада из бардачка, дал девочке. Жан Ги считал, что его тесть не делает запасов, но он ошибался.

Девочка держала плитку перед собой, как священник держит крест.

– Меня зовут Арман, – сказал он, выворачивая машину с рю Сент-Катрин. Голос его звучал спокойно. Намеренно властно. – Я работаю в полиции. Ты теперь в безопасности. Я тебе обещаю. У меня внучка – ей столько же лет, сколько тебе. Она живет в Париже. Ее зовут Флоранс. Мы ее называем Флори. У нее есть младшая сестренка Зора. А тебя как зовут?

Но девочка молчала. Она сидела не двигаясь. Даже не моргала.

И в этот момент ожил его телефон.

– Нашли, – сказал агент. – Фабрика расположена в заброшенном здании на боковой улочке у Сан-Андре, к северу от Сент-Катрин. Она вошла внутрь. Нам входить?

Гамаш остановил машину, нажал кнопку на телефоне, чтобы сказать «нет», но командир группы захвата опередил его.

– Нет, – раздался бойкий голос. – Ждите нас. Мы в пяти минутах. Старший суперинтендант, вы там еще ближе.

Гамаш точно знал место, о котором говорили агенты. И он в самом деле находился рядом.

Он посмотрел на маленькую девочку. Арман не мог оставить ее одну в машине. Но и с собой не мог взять.

Он оглядел улицу и увидел решение.

– Старший суперинтендант Гамаш? – опять раздался бойкий голос.

– Я буду там через две минуты, – сказал он, потом остановил машину, сгреб девочку, прошептал спокойно, мягко: – Все в порядке. Ты в безопасности.

Но, еще не закончив говорить, он подумал, не самая ли это большая его ложь.

Он распахнул дверь забегаловки, огляделся, подошел к официантке, которая обслуживала его два дня назад.

– Меня зовут Гамаш, я работаю в полиции. У меня срочное дело. Пожалуйста, присмотрите за девочкой, пока не вернусь я или за ней не придет кто-нибудь из полиции.

– Вы шутите?

– Вы должны это сделать. – Он посадил девочку в один из полукабинетов и повернулся к усталой официантке. – Очень вас прошу.

Она несколько секунд смотрела ему в глаза, потом коротко кивнула.

– Merci. – Гамаш достал бумажник и дал женщине все, что у него было. Потом он опустился на колено, взял грязное личико девочки в свои большие ладони. Затем вытащил платок, отер ее лицо и сказал тихо: – Все будет хорошо. Эта добрая женщина даст тебе горячего шоколада и что-нибудь поесть. Никто тебя не обидит. – Он поднялся и посмотрел на официантку. – Ведь верно, да?

Та нахмурилась, и вид у нее был недовольный. Но он видел, что это притворство.

Девочка будет в безопасности.

Гамаш вышел, побежал на другую сторону улицы, петляя между машинами, потом по Сан-Андре. На бегу он вытащил телефон и вызвал Жана Ги.

Арман бежал, а телефон звонил и звонил.

– Шеф…

– Фабрику нашли. У Сан-Андре, к северу от Сент-Катрин. Ты можешь ориентироваться на мой сигнал. И еще, Жан-Ги… В столовке, где мы были, на Сент-Катрин, маленькая девочка. Пусть приедет Лакост и заберет ее. Поспеши.

Не дожидаясь ответа, он переключился назад на карту с пульсирующей голубой точкой. И белой точкой. На горизонте. Точка приближалась.

Бовуар встал и инстинктивно приложил руку к бедру. Пистолет был на месте.

– Мне нужно уходить.

– Но мы нашли пароль. Компьютер включился.

Клутье уже говорила только с Рут, которая продолжала недовольно смотреть на нее. Хотя она, казалось, видела что-то, очень-очень далеко.

– Что ты имеешь в виду – «я ухожу»? – спросил у Лакост муж.

– И ты тоже уходишь. Ты должен… подвезти меня.

Попросив соседку присмотреть за детьми, они поехали в центр Монреаля.

– Не уверен, что здесь безопасно, – сказал муж Изабель, оглядываясь.

– Могло быть и хуже, – сказала Изабель, глядя в окно и думая о других.

Амелия почувствовала тепло. Наконец-то.

Холод, пробравший ее до костей, понемногу начал ослаблять хватку. Она оттаивала.

Чувствовалось, как тепло распространяется, течет по ее артериям и венам.

И еще она ощущала, как расслабляются ее мускулы. Мягчают. Ощущение было… прекрасное.

Амелия пыталась бодаться и лягаться, но ее скрутили. Здесь. На фабрике, которую она так долго и упорно искала.

Всего несколько минут назад она спустилась за человеком в подвал здания и увидела что-то такое, что прежде видела только в классе в академии. В учебных съемках налетов на подпольные лаборатории.

Сотни людей сидели за длинными рабочими столами. На них была защитная одежда. Маски. Резиновые перчатки. Халаты. Перед каждым стояли весы, обеспечивавшие точность до микрограмма.

– Лучше сюда не входить, – сказал человек. – Ты не знаешь, что русские использовали карфентанил, когда освобождали заложников несколько лет назад? Они подкачали порошок в воздух, и все преступники отключились. Но они не понимали, с чем имеют дело, – со смехом сказал он. – Они убили большинство преступников и сотни заложников.

– Я только знаю, что его используют как транквилизатор для слонов, – сказала Амелия, которая держалась как можно дальше от длинных столов и горок белого порошка.

– Использовали, но это, – он показал на столы, – новое поколение. Эволюция. Вещь замечательная, но может иногда дезориентировать. Например, когда эта чума попала к нам несколько месяцев назад, мы знали, что у нас на руках, но мы не знали, сколько нужно для дозы.

Говорил он как бы между прочим, словно рассказывал про рецепт супа.

– И мы поставили эксперимент. По мере приближения выпуска мы начали опробовать его на разных людях, хотели посмотреть, что случится.

Амелия посмотрела на предплечье. Потом на него.

– Значит, вот в чем дело. Ты помечал словом «Дэвид» всех, на ком ставил эксперимент.

– Да. Названием наркотика и дозировкой. Ты получила четверть грамма. Другим повезло меньше. Но мы теперь знаем оптимальную дозу. Мы не хотим, чтобы погибло слишком много наших клиентов. Конечно, если они настолько глупы, что будут принимать зараз больше одной дозы… Слишком глупы, чтобы жить, я думаю. Эволюция.

– Ах ты, сука! Ты дал мне наркотик?

– Ты сама виновата. Возникла вдруг из ниоткуда. Задавала вопросы. Колотила моих дилеров. Уж не думала ли ты, что сможешь просто выйти на

улицы и начать командовать? Ты и в самом деле думала, что я это допущу? – Он снова рассмеялся, потом посерьезнел. – Я знаю, кто ты на самом деле. Одноглазый. Ты такая же слепая и глупая, как и все остальные, Амелия Шоке. Кадет Полицейской академии.

– Бывший кадет. Меня выкинули.

– Мм… да. Сбыт. Но они не стали тебя арестовывать, они тебя просто выкинули. Как ты это объясняешь?

– А ты что думаешь? Постой-ка… Ты думаешь, это подстава? Да, в этом есть резон, глупое ты дерьмо. В таком разе меня могли выкинуть, и я бы отправилась в какую-нибудь клоаку с наркоманом и отморозила себе задницу. Я проживаю сон. Ты думаешь, ты такой умный. Но мы оба знаем, что это, – она кивнула на длинный стол, – свалилось на тебя с небес. И тебе понадобится помощь, чтобы сохранить то, что на тебя свалилось. Когда это уйдет на улицу, каждый грязный коп, каждый глава преступной группировки, каждый рвущийся стать главой картеля будет тебя искать. Я смотрю на мир двумя глазами и вижу тебя в какой-то помойной яме. Я нужна тебе.

Он кивал. Потом посмотрел куда-то мимо нее и вскинул брови. Чьи-то руки ухватили ее за плечи, потащили назад.

Амелия сопротивлялась, в какой-то момент даже подумала, что вырвалась, но потом удар сбил ее с ног, и она почти вырубилась. Ее, ошарашенную, перевернули на спину, и теперь она смотрела в его глаза.

– Я так не думаю, – прошептал он, опускаясь рядом с ней на колено. – Ты предаешь всех и вся, в конечном счете предашь и меня.

Он встал и кивнул кому-то:

– Давай. А потом выкиньте ее.

Амелия бодалась, сопротивлялась, кричала. Она почувствовала, как игла входит ей в вену.

Потом почувствовала тепло. Потом ей стало жарко, потом еще жарче. Наконец ее стало обжигать. Ее кровь словно превратилась в лаву.

Она открыла рот, чтобы закричать, но глаза у нее закатились. Потом все стало красным.

Гамаш нашел агентов с оружием на изготовку.

Они жестом показали ему на дверь, у которой стояли два вооруженных охранника.

Потом агенты показали наверх. Там у пожарного выхода и на крышах соседних зданий стояли другие охранники.

Гамаш коротко кивнул и осторожно попятился назад по проулку. Он

повернулся и оказался лицом к лицу с командиром группы захвата.

– Двое у дверей, – прошептал Гамаш. – Двое у пожарного выхода, три человека на крышах.

Он показал на них; тот кивнул:

– Понял. – Он протянул Гамашу маску. – Оружие у вас есть?

– Нет, – ответил Гамаш.

– Мне может за это здорово влететь, но…

Командир сунул в руку Гамаша пистолет.

– Merci.

– Давайте сначала войдем.

– Конечно.

Он дал знак, снайперские винтовки взметнулись к плечам, и после нескольких выстрелов через глушитель охранники упали.

Гамаш хотел было идти вперед сразу за командиром группы, но тут почувствовал чью-то руку у себя на плече.

Это был Бовуар с пистолетом в руке.

– Шеф, – прошептал Жан Ги.

– Лакост?

– Едет за девочкой.

Он говорил, не сводя глаз с группы захвата, проникающей в дверь.

Бовуар двинулся вперед, но Гамаш остановил его:

– Там Амелия Шоке.

– Значит, она все же вывела вас на наркотик? – сказал Бовуар. – Наркоманка долбаная. Я бы ее…

– Она с нами. Она исполняет мой приказ. Мы должны ее найти. Здесь. – Он протянул Жану Ги маску. – Надень.

Схватка была жестокой.

Группа захвата прибыла с подавляющим преимуществом и не замедлила им воспользоваться, открыв огонь в первую очередь по вооруженным людям.

Они быстро прошли по лаборатории; первая волна вывела из строя тех, кто был вооружен, следующая оттеснила фасовщиков от столов, прижала их к стене, обыскала тех, кто подчинился, принуждала подчиниться тех, кто не желал этого делать.

Бовуар с надетой газовой маской прошел вперед и чуть не упал, споткнувшись о тело.

Он дал знак Гамашу отойти назад, схватил Амелию за воротник, потащил к двери. Подальше от наркотической пыли, плавающей в воздухе.

Выйдя за дверь, Бовуар сдернул маску и опустился на колени рядом с Гамашем, который уже склонился к голове Амелии.

Бовуар держал под прицелом открытую дверь, когда раздалась очередь. Не обращая внимания на стрельбу, Гамаш не стал терять время на прощупывание пульса, вытащил шприц из кармана и сделал Амелии инъекцию.

Глаза ее были открытыми. Остекленевшими. Красными. Словно у одержимой.

Только теперь он стал искать у нее пульс, а Бовуар, не сводя глаз с открытой двери, позвал фельдшеров.

– Как она?

– Пульс не прощупывается.

Гамаш распахнул на ней куртку, и в этот момент пули ударили о кирпичную стену. Бовуар инстинктивно пригнулся, но Арман продолжал ритмично надавливать на грудную клетку Амелии. Он считал. Вполголоса. Его лицо было сосредоточенно, все внимание отдано одному. Игнорируя стрельбу, он делал свое дело.

– Три. Четыре. Пять.

Бовуар почувствовал движение за дверью и вдруг услышал щелчок. Быстро повернулся, увидел поднимающуюся руку с пистолетом, направленным в их сторону.

Молодой парень обращался с пистолетом как профессионал.

Но навыки Бовуара превосходили его навыки. Он выстрелил. Три раза подряд. И человек упал.

Когда свист пуль, рикошетивших от стен, прекратился, он услышал голос Гамаша рядом – тот продолжал считать. Не прерывался ни на секунду.

– Двадцать девять. Тридцать.

Появились фельдшеры.

Гамаш наклонился пониже и два раза сделал сильный выдох изо рта в рот Амелии.

– Карфентанил, – сказал он, продолжая нажимать на грудную клетку, а Бовуар прикрывал дверь в лабораторию и вел счет за Гамаша:

– Семь. Восемь. Девять.

– Я ввел ей противоядие, – сказал Арман, раскачиваясь назад и вперед, поддерживая ритм.

– Какое? – спросил фельдшер, становясь на колени рядом и готовя дефибриллятор.

– Налтрексон. Менее минуты назад.

– Хорошо, – сказал медик. – Отойдите.

Гамаш уступил ему место, и тот начал работать с Амелией. Другие фельдшеры прошли внутрь, чтобы оказать помощь раненым. Хотя выстрелы еще продолжались. И появлялись новые жертвы.

Арман посмотрел на Жана Ги, который теперь опустился на колени рядом с молодым человеком, в которого стрелял. И которого убил.

Глава тридцать седьмая

– Выглядите вы ужасно, – сказал муж Изабель с сочувственной улыбкой. – Держите.

Он протянул Гамашу виски, а Бовуару – кофе.

– Merci, – сказал Арман, беря стакан, который он тут же поставил. – Где она?

Было уже далеко за полночь, и чувствовал он себя так, будто его сбил грузовик, но вечер еще не кончился.

– Она в комнате нашей дочери, – сказала Изабель. – Хотите посмотреть?

– Да. Имя ее ты знаешь?

– Нет. Она не сказала ни слова.

– Социальные службы?

– Я решила подождать до утра.

– Хорошо.

Гамаш и Жан Ги последовали за Изабель по коридору.

Ее муж остался в гостиной, проводил их взглядом. Он признавал, что он и дети всегда будут самыми важными частями жизни Изабель; эти трое тоже своего рода семья.

Изабель оставила дверь открытой, а в спальне горел ночник. На одной кровати лежала София, дочь Изабель. Крепко спала.

На другой лежала маленькая девочка. Она лежала на боку, свернувшись калачиком под одеялом. Глаза открыты. Руки вцепились в подушку под головой.

Арман подошел к ней и тихо опустился на колени.

Когда он видел девочку в последний раз, волосы у нее были спутаны и слиплись от грязи. Теперь волосы были чистыми и расчесанными. Девочку вымыли в ванне, и теперь от нее пахло лавандой.

– Это Арман, – тихо сказал он. – Мы уже знакомы. Я полицейский.

Девочка испуганно отпрянула, ее глаза расширились.

– Все хорошо. Я тебя не обижу. Никто тебя не обидит. Ты в безопасности. – Он решил, что ему не стоит приближаться. Прикасаться к ней. – Ты теперь можешь уснуть.

Он улыбнулся ей, надеясь и молясь, чтобы улыбка не выдала, как болит за нее его сердце.

– Ты позволишь? – спросил он Изабель, показывая на книгу на

прикроватном столике.

Изабель кивнула.

Арман пододвинул стул и открыл книгу.

– «…в которой нас знакомят с Винни-Пухом и некоторыми пчелами, – прочел он голосом низким, тихим и спокойным. – И истории начинаются».

– Что Амелия? – спросила Изабель у Жана Ги.

Они оставили старшего суперинтенданта читать девочке, а сами вернулись в гостиную.

– Мы только что из больницы, – сказал Бовуар, опускаясь в кресло. – Сердце у нее работает, и дышит она самостоятельно.

– Мозг не поврежден?

– Они проводят тесты, но точно можно будет сказать, когда она придет в себя. Мы от тебя поедем прямо к ней.

Изабель кивнула.

– Если я могу чем помочь…

– Хорошо, буду иметь в виду. Спасибо. Я дам тебе знать.

– Она все это время работала с шефом? И… никто не знал?

– Никто.

– Даже ты?

– Даже я. Я считал, он исключил Амелию в надежде, что она выведет его на карфентанил, но я понятия не имел, что это полицейская операция.

Изабель внимательно посмотрела на Жана Ги:

– И ты не в обиде, что он тебе не сказал?

Он приподнял пальцы над подлокотником кресла, потом опустил их. Что он мог сказать? Что мог сделать? Он знал: такова природа их работы.

Секретность. Секреты.

Были они и у Лакост. У всех старших офицеров были тайны, которые те держали при себе.

Бог свидетель, у него самого были секреты. В особенности один.

Он знал, что вскоре ему придется раскрыть его тестю. И эта тайна была гораздо ближе к дому и гораздо более личной, чем те, что скрывал от него Гамаш.

– Что карфентанил? – спросила Изабель.

– Похоже, мы арестовали всю партию. Кроме тех доз, которые ушли на эксперименты.

– Какие эксперименты? – спросил муж Изабель.

– Этот опиоид такой новый, что никто не знает размер безопасной дозы. А доза еще зависит и от веса тела, телосложения. От здоровья. У

многих наркоманов сердце ослаблено, и самая малая передозировка отправляет их на тот свет. Этот тип…

Бах-бах-бах. Перед мысленным взором Бовуара промелькнула эта сцена. Тело упало. Мертвое тело.

Что-то такое, чего он никогда не сможет забыть. Еще один призрак в общем доме.

– …экспериментировал на наркоманах. Давал им разные дозы и записывал на предплечье количество. Миллиграмм. Два. Смотрел, кто выжил, кто умер.

Изабель покачала головой, ее лоб собрался в морщины.

– Почему он назвал его «Дэвид»?

– Имя его отца.

Она задумалась, не понимая, какой смысл в том, что сказал ей Бовуар. Что это – благодарность, оскорбление, обвинение? Дань признательности или намерение сделать больно?

Изабель подозревала второе.

– Как ты? – спросила она Жана Ги.

Она догадывалась о том, что у него на уме.

Он только что убил молодого человека. Отпетого. Преступника. Убийцу. Убил при самообороне. Но так или иначе, парень умер. И недалек тот день, когда Жану Ги придется встретиться с его отцом. Дэвидом.

– Устал я, – сказал Жан Ги, и она видела: ему, чтобы прийти в себя, понадобится нечто большее, чем горячий душ и хороший сон.

– Потрескивание кленовых поленьев в камине, – тихо сказала она. – Хот-дог на игре «Канадиенс». Рука Оноре в твоей.

– Это бы мне не помешало, – прошептал Жан Ги. – Merci.

Бовуар посмотрел вдоль коридора туда, где спали дети. Оттуда доносился тихий звук, почти шелест.

Жан Ги и Изабель тихо прошли по коридору и заглянули в спальню.

Арман закрыл книгу и склонился над ребенком, уперев локти в порванную на коленях, грязную ткань брюк.

Он напевал. А глаза маленькой девочки в кровати закрылись.

«Эдельвейс, эдельвейс…»

Много часов спустя Амелия Шоке открыла глаза, прищурилась на ярком свету.

Она почувствовала чью-то руку у себя на плече и вздрогнула.

– Все в порядке, вы в больнице. Меня зовут доктор Бодро. Я ваш лечащий врач.

Он говорил медленно. Внятно.

– Вы можете назвать ваше имя?

Последовала пауза.

– Амелия… Шоке.

– Верно. А это кто, вы знаете?

Доктор Бодро показал на человека, стоящего рядом с ним.

– Жопа. С ручкой, – пробормотала она.

– Что… – начал было доктор, но Гамаш хрипловато рассмеялся.

– И это тоже верно, – сказал он и посмотрел через кровать на Жана Ги, который облегченно улыбнулся.

– Извини за все это, Амелия, – сказал Гамаш.

– Вы…

– Да, всю партию.

Амелия закрыла глаза, и Гамашу показалось, что она задремала.

– Девочка.

– Мы ее нашли. Она в безопасности, – сказал Жан Ги. – Твой друг Марк тоже в больнице. Его выхаживают.

Амелия кивнула и погрузилась в молчание.

Гамаш отвел доктора в сторону:

– Она придет в норму?

– Думаю, да. Она здорова, и реанимация подоспела вовремя. Ей повезло.

– Да, хорошо, – сказал Жан Ги. – Не могу дождаться – хочу выслушать ее версию случившегося, когда она полностью придет в себя.

Прежде чем уйти, Арман вытащил из кармана маленькую затрепанную книжку и сунул в руку Амелии.

– Эразм, – прошептал он, хотя и сомневался, что она слышит его. – Для компании.

Они вышли из больницы, но прежде, чем день или ночь для них закончится, им необходимо было заглянуть еще в одно место.

Агент Клутье спала на своем стуле, но быстро проснулась и встала у стола, когда старший суперинтендант Гамаш и старший инспектор Бовуар появились в кабинете.

Вид у обоих был усталый. Небритые и растрепанные.

Она знала о ночных событиях и уже пошла им навстречу, но остановилась. И улыбнулась. Широко. Когда увидела, кто медленно идет следом за ними.

– Старший инспектор, – сказала Клутье; она подошла к Лакост и

обняла ее.

– Мы разве так приветствовали другу друга, шеф, когда вы возглавляли отдел? – сказал Жан Ги.

– Только приватно.

Бовуар рассмеялся и подтащил два стула к двум уже стоявшим перед ноутбуком на столе Клутье.

Изабель села, но на секунду замерла, повернувшись к Рут, которая отвечала ей недовольным взглядом с портрета.

– Удивительно, – сказала она. – Я так и жду, вот сейчас раздастся «тупицы».

– С какой стати Дева Мария будет говорить такие слова? – спросила Клутье.

– Это не так уж важно, – сказал Бовуар. – Покажите лучше, что вы нашли.

По мере того как агент Клутье показывала им файлы, обнаруженные на компьютере Энтони Баумгартнера, возникала стандартная схема.

Гамаш, Жан Ги и Изабель не отрывали глаз от экрана. Потом они переглянулись. Потом посмотрели на агента Клутье.

Кое-что из увиденного и услышанного Бовуар уже успел узнать, перед тем как Гамаш вызвал его. Но бóльшую часть Клутье обнаружила в его отсутствие.

– Гениально! – восторженно проговорила Клутье. – Так просто, что даже не верится, оттого и обнаружить трудно. – Она покачала головой. – Невероятно!

Остальные трое чуть не приникли к экрану. Всматривались в подробности.

– Наводит на размышления, – сказал Гамаш.

– Не то что наводит, сэр, – возразила она. – Просто в лоб говорит.

– Нет. Говорить-то оно говорит, но никаких доказательств того, что так оно и было, у нас нет, – сказал Гамаш.

– Нам нужны доказательства, агент Клутье, – сказал Жан Ги. – Но теперь мы по крайней мере знаем, где их искать.

– У меня есть доказательство, – сказала она. – Следите за деньгами.

Она улыбнулась и принялась быстро выстукивать по клавиатуре. На экране возникали страницы и быстро исчезали.

– Вот, – сказала она, продолжая набирать, – тот же маршрут, которым пользовался Энтони Баумгартнер. Путь окольный, но каким еще ему быть?

Наконец на экране появилась главная страница сайта корпорации на британских Виргинских островах.

– И здесь Баумгартнер спрятал остальные деньги? – спросил Бовуар.

– С помощью Шаффера. Но это отправной пункт, а не финишная ленточка, – сказала Клутье. – Люди, которые хотят спрятать деньги, создают корпорацию в налоговом раю типа Виргинских островов, а потом переправляют их на номерной счет. Обычно такой счет открывали в Швейцарии, но потом гайки там закрутили. Стали пользоваться вот чем. – Она вывела на экран другую страницу.

Они увидели домашнюю страницу сингапурского банка.

– И откуда вы знаете, что Баумгартнер спрятал деньги там? – спросил Бовуар.

– Я нашла счет.

– Как?

Агент Клутье посмотрела на Рут:

– Сумасшедшая старая дама немного помогла.

Лакост и Гамаш смотрели на нее с недоумением, но выражение лица Бовуара прояснилось.

– Цифры на заднике картины, – сказал Бовуар.

– Да. Это не пароль, это номер счета. Он записал его туда, чтобы не забыть.

Она ввела цифры, и на экране появился счет. На имя Баумгартнера.

– Триста семьдесят семь миллионов долларов, – прочла Лакост.

– Мотив для убийства, – сказал Бовуар. Он встал и набрал номер. Приказал арестовать Бернара Шаффера.

Солнце встало, и, когда приехал Бовуар, лучи заливали кабинеты «Горовитц инвестментс». У него перед приездом было время принять душ и переодеться, и он позвонил и попросил Гуго и Кэролайн Баумгартнер ждать его в кабинете Гуго.

Кабинет имел впечатляющий вид в такой же мере, каким невпечатляющим был Гуго. Из окон во всю высоту стен открывался вид на город. Все говорило об успехе, но не о чрезмерных тратах. Обстановка была сдержанная, хотя и заявляла, что требовалось.

Жан Ги взял это себе на заметку, подумав, не переделать ли ему свою комнату на такой же манер.

Брат и сестра сидели рядом, как принцесса и жаба. Кэролайн сдержанная и элегантная. Гуго коренастый и растрепанный. Ни один портной не мог придать ему стильный вид. Но его выпученные глаза смотрели по-дружески и одобрительно, а рука лежала на руке сестры.

– Вы сказали, у вас есть новости?

– Есть, – ответил Бовуар.

Он привез с собой агента Клутье. Приглашал и Гамаша, но у того, тоже принявшего душ и сменившего одежду, была назначена другая встреча. С премьер-министром Квебека.

Апелляционная комиссия подготовила рекомендации.

Перед встречей Бовуара с Баумгартнерами ему позвонил Гамаш:

– Мне пришло письмо от инспектора службы контроля Гунда из Вены. Суд вынес решение по завещанию.

Бовуар выслушал и пожелал Гамашу удачи, а через некоторое время уже сидел в кабинете Гуго.

– Вы знаете, кто убил Энтони? – спросила Кэролайн.

– Да. Сегодня рано утром мы арестовали Бернара Шаффера.

Она закрыла глаза и выдохнула:

– Господи, бедный Тони!

– А зачем Шафферу было его убивать? – спросил Гуго. – Месть за увольнение? Так уже сколько времени прошло.

– Вы удивитесь, но люди иногда долго вынашивают планы мести.

– Они все еще встречались? – спросила Кэролайн.

– Нам это неизвестно, – ответил Бовуар. – А если и встречались, то не как любовники. Но есть свидетельство того, что ваш брат устроил его на работу после увольнения. Он работает в «Caisse Populaire».

– В банке? – удивился Гуго. – Зачем это понадобилось Тони? Глупость какая-то.

– Ну, такие вещи надобятся, если вы хотите открыть ложные счета и спрятать деньги.

Гуго открыл рот, собираясь сказать что-то, но закрыл и уставился на старшего инспектора. Потом спросил:

– У вас есть доказательства?

Бовуар кивнул:

– Шаффер признался, что он в обмен на работу и молчание создал компанию-пустышку и номерной счет в Ливане на имя вашего брата. Мы нашли миллионы долларов.

Кэролайн посмотрела на Гуго:

– И что это значит? Неужели Энтони и в самом деле воровал?

– Похоже, что так. Но вы уверены, старший инспектор, что это он? Может быть, Шаффер открыл счет на имя Тони, а деньгами пользовался сам. Тони узнал, что происходит, и поговорил с Шаффером начистоту, а тот его убил.

– Мы рассматривали такую возможность, – сказал Бовуар. –

Допустили, что ваш брат ни о чем не знал. В пользу этой версии говорила и странно малая сумма. Немногим более семи миллионов.

– По мне, так это куча денег, – пробормотала Кэролайн.

Но Гуго понял. Он наблюдал за Бовуаром, его уродливое лицо стало удивительно выразительным.

– Судя по отчетам, которые вы мне показывали, он похитил сотни миллионов. Где же остальные?

– Вот именно.

Бовуар кивнул агенту Клутье, которая поставил на стол ноутбук Энтони Баумгартнера и включила его.

– У нас ушло какое-то время, но мы в конечном счете нашли пароль от компьютера вашего брата. – Бовуар посмотрел на них. – Надеюсь, вас это не очень расстроит.

Они переглянулись, потом Кэролайн коротко кивнула:

– Лучше уж нам знать. Я полагаю, все это вскоре так или иначе станет достоянием общественности.

– Вот любопытная вещь про вашего брата, – сказал Бовуар, когда Клутье вывела на экран нужные файлы, – все почти без исключения говорили о нем как о человеке блестящем, порядочном. Прекрасный наставник и цельный человек, который, обнаружив противозаконные деяния, сообщил о нарушителе, зная, что часть вины ляжет и на него.

– Таким мы и знали его – Тони.

– Но его действия говорят о другом. Да, блестящий человек, но склонный к обману. Он похитил даже не десятки миллионов – сотни. Он предал своего молодого соучастника, заложил его, когда запахло жареным. Мы, работающие в отделе по расследованию убийств, не раз сталкивались с такими историями. Люди живут двойной жизнью. Они кажутся одним, а на самом деле являются не просто чем-то другим, а полной противоположностью тому, что о них думают люди.

– А как еще им скрывать свои грехи? – сказал Гуго.

Бовуар кивнул:

– Вот только у большинства это не получается. Дайте я вам покажу, что мы нашли в ноутбуке.

Премьер встал у своего стола, Гамаш тоже поднялся.

Он находился в кабинете менее десяти минут.

Такие дела не требуют много времени.

– Мне очень жаль, Арман, – сказал премьер, глядя на нераспечатанный конверт у него на столе. – Если бы был возможен какой-то другой вариант,

я бы пошел на него.

– Я признателен, что вы говорите мне это лично и прямо в глаза. Знал вероятный исход, когда принимал эти решения. Могло быть и хуже. Допускаю, что вы могли меня арестовать.

– Вы создали себе немало врагов, Арман, но друзей у вас гораздо больше. Надеюсь, вы знаете, что я – один из них.

– Знаю.

– И вы изъяли наркотик, вот что важно. Я читал предварительный отчет о ночных событиях. Вы знаете, что если бы вы не были отстранены раньше, то вас отстранили бы за то, что вы сделали только что. – Он внимательно посмотрел на Гамаша. – И больше никто не знал, что вашего кадета выгнали из академии и что она работает на вас?

– Никто.

– Даже Бовуар?

– Даже он. Только кадет Шоке и я.

Премьер неторопливо кивнул, но больше вопросов решил не задавать. Чем меньше знаешь… Он вышел из-за стола, чтобы проводить Гамаша до двери.

– Как она?

– Идет на поправку. Настанет день, и она еще будет возглавлять Sûreté.

– Да, что ж, позиция открыта. С вашей стороны было бы безумием принять должность, так что ей и карты в руки. Надеюсь только, к тому времени, когда появится старший суперинтендант Шоке, я давно уже буду в отставке.

Гамаш улыбнулся, потом на пороге остановился:

– Есть еще кое-что, в чем вы можете мне помочь.

– Говорите.

– Тут есть одна маленькая девочка…

Гамаш позвонил Рейн-Мари, рассказал, что случилось, потом поехал через весь город к невысокому зданию, где нажал кнопку звонка в квартиру смотрителя.

Бенедикт открыл ему дверь, и несколько минут спустя Гамаш сидел на потертом диване в крохотной подвальной квартирке. Кейти и Бенедикт напротив него сидели на коробках.

– Вы нашли, кто убил месье Баумгартнера? – спросил Бенедикт. – Знаете, я вчера на минуту представил себя на вашем месте и понял, что вы подозревали нас.

– Больше чем на минуту, – сказала Кейти.

– Я пришел по другому поводу. Старший инспектор Бовуар приедет позднее поговорить с вами.

Они переглянулись, потом Кейти спросила:

– И по какому поводу вы приехали?

– Суд в Вене сегодня утром вынес решение.

Бенедикт взял руку Кейти. Они ждали.

– Они вынесли решение в пользу Баумгартнеров.

Несколько секунд пара сидела неподвижно, потом Бенедикт обнял Кейти за плечи, и она кивнула.

– Мы этого ждали, – сказала Кейти. – И без этого письма пожелания барона и баронессы не будут исполнены. Они все оставят себе.

– Они вольны распоряжаться своей собственностью, – сказал Бенедикт. – Ты сделала что смогла. Ничего, проживем.

Он крепче обнял ее.

«Я молилась, чтобы быть доброй и сильной, / За искупление грехов моих с детства / Груз первородный, за хлеб мой насущный», – подумал Гамаш. Он вышел от них и направился к мосту Шамплена, к Рейн-Мари, домой.

Может быть, этот грех искупится теперь с их ребенком.

Гуго Баумгартнер сосредоточенно смотрел на экран ноутбука, его нижняя губа вытянулась.

– Вы следите? – спросила агент Клутье.

– Да, спасибо, – сказал он с терпеливой улыбкой и снова устремил взгляд на экран. Несколько минут спустя вздохнул. – Значит, Тони и Шаффер все же работали на пару. Я ошибался. Жаль. Я и правда не мог себе представить, что в Тони было такое.

– Боюсь, дело обстоит именно так, – сказал Бовуар, прокручивая текст до конца.

Гуго, продолжая изучать экран, кивал.

– Для сокрытия денег они использовали обычные маршруты.

– Вы хорошо в этом разбираетесь? – спросил Бовуар.

– Больше некоторых, – признал он. – Но меньше большинства. Мистер Горовитц попросил меня возглавить комитет, исследующий офшорные счета.

– Чтобы прибрать их к рукам? – спросил Бовуар.

Тот посмотрел на него с изумлением:

– Чтобы убедиться, что мы по недосмотру не помогаем скрывать деньги клиентов. Отчасти это нравственный шаг, отчасти практический.

Мистер Горовитц достаточно богат, ему эти деньги не нужны, и, уж конечно, не нужны ему неприятности с регулятором, а еще не дай бог – медиа узнают.

– И нашли что-нибудь? – спросил Бовуар.

– Больше, чем ожидали, старший инспектор. Богатые умеют оправдывать свои некрасивые дела. Они живут в искаженной реальности. Если все так делают, то ничего дурного в этом нет.

– Они? – переспросил Бовуар. – Вы не считаете себя одним из них?

– Богатым? Нет, – рассмеялся Гуго. – Я человек зажиточный, по большинству стандартов богатый, но у этих-то людей сотни миллионов. Я не состою в этом клубе и не хочу состоять. Меня устраивает мое место. – Он вернулся к экрану. – Я знаю только одно: нам нужно найти номер счета в Сингапуре. Шаффер назвал его вам?

– Он говорит, что не знает номера. Он даже, казалось, удивился наличию второго счета.

– Он, видимо, лжет, – сказал Гуго. – К сожалению, сингапурский банк вам ничего не скажет, их не заставишь выдать эти сведения. Но Тони, вероятно, где-то его записал.

– Вы правы, – сказал Бовуар. – Номер счета был записан.

– Вы его нашли? – спросил Гуго.

– На заднике картины, – сказала агент Клутье.

– Какой картины? – спросила Кэролайн.

– Той, что в его кабинете, – сказал Бовуар. – Над камином.

– Портрет этой сумасшедшей старухи? – спросила Кэролайн. – Так Энтони там его спрятал? – Она задумалась на секунду, потом сказала: – Вообще-то, неглупо. Там он был в безопасности. Я могу сказать вам, что к ней никто близко не подходит. Один Господь знает, что в ней нашла баронесса. Ужасающий предмет так называемого искусства. Ты ведь тоже так подумал, да?

Гуго кивнул.

– Так он с этим портретом и остался, бедный Энтони, – проговорила она. – Сказал ей, что ему нравится. Что-то о белой точке вдалеке. Он говорил это из вежливости, а посмотрите, куда это его привело. Она подарила картину, и ему пришлось эту картину повесить. Что бы вы про него плохого ни говорили, но он был добрым человеком.

– Я ничего такого не говорил, – сказал Бовуар. – По крайней мере, ничего незаконного.

– Вы что имеете в виду? – Она показала на ноутбук. – Разве это не доказательство?

Бовуар кивнул Клутье, которая стала вводить цифры.

– После всех наших поисков в стиле хай-тек искомое мы в конечном счете нашли на заднике картины.

Клутье нажала ввод, и на экране появился счет.

Глаза Кэролайн расширились.

– Триста семьдесят семь миллионов, – прошептала она.

Потом на ее лице выразилось смятение.

– Не понимаю. Тут сказано – Гуго Баумгартнер. – Она посмотрела на брата. – Энтони хотел тебя выставить виноватым?

И тут она поняла.

Жан Ги встал, и агент Клутье пережила еще одно новое ощущение.

Ощущение от ареста за убийство.

Глава тридцать восьмая

– Ну, – донесся недовольный голос Рут из гостиной; в кухне Арман и Рейн-Мари готовили горячие закуски. – Была, кажется, идея бегать вокруг деревенской площади при минус двадцати в купальниках и на снегоступах?

– Да, – сказал Габри. – Это Мирна предлагала.

– А вот и нет.

– А вот и да.

– Мне эта идея кажется блестящей, – сказала Рут. – Я участвую.

– Мы займемся этим вечером, да? – прошептала Клара Габри.

– Немедленно.

– Жюстен Трюдо тебе уже ответил? – спросила Мирна. – Он приедет?

– Странно, что баронесса Берта Баумгартнер еще не получила ответа из офиса премьера, – сказал Оливье.

– Ты подписался ее именем? – спросила Рут.

– Это Мирна предложила.

– А вот и нет.

– А вот и да.

– Это… это… – Рут не могла найти подходящее слово. – Это блестяще! Ей бы это понравилось. Но я не могу поверить, что Жюстен Трюдо не разденется, чтобы побегать вокруг маленькой деревушки. Он снимал с себя рубашку и по меньшим поводам. Один раз за пакетик чипсов. Кажется.

– У нас еще есть время, – сказал Габри. – Он ответит. Зимний карнавал состоится только на уик-энд.

– Если бы за слабую надежду давали орден, он бы непременно его получил, – с гордостью проговорил Оливье.

– Ладно, вот тебе вопрос, – сказала Рут. – Вопрос, который философы задавали не одно столетие. Что бы ты предпочел – пустую голову или пустой орех?

– Господи Исусе, – прошептала Рейн-Мари; она выглянула из кухни посмотреть на собравшихся гостей. – Что мы наделали?

– А-а-а, вековой вопрос, – сказал Стивен Горовитц, сидевший рядом с Рут на диване. – Кажется, Сократ задавал его своим ученикам.

– Это был Платон, – сказала Рут.

– А вот и нет.

– А вот и да.

– Я думаю, – сказал Арман Рейн-Мари, – нам теперь нужно

приглядывать за двумя новыми всадниками Апокалипсиса.

– Он же твой крестный, – сказала она. – Это была твоя идея пригласить его познакомиться с Рут.

– Я вроде думал, они будут нейтрализовывать друг друга.

– На мой взгляд, это Годзилла встречается с Мотрой, – сказал Габри, войдя в кухню, чтобы снять с подноса запеченный на огне багет с пармезаном, который они готовили. – Токио грозит опасность. Кстати, мы и есть Токио.

– Вот ты где, Арман, – сказал Стивен, когда они вернулись в гостиную. – У меня к тебе несколько вопросов.

– О пустом черепе, – сказал Арман.

– Нет, я не об этом. Хотя ответ правильный. – Старик посмотрел на закуски на блюде и спросил: – Икра?

– Они провинциалы, – сказала Рут. – Заходите ко мне попозже. У меня есть маленькая баночка и охлажденная бутылка «Дом Периньон».

– Которые она увела у нас под Новый год, – пробормотал Оливье, все еще продолжавший кипеть.

– Баночка с икрой открыта, – сказала Клара. – Может, этого хватит, чтобы ее убить.

– Ты говоришь про ту, которую сама взяла, – произнесла Мирна. – Мы ее съели на следующий день с рублеными яйцами на тосте.

– Ах да. Бог с ним.

Стивен протянул свой стакан, и Арман наполнил его.

– Ты знаешь, о чем я хочу попросить.

– Я попрошу Жана Ги объяснить, – сказал Арман, догадавшись, о чем пойдет речь. – Он возглавляет отдел по расследованию убийств. Он своим умом до этого дошел.

Жан Ги чувствовал себя не в своей тарелке, и не только потому, что Роза сидела у него на коленях. Рядом с ним, расположившись на согнутой в локте руке, Оноре, зачарованный уткой, смотрел на Розу, которая бормотала «фак, фак, фак».

Потом Жан Ги услышал другой голос, повторявший это слово.

Его глаза широко раскрылись, и он посмотрел на Анни, которая уставилась на их сына.

Его первое слово.

Не «мама». Не «папа».

– Ш-ш-ш, – сказал Жан Ги, но теперь уже и остальные услышали странное эхо из кресла.

– Я думаю, – сказала Анни, – пора его искупать. – Она подошла и

подняла сына.

И в этот момент Оноре прорвало на один громкий, протяжный «Фа-а-к!».

Даже у Розы вид, казалось, стал испуганный, правда с утками такое нередко происходит.

– Мм… – сказала Рейн-Мари и посмотрела в камин, а Арман поднял глаза к потолку – штукатурка вдруг показалась ему такой привлекательной.

Рут удовлетворенно ухнула, а Стивен сказал:

– Вот умница, Рей-Рей. Объясни им.

Арман опустил глаза и посмотрел на крестного:

– Прекрасно. Merci.

– Только у тебя, мой дорогой, мог появиться внук, более всего подверженный влиянию кряквы.

– Она кряква? – спросила Клара у Рут, которая пожала плечами и сделала большой глоток из стакана Стивена.

– Все, мы уходим, – сказала Анни, а Оноре на ее руках, обратив внимание на реакцию, которую вызвало его первое слово, орал его все время, что его несли по коридору.

– Слава богу, – вздохнула Рейн-Мари.

– Легкие у него на славу, – сказал Стивен.

Бовуар старался не замечать плотно сомкнутых губ Клары, Мирны, Габри и Оливье. Даже у Армана и Рейн-Мари на губах играла улыбка.

– У вас были вопросы, сэр? – спросил у Стивена Жан Ги.

Прошел день со времени ареста Бернара Шаффера и Гуго Баумгартнера. Одного – за мошенничество, другого – за убийство.

– Гуго. Что случилось? Я могу понять схему, – сказал Стивен. – Но я не знаю подробностей. Он был не просто моим наемным служащим. Старшим вице-президентом. Я ему доверял. Вероятно, я старею.

– Уже давно, – сказала Рут.

– Я могу вам рассказать бóльшую часть того, что случилось, – сказал Жан Ги.

Все навострили уши.

Даже Мирна, которая уже и так знала. Арман ей рассказал. А она доверительно рассказала Кларе. Которая доверительно рассказала Габри, который немедленно сообщил все Оливье, заставив его поклясться, что тот никому-никому. Оливье тут же поделился с Рут в обмен на хрустальный графин, который она тоже унесла в канун Нового года.

– Да, – сказала Клара. – Пожалуйста, расскажи нам.

– Эта идея родилась, когда Энтони сдал Шаффера. Шаффера уволили,

а Энтони Баумгартнера лишили лицензии, – сказал Жан Ги.

– Первоначальная мошенническая схема, – сказал Стивен.

– Да. Гуго знал, что Энтони не виноват, но еще он знал: репутация брата подмочена. Улица, как у вас это называется, считала, что Энтони Баумгартнер тоже участвовал в схеме и только высокое положение в фирме его и спасло. Они считали, что он так же запачкался, как Шаффер. Гуго увидел возможность для себя. Он поговорил с Бернаром Шаффером, который явно был мошенником, и предложил устроить его на работу в «Сберкассу» в обмен на некоторые услуги.

– Именно Гуго написал рекомендательное письмо для банка, – сказала Мирна. – А не его брат.

– И что это были за услуги? – спросил Оливье.

Они знали о преступлении в общих чертах, но не в подробностях.

– Шаффер должен был использовать средства и связи банка, чтобы открыть счет на имя Энтони.

– Не на имя Гуго? – спросила Клара.

– Нет, в этом-то и состоял блеск замысла Гуго. Он устроил ловушку для Энтони. Если бы кто-нибудь докопался до происходящего, то они нашли бы только имя Энтони и номерной счет в Ливане.

– Они положили на него семь миллионов, – сказал Стивен.

Он внимательно слушал. Пока он не узнал для себя ничего нового.

– Merde, – сказал Оливье. – Почему он не устроил такую ловушку для меня?

– Это не деньги, это ерунда, – сказал Бовуар. – Настоящие деньги уходили на номерной счет в Сингапуре. Об этом счете не знал даже Шаффер. Он и понятия не имел о масштабах мошенничества.

Он посмотрел на Гамаша, приглашая его присоединиться. Арман подался вперед со стаканом виски в руке.

– Схема хорошо действовала на протяжении пары лет, – сказал Арман. – Как и большинство дел такого рода, начиналось все с малого. Немного денег с одного счета, потом с другого. Но когда Гуго увидел, что никто не задает никаких вопросов, пока фирма аккуратно выплачивает дивиденды, он увеличил объемы украденных денег и число обворованных клиентов.

– Пожадничал, – сказала Клара.

– Да, жадность. Но я видел такие вещи и прежде, – сказал Стивен. – Это превращается в игру. В нечто захватывающее. Это своего рода наркомания. Им необходимо все время увеличивать дозу. Никому не нужно триста миллионов. Он мог бы остановиться на пятидесяти и жить

припеваючи до самой смерти. Нет, тут работало что-то еще. А я и не видел.

Он выглядел даже не расстроенным – опустошенным.

Несмотря на свои шутки, Рейн-Мари прекрасно знала, почему Арман пригласил к ним на несколько дней крестного. И познакомил его с Рут.

Чтобы тот не оставался наедине со своими мыслями, со своими ранами.

Если лекарством была Рут, то надежды на выздоровление было мало.

– Так на чем он споткнулся?

– Энтони прошлым летом случайно пересекся с одним из так называемых клиентов, – сказал Бовуар. – Тот поблагодарил Энтони за прекрасную работу. Баумгартнер даже не придал этому никакого значения, пока не просмотрел свой клиентский список и не увидел, что этого клиента у него в списке нет. Он позвонил человеку и попросил его выслать ему финансовый отчет.

– Значит, он догадался, что кто-то похищает деньги, пользуясь его именем, – сказал Стивен. – Это я понял. Но как он вышел на брата?

Рут, сидевшая между Габри и Стивеном, заснула и теперь тихо посапывала. Ее голова покоилась на плече Стивена. Капелька слюны приземлилась на его кашемировом свитере.

Но он не оттолкнул ее.

– Он не догадался. Вернее, догадался, но не сразу, – сказал Бовуар. – Когда мы влезли в его ноутбук и посмотрели историю поиска, обнаружилось, что он что-то искал. Поначалу мы решили, он искал места, куда вкладывать деньги, но потом посмотрели сроки и поняли: он искал что-то другое.

– Он пытался проследить чьи-то шаги, – сказал Арман. – Понять, чьих рук это дело.

– Начал он со своей компании, – продолжил Жан Ги. – С самой мадам Огилви. Потом расширил поиск. Когда и все остальные оказались чисты, он стал искать на стороне.

– Точнее сказать, ближе к дому, – вставил Арман, – так что даже не совсем чтобы на стороне.

Он пытался вообразить себе то потрясение, которое испытал Энтони Баумгартнер, когда нашел, кто крадет. И кто подставляет его.

Евангелие от Матфея, 10: 36.

Иногда Арман жалел, что его привлекли эти строки Евангелия. И уж конечно, он жалел, что осознал всю истинность, в них содержащуюся.

– Чего я не могу понять, так это каким образом Энтони Баумгартнер вышел на след, – произнес Стивен. – Ведь Гуго наверняка хорошо заметал

все следы.

– Позвольте, я спрошу у вас, – сказал Арман. – Если бы вы хотели провести какую-нибудь мошенническую сделку, воспользовались бы вы своим собственным компьютером?

Лицо Стивена засияло, он довольно хмыкнул:

– Нет, я бы воспользовался чужим компьютером и использовал бы возможность запятнать владельца на тот случай, если меня поймают. Умник Гуго.

– Умник Гуго, – повторил Бовуар. – Они с Энтони раз в неделю обедали вместе. Пока Тони готовил, Гуго сидел за компьютером брата, предположительно просматривал тенденции на рынке.

– А на самом деле переводил деньги, – сказал Стивен.

– Но разве это не всплыло бы? – спросил Оливье. – Я веду всю нашу бухгалтерию в онлайне, и там все как на ладони.

– Но это нетрудно скрыть, – заметил Бовуар. – В особенности если есть желание. А у Гуго такое желание было. Но скрыть не окончательно. Гуго хотел, чтобы оставалась возможность обнаружить эти следы, когда возникнет нужда. И мы в конечном счете их обнаружили. И да, впечатление было такое, что именно Энтони осуществлял все проводки, которые мы увидели. Да и как иначе? Без пароля к номерному счету в Сингапуре доказать, что это делал кто-то другой, было невозможно.

– Но Энтони сам обнаружил мошенничество? – спросила Клара.

– Oui, – продолжил Бовуар. – Мы проследили историю поисков Энтони. Он не предпринимал никаких попыток скрыть ее. Кажется, его попытки становились все более и более исступленными. А потом, в сентябре прошлого года, они прекратились.

– Он нашел то, что искал, – кивнул Арман.

– Значит, он уже несколько месяцев знал, что деньги крадет Гуго? – спросил Стивен. – Почему же он не остановил его? Почему не поговорить с братом, зачем ждать столько времени? Он не хотел верить?

– Возможно, – сказал Арман. – Но я думаю, дело было в чем-то другом.

– Его мать, – вставила Клара. – Он не хотел делать это при ее жизни.

– Да, – проговорил Арман.

– Я понимаю, что Гуго требовался кто-то, на кого он мог бы свалить вину, но почему не выбрать таким козлом отпущения того же Шаффера? – спросил Оливье. – Зачем впутывать в дело собственного брата?

– Трудно сказать, – ответил Жан Ги. – Тут и доступ к ноутбуку, и тот факт, что Энтони уже был замаран во мнении улицы. Гуго ни в чем не

признается.

– Я думаю, тут было что-то еще, – сказал Мирна. – Зависть. И разве можно его в этом винить?

– В убийстве брата? – спросила Клара. – Я думаю, что могу винить его в этом.

– Нет, я говорю – винить в зависти. В озлобленности. Один – высокий, красивый, уважаемый, порядочный. Женат, имеет детей. Другой низенький, физически непривлекательный, даже вызывающий отвращение. Представьте, каково это – расти рядом с таким.

– Но многие так и растут, – сказал Габри. – У меня младший брат, которому по красоте далеко до меня. Но к убийству это не привело.

– Еще не вечер, – усмехнулся Оливье.

– Но дело не только в этом, – сказала Мирна. – Кто был любимчиком баронессы? Кто понял картину Клары? Может, Гуго и походил на мать внешне, но Энтони был ей ближе во всем, что имеет значение. Вот почему Гуго воспользовался именем Энтони.

– «За искупление грехов моих с детства груз первородный, – процитировал Стивен, посмотрев на женщину, чья слюна увлажняла его свитер, – за хлеб мой насущный и моей неизбывной вины наследство».

Рут проснулась, громко всхрапнув:

– Грехи? Вина?

– Вы спели ее песню, – проговорил Габри.

– Постойте, – спохватился Стивен. – Я знаю про эти номерные счета. Вы нашли номер ливанского счета, открытого Шаффером, а как насчет другого?

– Мы нашли его на заднике Клариной копии в его кабинете, – сказал Бовуар.

– Да-да, понятно, но как его нашел Энтони Баумгартнер и почему прилепил туда? Эти пароли хранятся за семью печатями. Банк присылает их только по безопасной, зашифрованной почте. Энтони никак не мог случайно набрести на пароль, а потом записать его на заднике. Кстати, я бы хотел увидеть оригинал, – сказал он Кларе. – Он продается?

– Десять долларов, и она ваша. – Габри показал на Рут.

– Можно поговорить, – сказала Клара.

– Вы правы, – произнес Жан Ги. – Энтони никогда бы не смог найти пароль. И Гуго знал, что это единственная улика против него. Только в этом случае ему требовалось его собственное имя. Счет в Сингапуре, на котором лежали триста семьдесят семь миллионов.

Оливье застонал:

– Так как же Энтони обнаружил его и зашел на страничку счета?

– Он и не находил.

Все уставились на Жана Ги.

Арман закинул ногу на ногу и уселся поудобнее, восхищаясь Жаном Ги. Его протеже больше не нуждался в подсказках. Он уверенно встал на крыло.

– Пароль на заднике записал не Энтони Баумгартнер, а Гуго, – сказал Бовуар.

– А Энтони его нашел? – спросила Мирна.

– Нет. Не нашел. Когда он вызвал Гуго на откровенный разговор тем вечером в их старом доме, у него не было четкого доказательства. Я думаю, он, вероятно, попросил Гуго объясниться, а когда Гуго отказался, Энтони пригрозил выдать его.

– И поэтому Гуго его и убил, – сказала Рут.

– Oui.

– Ты считаешь, Гуго имел намерение убить брата? – спросил Габри.

– Откуда мне знать? – ответила Рут.

– Я спрашиваю у главы отдела по расследованию убийств, а не у спятившей поэтессы, – сказал Габри.

– А-а-а, – протянула она. – Ну, продолжайте, тупицы.

– Трудно сказать, – ответил Жан Ги. – Он из тех людей, которые ничего не делают без плана. У него, вероятно, имелась какая-то стратегия выхода на тот случай, если мошенничество раскроют. Но я сомневаюсь, что он планировал убийство брата.

– Он почувствовал себя загнанным в угол, – сказал Арман. – И когда Энтони отказался закрыть глаза на его преступление, Гуго вспылил.

– Ну, Арман, ты видишь, к чему приводит цельность? – спросил Стивен. – Порядочность?

– Ну и крестный, – поморщилась Мирна.

– Убила его не порядочность, – сказал Арман. – Это сделало отсутствие порядочности. Зависть. Алчность. Мстительность.

– Мы изучали одну вражду, а удар нанесла другая, – вздохнула Мирна.

Они помолчали немного. Тишину нарушил Габри:

– Не будет ли с моей стороны невоспитанностью, если я скажу, что проголодался?

– И я тоже, – проговорил Стивен. – Что у нас на обед? Омары?

– Тушенка, – ответил Оливье.

– Что ж, – пожал плечами Стивен, – назовем ее «говядина по-бургундски».

– Я смотрю, ты читаешь книгу, которую я тебе дала, – сказала Рут Жану Ги и показала на кофейный столик.

– Вы дали ему «Чернушную азбуку»? – спросил Стивен. – Эдварда Гори? Ой, я вас просто обожаю, – признался он Рут.

Пока Стивен читал книгу вслух, Жан Ги отвел Мирну в сторону.

– Мы нашли письмо, – прошептал он.

– В развалинах дома?

– Да. Порванное и грязное. Именно с тем текстом, о котором говорила Кейти Берк. Написано от руки, хотя конверт, судя по всему, надписан баронессой. В письме она просит Энтони разделить состояние, если суд присудит его Баумгартнерам.

– Спасибо, что сказал, – поблагодарила его Мирна.

Анни перехватила взгляд мужа. Жан Ги сделал глубокий вдох, потом, извинившись перед Мирной, подошел к тестю:

– Хочу пожелать Оноре доброй ночи. Не хочешь со мной? Это избавит нас от приготовления обеда.

– Уж лучше после обеда, чтобы не мыть посуду, – сказал Арман, но пошел за Жаном Ги в их комнату.

Выходя из гостиной, он увидел, что Анни взяла Рейн-Мари под руку, увела в кабинет и закрыла дверь.

– Ты почему не согласился на работу, которую тебе предлагали? – спросил Жан Ги, когда закрыл дверь спальни.

День назад Гамаш, позвонив Рейн-Мари и рассказав ей о разговоре с премьером, сообщил о решении дисциплинарного комитета. Потом он позвонил Жану Ги и сказал ему, что его попросили подать в отставку с поста главы Квебекской полиции.

Что он и сделал. Арман заранее подготовил письмо, и оно лежало у него в нагрудном кармане.

– Ты мне сказал об отставке, – сказал Жан Ги шепотом, чтобы не разбудить сына. – Но ты не сказал, что тебе предложили назад твою прежнюю должность. Главы отдела по расследованию убийств.

– Верно, – сказал Гамаш. – Мне сделали формальное предложение. Я его никогда не собирался принимать.

– Из-за Лакост?

– Non. Я поставил условием моей отставки назначение Изабель суперинтендантом по расследованию тяжких преступлений. Пост останется за ней, пока она окончательно не выздоровеет. Ты знаешь, что они начали бумажную работу по удочерению девочки?

– Нет, я не слышал. Вот здорово!

Бовуар сел на край кровати и посмотрел в люльку, где крепко спал Оноре. Потом глубоко вздохнул.

– Думаю, она согласится. Она нужна Sûreté.

– Sûreté нужен ты, шеф. Значит, если Изабель ни при чем, то почему отказываться от поста старшего инспектора отдела? Самолюбие?

Гамаш рассмеялся и хлопнул Бовуара по коленке:

– Ты все же знаешь меня получше, сынок.

– Тогда почему?

– Ты знаешь почему. Это твоя работа. Твой отдел. Ты более чем готов. Ты – старший инспектор Бовуар, глава отдела по расследованию убийств. И ничто не может порадовать меня больше. – Улыбка сошла с его лица, он посмотрел на зятя серьезным взглядом. – Или вызвать у меня большую гордость.

– Прими это предложение.

– Почему? – спросил Гамаш; его глаза, разглядывавшие Жана Ги, чуть прищурились.

– Потому что я ухожу.

Он увидел свою подпись, поставленную второпях, чтобы не передумать. Подпись, поставленную на бумагах, которые ему подвинули по полированной столешнице.

– Я принял предложение «Джи-эйч-эс инжиниринг». Глава отдела стратегического планирования.

Наступила долгая пауза, оборванная словами:

– Понятно.

– Извини. Хотел сказать тебе раньше, но не мог найти подходящего времени.

– Нет-нет, я понимаю. Правда понимаю, Жан Ги. У тебя семья, в первую очередь ты должен думать о ней.

– Дело не только в этом. Последние несколько лет были такими жестокими, шеф. А потом, когда тебя отстраняют и расследуют твои же коллеги… Это слишком. Я люблю свою работу, но я устал. Устал от смертей. От убийств.

Они сидели молча, глядя на спящего ребенка. Слыша его тихое дыхание. Вдыхали запах Оноре.

– Настало время жить, – сказал Арман. – Ты сделал больше, что кто-либо мог у тебя просить. Больше, чем мог просить или ждать я. Ты поступаешь правильно. Посмотри на меня.

Жан Ги оторвал глаза от люльки и посмотрел на Армана. И увидел улыбку, которая началась у рта тестя и вобрала в себя все морщинки на его

лице вплоть до самых глаз.

– Я рад за тебя. Ты сообщил мне замечательную новость.

И Жан Ги увидел его искреннюю радость.

– И еще одно… – сказал Бовуар.

– Oui?

– Эта работа в Париже.

– Да-а, – протянул Арман.

– Значит, вот она – знаменитая картина, – произнес Стивен, садясь рядом с Рут и показывая на произведение Клары.

– Нет, это «Три грации», – пояснила Рут. – На той, копия которой была у баронессы, одна только я.

– Дева Мария, – сказала Клара.

– Дева Мария в моем образе, – добавила Рут.

– Наоборот, – возразила Клара.

– Вот и ты, – сказал Габри возвратившемуся Жану Ги. – Наш маленький мальчик выучил уже какие-нибудь новые слова? Говно? Жопа?

– Нет, он спит. Дед поправляет на нем одеяло, – ответил Жан Ги.

Он положил в тарелку порцию тушенки и картофельного пюре со сметаной, протянул Анни.

– И бабушка ушла помогать, – сказала Анни, беря тарелку и перехватывая его взгляд.

– Как ты? – спросил Арман у Рейн-Мари.

Она закрыла дверь и положила ладонь на спину Гамаша, который держал спящего ребенка.

«Это хорошо», – думал Арман, поднося лицо ближе к головке ребенка и вдыхая запах, который не принадлежал никому иному – только Оноре. Если он когда и встречал этот запах неожиданно – на прогулке, в ресторане, от проходящего мимо ребенка, – то его переполняла грусть, которая снедала его сейчас.

Но и счастье тоже переполняло Армана.

Жизнь была чудесной и ужасной. Радостной и опустошительной.

И в ней было место для чувства облегчения.

Жан Ги уезжал. Он был в безопасности. Как и Анни с Оноре. В безопасности и далеко.

Он передал Оноре бабушке, потом обнял их обоих, опять вдыхая запах ребенка, смешанный со слабым запахом садовых роз. Он закрыл глаза и подумал: «Круассаны. Первое полено в камине осенью. Запах

свежескошенной травы. Круассаны».

Но чтобы преодолеть грусть, ему потребовался бы очень большой список.

Рейн-Мари держала внука и вдыхала запах Оноре и сандалового дерева. Она чувствовала объятие Армана и едва ощутимое подрагивание правой руки.

Она никогда не думала, что Париж разобьет их сердца.

После обеда Стивен отвел Армана в сторону:

– У меня для тебя кое-какие новости.

– Но сначала я хочу вас поблагодарить. Жан Ги принял предложение, – сказал Арман. – И он справится. Стратегическое планирование – этим он много лет занимался в Sûreté.

– Только теперь в него больше не будут стрелять, – сказал Стивен.

– Но он никогда не должен узнать, что это было между нами.

– У меня рот на замке.

– Вы мне не говорили, что речь идет о Париже.

– Разве это что-то изменило бы?

Арман задумался на секунду, прежде чем ответить:

– Non. Просто было бы неплохо знать заранее.

– Désolé. Да, я должен был тебе сказать.

– Так какие у вас новости?

– Помнишь, я тебе говорил, что у меня есть одна идея и я предприму кое-какие раскопки в связи с этим завещанием?

– Я помню, но это уже без надобности. Дело решено в пользу Баумгартнеров.

– Да, я слышал. Я попросил коллег в Вене разузнать, в чем там дело. Этот Шломо Киндерот был тот еще гусь. Он, вероятно, предвидел, какую вражду породит его завещание, когда оставлял свое состояние обоим сыновьям.

– Может, он просто не мог сделать выбор, – сказал Арман.

– А может, он просто был идиотом. Сто тридцать лет желчи. Мои друзья сообщили мне, что денег никаких нет. То, что не потратили на правовые услуги, похитили нацисты.

Арман покачал головой:

– Этого следовало ожидать, но история трагическая.

– Да, но это не все. Кроме денег, баронесса оставила большой дом в центре Вены.

– Да.

– Но в отличие от денег, здание – вещь материальная. Оно все еще стоит на своем месте и когда-то принадлежало семье. Так что этот дом не совсем старческий вымысел. В нем сейчас размещена штаб-квартира одного международного банка.

Арман кивнул, но Стивен не сводил с него взгляда. Ждал продолжения.

– И что дальше?

– Нацисты. Есть репарации, Арман. Австрийское правительство выплачивает миллионы семьям, которые могут доказать, что нацисты отобрали их собственность. Мы имеем дело с чистым правовым титулом.

– Это что такое?

– Это здание стоит десятки миллионов. А может, и больше. Если Баумгартнеры и Киндероты сумеют договориться и подать общее требование, то они получат эти деньги.

– Бог ты мой, – сказал Арман. Он помолчал секунду-другую, вспоминая молодую пару в подвале. – Бог ты мой…

После обеда Рут пригласила Стивена к себе.

– Посмотреть копии, – сказал Стивен с блеском в глазах и уткой под мышкой.

– Не опаздывайте, – сказал Арман. – Я буду ждать.

– Не жди, – сказала Рут.

Мирна ушла с Кларой.

– Рюмочку перед сном? – спросила Клара у дверей бистро.

– Нет, не могу.

Клара хотела было спросить почему, но тут сама увидела.

Билли Уильямс, весь вычищенный и выбритый, в хорошей одежде, сидел у камина. Перед ним на столе стояли два бокала красного вина и лежал розовый тюльпан.

– Понятно, – сказала Клара.

Она обняла подругу и отправилась домой. Улыбаясь и напевая себе под нос.

Мирна остановилась у двери, закинула назад голову, посмотрела в ночное небо. На все яркие точки, освещающие ее.

Потом Мирна открыла дверь.

Благодарности

Забавная вещь случилась со мной на пути к этому роману.

Я начала писать.

Дело в том, что я, начав писать «Убийственно тихую жизнь», знала: если мой муж Майкл умрет, я не смогу продолжить серию. Не только потому, что он был прообразом Гамаша и для меня продолжение романов о нем было бы слишком мучительным, но и потому, что им насыщена каждая глава книги. Написание, продвижение, конференции, путешествия, туры. Он первым читал каждую новую книгу, а критиковал последним. Всегда говорил, что книга великолепная, даже если первый, черновой вариант представлял собой чисто merde.

Мы были настоящими партнерами.

Как я могу продолжать, если от меня осталась только половина? Я едва могла вставать с кровати.

Я сказала моему агенту и издателям, что беру паузу на год. Вероятно, это была ложь. Сердцем я знала: я больше никогда не смогу писать про Гамаша. (И, как это ни печально, должна буду вернуть полученный аванс.)

Но потом, несколько месяцев спустя, я вдруг обнаружила, что сижу за длинным сосновым обеденным столом, за которым всегда писала. А передо мной стоит включенный ноутбук.

И я набрала два слова: Арман Гамаш.

На следующий день написала: «Машина еле ползла вперед…»

На следующий день: «…и наконец остановилась на занесенной снегом проселочной дороге».

Так началось «Королевство слепых». Не с печалью. Не потому, что я чувствовала себя обязанной, а с радостью. Потому что мне этого хотелось.

На сердце у меня было легко. Даже когда я писала о вещах очень темных, я делала это с удовольствием. С облегчением. Оттого, что пришла к продолжению.

Я отнюдь не оставила Майкла в прошлом, – напротив, книга еще больше насыщена им. Все то, что мы с ним разделяли, сошлось в Трех Соснах. Любовь, общность, дружба. Его целостность. Его мужество. Смех.

Я поняла еще, что мои книги – гораздо больше, чем Майкл. Гораздо больше, чем Гамаш. Они – общее стремление к единению. К сопричастности. Они про доброту, приятие. Благодарность. Они не столько о смерти, сколько о жизни. Они – следствие тех выборов, которые мы

делаем.

А издатели, эти замечательные люди, понятия не имели, что я писала. Только шесть месяцев спустя я им сказала. Но и тогда я предупредила их, что книга, возможно, не будет готова к сроку.

Мой замечательный агент Тереза Крис и Энди Мартин, мой американский издатель в «Минотавр букс», были великолепны. Сказали, чтобы я не волновалась. Потратила на роман столько времени, сколько мне понадобится. Если понадобится – чтобы приостанавливала работу.

Чтобы продолжать, мне и не требовалось ничего другого.

Так родилось «Королевство слепых». Ребенок, который никогда не должен был родиться. Но это случилось. Плод любви появился на свет.

Я хочу поблагодарить многих за их терпение и доброту.

Мою помощницу Лиз, моего большого друга, которая поддерживала мое сердце, когда мне это было не по силам.

Энди Мартина, главу «Минотавр букс» в Соединенных Штатах. Моего редактора Хоуп Деллон, кому посвящена эта книга. Спасибо Полу Хочману и Саре Мельник. Салли Ричардсон и Дону Вейсбергу. Они гораздо больше, чем коллеги.

Спасибо тебе, Келли Рагланд, – ты всегда оказывалась там, где была мне нужна.

Спасибо, Тереза Крис, мой давний и страстный агент и друг.

Спасибо Эду Вуду, Кирстин Астор, Дэвиду Шелли и всей команде в «Литтд, Браун UK».

Спасибо Луизе Луазелль из «Фламмарион Квебек» за то, что мои книги попали в руки такого большого числа французских канадцев.

Спасибо Линде Лайал в Шотландии за великолепную страничку в социальных сетях и за ответы на бесчисленные электронные письма. Благодарю вас, Кирк Лоуренс и Уолтер Маринелли, за вашу дружбу и поддержку. А также Дэнни и Люси в «Бром лейк букс». Спасибо Роки и Стиву Готлибам за их мужество – они поделились со мной историей из их собственной жизни.

Спасибо Стивену Джариловски, который, будучи сам замечательной личностью, согласился с душевным юмором стать прототипом новой личности.

Спасибо Трою Макэхрену, который помогал мне с юридической частью. Там, где есть завещание…

И спасибо моей семье. Робу и Оди. Дугу и Мэри. Моим племянницам и племянникам. За то, что нашли для меня место в своей жизни. Я обещаю не слишком выбивать ее из колеи.

Я сижу здесь, за длинным сосновым столом, пишу вам и вижу леса и слышу птиц. Я вижу скамейку с надписью «Удивленные радостью». Если идти дальше по этой тропинке через лес, то выйдешь в кафе и книжный магазин.

Я выбираю жизнь в чудесной квебекской деревне Ноултон. По той простой причине, что здесь мой дом.

Я хочу поблагодарить моих соседей за их терпение и доброту. За то, что у них всегда находилось за столом место для меня и Майкла.

И я хочу сказать спасибо вам. За ваше общество.

Мы ведь очень счастливые люди, правда? Потому что мы есть друг у друга в Трех Соснах.

notes

Примечания

1

Квебекская полиция *(фр.). – Здесь и далее примеч. перев.*

2

Привет, красавица *(фр.)*.

3

Перевод Корнея Чуковского.

4

Нотариальная палата Квебека *(фр.)*.

5

Приглашенные *(фр.)*.

6

Имеется в виду кинематографический прием, называемый «диссонирующий саундтрек», часто применяемый в фильмах ужасов: использование музыки (например, органной), ничуть не отвечающей жутким событиям на экране.

7

Доктор Сьюз – американский писатель, более всего известный как автор детских книжек, в том числе «Кот в шляпе».

8

«Холодный дом» – роман Чарльза Диккенса.

9

Старина *(фр.)*.

10

Отсылка к известной песне «Есть кто-нибудь дома?» канадского рок-ансамбля «Our Lady Peace»; песня, по словам ее авторов, посвящена тому, как утешить человека в отчаянии.

11

Duck – утка *(англ.)*.

12

Имеются в виду купоны лояльности, выпускаемые компанией «Канадская покрышка» («Canadian Tire money»).

13

Традиционные канадские одеяла, которые компания «Гудзонов залив» с XVIII века обменивала на бобровые шкурки.

14

Имеются в виду сорта виски.

15

Говард Робард Хьюз (1905–1976) – американский предприниматель, инженер, авиатор, режиссер, продюсер, миллиардер.

16

Строки из стихотворения «Те самые стихи» английского поэта Филипа Ларкина (1922–1985); это стихотворение о том, что родители всегда пытаются передать детям свои худшие качества.

17

Около 37 градусов по Цельсию.

18

Господи *(фр.)*.

19

Рут здесь приписаны строки (цитировавшиеся и в других романах цикла) из стихотворения «Ожидание» канадской поэтессы Маргарет Этвуд.

20

Прошу прощения *(фр.)*.

21

Это правда *(фр.)*.

22

Договорились *(фр.)*.

23

Названное стихотворение принадлежит перу американского поэта Генри Лонгфелло.

24

Гамаш цитирует Фрейда; полная цитата выглядит так: «Иногда сигара – всего лишь сигара».

25

Rot – красный *(нем.)*.

26

Kindergarten – детский сад *(нем.)*.

27

Речь о семейной музыкальной группе, в которую входят потомки и преемники баронессы Марии Августы фон Трапп (1905–1987) – австрийской певицы, руководителя семейного хора, автора автобиографической книги «История певцов семейства Трапп», изданной в 1949 году, по которой были созданы фильмы «Семья Трапп» и «Звуки музыки», а также одноименный бродвейский мюзикл.

28

Песня «Эдельвейс» прозвучала в фильме «Звуки музыки».

29

«ИГА» – сеть супермаркетов.

30

Маргарет Резерфорд (1892–1972) – британская актриса.

31

Глориана – одно из прозвищ английской королевы Елизаветы I.

32

«Мышь на Луне» – английская комедия по роману Леонарда Уибберли, сатира на космическую гонку, холодную войну и политику.

33

«Харви» – американская комедия по пьесе Мэри Чейз.

34

Персонаж пьесы и фильма «Харви» Элвуд П. Дауд заявляет, что у него есть невидимый (и, как становится ясно, воображаемый) друг Харви, которого Элвуд описывает как кролика высотой под два метра; он представляет Харви всем, с кем встречается. В театральной постановке пьесы в 1944 году роль Элвуда П. Дауда играл актер Джеймс Стюарт.

35

«Выстрел в темноте» – американская детективная комедия 1964 года. Второй фильм режиссера Блейка Эдвардса из серии «Розовая пантера». Питер Селлерс исполняет роль инспектора Клузо, который говорит с утрированным французским акцентом.

36

Да, безусловно *(фр.)*.

37

Хрустальная ночь, или Ночь разбитых витрин *(нем.)*.

38

Насилие *(идиш)*.

39

Слава богу. Спасибо *(нем.)*.

40

Задница *(идиш)*.

41

Петух в вине *(фр.)*.

42

Спасайся кто может *(фр.)*.

43

Спасибо, мой красавец *(фр.)*.

44

Хорошо *(фр.)*.

45

Согласен *(фр.)*.

46

«Сберегательная касса Квебека» *(фр.)*.

47

Тарт татен – вид французского яблочного пирога.

48

Слово «grace» также означает «Божий дар», «милость Господня».

49

Нет, мое сердце *(фр.)*.